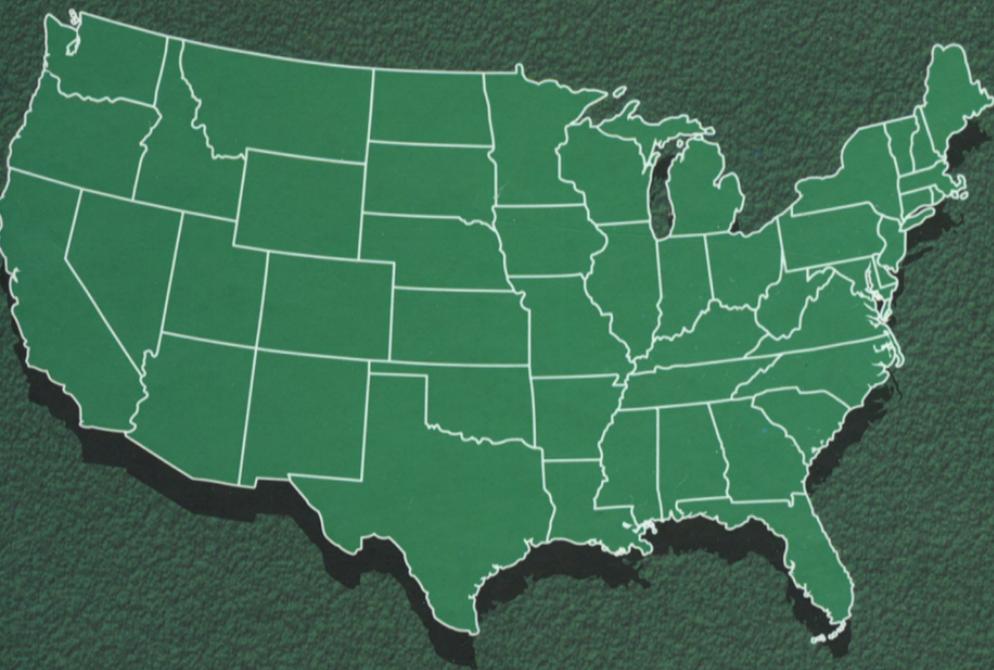

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 7

**Материалы Всероссийской
научной конференции
«Мир и общество в ситуации фронта:
проблемы идентичности»**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2003

УДК 93+327(73)+83+070]571.1/5

ББК 63

А61

Американские исследования в Сибири. Вып. 7. Материалы Всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронта:» 14-16 апреля 2003 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 294 с.

ISBN 5-7511-1779-4

В сборник включены статьи и сообщения отечественных авторов, посвященные различным аспектам внешней и внутренней политики США, истории международных отношений, актуальным проблемам отечественной истории и литературоведения.

Для научных работников, учителей, студентов гуманитарных факультетов, всех интересующихся проблемами истории, международных отношений, современной политики и литературоведения.

УДК 93+327(73)+83+070]571.1/5

ББК 63

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Т. А. Бычкова
канд. ист. наук О. Г. Лекаренко (отв. секретарь),
д-р. ист. наук М. Я. Пелипась (отв. редактор)
канд. ист. наук В. П. Румянцев

Оргкомитет конференции "Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности" выражает искреннюю признательность отделу культуры Посольства США в РФ за поддержку в организации, проведении конференции и публикации данного издания.

ISBN 5-7511-1779-4

© М. Я. Пелипась
Составление, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

С середины 1990-х гг. ряд конференций в Томском государственном университете были посвящены проблемам фронта и фронтальных ситуаций. (См.: Американские исследования в Сибири. Вып. 2: Американский и сибирский фронт: Материалы Международной научной конференции (фактор границы в американской и сибирской истории) 4–6 октября 1996 г. Томск, 1996; Американские исследования в Сибири. Вып. 5: Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт», 6–8 февраля 2001 г.). Конференция «Мир и общество в ситуации фронта: проблема идентичности» продолжила дискуссию по названным вопросам, расширяя их проблематику.

Термин «идентичность» начал применяться в англоязычной литературе в 50-е гг. XX в. Как заметил американский автор Э. Эрикссон, одним из первых использовавший это понятие, термины «идентичность» и «кризис идентичности», очевидно, возникли в процессе изучения опыта эмиграции, иммиграции и американизации. Во второй половине XX в. концепт идентичность получил широкое распространение в связи с развитием идей мультикультурализма. Однако рассмотрение оппозиции «свой-чужой» позволяет углубить понимание большого ряда ситуаций, возникающих в результате продвижения фронта. В их числе коллизии формирования послевоенных систем международных отношений, сопровождавшихся распадом суперидентичностей – коалиций военного времени и формирования, таких как НАТО, ЕС и т. д.

Для многих конкретных ситуаций научные дискуссии о сохранении «идентичности» имеют важное политическое значение. В полной мере это касается современной России, положения русского населения в ряде государств, возникших в результате распада Советского Союза. Трагедия «маленького человека» в этих условиях стала проблемой не только научной.

Материалы конференции «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности» публикуются в двух книгах (см. также: Европейские исследования в Сибири. Вып. 4. Томск, 2003). В данном сборнике представлены статьи и сообщения отечественных авторов по проблемам всеобщей и отечественной истории, международных отношений и литературоведения.

Статьи В.В. Романова, М.Я. Пелипаса и В.П. Румянцева посвящены проблемам развития американо-британских отношений в разные периоды первой половины XX в. Н.С. Малышева, О.Г. Лекаренко, Е.Л. Кузнецов исследуют политику Соединенных Штатов Америки, а Е.Ю. Процен – Франции в отношении европейской интеграции на раннем этапе ее развития. В сообщениях М.В. Бланка и И.Г. Аюшиевой рассматриваются некоторые вопросы развития предпринимательства в послевоенной Америке.

Проблемы общества, находящегося в поисках идентичности, на материалах ГДР и СССР являются предметом рассмотрения А.М. Бетмакаева и А.А. Шадта. Ряд аспектов формирования идентичности в постсоветской России исследуют А.А. Красиков и С. А. Шпагин. Статья Е.Л. Мотрич предоставляет обширный материал о китайской миграции на Дальнем Востоке России. Сообщения А.В. Кузнецовой, О.А. Аршинцевой и Т.Т. Буровой посвящены проблемам историографии и источниковедения отечественной и зарубежной истории.

В разделе «Проблемы литературоведения: автор в поисках идентичности» представлена статья Т.Л. Рыбальченко, в которой анализируется творчество И. Бродского. В жанре сравнительного литературоведения выполнена работа Н.А. Николаенко. В статье О.Н. Бахтиной полемическая литература старообрядцев рассматривается как одна из форм проявления религиозной и культурной идентичности различных старообрядческих согласий и групп.

INTRODUCTION

Since the middle of 1990s a number of conferences in Tomsk State University has been devoted to the problems of frontier and frontier situations (see: American Studies in Siberia. Vol.2. American and Siberian Frontier. The materials of international scientific conference (the factor of frontier in American and Siberian history). 4–6 of October 1996. Tomsk, 1996. American Studies in Siberia. Vol. 5. The materials of All-Russian scientific conference “American and Siberian Frontier”. 6–8 of February 2001). The conference “The World and Society in Frontier Situation: the Problem of Identity” continued the discussion on the noticed questions, extending their field of research.

The term of “identity” was used in English-writing scientific literature from 1950s. As it was determined by the American author E. Ericsson, who was one of the first having used this term, the meaning of “identity” and “identity crises” emerged during the researching process of emigration, immigration and Americanization. Then the identity concept got wide distribution in the second half of XX century in connection with development of multiculturalism ideas. However, the consideration of the opposition “our-another’s” let us extend the understanding of the great number of situations, emerging as a result of frontier broadening. The collisions of the postwar international relations system forming followed by crash of superidentities (the war coalitions and the formations like NATO, EU, etc.) are to the point.

The scientific discussions about identity maintaining have important political meaning for many specific situations. In full measure it concerns contemporary Russia, the situation with Russian population in some states, which appeared after the collapse of the Soviet Union. The problem of “a small person” carries not only scientific character in this connection.

The materials of the conference “The World and Society in Frontier Situation: the Problems of Identity” are published in two volumes (see also: European Studies in Siberia, vol. 4. Tomsk, 2003). This edition contains arti-

cles and reports of the authors on the problems of World and Russian histories, International Relations and History of literature.

The articles of V.V. Romanov, M.J. Pelipas and V.P. Rumyantsev are devoted to the problems of American-Britain relations development in different periods of the first half of XX century. N.S. Malysheva, O.G. Lekarenko, E.L. Kuznetsov research the policy of the United States. E.J. Proden works out policy of France towards the European integration on the early level of its development. The presentations of M.V. Blank and I.G. Ayushieva examine some questions of business development in postwar America.

The subjects of A.M. Betmakaev and A.A. Shadt are the problems of societies seeking identity, researched on the base of East German and Soviet materials. Some aspects of postsoviet Russia identity forming are researched by A.A. Krasikov and S. A. Shpagin. The article of E.L. Motrich provides broad material about Chinese migration on the Russian Far East. The presentations of A. V.V. Kuznetsova, O.A. Arshintseva and T.T. Burova are devoted to the problems of historiography of World and Russian histories.

In the part "Problems of History of Literature: author in search of identity" the article of T.L. Ribalchenko, where the Brodsky creativity is analyzed, is introduced. The work of N.A Nikolayenko is executed in the genre of comparative literature. In the O.N. Bachtina's article the polemic texts of oldbelievers is analyzed as one of the form of different oldbelievers group's religious and cultural identity.

РАЗДЕЛ I

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ,
ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА США В XX В.**

PART I

INTERNATIONAL RELATIONS, INTERNAL AND FOREIGN POLICIES OF THE UNITED STATES IN XX CENTURY

НА ПУТИ К «АТЛАНТИЧЕСКОМУ СОЮЗУ»: ПРОБЛЕМА АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.В. Романов

Тамбовский госуниверситет

Историю американско-английских отношений в XX в. с полным основанием можно рассматривать как процесс постепенного формирования «атлантического союза». Первым значимым шагом, заложившим его начала, стало присоединение США к Антанте в апреле 1917 г. С этого времени союз двух англоязычных народов прошел испытание в многочисленных кризисных ситуациях. В наши дни, как показывают последние события на Ближнем Востоке, американско-английское партнерство остается важнейшим элементом мироустройства. Нельзя не заметить, что фундамент таких «особых» союзнических отношений США и Великобритании покоится на разнородных по своей природе факторах. Среди них геополитические интересы двух стран, единство их политических ценностей и даже «национальное родство».

Однако этот «естественный», как казалось многим, союз создать было совсем непросто, поскольку и американцам, и англичанам пришлось на этом пути преодолеть массу существовавших предубеждений. В этой связи вызывает интерес исследование исторически меняющихся «образов» каждой из стран, складывающихся в общественных представлениях противоположной стороны.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения некоторых аспектов указанной проблемы, а именно восприятия Великобритании политической элитой США во время Первой мировой войны. Этот период выбран неслучайно. В условиях глобального конфликта, масштабы которого быстро затронули интересы Западного полушария, Соединенным Штатам пришлось самым серьезным образом задуматься о своем месте в мировом сообществе. В этой связи администрации президента Вудро Вильсона потребовалось по-новому посмотреть на главных участников войны, в том числе и на Великобританию. Решающее влияние на американскую точку зрения оказали не только внешнеполитические «пристрастия» ключевых фигур администрации, но и противоречивая международная обстановка тех лет.

И подавляющее большинство политического и интеллектуального истеблишмента США к 1914 г., на первый взгляд, разделяло вполне благожелательные представления о Великобритании. Сам Вильсон с ранних лет питал особые чувства по отношению к ее политическому устройству. Показательна, например, запись в дневнике, сделанная им в день столетнего юбилея независимости США. Тогда он не без сожаления отметил: «Насколько счастливейше была бы теперь Америка, если она сохранила бы английскую форму правления». Критикуя политические порядки своей страны, Вильсон тем не менее всегда высоко оценивал первоосновы цивилизации, сложившейся в США. По его мнению, ее англо-саксонские корни обусловили демократизм «подлинного американского духа». Великобритания служила Вильсону еще и примером, демонстрирующим наиболее приемлемую перспективу в развитии мирового сообщества. В частности, он считал, что повсеместное распространение англо-саксонских форм правления рано или поздно приведет к объединению государств в демократическую международную организацию. В качестве образца для ее построения он указывал на Британскую империю, где в 80-е гг. XIX в. обозначились любопытные, по мнению Вильсона, конфедеративные тенденции. При этом он не раз утверждал, что именно «англо-саксонский народ обязан изменить ситуацию в мире, и будет стыдно, если он опустит свои руки». Позднее, в 1908 г., в публичном выступлении Вильсон причислит «создание союза англоговорящих народов» к одной из первостепенных внешнеполитических задач США¹.

Таким образом, Вильсон в период своих академических занятий, как и многие другие представители американской интеллектуальной элиты конца XIX – начала XX в., идентифицировал Великобританию в качестве естественного союзника Соединенных Штатов. При этом он традиционно апеллировал к единой англо-саксонской природе двух стран, связывая с ней общую ответственность за судьбу мира. Эту же мысль очень точно выразил друг Вильсона, известный журналист Уолтер Пейдж, которому в 1913 г. предстоит возглавить посольство США в Лондоне. Еще после испано-американской войны он полностью одобрял приобретение Соединенными Штатами колоний, указывая, что американцы фактически повторяют опыт британского колониализма, всегда отличавшегося своими «цивилизаторскими устремлениями». В письме лорду Дж. Брайсу Пейдж отметил: «Испанская война наглядно проявила, что англоговорящие люди являются друзьями ... [в борьбе] за цивилизацию»².

Став президентом, Вильсон, без сомнения, сохранил свое позитивное отношение к Великобритании. В одной из бесед с английским послом в

феврале 1913 г. он еще раз подтвердил свое убеждение в том, что только тесная дружба между Великобританией и Соединенными Штатами может стать самым серьезным условием для поддержания мира на земле³. Исходя из этого убеждения, Вильсон тщательно искал кандидата на должность посла США в Лондоне. Он предлагал этот пост, например, Ч. Эллиоту, президенту Гарвардского университета, или Р. Олни, бывшему госсекретарю США. Объединяющей характеристикой этих людей была их отчетливо выраженная проанглийская позиция. Правда, по разным обстоятельствам они оба отказались от такого почетного предложения, и поэтому внимание президента и его ближайших советников было обращено на Уолтера Пейджа, также широко известного своим англофильством. Таким образом, позитивный образ Великобритании, сложившийся у президента Вильсона, можно считать важным фактором, который мог бы реально способствовать прорыву в деле формирования американо-английского союза.

Для расширения сотрудничества двух стран уже в первые месяцы президентства Вильсона была разработана обширная программа мероприятий к столетию окончания англо-американской войны 1812 г. и подписания Гентского договора 1814 г. Показательно, что в центре торжеств по замыслу должна была находиться демонстрация англо-американской идентичности. В частности, предполагалось открыть монумент А. Линкольна в Вестминстере, восстановить дом, принадлежавший английским предкам Дж. Вашингтона. В этом же контексте новый посол США в Лондоне У. Пейдж убеждал президента посетить Англию. По его мнению, такой визит неизбежно приведет к «дружественному перевороту во всем мире», предотвратит опасность англо-германской и американо-японской войн «всего лишь простой демонстрацией дружбы» двух англоговорящих народов⁴.

В довоенный период Вильсону и Пейджу удалось успешно преодолеть и ряд серьезных проблем, грозивших подорвать обозначившийся процесс американо-английского сближения. К ним относятся, в частности, вопрос о взимании сборов при прохождении судов через Панамский канал и ситуация вокруг мексиканских событий.

Наиболее показательна позиция, которую занимал тогда Уолтер Пейдж. С одной стороны, он был, видимо, убежден в близости «века Америки». Настоячиво призывая в июле 1913 г. Вильсона посетить Европу, посол обосновывал свою точку зрения простым аргументом: весь мир должен, наконец-то, осознать, «кому он принадлежит»⁵. Но, с другой стороны, Пейдж искренне верил, что величие Америки покоится все же на «красовом родстве» с британской нацией. Исходя из этого, он считал, что британцев следует пригласить к построению нового мира по

американскому образцу. Союз с Великобританией, писал Пейдж Э. Хаузу, откроет перед США дорогу к «лидерству в мире». Понимая авторитет и силу современной ему Великобритании, он заключает, что американцам уже сейчас следует обдумать, «как лучше использовать британский флот, британскую империю, и британскую расу для улучшения человечества». При этом Пейдж с недоверием относился к возможности привлечения других европейских стран к американо-английскому союзу, ссылаясь на различия в политическом устройстве «атлантических» и «континентальных» государств. В частности, он высказывал сомнения в долговечности демократических порядков во Франции. Но наибольшие опасения Пейджа вызывал «антидемократический» по своей природе германский «кайзеризм»⁶.

Следовательно, его логика вела к очевидному заключению, что в мире лишь США и Великобритания являются не только реальными защитниками мира, но и своеобразными «копьями свободы и демократии». При этом Пейдж был уверен, что только американо-британское взаимопонимание может стать основой любого, даже самого широкого, союза в мире. По его мнению, стоящие вместе англо-саксонские народы будут представлять такую силу, что ни одна нация не решится на войну без их одобрения⁷.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в американских правящих кругах утвердилось почти единодушное убеждение в том, что союз с «родственной» Великобританией может стать для США своеобразным трамплином в активную мировую политику.

Однако начавшаяся война очень быстро разрушила сложившийся в политической элите США консенсус по отношению к Великобритании. Решающую роль при этом сыграли уже геополитические обстоятельства, а не личные воззрения президента Вильсона или его окружения.

Значительная часть внешнеполитических советников Белого дома в первые месяцы войны высказывали предположение, что абсолютная победа любой из противоборствующих сторон будет нежелательной для США. В частности, победа Антанты, по мнению Хауза, означала бы закрепление английского господства на морях и превалирование Франции и России на европейском континенте⁸. Другими словами, в Великобритании видели уже не столько перспективного союзника, сколько серьезного конкурента.

Существенное значение для трансформации американских представлений о Великобритании имела и происходившая на уровне высшего политического руководства самоидентификация США в условиях глобального конфликта. Она завершилась однозначным выводом, что американцы, оставаясь над схваткой, неизбежно должны занять место ми-

рового лидера, поскольку Европа, развязав войну, потеряла не только моральное право на лидерство, но и финансово-экономический потенциал, необходимый для этого. Американская внешнеполитическая мысль того времени основывалась на явном противопоставлении Нового и Старого Света. Европейские участники войны (включая и Великобританию, и Германию) находились в сознании американцев, как правило, в одном ряду, а объединяющим фактором выступали империалистические, захватнические устремлениями обеих воюющих группировок.

Первоначально усилия американской внешней политики, как известно, были связаны с выполнением посреднической миссии, о которой объявил Вильсон в августе 1914 г. При этом руководство США пыталось найти приемлемые для Антанты условия компромисса с Германией⁹. Тем не менее важно подчеркнуть вполне определенный антиантантовский крен большинства американских предложений. Немцам в 1914–1916 гг. практически не предлагалось отказываться от каких-либо довоенных стратегических позиций. Напротив, Великобритания должна была поступиться своей ролью «королевы морей», поскольку «свобода морей», о которой все время говорили американские эмиссары в Европе, предполагала равные права для всех мировых держав, что было выгодно как США, так и Германии.

Неудачи в посредничестве вынудили руководство Соединенных Штатов публично заявить о своем дистанцировании от европейских участников конфликта. Ее главным проявлением стала нота, направленная воюющим странам с предложением объявить о своих военных целях. «Мир может только гадать, – подчеркивалось в документе, – какие окончательные результаты, какой фактический обмен гарантиями, какое политическое переустройство или перемены, какая стадия или степень военных успехов могли бы привести к окончанию войны». Администрация США давала понять, что она намерена настаивать на реализации своей программы прекращения войны и послевоенного устройства мира. Текст ноты еще раз недвусмысленно говорит о тождестве устремлений обеих воюющих группировок¹⁰. Тезис об общности целей Антанты и Германии вызвал некоторое замешательство в общественном мнении США. Например, профессор Уильям Джонсон (университет Денинсона) указывал на несправедливость в уравнивании британских и германских действий по моральным критериям. Президент, всегда высоко ставивший моральные соображения во внешней политике, категорически возразил профессору. Он отметил, если бы Джонсон был знаком с «изнанкой» политической позиции английского правительства, то он, без сомнения, изменил бы свое мнение¹¹. Завершая логику «уравнивания»

противоборствующих группировок, Вильсон 2 января 1917 г. сформулировал главное американское условие предстоящего мирного соглашения. По мнению президента, закончить войну следовало бы заключением «мира без победы»¹².

Таким образом, суждения официального Вашингтона о воюющих державах в 1914–1916 гг. показывают, что Великобритания в его глазах практически потеряла свой особый статус «ближайшего стратегического партнера» США. Причиной тому можно считать не только разный подход двух англоговорящих стран к проблеме послевоенного устройства мира, но и нарастающее желание американских политиков выступить в роли руководителей «новым миром».

Данная позиция нашла свое воплощение, например, в продолжительном американско-английском конфликте по поводу ограничений, вводимых Лондоном на торговлю нейтралов. В ответ на расширение так называемых контрабандных списков администрация Вильсона регулярно выступала с резкими протестами. Одну из первых американских нот по этому поводу английский посол в Вашингтоне С. Спринг-Райс сопоставил даже с фактическим объявлением войны¹³. Пейдж, со своей стороны, в августе 1915 г. заметил в письме к Вильсону: «Марсианин, прочитав телеграммы, полученные мною в течение последних двух месяцев, не смог бы объяснить, как правительства США и Англии сохраняют между собой мир». В конгрессе самым серьезным образом обсуждалась возможность законодательного ограничения или даже полного запрета американских военных поставок в Великобританию. Один из конгрессменов, С. Портер, выступая в палате представителей 3 марта 1915 г., заявлял об опасности для США, которая равно исходила как со стороны германского милитаризма, так и со стороны британских военно-морских сил¹⁴.

Однако такой критический подход к Великобритании разделяла тогда далеко не вся политическая элита США. К числу проанглийских деятелей прежде всего следует отнести У. Пейджа, американского посла в Лондоне. Уже с сентября 1914 г. он называл войну столкновением между британской демократией и германской автократией, «борьбой за спасение мира от германского доминирования». Победа немцев, по его мнению, будет крайне опасной для США, и поэтому Пейдж предостерегает американское руководство от равного отношения к воюющим. «Ради бога, – пишет он Хаузу 15 сентября 1914 г., – пусть миролюбивые старые бабы не думают, что мы можем или должны остановить войну до того, как с кайзером окончательно не расправятся. ... Цивилизация должна быть спасена. А это невозможно, пока жив германский милитаризм». Соответственно англичан Пейдж квалифицировал как «средство

демократии и гуманизма, не империалистов в уничижительном смысле слова»¹⁵. При этом французов с положительной точки зрения он упоминал крайне редко, а русских в этом контексте не упоминал вообще.

Поэтому американский посол в Лондоне не мог понять логики действий своего правительства, например, по отставиванию принципов Лондонской декларации. По его мнению, Великобритания, отказываясь от соблюдения ее положений, поступает вполне резонно. Как и любое другое государство, она всего лишь желает не допустить поставок военных материалов на территорию своих противников. При этом английская блокадная политика, считает Пейдж, вполне дружественна нам. Тем не менее госдепартамент, по словам посла, «обращается с Великобританией как будто она преступник и [наш] оппонент». Закljučая свои размышления, он задает вопрос: «Где же "нейтралитет" в действиях такого рода?»¹⁶

Самые серьезные претензии Пейдж предъявлял тогда к дипломатическому ведомству США. Например, в письме Хаузу от 4 августа 1915 г. он выступил против приверженности государственного департамента к исключительно «юридическому подходу» («lawyer way») к взаимоотношениям США и Великобритании. Пейдж пишет о том, что посольство за последнее время получило из Вашингтона более 500 официальных протестов по различным поводам. «Иногда мне хочется, — заключает он, — чтобы в мире не было больше юристов»¹⁷.

Как видно из приведенных документов, точка зрения Пейджа вполне соответствовала позиции той части американцев, которые обвиняли Вильсона в том, что он «предоставил союзникам самим спасать цивилизацию от угрозы варваров-гуннов, в то время как США из трусости и корыстолюбия оставались в стороне»¹⁸. Разумеется, у Пейджа была своя альтернатива официальной политике Белого дома. Его предложения сводились к немедленному разрыву с Германией и подготовке американского флота и армии к войне на стороне Великобритании и ее союзников. Только такие действия, по мнению Пейджа, могут привести к быстрому окончанию войны, победе Антанты и «урегулированию вопроса о дальнейшей безопасности мира»¹⁹. Из числа видных политических фигур США, которым была близка эта точка зрения, в первую очередь можно назвать, конечно же, Т. Рузвельта. Это позволило американскому историку Дж. Куперу метко назвать Пейджа «невольным рузвельтанинцем в вильсоновском лагере»²⁰.

Суждения Пейджа демонстрируют, что в центре его расхождений с президентом находились различные подходы к оценке перспектив окончания войны. Пейдж, в отличие от Вильсона, полностью разделял

позицию Великобритании и искренне желал ей скорейшей победы. Он был убежден, что именно от этого будет зависеть будущее США. В частности, в одном из писем, направленных в госдепартамент в январе 1916 г., Пейдж убеждал Лансинга в опасности окончания войны «незавершенным» миром. В этом случае, подчеркивал посол, Великобритания будет вынуждена сосредоточить свое внимание на европейских делах, а Соединенным Штатам придется столкнуться один на один и с неудовлетворительной ситуацией в Европе, и с японской экспансией на Дальнем Востоке. Только победа Антанты и американо-английское сотрудничество во имя этого, полагал Пейдж, смогут стабилизировать международную ситуацию²¹. Вильсон же продолжал сомневаться в необходимости победы какой-либо из воюющих группировок. Он считал, что интересы США и мирового сообщества связаны со скорейшим завершением войны на «ничейной позиции».

С апреля 1917 г. США, как известно, вступают в войну против Германии. Однако в новых условиях американское восприятие Великобритании не претерпело кардинальных изменений. Характерной особенностью вильсоновской точки зрения можно считать решение о присоединении США к антигерманской коалиции на правах «ассоциированной», а не союзной державы. Такой статус позволил руководству Соединенных Штатов сохранить полную свободу действий на международной арене. Отправляя в Европу вооруженный контингент, президент Вильсон настаивал в инструкциях командующему американским соединением Дж. Першингу на обязательном сохранении полной самостоятельности американских частей. Перед отъездом в Лондон военно-морского представителя адмирала У. Симса начальник американского военно-морского штаба адмирал У. Бенсон сказал ему: «Не давайте англичанам пускать вам пыль в глаза. Мы вовсе не намерены таскать для них каштаны из огня. Мы так же охотно воевали бы с англичанами, как будем воевать с немцами»²².

Все это, естественно, не могли не замечать в Великобритании. Например, английский дипломат и разведчик У. Уайзман, анализируя роль США в войне, отметил в одном из своих меморандумов правительству (август 1917 г.), что американцы «чувствуют себя скорее третейским судьей, чем союзником»²³.

В результате продолжалась дальнейшая поляризация внешнеполитических программ США и Великобритании. В частности, президентское послание конгрессу США, получившее известность как «14 пунктов» Вильсона, сохранило совершенно определенную антианглийскую и антиантантовскую направленность. Призыв Вильсона к открытой дипломатии был направлен на дезавуирование всех тайных соглашений Ан-

танты. Уже упоминавшаяся «свобода морей» по своей сути была направлена против британской морской гегемонии²⁴. И даже идея универсализма, положенная в основу концепции Лиги Наций, в принципе отвергала старые европейские внешнеполитические традиции (разграничение сфер влияния, баланс сил, блоковая дипломатия и т.д.), главным приверженцем которых по-прежнему считалась Великобритания.

Таким образом, решая проблему американо-английской идентичности, администрация Вильсона уже в годы Первой мировой войны определила важный принцип зарождающегося «атлантического союза», в котором Соединенным Штатам однозначно отводилась руководящая роль.

---

¹ Shorthand Diary July 4, 1876 // *The Papers of Woodrow Wilson* / Ed. A.S. Link. Vol. 1–69. Princeton, 1966–1994. (Далее – PWW). Vol. 1. P. 148–149, An Essay. The True American Spirit Oct. 27, 1892 // *Ibid.* Vol. 8. P. 40; A Lecture Democracy. Dec. 5, 1891 // *Ibid.* Vol. 7. P. 348; *Baker R.S. Woodrow Wilson: Life and Letters*. Vol. 1–8. N.Y., 1927–1968. Vol. 1. P. 283; Speech on Patriotism to the Students of the University of Michigan. Apr. 22, 1903 // PWW. Vol. 14. P. 419; Notes for an After-Dinner Speech. June 27, 1908 // *Ibid.* Vol. 18. P. 347.

² Цит. по: *Gregory R. Walter Hines Page, Ambassador to the Court of St. James's*. Lexington, 1970. P. 14–15.

³ J. Bryce to E. Grey, Feb. 21, 1913 // PWW. Vol. 27. P. 125.

⁴ W. Page to W. Wilson, July 20, 1913 // *Ibid.* Vol. 28. P. 53–54.

⁵ *Hendrick B.J. The Life and Letters of Walter Page*. Vol. 1–2. London, 1930. Vol. 1. P. 195.

⁶ *Ibid.* P. 189–191, 285.

⁷ *Ibid.* P. 282–283.

⁸ Архив полковника Хауза. Т.1–4. М., 1937–1944. Т.1. С. 83–84, 108

⁹ См.: *Козенко Б.Д. Посредничество без кавычек ... Миротворчество США в 1914–1916 гг. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории*. М., 1994. *Шацкило В.К. Президент Вильсон: от посредничества к войне* // Новая и новейшая история. 1993, № 6.

¹⁰ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States* (Далее – FRUS). 1916. Supplement. Washington, 1924. P. 97–99.

¹¹ W. Wilson to N. Baker, Dec. 26, 1916 // PWW. Vol. 40. P. 330–331; *Parsons E.B. Wilsonian Diplomacy. Allied-American Rivalries in War and Peace*. St. Louis, 1978. P. 14.

¹² An Address to the Senate, Jan. 22, 1917 // PWW. Vol. 40. P. 536.

¹³ Архив полковника Хауза. Т.1. С. 100.

¹⁴ *Hendrick B.J. Op. cit.* Vol. 2. P. 68, *Congressional Record*. 63d Congress, 3d Session. Vol. 52. Pt.6. Appendix. P. 583–586.

¹⁵ *Hendrick B.J. Op. cit.* Vol. 1. P. 339. Архив полковника Хауза. Т.1. С. 120.

¹⁶ *Hendrick B.J. Op. cit.* Vol. 1. P. 381–382.

¹⁷ *Ibid.* P. 56.

¹⁸ Архив полковника Хауза. Т.1. С. 154–155.

¹⁹ W.H. Page to W. Wilson, Feb. 15, 1916 // PWW. Vol. 36. P. 181–182; W.H. Page to W. Wilson, June 1, 1916 // *Ibid.* Vol. 37. P. 146.

²⁰ *Cooper J.M. Walter Hines Page: The Southerner as American, 1855–1918*. Chapel Hill, 1977. P. 325.

²¹ FRUS. Lansing Papers. Vol. 1. P. 306–307.

²² *Pershing J.J.* My Experiences in the World War. Vol. 1–2. N.Y., 1931. Vol. 1. P. 38–39; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–6. М., 1934–1937. Т. 3. С. 415.

²³ *Fowler W.B.* British-American Relations, 1917–1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969. P. 249.

²⁴ An Address to a Joint Session of Congress, Jan. 8, 1918 // PWW. Vol. 45. P. 534–539.

**ON THE WAY TO «THE ATLANTIC UNION»:
PROBLEM OF THE AMERICAN-ENGLISH IDENTITY
DURING THE FIRST WORLD WAR**

V.V. Romanov
Tambov State University

The article focuses on the perception of the Great Britain by the USA political elite during the First World War. Researching diplomatic documents, theoretical works and letters of Woodrow Wilson, Walter Page and other American politicians the author tries to reveal not only a generality of geopolitical interests of two countries and unity of their political values, but also the reasons of the difficulties available in bilateral relations.

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ «ОСОБЫХ»
АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ОСЛОЖНЕНИЯ
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ
В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ**

М.Я. Пелипась
Томский госуниверситет

Формирование новой системы международных отношений было связано с окончанием Второй мировой войны. Этот процесс, как и в прошлом в подобных ситуациях, проходил в условиях сначала осложнения, а потом и обострения международной обстановки, связанных с довольно обычным в истории явлением – распадом одержавшей победу в войне коалиции держав. Складывание Ялтинско-Потсдамской системы сопровождалось усилением политической и дипломатической борьбы с использованием методов силового давления в отношении бывших союзников. В этих условиях традиционно большее значение приобретают, наряду с военно-силовыми и экономическими, «невоенные» факторы силы, такие как дипломатическое искусство и политический опыт правящих элит.

Сложность международных коллизий в период распада «Большой Тройки» – коалиции Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов, – драматичность изменения характера отношений между этими государствами существенно увеличивались в связи с тем, что гаранты послевоенной стабильности становились бывшие аутсайдеры Версальско-Вашингтонской системы – СССР и США. Одновременно лидер довоенной системы международных отношений Великобритания объективно должна была решать задачу сокращения своих внешнеполитических обязательств и доказывать право на высокий международный статус. Идеологический фактор в сочетании с историческими традициями, определявшимися геополитическими обстоятельствами, в значительной степени сужали для Великобритании возможности выбора между очевидными вариантами внешнеполитической стратегии – блокирование с США, как сильнейшим из победивших государств, или развитие партнерских отношений с Советским Союзом на основе раздела сфер влияния. После войны правящие круги Великобритании, демонстрируя свои стремления к сохранению действительно существовавших в военное время «особых» отношений с Соединенными Штатами, пыта-

лись установить контроль над действиями заокеанской сверхдержавы в ряде районов мира и использовать в своих интересах разногласия и противоречия между СССР и США. Крылатое выражение британских публицистов, гласившее, что у США – все деньги, а у Англии – все мозги, в гротескной форме подчеркивало скептическое отношение политической элиты Великобритании к способностям руководства Соединенных Штатов активно влиять на формирование новых суперидентичностей – Запад и Восток, – которые в значительной степени отождествлялись с СССР и США.

После Второй мировой войны Соединенные Штаты стали самым мощным в экономическом отношении государством. Наличие у Советского Союза крупной сухопутной армии в определенной степени давало возможность поддерживать баланс военных сил с США, даже в условиях американской монополии на обладание ядерным оружием. По сравнению с Соединенными Штатами Советский Союз обладал более полным набором геополитических, идеологических и дипломатических характеристик, которые позволяли руководству государства и обществу (в тех пределах, в которых можно говорить о существовании гражданского общества в послевоенном Советском Союзе) считать естественной возложенную ходом истории на страну роль одного из двух мировых лидеров. Советская дипломатия, руководимая И.В. Сталиным, неоднократно в довоенный и военный периоды демонстрировала приверженность принципам «реальной» политики. Централизованный характер советского режима исключал развернутые дискуссии относительно послевоенной «большой стратегии» страны. Тем более, что внешнеполитические приоритеты, так же как и представления об уязвимых точках российского государства, сложились на протяжении веков, и советская внешняя политика определялась национальными интересами страны, располагающейся на обширном пространстве Евразии, в той же степени, что и политика Российской империи. По-инному ситуации выглядела для Соединенных Штатов Америки. Для США место гаранта послевоенной системы отношений означало кардинальное изменение их роли в мире, так как до войны ответственность за судьбы мирового капитализма несли европейские страны, и прежде всего Великобритания.

Формирование структуры послевоенных отношений между США, Великобританией и Советским Союзом в первые послевоенные годы проходило как бы на двух уровнях. Разработка «больших стратегий» требовала от политической элиты ведущих стран добиваться скорейшей концентрации усилий обществ на задачах борьбы с внешней угрозой, сущность которой еще предстояло определить. Вместе с тем комплекс объективных обстоятельств, реалии мировой политики заставляли Со-

ветский Союз и США лимитировать послевоенное противоборство, связанное с объективным стремлением расширить зоны влияния Востока и Запада, и проявлять повышенное внимание к формированию стабильной системы международных отношений¹. Как США, так и Советский Союз с чрезвычайной осторожностью и подозрительностью относились к действиям британской дипломатии. И если в пропаганде ведущих держав феномен смены ситуации «послевоенного времени» предвоенным проявился довольно быстро, то в межгосударственных отношениях, имевшего место в период Второй мировой войны, традиции сотрудничества, сохранялись значительно дольше. В определенной степени это связано и с инерцией, характерной для общественного сознания.

В общественном сознании населения победивших стран поворот от сотрудничества к противоборству проходил непросто и сопровождался активными дискуссиями в политически активных слоях. Вообще, исторически необходимость серьезных усилий для изменения характера международных отношений в большей степени осознавалась населением и политиками Европы. Но, как демонстрирует это на примере послевоенной Великобритании российский исследователь Л.В. Поздеева, общественное мнение и этих стран не было монолитным². Население США и часть политической элиты и в годы Второй мировой войны продолжали исповедовать различные варианты изоляционизма. В довоенный период не сложилось системы экономической взаимозависимости между Соединенными Штатами и Европой, что предопределило в тот период стремление американских правительств проводить политику «свободных рук». Провозглашенный уже в начале Второй мировой войны лозунг наступления «американского века» еще только осознавался американцами, сосредоточенными на внутренних проблемах.

Из истории хорошо известно, что момент наивысшего успеха содержит опасность для государства. В Новое время о необходимости соотносить внешнеполитические претензии государства с его реальными экономическими и политическими возможностями напомнил К. Клаузевиц. В 1943 г. проблему сохранения баланса между «обязательствами государства и его силой» поставил перед американским обществом У. Липпман³. Однако для американской политической элиты во главе с президентом Ф.Д. Рузвельтом более важной представлялась задача избежать повторения «Великой депрессии» на этапе перехода от войны к миру. Не случайно вопрос о роли государства в экономике дебатировался в конце войны в американском обществе активнее, чем проблема контуров послевоенного мира.

Как известно, политики, иммигрировавшие в США из фашистской Италии, в частности бывший лидер Народной партии Л. Стурцо, в 1920-х гг. обогатили политическое сознание американского общества идеями угрозы тоталитаризма. В конце войны эти идеи были развиты австрийским консервативным экономистом Ф. Хайеком. В апреле 1945 г. популярный американский журнал «Ридерс дайджест» опубликовал изложение книги Хайека «Дорога к рабству». В ней подчеркивалось, что социализм и экономическое планирование являются основой всех тоталитарных государств. В статье «Завтрашний мир: идет ли он влево», опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» от 24 июля 1945 г., Хайек указал на благоприятные перспективы для распространения социалистических идей в послевоенной Европе и предупредил, что побежденный нацизм может заменить новая форма тоталитаризма.

Некоторые американские консерваторы, такие как Г. Раушнинг, У. Чемберлин, Дж. Бернхэм и другие, в этой связи поспешили заявить, что любое усиление государственного вмешательства в дела экономики неизбежно приводит к тоталитаризму и эта опасность угрожает и Америке. Их оппоненты, такие как бывший вице-президент США Г. Уоллес, выступили в защиту плановой экономики, указав, что вмешательство государства является единственным способом сделать США более свободными и избежать «частного тоталитаризма» капиталистических монополий.

Развитие дискуссии в 1945–1946 гг. показало, что пока различия в методах управления экономикой в СССР и США не рассматриваются в американском обществе как имеющие большое значение для определения характера послевоенных советско-американских отношений. Попытки таких авторов, как Р. Такер, П. Хатчисон, и того же Л. Стурцо доказать, что «крушение свободной экономики» приведет к ликвидации политических, религиозных и гражданских свобод, не получили широкой поддержки. В конце концов «новый курс» и действия государства в условиях войны убедительно показывали, что планирование экономики не только совместимо с гражданскими свободами, но и необходимо⁴. Другое дело, что, как уже отмечалось, решение внутренних проблем не связывалось в общественном сознании США с продолжением сотрудничества членов коалиции военного времени.

Одним из серьезных препятствий для создания антигитлеровской коалиции, как известно, была разная степень угрозы для безопасности и самого существования государств, боровшихся против угрозы нацизма. По мере того, как приближалась победа в войне, интерес населения США к сотрудничеству с Советским Союзом объективно должен был снижаться. Это фиксировали результаты опросов в Соединенных Шта-

тах. Лишь около половины опрошенных в 1942–1945 гг. американцев заявили, что они доверяют России и считают, что она будет сотрудничать с Соединенными Штатами после окончания военных действий. Каждый новый опрос фиксировал, что таких людей становилось все меньше⁵.

Как уже отмечалось, разработка «больших стратегий» страны с необходимостью требует достижения внутривластного консенсуса по вопросам внешней политики. Такая сплоченность общества наиболее быстро достигается на основе концентрации усилий нации в борьбе против одной или нескольких враждебных держав. Советский Союз в этом плане представлял «идеального противника» США. Отрицавшее право частной собственности, с большими населением и территорией, обладавшее мощными вооруженными силами советское государство самим фактом своего существования бросало Америке как военно-силовой, так и идеологический вызовы. Как отмечает американский автор Д. Фоглесонг, на настроения тех, кто формировал «русскую» политику США в начале «холодной войны», оказывали влияние идеи, выдвинутые в свое время В. Вильсоном. Особенно это касалось его положений о необходимости делать различия между русским народом и советским правительством и возможности «освободить Россию»⁶. Но быстрому формированию «образа нового врага» в американском обществе препятствовало то, что Россия и США никогда не вели войн друг против друга и не были, таким образом, «традиционными противниками».

Британское министерство иностранных дел, оценивая в середине 1946 г. шансы получить от американского правительства активную поддержку в развертывании антисоветской пропагандистской кампании, констатировало, что Россия воспринимается американцами позитивно как страна, нацеленная на быстрое развитие, в которой нет классовая и национальной розни. СССР был потенциально большим рынком для американской промышленности⁷. Эти настроения не могли не учитывать американские политики, особенно в связи с приближением первых послевоенных промежуточных выборов 1946 г. Тем более, что поддержание устойчивых отношений с Советским Союзом объективно соответствовало внешнеполитическим устремлениям правящих кругов США.

Основной новой системы международных отношений должна была стать договоренность «Большой Тройки» о сферах влияния в Европе. Раздел Германии на зоны оккупации был не только способом подготовить решение германской проблемы – одного из сложнейших вопросов мировой истории XX в., но и гарантией равновесия стратегических и военных интересов Запада и Востока в Центральной Европе. Известно,

что администрация Ф.Д. Рузвельта довольно часто придерживалась принципа «откладывания решений» многих важных международных проблем на послевоенный период. После смерти Рузвельта сказалось отсутствие серьезно проработанной программы действий американского правительства даже в решении «германского вопроса», ключевого для послевоенной Европы, что предопределяло продолжение американо-советского диалога. Победившие страны были вынуждены решать в своих зонах оккупации по сути одни и те же задачи. США объективно нуждались в сотрудничестве с Советским Союзом в решении крупных проблем в Европе и Азии. До определенного времени члены «Тройки», в том числе и США, считали полезным сохранять механизм трехсторонних консультаций, в частности в виде Совета министров иностранных дел, учрежденного по решению Потсдамской конференции.

Сотрудничество США и СССР в войне в значительной степени обеспечило победу антигитлеровской коалиции, создание которой само по себе подчеркивало важность проведения «реальной» политики. Логика такой политики диктовала правящим кругам США проведение курса на закрепление принципа взаимного соблюдения сфер влияния и интересов в качестве определяющего в отношениях с Советским Союзом. Но это вступало в противоречие с некоторыми базовыми концепциями американского общества.

Одной из них была концепция «подвижной границы» («фронтيرا»), предложенная в конце XIX в. Ф.Д. Тернером. Основой ее являлась идея об особой роли «границы» в обеспечении политического и экономического равенства среди белых поселенцев Америки. На «границе» трансформировались идеи, привнесенные с востока североамериканского континента. Кроме того, земли на фронтире были прибежищем «лишних людей». Наступление цивилизации разрушало основы социального и политического равенства на «границе», и она передвигалась далее на запад. На новых землях восстанавливались идеалы первых поселенцев. Труды американских исследователей в XX в. углубили понимание сути процессов колонизации Америки. Но остается фактом, что концепция фронтира оказала влияние на формирование идейных основ внешней политики Соединенных Штатов. Причем, как представляется, наиболее ярко это проявилось в деятельности администраций, формировавшихся демократической партией.

В конце XIX – начале XX в. США впервые столкнулись с необходимостью определения глобальной стратегии. Практически была завершена экспансия в пределах континента, был «закрыт первый фронтир». Распространение американского влияния в других районах мира требовало нового идеологического обоснования. Пропаганда президентом

В. Вильсоном лозунга о необходимости вступить в Первую мировую войну для того, чтобы «сделать мир безопасным для демократии», несмотря на относительно неудачные для демократической администрации результаты дипломатической деятельности в период создания Версальской системы договоров, способствовала внедрению в общественное сознание США представлений о необходимости постоянного расширения американской цивилизации и благотворности распространения американской демократии.

Попытки президента В. Вильсона открыть «новый фронт» в Европе получили свое логическое продолжение в деятельности Ф.Д. Рузвельта и завершение в участии США во Второй мировой войне. Несмотря на то, что в итоге Второй мировой войны американское влияние в Европе значительно возросло, одновременное расширение сферы влияния СССР противоречило основам ментальности американского общества, ориентированного, в соответствии с концепцией «явного предназначения», на распространение принципов американской демократии на весь мир и отвергавшего идеи раздела мира на сферы влияния в соответствии с принципами «реальной политики», сторонниками которой были лидеры СССР и Великобритании. Тем более что в сферу влияния СССР, с согласия президента Ф.Д. Рузвельта, вошла Восточная Европа – регион, которому в теории и практике международных отношений отводится важная роль при рассмотрении «русского вопроса».

Как известно, в начале XX в. британский географ Х. Макиндер сформулировал положение о неизменном географическом центре современной истории – «хартленде» («сердцевинной земле»), который приблизительно был отождествлен с территорией Российской империи, а затем СССР. В 1919 г. Макиндер сформулировал политическую аксиому: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует «хартленд», кто контролирует «хартленд», – управляет Мировым островом (территорией Евразии и Африки), кто управляет Мировым островом, – управляет миром».

Позднейший вариант этой теории, выдвинутый в 1943 г., состоял в том, что уравнивать русский (советский) контроль над «хартлендом» и Восточной Европой можно за счет объединения потенциала стран «Срединного океана» – Северной Атлантики и связанных с ней морей и бассейнов рек, то есть, прежде всего, Соединенных Штатов Америки, Канады, Великобритании и Франции. Американский географ Н. Спайкман в 1942 г. подчеркнул стратегическую важность районов, расположенных вблизи «хартленда». Аксиома, предложенная Спайкманом, гласила: «Кто контролирует периферию Евразии, тот контролирует Евразию, кто контролирует Евразию – определяет судьбу мира»⁸. Эти тезисы

быстро стали неотъемлемой частью политической философии правительственных кругов Соединенных Штатов. Указанные теоретические положения, а также изменения в общественном сознании США нашли отражение в результатах аналитической работы, которая велась в правительственных ведомствах и неправительственных организациях страны в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы.

Вообще рассмотрением планов послевоенного устройства мира активно занимались многие неправительственные организации – от Национальной организации промышленников до профсоюзов. Серьезный вклад в эту деятельность внес Федеральный совет церквей Христа, возглавлявшийся будущим государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом⁹. Но существенные изменения в общественном сознании США на этапе перехода от войны к миру наиболее рельефно проявились в деятельности Совета по международным отношениям.

Совет по международным отношениям был создан в США в 1921 г. В него входила элита американского общества из числа членов так называемой Лиги плюща – сообщества выпускников ведущих университетов страны. В начале сентября 1939 г. исполнительный директор совета У. Мэллори и редактор журнала «Форин афферс» Г. Армстронг выступили с инициативой проведения исследований относительно влияния войны на политику Соединенных Штатов, с предоставлением докладов государственному секретарю К. Хэллу и его заместителю С. Уэллесу. Руководители государственного департамента приняли это предложение. С начала 1940 г. до конца Второй мировой войны, получив несколько грантов фонда Рокфеллера на общую сумму около 300 тыс. дол., совет подготовил и направил в государственный департамент 682 памятные записки. Члены Совета имели непосредственные связи не только с внешнеполитическим ведомством, но и другими министерствами. Часть экспертов, такие как Армстронг, стали членами правительственного Совещательного комитета по вопросам послевоенной внешней политики, работая бок о бок с видными деятелями послевоенной американской демократической администрации, такими как Д. Ачесон, У. Клейтон и Ч. Болен. В совете сотрудничали братья Дж. Ф. и Р. Даллесы. Совет по международным отношениям поддерживал тесные связи с такими важными объединениями, влиявшими на формирование политики государства, как Комитет экономического развития, Национальная ассоциация планирования и другие¹⁰.

Важнейшее место в работе экспертов Совета занимала разработка сценария послевоенных американско-советских отношений. Еще в ходе войны глава исследовательского отдела совета П. Бидуэлл предпринял шаги по созданию совместной американско-советской исследовательской

группы для изучения двусторонних отношений. Однако дипломатические ведомства как США, так и СССР решительно этому воспротивились. Тогда Бидуэл выдвинул предложение о создании группы из числа американских ученых, деятелей бизнеса и журналистов, которая должна была заняться выяснением возможных мотивов послевоенной политики Советского Союза.

Как подчеркивают в своем исследовании Р.Ф. Иванов и Н.К. Петрова, на этапе завершения военных действий в Европе в кругах политической элиты США сложился широкий спектр воззрений на то, какой должна быть внешняя политика страны. Метаморфоза произошла со многими изоляционистами, которые теперь стали сторонниками экспансионизма. В частности, это случилось с влиятельным сенатором-республиканцем А. Ванденбергом, который, по собственному свидетельству, перестал быть изоляционистом, пережив в 1944 г. в Лондоне обстрел немецкими управляемыми снарядами. Вместе с тем укреплялась тенденция рассматривать советско-американские отношения через призму их соответствия «американским идеалам». Однако либеральные круги США считали необходимым использовать позитивный потенциал американско-советских отношений для решения международных проблем с помощью ООН¹¹.

С окончанием военных действий в так называемой «русской» исследовательской группе Совета по международным отношениям усилились споры относительно перспектив отношений с Советским Союзом. В конце сентября 1945 г. председатель совета уполномочил Дж. Франклина подготовить доклад, в котором были бы отражены все имеющиеся точки зрения.

Основным тезисом доклада, подготовленного к началу 1946 г., стало положение о том, что Советский Союз стремится к обеспечению национальной безопасности и будет настаивать на существовании на своих границах дружественных государств. Политика Советского Союза, считали авторы доклада, будет определяться действиями Великобритании и США. В том случае, если эти страны будут стремиться к международному сотрудничеству, СССР поддержит их усилия. Эксперты совета призывали не акцентировать внимания на идеологических различиях между Советским Союзом и США, а учесть, что история России – это череда вторжений и нападений извне. Память об этом, а не стремление к экспансии коммунистических идей определяют сталинскую внешнюю политику. В связи с этим эксперты настаивали, чтобы политика США сочетала в себе твердость в отстаивании национальных интересов с пониманием того, что является важным для СССР. Население США должно осознать, что «международное сотрудничество предполагает готов-

ность идти на компромиссы, и признать тот факт, что другие страны могут значительно отличаться от нас». Руководство американского государства должно «приложить усилия для того, чтобы понять, в чем состоят российские интересы, выяснить причины самонадеянности и подозрительности руководства СССР». Вместе с тем от СССР следует добиваться, чтобы он «не внедрялся в наши внутренние дела путем использования коммунистической партии и не использовал монополию внешней торговли для разрушения или подрыва свободных экономик». США должны попытаться разрушить «стену изоляции» Советского Союза, настаивая на предоставлении большей свободы общения «для репортеров, дипломатов и студентов», которые находятся в Советском Союзе. Эксперты рекомендовали, чтобы Вашингтон признал изменение границ Советского Союза после 1939 г. Предлагалось также обсудить вопрос о раскрытии для СССР, а возможно и для всех членов ООН, секретов атомной бомбы. И в том случае, если СССР будет демонстрировать реальное стремление к сотрудничеству, США должны будут оказать «в разумных пределах помощь для восстановления хозяйства России путем выделения займов и предоставления кредитов»¹².

Выводы и рекомендации комиссии не получили поддержки в правительственных кругах даже после двух переработок итогового доклада. В начале июля 1946 г. комиссия Совета по внешней политике приняла решение не публиковать доклад. Это решение стало лишним свидетельством того, что либеральная интернационалистская концепция формирования после войны «единого мира» теряет приверженцев в верхах американского общества. Все большую популярность приобретали тезисы о том, что мир разделен на «два несоразмерных региона», а «православно-коммунистическая Россия не является частью Западной цивилизации»¹³.

Как уже отмечалось, население США в первые послевоенные годы в большей степени интересовали проблемы внутренней политики. Решающий поворот в общественном сознании США в пользу сотрудничества с европейскими странами против Советского Союза произойдет позднее под влиянием целенаправленной пропагандистской кампании в поддержку создания Североатлантического блока¹⁴. Пока же отмеченные изменения в настроениях американской политической элиты создавали некоторые дополнительные возможности для увеличения во внешней политике США удельного веса отношений с другим ведущим членом антигитлеровской коалиции – Великобританией.

Исторически между Великобританией и ее бывшей колонией сложились отношения, которые зачастую характеризуются политиками и исследователями как «особые». Правда, в современной историографии

США отношения страны примерно с 40 государствами зачислены в разряд «особых». При ближайшем рассмотрении довольно часто оказывается, что отнесение отношений типа «патрон-клиент» в разряд «особых» связано с амбициями политиков или авторов тех или иных исследований. Но характерно, что разговоры об особом характере отношений между США и Великобританией возникали и возникают в период обострения международной напряженности. Так было в годы Первой мировой войны, а затем, по выражению У. Черчилля, «Вторая мировая война вдохнула жизнь» в американско-английские связи¹⁵. То же самое наблюдалось в послевоенный период. На это обратил внимание американский автор У. Кимболл. Он отметил, что в январе 1991 г. при освещении военной ситуации в Персидском заливе влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» провозгласила возрождение американско-английских «особых» отношений и фактически почти дословно цитировала У. Черчилля¹⁶. В начале XXI в. «особый» характер отношений двух стран подчеркнуло их сотрудничество на Ближнем и Среднем Востоке. Вместе с тем необходимо отметить, что после Второй мировой войны Великобритания в большей степени, чем Соединенные Штаты, проявляла заинтересованность в поддержании англо-американских отношений на уровне «особых».

Общепризнанно, что в итоге Второй мировой войны отчетливо обнаружилось дальнейшее ослабление международных позиций Великобритании. За шесть военных лет на 3 млрд ф. ст. увеличился внешний долг и было потеряно на 1,1 млрд ф. ст. зарубежных активов. Наполовину сократились поступления от так называемых невидимых статей экспорта. Сам экспорт Великобритании упал на треть по сравнению с довоенным периодом. Была потеряна почти половина торгового флота. Серьезно ослабели позиции Великобритании на мировом рынке. По определению видного британского дипломата А. Кадогана, уже к концу войны «Большая Тройка» превратилась в «Большую Двойку с половиной». Правда, Великобритания была единственной из числа стран, воевавших с 1939 г., которая, наряду с Советским Союзом и США, приняла участие в Ялтинской конференции. Но и на Ялтинской, и на последующей Потсдамской конференции, по мнению другого видного дипломата О. Сарджента, британский премьер-министр У. Черчилль, а затем и его преемник К. Эттли были на положении «Лепида в триумvirате с Марком Антонием и Октавианом Августом»¹⁷.

Объективно в послевоенный период перед британскими правящими кругами стояла задача приведения внешнеполитических обязательств страны в соответствие с ее уменьшившимися экономическими и военными возможностями. Однако премьер-министр Великобритании

У. Черчилль полагал, что эту задачу можно решить, не потеряв статуса великой державы, если сосредоточиться на трех главных направлениях политики, или, по выражению Черчилля, «трех кругах» – отношения со странами Западной Европы, странами Содружества и Соединенными Штатами. Как показали действия британской дипломатии в годы войны, «особые» отношения с США отнюдь не должны были сводиться к безоговорочной поддержке Лондоном любых действий усилившегося заокеанского партнера. Напротив, правительственные круги Великобритании пытались использовать мощь США в своих интересах. Подобные намерения проецировались и на послевоенный период, о чем, в частности, свидетельствовал меморандум «Основы американской политики», подготовленный в министерстве иностранных дел во второй половине марта 1944 г.¹⁸

Идеи необходимости сохранения в послевоенный период «особых» американо-британских отношений настойчиво внедрялись британскими политиками в общественное сознание США. Так, например, в 1944 г. были изданы две книги (одна – в Лондоне, другая – в Нью-Йорке) видного деятеля британской консервативной партии Э. Григга. Автор доказывал, что после войны Великобритания должна добиваться лидерства в Западной Европе, попытаться перестроить отношения между европейскими странами, используя опыт связей со странами Британского Содружества наций. Важнейшей задачей остается обеспечение морского и воздушного сообщения в Средиземноморском бассейне. Великобритания будет играть важную роль в создании региональных систем безопасности. В решении этих задач, по мнению Э. Григга, Великобритания могла рассчитывать на помощь со стороны США¹⁹. Британская дипломатия под руководством премьер-министра У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена приняла самое активное участие в борьбе за определение параметров послевоенной системы международных отношений и консолидацию сфер влияния ведущих держав.

Наиболее примечательными моментами в дипломатической истории Второй мировой войны, обозначившими узлы будущих разногласий в Европе, стали дебаты на Тегеранской конференции «Большой Тройки» относительно места открытия Второго фронта и предложения, сделанные У. Черчиллем советскому руководству относительно раздела Юго-Восточной Европы и Балкан на сферы влияния во время визита британского премьера в Москву в октябре 1944 г.

Предложенный У. Черчиллем Балканский вариант открытия Второго фронта, как известно, был отклонен не только И.В. Сталиным, но и Ф.Д. Рузвельтом. Кроме декларации претензий на господствующую роль в Средиземноморье, предложение Черчилля отразило тревогу бри-

танских правящих кругов по поводу усиления влияния не только Советского Союза в Восточной Европе, но и Соединенных Штатов – в Западной Европе. Черчилль понимал, что исторической заслугой США станет освобождение Европы. Это не даст забыть позор Дюнкерка, когда британская армия была вынуждена эвакуироваться с континента, бросив на произвол судьбы французов. Но это понимал и Рузвельт, высказавшийся за высадку союзных войск на севере Франции.

Предложение Черчилля И.В. Сталину договориться о так называемом процентном распределении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и на Балканах стало продолжением борьбы за послевоенное влияние в Европе. Преимущественное или, по крайней мере, равное (в случае с Югославией) право влияния в данном регионе (за исключением Греции), вроде бы, признавалось У. Черчиллем за Советским Союзом. Тем не менее британский премьер самим фактом своей инициативы давал понять, что Великобритания склонна рассматривать Восточную Европу как некую «серую зону» между Востоком и Западом, а не как исключительную сферу влияния СССР, который имеет право рассчитывать на приход к власти в восточноевропейских странах дружественных ему правительств.

Крымская конференция перечеркнула планы У. Черчилля. В самой Великобритании вскоре после окончания военных действий в Европе правящая коалиция распалась и были назначены всеобщие выборы. У. Черчилль предполагал, что консервативная партия одержит победу. Он считал, что ее обеспечат его личная популярность и недоверие, которое, по его мнению, большинство избирателей испытывали в отношении лейбористов. На деле выборы показали, что британское общество было настроено в пользу усиления роли государства в экономике и проведения социальных реформ, что и входило в программу лейбористской партии.

26 июля 1945 г. К. Эттли сменил У. Черчилля на посту премьер-министра. На роль министра иностранных дел в лейбористском правительстве прочили Х. Дальтона. Однако против его кандидатуры выступили ответственные сотрудники министерства иностранных дел (Форин офис), считавшие, что Дальтон слишком «мягко» настроен в отношении Советского Союза и слишком самостоятелен в оценках мировой политики. В результате достаточно неожиданно на пост министра иностранных дел был назначен Э. Бевин.

В отличие от У. Черчилля, премьер-министр К. Эттли не сыграл решающей роли в формировании внешней политики лейбористского правительства. Традиционно это приписывается Э. Бевину, что верно лишь отчасти. Выходец из тред-юнионов, Бевин был явно недостаточно ис-

кушен в проблемах международных отношений. Но система государственного управления Великобритании организована таким образом, что главной фигурой министерства иностранных дел является постоянный заместитель министра. Именно он и обеспечивает преемственность в политике при смене правительств²⁰. Приход на министерский пост лейбориста не повлек за собой кардинальной смены кадрового аппарата министерства иностранных дел. Внешнюю политику страны по-прежнему формировали доставшиеся в наследство от правительства военного времени постоянный заместитель министра А. Кадоган, а с 1946 г. – сменивший его на этом ключевом посту О. Сарджент. Вместе с тем следует отметить, что лейбористский министр разделял основные внешнеполитические предпочтения консерваторов. Неслучайно известный американский исследователь У. Луис, оценивая высказывания Бевина относительно роли Британской империи в международных отношениях, заметил, что по незнанию можно подумать, что они были сделаны лордом Керзоном в 1919 г.²¹

Бевин был последовательным противником Советского Союза. Его поведение на Потсдамской конференции вызвало опасения у нового американского президента Г. Трумэна и руководства государственного департамента США²². В связи с выступлением Э. Бевина в палате общин 6 ноября 1945 г., в котором министр заявил, что «не может не испытывать подозрений в отношении великой державы, которая стремится получить право доступа к горлу Британского Содружества», И.В. Сталин высказал мнение, что Бевин «не относится к русским как к союзникам»²³.

Наметившееся в конце войны охлаждение отношений между СССР и Великобританией становилось все более очевидным после окончания военных действий. Эксперты подкомиссии по разведке министерства иностранных дел Великобритании считали естественным, что советское руководство не забыло ни об английском участии в интервенции, ни об антисоветской политике Великобритании в предвоенный период. Вместе с тем эксперты указывали, что и действия британского лейбористского правительства после Второй мировой войны «усилили подозрения» в отношении Великобритании.

Поверенный в делах Великобритании в СССР Фр. Робертс в донесении руководству Форин офис в связи с этим отмечал, что и в советском обществе преобладает убежденность, что Великобритания «создает коалицию, которая станет неизбежно враждебной в отношении СССР». Ссылаясь на неназванные источники информации, британский дипломат предположил также, что падение интереса к сотрудничеству с Великобританией объясняется мнением Сталина, что эта страна, ослаб-

ленная в результате войны, «ничего не может дать Советскому Союзу» в плане экономической помощи.

Фр. Робертс информировал руководство о том, что в отношении Соединенных Штатов в Советском Союзе существуют более благоприятные оценки. В качестве доказательства Робертс привел тот факт, что в опубликованных в советской прессе призывах к 28-й годовщине Великой Октябрьской революции среди союзников Великобритании упомянута после США, хотя ранее было наоборот²⁴. Осложнение англо-советских отношений в этот период объективно ослабляло позиции Великобритании в ее попытках сохранить «особые» отношения с США.

Политическое руководство США уже в годы войны недвусмысленно обозначило свое негативное отношение к британскому колониализму. Оно расценивало стерлинговый блок, который экономически привязывал колонии и доминионы к Великобритании, как угрозу открытости мировой экономики, в которой видело залог будущего американского процветания и всеобщего мира. Поведение правительства Г. Трумэна в связи с обсуждением во второй половине 1945 г. вопроса о предоставлении займа Великобритании свидетельствовало, что Вашингтон отнюдь не собирается «таскать каштаны из огня» для Лондона и безоговорочно поддерживать его притязания на сохранение статуса великой державы. В памятной записке, подготовленной О. Сарджентом летом 1945 г., констатировалось преобладание в американских правящих кругах мнения, что Великобритания превратилась во второразрядную державу и с ней можно обращаться соответственно, а вектор мирового развития будет определять состояние американско-советских отношений²⁵.

Сложившееся у населения и части правящих кругов США стереотипное представление о развитии мировой истории, согласно которому европейские страны создают кризисные ситуации, а Соединенным Штатам приходится вмешиваться для их разрешения, усиливало предубеждение против Великобритании. Это со всей очевидностью показали результаты опросов общественного мнения, проведенных службой Гэллпа в середине 1945 г. в пяти странах – США, Канаде, Франции, Дании и Австралии. В частности, отвечая на вопрос, какое из государств будет иметь наибольшее влияние в послевоенном мире, только 5% граждан США назвали Великобританию, при том, что Соединенным Штатам отдали предпочтение 63%, а Советскому Союзу 24% респондентов. Комментируя результаты опросов, посол Великобритании в США лорд Галифакс подчеркнул, что в американском обществе для описания британской внешней политики используются термины и выражения, имеющие для американцев по преимуществу негативное содержание. В

том числе такие, как баланс сил, сферы влияния, колониальное подавление, традиционное коварство, дипломатическая двойная игра и т.д.²⁶

Тем не менее лейбористское руководство Великобритании разделяло уверенность У. Черчилля, что страна сможет отстоять статус великой державы. Эту уверенность питала убежденность в том, что Великобритания сохранила многие из тех качеств, которые делают страну желательным союзником, в том числе международный престиж и дипломатический опыт, политически зрелую правящую элиту, высокий культурный уровень и широкое распространение английского языка. Вместе с тем правящие круги страны отдавали себе отчет в том, что поддержание статуса державы первого ранга невозможно без восстановления экономической мощи государства. Причем, как подчеркивал один из ведущих сотрудников министерства иностранных дел О. Сарджент, в послевоенный период Великобритании неизбежно придется отстаивать свои интересы в борьбе с США²⁷.

Закрепление дипломатических и политических итогов войны в виде системы договоров и связанное с этим внешнеполитическое отступление Великобритании должны были занять значительный период времени. Нагнетая напряженность в районах, в которых Великобритания была намерена отстоять свои позиции, британские правящие круги стремились увеличить шансы на сохранение «особых» отношений с Соединенными Штатами. Это убедительно доказывают современные британские историки, опираясь на данные открытых ныне архивов дипломатического ведомства Великобритании. Многие из них считают, что их стране принадлежит важная, а по мнению некоторых, даже определяющая, роль в развязывании «холодной войны»²⁸.

Сохранение позиций в районе Ближнего и Среднего Востока рассматривалось британскими правящими кругами в качестве приоритетной задачи. С точки зрения британских правительственных политических и военных экспертов, районом возникновения военного конфликта между Великобританией и Советским Союзом в середине 1950-х гг. с наибольшей вероятностью должен был стать район Средиземноморья²⁹. Уже в первые послевоенные месяцы британское правительство сделало попытки придать кризисный характер отношениям трех стран по так называемым турецкой и иранской проблемам.

«Турецкий» вопрос включал в себя проблемы режима черноморских проливов и послевоенной внешнеполитической ориентации Турции. Режим проливов с 1936 г. регулировался положениями конвенции, заключенной в Монтре представителями Болгарии, Франции, Великобритании, Греции, Японии, Румынии, Турции, СССР и Югославии. То обстоятельство, что распоряжение проливами, особенно в самые ответст-

венные моменты осложнений международной ситуации, оказалось в руках Турции, объективно отвечало тогдашнему соотношению сил на международной арене. В предвоенный период Советский Союз безуспешно пытался усилить свои позиции в проливах, в том числе предлагал Турции согласиться на участие СССР в их обороне.

Проблема проливов обсуждалась на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях «Большой Тройки». Советский Союз добивался согласия союзников на изменение условий конвенции Монтре через заключение советско-турецкого договора. То обстоятельство, что США не были участником конвенции, создавало дополнительные возможности для маневров советской дипломатии. Американское правительство проявляло интерес к пересмотру конвенции³⁰.

В последние месяцы Второй мировой войны, используя заинтересованность США в участии Советского Союза в войне с Японией, СССР усилил политическое давление на Турцию. 19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало договор с Турцией о дружбе и нейтралитете, заключенный в 1925 г. Условием подписания нового договора советская дипломатия поставила возвращение территорий, отошедших к Турции по Московскому договору 1921 г., и предоставление Советскому Союзу возможностей создания военных баз в проливах³¹. В этот же период советская дипломатия попыталась добиться получения опеки над Триполитанией – частью территории бывшей итальянской колонии Ливии. Это вызывало возражения Великобритании. Дипломатия Советского Союза делала попытки опереться на ранее полученное согласие американской стороны оказать СССР содействие в решении этого вопроса³².

До завершения военных действий на Тихом океане американская администрация, которую после смерти Рузвельта возглавил Г. Трумэн, обращала мало внимания на ситуацию, складывавшуюся в советско-турецких отношениях, и не спешила определить свою позицию относительно условий пересмотра конвенции в Монтре. По возвращении с Потсдамской конференции на родину президент Г. Трумэн в речи 9 августа высказался за то, чтобы условия навигации на внутренних водных путях Европы регулировались «международными органами». Поскольку в речи президент упомянул черноморские проливы вместе с Дунаем, Рейном и Кильским каналом, то мировая дипломатическая общественность и государственный департамент США восприняли заявление Г. Трумэна как свидетельство того, что Соединенные Штаты будут впредь отстаивать идею «интернационализации проливов». Лишь в конце декабря 1945 г. руководство государственного департамента разоблачилось, что произошла путаница³³. Вместе с тем, вне зависимости от

подходов к принципам пересмотра режима черноморских проливов, в дипломатических кругах США в середине 1945 г. складывается мнение, что действия СССР продиктованы стремлением предотвратить укрепление влияния Великобритании в Турции и что Советский Союз не стремится к территориальным приращениям за счет этой страны. Так, заместитель директора отдела госдепартамента США по ближневосточным и африканским делам Дж. Аллен в беседе с послом Турции Х. Бейдиром подчеркнул, что следует рассматривать отдельно территориальные требования СССР и его инициативы по изменению режима проливов³⁴.

Предложения Соединенных Штатов относительно изменения условий конвенции Монтре стали известны на следующий день после подписания Японией капитуляции. США предложили создать в 1946 г. международную конференцию с участием всех заинтересованных стран для пересмотра конвенции на условиях открытости проливов в мирное и военное время – для торговых судов всех государств и для военных судов черноморских стран. Проливы должны были быть закрыты в любое время для военных судов нечерноморских государств. Проход таких судов мог бы осуществляться только со специального разрешения всех черноморских государств. Система Лиги Наций заменялась системой ООН, и Япония должна была быть исключена из числа участников конвенции³⁵.

Реакция Великобритании на инициативы США имела двойственный характер. С одной стороны, британская дипломатия рассчитывала использовать определенную активизацию турецкой политики США в своих интересах и добиться создания «единого фронта» против СССР. Она поддержала созыв конференции. Но с другой – Форин офис высказал категорическое несогласие с американским предложением относительно закрытия проливов для прохода военных судов нечерноморских стран. С целью торпедирования этого предложения британская дипломатия старалась перенести дискуссию с сути предложения на обсуждение механизма получения разрешений от черноморских стран. Особенный упор делался на то, что Великобритании придется просить разрешения у Болгарии и Румынии – недавних сателлитов Германии. Лондон, ссылаясь, правда, на мнение турецких политиков, обращал внимание американского правительства на то, что реализация его предложения способна «превратить Черное море в русскую морскую базу, с которой советский флот сможет совершать бесконтрольные выходы в Средиземноморье»³⁶. Было очевидно, что британские правящие круги серьезно обеспокоены перспективами усиления Советского Союза в черноморских проливах. Возможность создания советской базы в Ливии также рас-

сматривалась Лондоном как угроза традиционным основам могущества Великобритании – господству в районе Средиземноморья и безопасности связей с членами Британского Содружества.

Острая полемика между Э. Бевином и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым по вопросу черноморских проливов и советской опеки над Триполитанией возникла в ходе их встречи 23 сентября 1945 г. в рамках первой сессии СМВД в Лондоне. В частности, как свидетельствует советская запись беседы, Бевин заявил, что «британское правительство сильно опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части». Молотов, в свою очередь, пафосно восклицал: «Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?»³⁷. На встрече, которая состоялась в британском посольстве в Москве 1 октября 1945 г., В.М. Молотов, согласно британской версии записи беседы, повторил, что Советскому Союзу нужна гавань в Средиземноморье для стоянок торговых судов и развития торговли, поэтому СССР и претендует на опеку над Триполитанией. Однако Бевин по-прежнему трактовал действия СССР как попытку «получить доступ к жизненно важной линии Британской империи»³⁸. Заявления британского министра стали новым подтверждением того, что правящие круги Великобритании встревожены перспективами усиления военно-морской мощи СССР.

Советский Союз, который завершил Вторую мировую войну, имея крупнейшую сухопутную армию, не обладал статусом крупной морской державы. Значительная часть флота Российской империи была потоплена в Цусимском сражении. В 1918 г. была уничтожена большая часть кораблей Черноморского флота. Отечественные исследователи, характеризуя причины того, почему Советский Союз не ратифицировал Лозаннскую конвенцию 1923 г. о режиме черноморских проливов, связывают это обстоятельство с подготовкой обширной программы военно-морского строительства³⁹. Последующая демонстрация советской дипломатией интереса к проблеме изменения режима черноморских проливов, регулировавшегося условиями Конвенции в Монтре, также показывала, что руководство государства считало создание мощного военно-морского флота одной из приоритетных задач. В 30-е гг. советское правительство разработало программу строительства линкоров и тяжелых крейсеров, рассчитанную на 15–20 лет. Начало Великой Отечественной войны помешало выполнению этой программы, но после окончания военных действий Советский Союз в кратчайшие сроки возобновил военно-морское строительство⁴⁰. Как отмечает на основании анализа материалов советских архивов российский исследователь Н.В. Кочкин, в

конце 1944 – начале 1945 г. дипломатические действия Советского Союза свидетельствовали о стремлении обеспечить свободный выход флота через проливы к теплым морям⁴¹.

С 24 ноября 1945 г. по 1 января 1946 г. проходило Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, в ходе которого обсуждались проблемы заключения мирных договоров с бывшими союзниками Германии, а также вопросы, касающиеся ситуации на Дальнем Востоке. Хотя вопрос о проливах не стоял в повестке для совещания, в ходе ряда официальных и неформальных встреч представители трех стран обсудили и ситуацию, связанную с проблемой проливов.

Характеризуя содержание политики Советского Союза в отношении Турции, посол Великобритании в Москве А. Керр высказал мнение, что, несмотря на «войну нервов, которую русские ведут против турок, нет очевидных признаков того, что Россия помышляет об агрессии против Турции». Эксперты британского дипломатического ведомства, готовя материалы для делегации на совещании СМВД, поддержали эту точку зрения. Они отметили, что дипломатия Советского Союза пытается достичь политических целей: добиться от Турции разрыва договора с Великобританией от 19 ноября 1939 г., чтобы затем попытаться включить Турцию в советскую сферу влияния. Что касается использования Советским Союзом мер силового давления, которые заставляли Турцию держать мобилизованными свои вооруженные силы численностью около 600 тыс. чел., то СССР, считали эксперты, пытается таким образом осложнить экономическую ситуацию в стране и повлиять на ход борьбы в правящих кругах Турции в преддверии предстоящих летом 1946 г. выборов. Посол Керр полагал важным помешать развитию в турецких правительственных кругах настроений в пользу «сделки с русскими». Особое значение в этом плане приобретала демонстрация американо-британского единства, считал посол⁴².

В дипломатических кругах США к осени 1945 г. также начинает преобладать мнение, что Советский Союз интересуется не столько изменение режима черноморских проливов, сколько – политического режима в самой Турции⁴³. Однако правительство Соединенных Штатов последовательно отклоняло предложения британской дипломатии о разработке единой позиции по проблеме черноморских проливов⁴⁴.

В середине декабря, накануне Московского совещания, министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин выразил намерение обсудить с государственным секретарем США проблему проливов «для того, чтобы решить, что следует сказать русским и каким-то образом поддержать турок»⁴⁵. Однако переговоры Э. Бевина с государственным секретарем США Дж. Бирнсом, проведенные в резиденции британского

посла в Москве 17 декабря 1945 г., показали, что США отнюдь не намерены обострять ситуацию вокруг отношений Турции и Советского Союза и тем более рассматривать «турецкий» вопрос в контексте ближневосточной политики, чего как раз и добивалось британское правительство. Инструкции руководства государственного департамента делегации США на предстоявшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН предусматривали, что в том случае если правительством Турции будет поднят вопрос об отношениях с Советским Союзом, то Соединенные Штаты будут выступать за урегулирование проблем только в ходе «дружественных переговоров в рамках ООН»⁴⁶. Как отмечает российский исследователь Н.И. Егорова, в этот период в американских верхах считали, что в регионе Ближнего Востока есть возможности для проведения «параллельных политик» США и СССР на основе антиколониализма⁴⁷.

Э. Бевин в беседе с Бирнсом обрисовал общую послевоенную ситуацию как «дрейф к трем доктринам Монро» – американской, британской и советской. При этом он определил сферой действия американской доктрины только Латинскую Америку и Тихий океан. Неудивительно, что на свой вопрос, намерен ли Бирнс поднять вопрос о черноморских проливах на данном совещании, Бевин получил отрицательный ответ. Министру иностранных дел Великобритании пришлось взять инициативу на себя.

На встрече с И.В. Сталиным, пошедшей в Кремле 19 декабря 1945 г., британский министр поставил вопрос о состоянии турецко-советских отношений. Сталин разделил вопросы о статусе проливов и ситуации в отношениях СССР и Турции. В первом случае, отметил советский руководитель, речь идет об отстаивании прав Советского Союза, в связи с чем и предлагается изменение статуса проливов, в том числе и создание советских баз. Вместе с тем, согласно британской версии записи беседы, Сталин заявил, что в составе Турции есть несколько провинций, «населенных грузинами и армянами, которые Турция захватила». Советский Союз предлагает восстановить границу по линии, которая существовала до заключения договора 1921 г. между РСФСР и Турцией. И.В. Сталин подчеркнул, что имеющиеся проблемы Советский Союз намерен решать путем переговоров, а «все разговоры о войне против Турции – это чепуха»⁴⁸.

Безрезультатными были и попытки британской дипломатии склонить Вашингтон к нагнетанию напряженности вокруг «иранского» вопроса. Как известно, 25 августа 1941 г. на территорию Ирана были введены войска Великобритании и Советского Союза. Статья 5 договора о союзе между Союзом Советских Социалистических Республик, Великобританией и Ираном от 29 января 1942 г. предусматривала, что «войска Союзных государств должны быть выведены с иранской территории не

позднее шести месяцев после прекращения всех военных действий между Союзными государствами и Германией и ее соучастниками...». В статье договора разъяснялось, что «выражение «соучастники» Германии означает все другие государства, которые в настоящее время ведут или могут в будущем вести военные действия против того или другого из Союзных государств». С учетом того, что капитуляция Японии была подписана 2 сентября 1945 г., войска союзников должны были быть выведены к началу марта 1946 г.

Великобритания, особенно с учетом интересов Англо-иранской нефтяной компании, рассматривала Иран как сферу своего влияния. Присутствие Красной армии на севере страны, в районе, который некогда, в период Российской империи, входил в сферу ее влияния, создавал определенные возможности в этом плане и для Советского Союза. Север Ирана советская дипломатия рассматривала в качестве «зоны безопасности» страны. Советский Союз проявлял заинтересованность в получении концессий на добычу нефти на севере Ирана, в то время как США и Великобритания добивались прав на разработку нефтяных месторождений на юге.

Во время визита в Лондон весной 1944 г. заместителя государственного секретаря США была достигнута договоренность о том, что американские фирмы будут иметь «равные возможности» с британскими, но нефтяные монополии США и Великобритании не будут добиваться получения концессий на севере Ирана. В меморандуме, подготовленном в январе 1944 г. Советом по международным отношениям, США отводилась роль «третьей внешней силы» в отношениях традиционно соперничающих в Иране России и Великобритании⁴⁹. Однако в конце 1944 г. иранский парламент принял закон, запрещающий правительству вести переговоры с иностранными нефтяными компаниями о получении концессий на территории Ирана.

В конце сентября 1945 г. В.М. Молотов в двух посланиях на имя Э. Бевина подтвердил намерение советского правительства выполнить условия соглашения относительно вывода войск с территории Ирана⁵⁰. Однако тревогу британского правительства вызывали перспективы, в условиях военного присутствия СССР, укрепления власти автономных правительств, созданных в ноябре 1945 г. в Иранском Азербайджане, а в декабре – в Иранском Курдистане. В Лондоне считали, что это может способствовать распространению влияния СССР на весь Иран. В связи с этим Великобритания поставила вопрос об ускорении вывода союзных войск из Ирана. Однако инициатива Лондона не встретила поддержки США.

На встрече в Москве 17 декабря 1945 г., в ответ на выраженную Бевином тревогу относительно ситуации в Иране, государственный секретарь США Дж. Бирнс заявил, что, согласно оценкам американского посла в Тегеране, советскому правительству нет никакой необходимости оставлять свои войска в Иранском Азербайджане после оговоренной в договоре 1942 г. даты, поскольку и после вывода войск СССР сохранит возможность контролировать развитие ситуации в этой провинции Ирана. Бирнс не поддержал попытки Бевина связать политику СССР в отношении Ирана с нефтяными интересами. Госсекретарь считал, что у Советского Союза достаточно своей нефти. Бирнс предложил рекомендовать иранскому правительству предоставить автономии провинциям, что, кстати, было записано в конституции страны еще с 1907 г., и перехватить таким образом политическую инициативу у правительства СССР, который в нынешней ситуации выступает как защитник демократии в Иране, хотя эта роль должна принадлежать США⁵¹.

Н.И. Егорова, опираясь на документы российских архивов, убедительно доказывает, что политика Советского Союза в Иране была направлена на защиту экономических и политических интересов СССР, разграничение Ирана на «сферы влияния» на основе опоры на собственные силы и средства в условиях, которые создавались изменениями в отношениях с западными союзниками. Военное присутствие использовалось для нажима на иранские власти с целью получения нефтяных концессий⁵². 19 декабря 1945 г. на встрече с Э. Бевинем И.В. Сталин заявил, что советское правительство не планирует досрочного вывода войск из Ирана. Руководство СССР считало, что иранское правительство И. Хаками проводило враждебную политику в отношении Советского Союза, что создавало угрозу террористических актов против нефтяных месторождений на юге СССР. Сталин отклонил предположение о наличии у СССР территориальных претензий к Ирану и заявил, что не имеет намерений включить какую-либо из частей этой страны в состав Советского Союза⁵³. Сталин, таким образом, формально не отказался от обязательств относительно договорных сроков вывода войск, однако его заявления относительно существования угрозы безопасности в регионе давали некоторые основания полагать, что СССР будет затягивать вывод.

Соединенные Штаты завершали вывод своих воинских формирований с территории Ирана к 31 декабря 1945 г. Используя это обстоятельство, в ходе работы Московского совещания министров иностранных дел британская делегация представила проект создания трехсторонней комиссии, которая должна была решать вопросы ускорения вывода союзных войск. Кроме того, комиссия должна была оказать помощь правительству Ирана в создании в соответствии с конституцией 1907 г. со-

ветов провинций. Также комиссия должна была рекомендовать максимально широко использовать в образовании и других сферах жизни Ирана языки национальных меньшинств⁵⁴. Предложение было поддержано госсекретарем США⁵⁵.

В ходе неофициальной встречи с Э. Бевином, состоявшейся 26 декабря 1945 г., В. М. Молотов отклонил попытки британского министра развернуть обсуждение «иранской» проблемы. Он заявил, что такой проблемы вообще не существует. Молотов отверг предложение о создании трехсторонней комиссии, сославшись на то, что с нынешним иранским правительством достижение какого-то взаимопонимания не представляется возможным. В своем отчете кабинету министров Э. Бевин признался, что первоначально его охватило желание выдвинуть ультиматум советскому правительству относительно вывода войск из Ирана. Однако британский министр все-таки не рискнул сорвать работу Совещания и поставить под угрозу решение вопросов, вынесенных на обсуждение⁵⁶. В Иране предложение Великобритании и США о создании комиссии вызвало негативную реакцию. Один из видных лидеров оппозиции, депутат меджлиса М. Мосаддык, сравнил это предложение с англо-русским договором 1907 г. и связал с намерением разделить Иран на сферы влияния⁵⁷.

2 января 1946 г. глава иранской делегации в ООН посол С. Тагизаде информировал британское министерство иностранных дел о том, что получил инструкции внести вопрос о ситуации в Иранском Азербайджане в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН, которая должна была через несколько дней открыться в Лондоне. Э. Бевин высказал мнение, что в этом случае будет «поставлен крест на наших московских предложениях о создании трехсторонней комиссии».

Дипломатия Советского Союза внешне индифферентно отнеслась к инициативам Ирана. Как свидетельствует британская публикация дипломатических документов, И.В. Сталин информировал госсекретаря США Дж. Бирнса, что не возражает против обсуждения вопроса в ООН. Он подчеркнул при этом, что пребывание советских войск в Иране в международно-правовом аспекте может быть связано не только с договором 1942 г., но и с условиями двустороннего соглашения 1921 г. между этой страной и РСФСР. Шестая статья этого договора, как известно, предусматривала право СССР вводить войска в Иран для противодействия угрозе со стороны третьей страны. В Вашингтоне и Лондоне понимали, что обращение Ирана в ООН в период до 2 марта 1946 г., когда истекали шесть месяцев, отведенные согласно договору 1942 г. для вывода союзных войск, вряд ли могло побудить членов международной организации начать обсуждение действий Советского Союза.

Британское правительство первоначально предприняло дипломатическое давление на Иран, чтобы не допустить обсуждения вопроса об Иранском Азербайджане в ООН⁵⁸. Однако американское правительство, которое в этот период явно хотело вывести обсуждение «иранского» вопроса за рамки отношений только трех стран и выступить как защитник демократии в Иране, заняло противоположную позицию.

Сессия Генеральной Ассамблеи ООН начала работу в Лондоне 10 января 1946 г. 17 января начались заседания Совета Безопасности. После некоторых колебаний 19 января иранское правительство обратилось к Совету Безопасности с просьбой обратить внимание на ситуацию, вытекающую из советского вмешательства во внутренние дела Ирана. Такое вмешательство, очевидно, состояло в том, что советские войска препятствовали подавлению центральным правительством Ирана автономистских движений в провинциях на севере страны. После обращения Ирана к Совету Безопасности ООН британская дипломатия заняла подчеркнуто нейтральную позицию. Форин офис полагал, что США, поддерживая Иран, рассчитывали на активное участие Великобритании в дискуссии в ООН. Но это как раз укрепило бы существовавшие в американском обществе представления, что ситуация в Иране не угрожает всеобщему миру, а речь идет о традиционном англо-русском соперничестве⁵⁹.

Совет Безопасности рассмотрел обращение Ирана 30 января. К этому времени в Иране сменилось правительство. Пост премьер-министра занял Кавам Эс-Салтане. Поскольку иранское и советское правительства заявили о стремлении урегулировать все имеющиеся вопросы путем переговоров, то Совет Безопасности ограничился рекомендацией информировать его о результатах⁶⁰.

Поначалу смена правительства в Иране вызвала тревогу в британском правительстве. Она усилилась, когда стало известно о планах нового премьер-министра нанести официальный визит в Советский Союз. Однако довольно быстро обнаружились признаки того, что Эс-Салтане намерен продолжить курс своего предшественника И. Хакими и обратиться к ООН с новой жалобой на действия СССР⁶¹. Это позволяло британской дипломатии нагнетать напряженность вокруг вопроса о выводе советских войск из Ирана.

Британский воинский контингент был выведен из Ирана ко 2 марта 1946 г. 3 марта 1946 г. британское правительство направило ноту правительству СССР, в которой напоминало об обязательствах по договору 1942 г. и запрашивало информацию о сроках вывода частей Красной армии из Ирана. Через три дня подобную ноту СССР направило правительство США. 18 марта правительство Ирана вновь обратилось в ООН.

22 марта британский представитель в ООН А. Кадоган получил инструкции правительства внести проект резолюции, призывающей правительство Советского Союза вывести свои войска и военное снаряжение из Ирана. Представитель СССР А.А. Громыко предложил отложить дебаты⁶².

25 марта ТАСС выступил с заявлением, в котором говорилось, что эвакуация советских войск из Ирана будет завершена в течение полутора месяцев. Подобные же заверения были даны иранской стороне послом СССР. 3 апреля информация ТАСС подтвердил А.А. Громыко. 4 апреля 1946 г. было подписано советско-иранское соглашение о создании Советско-иранской нефтяной компании для добычи нефти на севере Ирана. В тот же день в Тегеране было подписано советско-иранское коммюнике, которое подтверждало стремление сторон к урегулированию имеющихся проблем в части вывода войск и ситуации в Иранском Азербайджане. Оценивая возникшую ситуацию, ответственный сотрудник Форин офис Диксон отметил, что в глазах мировой общественности Советский Союз фактически выполнил договорные обязательства в установленные сроки, так как «в мирное время 5–6 недель разницы – это небольшой срок»⁶³.

Для официального Лондона такое развитие ситуации означало очевидный провал планов активно привлечь США к укреплению позиций Великобритании в Ближневосточном регионе. Как отмечал в письме к новому послу в Вашингтоне лорду Инверчеплу Э. Бевин, американцы по-прежнему подозревали Британию в стремлении защитить «восточный феодализм» во имя своих интересов⁶⁴. Реакция политической активной части американского общества на Фултонскую речь У. Черчилля в полной мере подтвердила неутешительные для Лондона выводы о состоянии американо-британских отношений.

У. Черчилль прибыл в США с частным визитом 14 января 1946 г. Уже через несколько дней в Майами состоялась его встреча со старыми друзьями – видными американскими политиками Дж. Бирнсом и Б. Барухом. В середине февраля отставной британский премьер встретился в Вашингтоне с президентом Г. Трумэнном. Кроме президента, с проектом текста речи Черчилля были ознакомлены Бирнс, адмирал У. Леги, посол Великобритании в США. Информация была направлена также премьер-министру К. Эттли⁶⁵.

5 марта 1946 г. в своем выступлении в г. Фултон У. Черчилль призвал к созданию союза народов, говорящих по-английски, и заявил о «железном занавесе», повисшем между Восточной и Западной Европой⁶⁶. Британское посольство в Вашингтоне информировало руководство страны, что в высших эшелонах законодательной власти и в средствах массовой информации США высказанные Черчиллем идеи не по-

лучили поддержки. Детализируя информацию, посол сообщал, что либерально настроенные политики расценили выступление как ничем не оправданное проявление враждебности к Советскому Союзу, а предложение о союзе как выражение стремления заставить США «поддержать зло, исходящее от британской имперской силы». Консерваторы, например сенатор-республиканец Р. Тафт, даже соглашались с Черчиллем в части общего анализа международной ситуации, возражали против любой формализации союза с Великобританией. На страницах таких авторитетных изданий, как газета «Нью-Йорк геральд трибюн», были опубликованы призывы к развитию отношений не с Великобританией, а «с другой великой державой»⁶⁷.

В Великобритании реакция на речь Черчилля была неоднозначной. В частности, один из членов правительства запросил согласия руководства на то, чтобы подвергнуть ее критике как «не соответствующую намерениям правительства сохранить союз трех держав». Однако Бевин не дал на это санкции и рекомендовал «игнорировать факт произнесения Черчиллем речи»⁶⁸.

Речи Черчилля, несомненно, придадо значимости то обстоятельство, что лидер Советского Союза И.В. Сталин счел необходимым отреагировать на выступление «фактически частного лица», как определил статус лидера теневого кабинета Великобритании Фр. Робертс⁶⁹. 13 марта 1946 г. Сталин дал интервью корреспонденту газеты «Правда» относительно речи Черчилля, в котором оценил ее как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество»⁷⁰. Можно предположить, что филиппики Сталина против Черчилля, у которого, как заявил советский лидер, «имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки», были связаны в том числе со стремлением отреагировать на попытки военных кругов США создать в начале марта обстановку военной истерии.

В начале весны 1946 г. была допущена «утечка информации» из разведывательного и военного ведомств США. Поползли слухи, что в апреле ожидается военный кризис в отношениях СССР и Турции. В этой связи известно о том, что тело скончавшегося в ноябре 1944 г. в США турецкого посла М. Ертегюна будет отправлено на американском военном корабле на родину, было расценено в самих Соединенных Штатах и во всем мире как намерение провести демонстрацию морской мощи в Средиземноморье. Проведенные почти в то же время маневры британского флота в Гибралтаре, как сообщал руководству посол Великобритании лорд Галифакс, «усилили в американском обществе ощущение, что мы (США и Великобритания. – М. П.) уже вернулись на уровень отношений, когда существовали объединенные вооруженные силы для

решения стратегических задач». Тревога американского общества усилилась, после того как 6 марта было опубликовано заявление военного министерства, отрицавшего слухи о том, что демобилизация армии приостановлена, резервы приведены в состояние повышенной готовности, а отпуска отменены. Практически одновременно генерал Д. Эйзенхауэр сделал заявление, в котором чрезвычайно низко оценил боеспособность вооруженных сил США, заключив, что им потребуется более года, чтобы вернуть боеготовность на уровень «за год до Перл-Харбора». Посол Галифакс в связи с этим отметил, что в исполнительной власти США насчитывается большое количество сторонников ужесточения политики в отношении Советского Союза. Но вместе с тем посол подчеркнул, что в высших эшелонах государственного департамента господствует мнение, что «СССР имеет законные интересы на Ближнем Востоке и США не должны оказаться в положении страны, откровенно поддерживающей стремление Великобритании сохранить статус-кво в регионе»⁷¹. На пресс-конференции 11 марта 1946 г. журналисты вынудили президента Трумэна дать недвусмысленную оценку ситуации в американо-советских отношениях. Трумэн заявил, что «не испытывает тревоги по поводу их состояния»⁷².

Советский Союз прилагал усилия для разрядки напряженности в районе Ближнего и Среднего Востока. К 9 мая 1946 г. был завершен вывод воинских частей из Ирана. Как отмечает отечественный исследователь Ар. Улунян, к середине августа 1946 г. для Москвы стало ясно, что состоявшиеся в июле в Турции выборы в целом не повлияли на отношение этой страны к советским внешнеполитическим шагам. Советская дипломатия фактически отказывается от муссирования территориальных проблем, сделав акцент на проблеме черноморских проливов⁷³.

Складывающаяся для Великобритании в связи с этими действиями СССР ситуация в Средиземноморье активизировала дискуссию в британских дипломатических и финансовых кругах по проблемам стратегической политики, которая началась еще осенью 1945 г. по инициативе премьер-министра К. Эттли. В связи с обсуждением предложений министерств иностранных дел и по делам колоний относительно политики правительства в вопросе о судьбе бывших итальянских колоний К. Эттли высказал мнение, что в изменившихся условиях следует отказаться от традиционной стратегии обороны империи и Содружества, которые сами по себе были порождением «морской мощи» Великобритании. Премьер-министр считал, что Великобритания не сможет сохранить контроль над стратегически важными зонами Ближнего Востока и линиями коммуникаций в Средиземноморье⁷⁴. В дальнейшем К. Эттли предложил попытаться добиться соглашения с Советским Союзом от-

носителю создания из стран, граничащих с «зоной влияния Советской России» – Греции, Турции, Ирака и Ирана, – «нейтральной зоны»⁷⁵.

В связи с этими обращениями премьер-министра к правительству осенью 1945 г. в министерстве иностранных дел Великобритании по инициативе департамента по делам Индии был рассмотрен вопрос о возможности заключения соглашения с Советским Союзом по образцу англо-русского договора 1907 г. Довольно быстро обнаружилось, что такая перспектива развития англо-советских отношений не соответствует настроениям большей части руководства внешнеполитического ведомства. Министр иностранных дел Э. Бевин, в частности, подчеркнул, что «присутствие в Средиземноморье ... важно для сохранения Великобританией статуса великой державы»⁷⁶. Однако ряд дипломатов продолжали призывать к поискам компромисса с Советским Союзом по проблемам ближневосточной политики. Так, посол в Египте Р. Кэмпбелл выразил мнение, что поскольку США не проявляют намерений помочь Великобритании, то «нужно играть с русскими по одним правилам». Заместитель министра иностранных дел О. Сарджент считал, что, несмотря на имеющееся сопротивление в британских верхах идее возвращения в отношениях с Советским Союзом к принципам англо-русского соглашения 1907 г., ситуация «подводит к этому независимо от наших желаний». Показательно, что идея сотрудничества с Советским Союзом отстаивалась и представителями нефтяного бизнеса Великобритании. Так, глава нескольких компаний А. Агню высказался за привлечение русских к участию в будущем англо-американском консорциуме по организации эксплуатации нефтяных месторождений на территории Ирана. На каком-то этапе даже Э. Бевин рассматривал возможности достижения некоего неформального взаимопонимания с советской стороной. «Фактом является то, – отметил он в своих заметках от 5 июля 1946 г., – что мы не имеем намерений затрагивать его (Советского Союза. – М. П.) коммерческие интересы на Севере и в ответ ожидаем подобного отношения к нашим интересам в Южной Персии»⁷⁷.

Предложения «выработать правила игры с русскими» имели наиболее последовательный и обоснованный характер в донесениях, направленных в 1945–1946 гг. министру иностранных дел ответственным сотрудником британского посольства в Москве Фр. Робертсом. Фрэнк Кенион Робертс получил историческое образование в Кембридже и поступил на дипломатическую службу в 1930 г. С 1937 г. – в аппарате Форин офис. В 1945–1947 гг. – посланник в британском посольстве в Москве. Робертс не был экспертом по русским делам. Скорее, его можно было считать специалистом по Восточной Европе, в частности, в годы войны он занимался разработкой политики в отношении Польши. Вме-

сте с тем он входил в состав британской делегации на тройственных переговорах в Москве между СССР, Великобританией и Францией в 1939 г. В декабре 1941 г. Робертс сопровождал А. Идена во время поездки британского министра иностранных дел в Москву и принимал участие в Ялтинской конференции. В последующем, в 1960–1962 гг., Робертс был послом в Советском Союзе. Кроме того, в 1950–1960-х гг. он занимал посты постоянного заместителя министра иностранных дел, посла в Югославии, в ФРГ, постоянного представителя Великобритании в Совете Североатлантического блока. Но именно работу в Москве в первые послевоенные годы Робертс считал самым важным периодом своей дипломатической деятельности.

Время работы в Москве отмечено частым отсутствием в СССР А. Керра – посла Великобритании, и его обязанности в качестве временного поверенного выполнял Фр. Робертс. Первое развернутое донесение руководству было направлено Робертсом из Москвы 25 апреля 1945 г. В нем он выразил мнение, что «нет существенного конфликта интересов между Британией и СССР» и русская внешняя политика определяется «главным образом задачей защиты национальных интересов». Кроме того, Робертс считал, что нет ничего общего между позицией Германии в предвоенный период и послевоенной позицией СССР. Он рекомендовал проводить жесткий политический курс в отношении Советского Союза. Но в принципе подходы Робертса отличались от ориентации Черчилля и его окружения на послевоенную конфронтацию с Советским Союзом.

После смены правительства в Лондоне Робертс не отказался от своей точки зрения. Он полагал, что Великобритания «должна провозгласить задачи своей политики и определить свои жизненные интересы так же отчетливо, как это сделал Советский Союз. Тогда в Москве будут знать, за какой предел они не должны переступать». Как считает британский автор Дж. Заметика, уже к октябрю 1945 г. окончательно определилась точка зрения дипломата, что «в отношении СССР следует проводить политику сдерживания, которая включает... признание его сфер влияния. На этой основе сосуществование с Советским Союзом, даже сотрудничество с ним, возможно»⁷⁸. Весной 1946 г. Робертс направил Бевину три письма – соответственно 14, 17 и 18 марта, – которые отдельные исследователи считают британским аналогом известной «Длинной телеграммы» Дж. Ф. Кеннана.

В письмах давался анализ международной ситуации, с точки зрения советского руководства. Оно, по мнению Робертса, было уверено, что существует англо-американский блок и его усилия направлены на то, чтобы лишить СССР плодов победы и поставить под угрозу его безо-

пасность. «...Руководство СССР в этой обстановке не может пойти на уступки и, вероятно, начнет контратаку против Британии как слабейшего члена того, что они считают англо-американским объединением», – писал Робертс. В список антибританских действий Робертс включил критику политики Великобритании в Греции, Индонезии и странах Леванта и действия в отношении Турции и Ирана. Робертс в этой связи призывал внимательно проанализировать, какие из внешнеполитических шагов СССР можно связать с тактикой ведения внешней политики, а что следует отнести к первым шагам в плане реализации долговременной внешнеполитической стратегии.

В этих письмах Робертс попытался определить главные элементы долговременной политики Советского Союза. По его мнению, их было шесть. Главным было стремление к превращению в могущественное государство мира, к обеспечению безопасности. Для достижения этой цели СССР будет стремиться к ослаблению капиталистических и социал-демократических стран, в том числе поддерживая национально-освободительное движение в колониях Великобритании и на Ближнем Востоке. Усилия советской дипломатии будут направлены на то, чтобы внести раскол в отношения США и Британии. СССР будет стремиться использовать в своих интересах коммунистические партии и международное профсоюзное движение. Соответственно будет подвергаться атакам социал-демократия. Будет активизирована пропагандистская деятельность советского государства. Таким образом, сам Робертс не делал различия между тактическими действиями и стратегией. Завершая второе письмо, он тем не менее возвращался к мнению, что можно избежать серьезных конфликтов в отношениях с Советским Союзом. И оговаривался, что нужно отдельно рассмотреть вопрос о пределах советской экспансии.

В третьем письме Робертс подчеркивал, что определяющим для характера будущих международных отношений будет способность самих британских правительственных кругов разработать долговременную стратегию, которая даст возможность повысить жизненный стандарт в самой Великобритании, в Западной Европе, в странах Содружества и на Ближнем Востоке. Особое значение должно принадлежать отношениям Великобритании с Соединенными Штатами. Робертс считал, что дипломатия Советского Союза уже достигла успехов во внесении разногласий между Великобританией и США. В донесении Бевину от 21 марта 1946 г. Робертс высказался в пользу того, чтобы добиваться поддержки со стороны Америки. США поддержат Великобританию, если британское правительство согласится с неизбежностью распростране-

ния политического и экономического влияния Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке, считал дипломат⁷⁹.

Долгое время исследователи не обращали особого внимания на роль, которую сыграл Фр. Робертс в разработке документа, повлиявшего прежде всего на настроения американского общества, – так называемой Длинной телеграммы Дж. Ф. Кеннана. В 1991 г. увидели свет мемуары Фр. Робертса. В них британский дипломат признает, что он фактически был соавтором Кеннана⁸⁰. Дж. Ф. Кеннан также не отрицал фактов взаимовлияния и совпадения точек зрения в оценках международной ситуации с Фр. Робертсом в период их работы в Москве. Разумеется, речь не идет о выяснении степени заимствования друг у друга. Однако есть основания рассматривать Длинную телеграмму и послания Фр. Робертса министру иностранных дел Э. Бевину как документы взаимосвязанные и дополняющие друг друга⁸¹.

Поступивший на работу в государственный департамент в 1926 г. Дж. Ф. Кеннан в довоенный период в составе небольшой группы молодых дипломатов прошел специальную подготовку для работы в Советском Союзе. Она включала языковую практику в Восточной Европе, Советском Союзе и в одном из крупных центров русской эмиграции – г. Харбине на территории Китая. В 1945–1946 гг. Кеннан – советник-посланник в Посольстве США в Советском Союзе⁸². Как считает американский автор Д. Фоглесонг, в своей аналитической деятельности в этот период Дж. Ф. Кеннан подражал своему дяде – Дж. Кеннану-старшему – известному идейному борцу против тирании царизма⁸³. 22 февраля 1946 г. в ответ на запрос отдела госдепартамента по экономическим делам в связи с отказом СССР от вступления в МВФ и Международный банк Кеннан направил телеграмму за номером 511. Документ состоял из 8 тыс. слов и вошел в историю дипломатии как «Длинная телеграмма»⁸⁴. Она состояла из пяти частей. В пятой части, называвшейся «Практические выводы с точки зрения политики США», Кеннан подчеркнул, что Соединенные Штаты в лице руководства СССР «имеют дело с политиками, фанатично утверждающими, что с США не может быть достигнут постоянный *modus vivendi*, считающими, что желательно и необходимо подорвать внутреннюю гармонию нашего общества, ликвидировать международное влияние нашего государства...». С точки зрения Кеннана, американская политика в отношении Советского Союза должна была осуществляться при понимании того, что «советская власть ... очень чувствительна к логике силы», что «в сравнении с западным миром в целом Советы все еще остаются более слабой силой», а «успех советской системы как формы внутренней власти еще окончательно не доказан».

Кеннан уполномочил Робертса сообщить в Форин офис о содержании Длинной телеграммы. Робертс считал, что оно сводится к признанию того, что «Советский Союз настроен враждебно в отношении окружающего капиталистического мира .... Но нет причин, по которым мы не можем жить в мире с Советским Союзом». Однако то обстоятельство, что министр иностранных дел Э. Бевин, на донесении Робертса, в котором излагалось содержание телеграммы Кеннана, сделал пометку «очень хорошо», косвенно свидетельствует, что, несмотря на отсутствие профессиональной подготовки, Бевин разобрался лучше, чем профессиональный дипломат, в том, как в Вашингтоне будут восприняты призывы Кеннана. Показательно, что в своих мемуарах Ф. Робертс дает иную трактовку содержания «телеграммы», чем он делал это в донесениях в Лондон в 1946 г. Отношения с Советским Союзом выводятся за рамки канонов международных отношений. С этим государством «нельзя строить отношения как с любой страной мира, враждебной или дружественной», это противник «с долговременными амбициями, которые несовместимы с принципами западной демократии». Можно надеяться жить в мире с Советским Союзом, только «если строить отношения с ним с позиции силы и реальной политики»⁸⁵.

Именно как призыв к проведению политики «с позиции силы» и была воспринята Длинная телеграмма в Вашингтоне и Лондоне. При сходстве многих положений отличие «телеграммы» Кеннана от посланий Робертса состояло в духе чрезвычайности, почти тревоги, которым она была проникнута. Рекомендации как Робертса, так и Кеннана предназначались для формирования стратегии политики в отношении Советского Союза. Но послания Робертса не имели того сенсационного влияния на правительственные круги Великобритании, которое имела телеграмма Кеннана в США. Несмотря на то, что в целом деятельность Робертса в Москве получила высокую оценку и вскоре он стал личным секретарем Э. Бевина, по большому счету из его рекомендаций было реализовано лишь предложение о формировании комитета экспертов по России. Он был создан в начале апреля 1946 г. Выводы комитета сводились к тому, что компромисс с Россией невозможен, а СССР представляет угрозу для Великобритании по всему миру⁸⁶.

В этой связи остается открытым вопрос, в какой степени обсуждение возможности «выработки новых правил игры с русскими» по образцу англо-русского договора 1907 г. со стороны руководства британского внешнеполитического ведомства носило характер давления на США. Однако остается фактом, что США резко негативно отреагировали на постановку проблемы развития советско-британских отношений в таком аспекте. Ответственный сотрудник госдепартамента в категоричной форме

предостерег Форин офис против попыток «вернуться к ситуации 1907 г.». В конечном итоге Э. Бевин отказался от рассмотрения этого варианта политики в Иране⁸⁷. В итоге продолжавшейся почти полтора года дискуссии в британских верхах победили сторонники традиционной имперской политики. Среди них были представители Объединенного комитета начальников штабов, а также руководство министерства иностранных дел во главе с Э. Бевином⁸⁸. Британская дипломатия, продолжая поддерживать ситуацию напряженности в отношениях с Советским Союзом, сосредоточивалась на попытках установить контроль Великобритании за деятельностью американского капитала в Ближневосточном регионе⁸⁹.

Частью усилий Лондона по восстановлению престижа Великобритании как мировой державы было развитие экономических связей с членами Британского Содружества и европейскими странами. В свое время президент Ф. Д. Рузвельт в беседе с британским послом высказал мнение, что США и Британская империя, контролируя совместно поставки продовольствия и сырья из Западного полушария, могут добиться разрешения любого конфликта в Европе на условиях, которые устраивают эти две страны. После войны стало очевидно, что администрация Г. Трумэна не склонна рассматривать Великобританию в качестве равного экономического партнера. Однако, по мнению министра иностранных дел Э. Бевина, США можно было побудить к экономическому сотрудничеству на взаимовыгодных условиях. С ноября 1945 г. французское и британское правительства разрабатывали программу технического сотрудничества в странах Африки. В январе 1947 г. руководство министерства иностранных дел Великобритании было ознакомлено с памятной запиской бывшего генерального консула в Браззавиле Р. Парра, в которой излагался план экономической интеграции африканских территорий с целью создания рынка для британских и французских товаров. Сотрудничество в Африке откроет путь к интеграции Европы, считал Парр. Эта идея была поддержана руководством британского внешнеполитического ведомства и рассматривалась как дополнение к стратегическим планам создания в Африке как бы второй после Ближнего Востока линии имперской обороны, которая должна была компенсировать потерю в 1947 г. контроля над Индией⁹⁰.

Проведенное в Великобритании экспертное исследование показало, что экономикa США по ряду позиций зависит от импорта сырья. По пяти позициям Великобритания могла бы обеспечить американские потребности за счет ресурсов Африки. Если бы удалось добиться от правительства США недвусмысленного признания заинтересованности в природных ресурсах Ближнего Востока и Африки, то Великобритания с большей уверенностью могла бы претендовать и на роль лидера поли-

тической и экономической интеграции Европы⁹¹. Закрепление концепции «сдерживания» в качестве определяющей в политике США, несомненно, должно было способствовать реализации этих планов.

Как известно, популяризации идей, точнее духа, «Длинной телеграммы» способствовал морской министр США Дж. Форрестол. В начале 1947 г. Дж. Ф. Кеннан уже работал в аппарате госдепартамента в Вашингтоне и преподавал в Национальном военном колледже, в котором проходили обучение старшие офицеры американской армии. В это же время он участвовал в деятельности Совета по международным отношениям. В частности, Кеннан выступил с докладом, в основе которого лежали выводы аналитической записки «Психологические основы советской внешней политики», подготовленной по заданию Форрестола. В начале апреля Дж. Ф. Кеннан получил санкцию своего руководства на публикацию этого материала на условиях анонимности⁹². Через два с половиной месяца журнал «Форин афферс» опубликовал статью «Истоки советского поведения», подписанную псевдонимом «Х».

Статья оказала серьезное влияние на формирование мировоззрения западного общества, несмотря на позднейшие попытки самого автора, Дж. Ф. Кеннана, доказать, что она была неверно истолкована. В статье была сформулирована главная задача политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза – проводить «длительное, осторожное, но твердое и неуклонное сдерживание русских экспансионистских тенденций». Позднее известный американский историк В. Вильямс объяснил причины безоговорочного восприятия большей частью американского истеблишмента концепции «сдерживания». «Вся политика сдерживания была, без всяких сомнений, подсознательным результатом подхода к СССР с позиций теории, связывающих «границу» и экспансию. Лишите советское общество, гласила эта доктрина, возможности вести экспансию и оно рухнет. Иными словами, заключив, что американское общество рухнет без расширения «границы», лидеры США исходили из тех же предпосылок в отношении России»⁹³.

Заместитель государственного секретаря Д. Ачесон оценил аналитическую записку Кеннана как «написанную хорошим стилем, частично противоречивую, в которой элементы пророческого предвидения перемежаются с предложениями... практически не осуществимыми». Однако «сдерживание» стало лозунгом дня для американского общества. Одновременно в политический оборот входит выражение «холодная война». Оно было популяризировано в серии критических обзоров в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», а затем в книге «Холодная война», опубликованной в 1947 г. известным журналистом У. Липпманом. Журналист заклеил «сдерживание» как «странное чудовище» и предрек, что

оно приведет к созданию сети союзов по всему миру и принудит США к «рекрутированию, подкармливанию и поддержке бесчисленного количества сателлитов, клиентов, иждивенцев и марионеток». Отношения между США и СССР станут настоящей «холодной войной», предупреждал У. Липпман⁹⁴.

Осенью 1946 г. обнаруживаются признаки раскола союзников по «германскому» вопросу. В середине августа того же года президент Г. Трумэн поддержал министров армии и флота, требовавших оказать поддержку Турции, «вплоть до вооруженной» в отражении советской агрессии. Руководство государственного департамента занимало более взвешенную позицию и полагало, что следует оказать Турции дипломатическую и экономическую помощь для того, чтобы не допустить прихода к власти в стране просоветского правительства, но военную поддержку должна оказывать Великобритания⁹⁵.

Британское правительство усиленно провоцировало обострение международной обстановки в Средиземноморье и пыталось убедить США в опасности возникновения «вакуума силы» в регионе. Был поставлен вопрос о выводе британских войск из Египта, палестинская проблема готовилась к передаче на рассмотрение в ООН. 21 февраля 1947 г. представители британского посольства в Вашингтоне неожиданно попросили аудиенции государственного секретаря. Поскольку это была вторая половина пятницы, а международная ситуация не предвещала неожиданностей, то госсекретарь Дж. Маршалл уже отбыл на уик-энд. Встреча была перенесена на понедельник, а подготовленные британским посольством документы, в которых американское правительство информировалось о невозможности для Великобритании далее поддерживать режимы в Греции и Турции, принял руководитель ближневосточного отдела Л. Гендерсон. Знакомство с документами вызвало у него приступ лихорадки. Гендерсон заявил, что «Великобритания только что передала заботу о мировом лидерстве со всеми тяготами и со всей славой Соединенным Штатам».

Госдепартамент начал подготовку документа, в котором содержалась бы декларация политики США в Средиземноморье. В первоначальном варианте послания президента Трумэна американскому конгрессу содержались указания на заинтересованность США в природных ресурсах Ближнего Востока. Лишь под давлением более искушенного в международных делах заместителя госсекретаря Д. Ачесона соответствующий раздел был исключен из речи президента⁹⁶. Выступление Г. Трумэна 12 марта 1947 г. было выдержано в «вильсонистских» традициях, а целью американской политики «доктрина Трумэна» определяла «защиту демократии» во всем мире.

Провозглашение «доктрины Трумэна» повлекло за собой поляризацию политических сил в европейских странах. Американское правительство, заявив о готовности оказать военную помощь Греции и Турции, продемонстрировало стремление максимально сократить сферу влияния СССР в Средиземноморье. Выступление Трумэна в конгрессе США было проявлением тенденции к сближению позиций Соединенных Штатов и Великобритании по проблемам политики в этом районе мира. Однако сохранялись и серьезные разногласия, связанные со столкновением экономических интересов двух стран и особенностями военного планирования США и Великобритании. США по-прежнему были уверены в необходимости форсированного «ухода» Великобритании из Ближневосточного региона. Правительственным кругам Великобритании еще предстояло осознать, что состояние экономики страны и ее позиции в Европе и других районах мира в значительной степени зависят от поддержки Соединенных Штатов. Постепенно будет приходить понимание того, что нужно активнее доказывать Вашингтону необходимость сотрудничества с Великобританией для реализации внешнеполитических устремлений самих США и смириться с мыслью, что следует договариваться о том, чем Англия может заплатить за американскую поддержку.

---

¹ Российский исследователь В.О. Печатнов, в ряде работ подробно рассматривая развитие дипломатических отношений между США и СССР на этапе перехода от войны к миру, показывает, что по меньшей мере в течение года после окончания военных действий в Европе как Москва, так и Вашингтон демонстрировали стремление к поискам компромисса. *Pechatnov V.O. The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with the United States and Great Britain. Cold War International History Project Working Paper No. 13. Wash., 1995; Idem. "The Allies are Pressing on You to Break your Will ..."* Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo Members, September 1945-December 1946. Cold War International History Project Working Paper No. 26. Wash., 1999; *Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 180–204. № 4. С. 119–150; Он же. От союза – к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива М., 2003. С. 21–64.*

² *Поздеева Л.В. Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000. С. 278.*

³ *Lippmann W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943. P. 7–8.*

⁴ *Lifka Th. E. The Concept "Totalitarianism" and American Foreign Policy, 1933–1949. In Two Volumes. Vol. Two. New York & London, 1988. P. 392–395.*

⁵ *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны 1941–1945. Воронеж, 1995. С. 320.*

⁶ *Foglesong D.S. Roots of "Liberation": American Images of the Future of Russia in Early Cold War, 1948–1953 // The International History Review. Vol. XXI. Number 1. March 1999. P. 61. См. также: *Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 80–105.**

⁷ Documents on British Policy Overseas (DBPO). Series I, vol. 4. Britain and America Atomic Energy, Bases and Food. 2 December 1945 – 31 July 1946. L., 1987. P. 202–204

⁸ Sloan G.R. Geopolitics in United States Strategic Policy, 1890–1987 Brighton; Sussex, 1988 P. 11, 13, 16–17

⁹ Индукаева Н.С., Шумов В.С. Дж. Ф. Даллес в годы Второй мировой войны //Американские исследования в Сибири. Томск, 1998 Вып. 3. С. 37–49.

¹⁰ Winand P. Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. N. Y., 1993. P. 1–3.

¹¹ Иванов П.Ф., Петрова Н.К. Указ соч. С. 272–274; Goldman E.F. The Crucial Decade. America, 1945–1955. N. Y., 1956 P. 29

¹² Schulzinger R.D. The Wise Men of Foreign Affairs. The History of the Council on Foreign Relations N.Y., 1984. P. 114–122.

¹³ Foglesong D.S. Op. cit. P. 60.

¹⁴ См. подробнее: Пелипась М.Я. Пропагандистская подготовка к заключению и ратификации Североатлантического пакта // Вопросы истории международных отношений Томск, 1976. Вып. 7

¹⁵ Многие зарубежные исследователи относят начало складывания «особых» англо-американских отношений послевоенного типа к осени 1940 г. См. например Hathaway R.M. Great Britain and the United States. Special Relations since World War II. Boston, 1990. P. 5.

¹⁶ Kimball W.F. Wheel Within a Wheel: Churchill, Roosevelt, and Special Relationship //Churchill Ed. by R. Blake and Wm. R. Louis N.Y.; L., 1993 P. 291

¹⁷ British Documents on the End of the Empire. (BDEE). Series A. Vol. 2 The Labour Government and the End of Empire 1945–1951. Part II. Economics and International Relations. L., 1992. P. 313

¹⁸ Britain and European Integration 1945–1998. A documentary history. Ed. by D. Gowland and A. Tuener. L.; N.Y., 2000. P. 41–42.

¹⁹ Grigg E. British Foreign Policy. L., 1944. P. 19, 95, 119. Idem. The British Commonwealth. Its Place in the Service of the World. N. Y., 1944. P. 258.

²⁰ Самого Э. Бевина не смутило неожиданное назначение. В первый день присутствия на Потсдамской конференции он сказал своему личному секретарю Н. Гендерсону. «У меня большой опыт общения с иностранцами. До войны мне удавалось договариваться с капитанами судов многих стран. Эти двое – Сталин и Трумэн – они такие же, как остальные русские и американцы, и договариваться с ними по международным делам это то же самое, что решать вопрос о разгрузке судна». Weiler P. Ernest Bevin. Manchester and New York, 1993. P. 145.

²¹ Louis Wm. R. Imperialism at Bay. The United States and the Decolonization of the British Empire. Oxford, 1977. P. 555–556.

²² Weiler P. Op. cit. P. 146–148.

²³ DBPO. Series I. Vol. 6. Eastern Europe. August 1945–April 1946. L., 1991. P. 287–289.

²⁴ Ibid. P. 151–157, 181–186.

²⁵ BDEE Series A. Vol. 2, pt. II. P. 297.

²⁶ Ibid. P. 304–308.

²⁷ Ibid. P. 298–304.

²⁸ Owendale R. Past in Present Middle East //The International History Review. Vol. XX. Number 3. September 1998. P. 618–632; Kent J. British Imperial Strategy and the Origins of the Cold War 1944–1949. Leicester, London and New York, 1993 P. x-xi.

²⁹ Aldrich R.J. and Zamerica J. The Rise and decline of a Strategic Concept: The Middle East, 1945–1951 //British Intelligence, Strategy and the Cold War. Ed. by R.J. Aldrich. L. and N. Y., 1972. P. 237–240.

³⁰ Егорова Н.И. Формирование концепции национальных интересов США на Ближнем и Среднем Востоке, 1944–1946 // США и внешний мир М., 1997. С. 28.

³¹ Россия и Черноморские проливы (XVII–XX столетия). М., 1999. С. 468–469.

- ³² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1945. Vol. 1 General. The United Nations. Wash., 1967. P. 1428–1429, 1398–1399.
- ³³ FRUS. 1945. Vol. 8. The Near East and Africa. Wash., 1969. P. 1240, 1289–1290.
- ³⁴ Ibid. P. 1225–1228, 1239–1241.
- ³⁵ Ibid. P. 1242–1245, 1265–1266.
- ³⁶ DBPO. Series I. Vol. 2. Conferences and Conversations 1945: London, Washington and Moscow. L., 1985. P. 720. FRUS. 1271–1275, 1281.
- ³⁷ Цит. по: *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 320.
- ³⁸ DBPO. Series I. Vol. 2. P. 454.
- ³⁹ Россия и Черноморские проливы. С. 388–389.
- ⁴⁰ *Vassiliev A.* Russian Policy in the Middle East: From Messianism to Pragmatism. Reading, 1993. P. 78–79.
- ⁴¹ *Кочкин Н.В.* СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 72.
- ⁴² DBPO Series I. Vol. 2. P. 669–671, 729–721.
- ⁴³ FRUS 1945. Vol. 8. P. 1248–1251.
- ⁴⁴ На основании допущенной, можно полагать намеренно, «утечки информации» из Форин офис в конце октября 1945 г. газета «Нью-Йорк таймс» высказала мнение, что США и Великобритания разрабатывают единую политику по вопросу о статусе пролива Дарданеллы. Государственный секретарь США Дж. Бирнс в ходе своей пресс-конференции назвал эту информацию «неверной». Ibid. P. 1257–1258, 1266–1269.
- ⁴⁵ Ibid. P. 283–284.
- ⁴⁶ Idem. 1946. Vol. 7. The Near East and Africa. Wash., 1969. P. 802–804.
- ⁴⁷ *Егорова Н.И.* Формирование концепции национальных интересов США на Ближнем и Среднем Востоке. С. 29.
- ⁴⁸ DBPO. Series I. Vol. 2. P. 779–784.
- ⁴⁹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1941–1943 М., 1983. С. 202–205; *Егорова Н.И.* Указ. соч. С. 24.
- ⁵⁰ DBPO. Series I. Vol. 2. P. 264–265.
- ⁵¹ Ibid. P. 735–736.
- ⁵² *Егорова Н.И.* Истоки советско-американского соперничества в Иране и Турции, 1944–1945 // Американский ежегодник 1997 М., 1997. С. 134–135, 141. Она же «Иранский кризис» 1945–1946. По рассекреченным архивным материалам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. Idem “The Iran Crisis of 1945–1946: A View from the Russian Archives Cold War International History Project Working Paper. No. 15. Wash. D.C., 1996. См. также *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан: начало “холодной войны” Баку, 2003; *Scheid F.R.* Stalin and the Creation of Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945 // Cold War History. Vol. 2, N. 1. October 2001. P. 1–38.
- ⁵³ DBPO. Series I. Vol. 2. P. 779–781.
- ⁵⁴ Ibid. P. 897–898, 920–923.
- ⁵⁵ DBPO. Series I. Vol. 7. United Nations: Iran, Cold War and World Organization. 2 January 1946 – 13 January 1947. L., 1995. P. 1–2.
- ⁵⁶ DBPO. Series I. Vol. 2. P. 923.
- ⁵⁷ DBPO. Series I. Vol. 7. P. 8–9.
- ⁵⁸ Ibid. P. VI, 2.
- ⁵⁹ Ibid. P. 17–18.
- ⁶⁰ Ibid. P. VII, 43–45.
- ⁶¹ Ibid. P. 62–63.
- ⁶² Ibid. P. VIII, 52–54, 67–69.

⁶³ Ibid. P. 75–77, 87; *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. Ithaca and London. 1987. P. 182–183.

⁶⁴ DBPO. Series I. Vol. 7. P. 175.

⁶⁵ DBPO. Series I. Vol. 4. P. 125, 131–132.

⁶⁶ См. Источник. Документы русской истории. 1998. № 1. С. 88–99.

⁶⁷ DBPO. Series I. Vol. 4. P. 131–132.

⁶⁸ Ibid. P. 151.

⁶⁹ Ibid. Series I. Vol. 6. P. 302.

⁷⁰ Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы. М., 1952. С. 47–53.

⁷¹ DBPO. Series I. Vol. 4. P. 152–155.

⁷² DBPO. Series I. Vol. 6. P. 309.

⁷³ *Улулян Ар.* Балканы: Горячий мир холодной войны Греция и Турция между Западом и Востоком 1945–1960 гг. М., 2001. С. 44

⁷⁴ *ВДЕЕ Series A Vol. 2 Pt. III Strategy, Politics and Constitutional Change*. L., 1992. P. 207–208, 213–215.

⁷⁵ Ibid. P. 221–222.

⁷⁶ Ibid. P. 215–218.

⁷⁷ DBPO. Series I. Vol. 7. P. 167, 171–173, 175–178.

⁷⁸ *Zametica J.* Three Letters to Bevin. Frank Roberts in the Moscow Embassy, 1945–1946 // *British Officials and the British Foreign Policy 1945–1950* / Ed. by John Zametica. Leicester, London and New York, 1990. P. 47–48, 57, 62.

⁷⁹ DBPO. Series I. Vol. 6. P. 305–312, 315–326, 326–331, 339–342.

⁸⁰ *Roberts F.* Dealing with Dictators. The Destruction and Revival of Europe 1930–1970. L., 1991. P. 108.

⁸¹ Характерно, что взгляды Кеннана и Робертса в большой степени совпадали на самой начальной стадии анализа сущности внешней политики Советского Союза. Кеннан в феврале 1945 г. предлагал попытаться достичь компромисса с русскими, «открыто разделить Европу на сферы влияния и держаться подальше от русской сферы влияния, удерживая русских вдалеке от нашей». Содержание трех писем Робертса роднит с телеграммой Кеннана стремление показать советскую внешнюю политику как базирующуюся на традициях политики русского государства. Кеннан, вслед за экспертами Совета по международным отношениям, считал, что устойчивым фактором русской ментальности является то чувство опасности перед степными кочевыми народами, которое вековым опытом воспитано у земледельческого русского народа. Робертс писал о факторе «постоянной борьбы за безопасность государства, у которого отсутствовали естественные границы и которое было окружено врагами». В этом смысле, считал он, западные демократии представляются советским людям как главная угроза в сохраняющемся капиталистическом окружении, которое до войны включало также Германию и Японию. Как и Кеннан, Робертс считал Советский Союз более слабым в сравнении с западными демократиями государством, особенно в экономическом плане. Влияние Кеннана, несомненно, заметно и в том, что если ранее Робертс настаивал, что Запад должен четко продемонстрировать, в чем состоят его жизненно важные интересы и согласиться на взаимное уважение интересов другой стороны, то теперь он утверждал, что «не может быть уверенности относительно способности СССР соблюдать достигнутые соглашения». Подробный сравнительный анализ взглядов Фр. Робертса и Дж. Ф. Кеннана см.: *Zametica J.* Op. cit. P. 72–80.

⁸² Этот период жизни Кеннана подробно освещен в воспоминаниях дипломата. *Kennan J.F.* *Memoirs 1925–1950*. Boston, Toronto, 1967; *Idem.* *Sketches from a Life*. N. Y., 1989.

⁸³ *Foglesong D.S.* Op. cit. P. 59.

⁸⁴ Текст «Длинной телеграммы» в переводе на русский язык см. Первые письма с «холодной войны» // *Международная жизнь*. 1990. № 11.

⁸⁵ Roberts F. Op cit P. 108

⁸⁶ Zanetta J. Op. cit. P. 85–86.

⁸⁷ DBPO. Series I Vol. 7. P. 168

⁸⁸ BDEE. Series A. Vol. 2. Pt III P. 222–229

⁸⁹ Характерно, что у британского руководства не было реальных доказательств существования агрессивных намерений Советского Союза. Так, доклад объединенной подкомиссии по разведке о русских стратегических интересах и намерениях от 1 марта 1946 г. содержал признание, что эксперты не располагают достоверной разведывательной или даже статистической информацией относительно ситуации в экономике или сфере обороны Советского Союза. Тем не менее доклад комитета начальников штабов о стратегическом положении Британского Содружества определял, что Советский Союз является для Великобритании «наиболее вероятным противником, причем более опасным, чем возрожденная Германия». Доклад подкомиссии по разведке о русских стратегических интересах и намерениях на Ближнем Востоке, датированный 6 июня 1946 г., содержал вывод о том, что советское правительство продолжает традиционную для России политику экспансии в южном направлении. DBPO. Series I Vol. 6. P. 356–358, 297–291. Vol. 7. P. 161–164.

⁹⁰ Kent J. Bevin's Imperialism and the Idea of Euro-Africa, 1945–1949 //British Foreign Policy, 1945–1956. Ed. by M. Dockrill and J.W. Young. N. Y., 1989. P. 53.

⁹¹ Министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин заявлял в этой связи «Если мы сумеем добиться реализации наших планов в отношении Африки, то сделаем США зависимыми от наших поставок и через 4–5 лет заставим американцев кормиться с нашей руки». План «Евро-Африку» обсуждался на встречах представителей Бельгии, Великобритании и Франции в течение 1947–1948 гг. Лишь валютный кризис, приведший в сентябре 1949 г. к девальвации фунта стерлингов, убедил британских политиков в нежизненности проекта. BDEE. Series A. Vol. 2. Pt. I. High Policy and Administration. L., 1992. P. 1–14.

⁹² Meyers D. George Kennan and the Dilemmas of the US Foreign Policy. New York: Oxford, 1988. P. 100–101.

⁹³ США. политическая мысль и история. М., 1976. С. 197–199, 247.

⁹⁴ Исследователи утверждают, что метафору «холодная война» Липпман заимствовал у известного американского политика и финансиста Б. Баруха, а тот, в свою очередь, – у своего пресс-агента Г.Б. Шульца. Schulzinger R.D. Op. cit. P. 124–125.

⁹⁵ FRUS. 1946. Vol. 7. P. 840–843, 893–897

⁹⁶ McGhee G. The US-Turkish-NATO Middle East Connection. How the Truman Doctrine Contained the Soviets in the Middle East. N. Y., 1990. P. 19; Gardner L.C. Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy 1941–1949. Chicago, 1970. P. 217.

«SPECIAL» ANGLO-AMERICAN RELATIONS IN THE EASTERN MEDITERRANEAN AFTER THE END OF THE WORLD WAR II

M.Y. Pelipas
Tomsk State University

The article is devoted to the splitting of the wartime coalition and relations of the former allies in the Eastern Mediterranean after the end of the World War II. Iranian and Turkish crises are in the center of the research.

ГОСЕКРЕТАРЬ США Д. АЧЕСОН И ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В 1948 – НАЧАЛЕ 1950 Г.

Н.С. Малышева
Алтайский госуниверситет

В первые послевоенные годы США проявили заинтересованность в скорейшем экономическом восстановлении Европы. С этой целью был предложен «план Маршалла», который расценивался некоторыми представителями американской администрации как начальный этап последующей интеграции европейских стран. Объединение Европы считалось необходимым условием достижения политической стабилизации в регионе. В разработке плана Маршалла принимал участие Д. Ачесон, который занимал должность заместителя госсекретаря США в 1945–1947 гг., а в 1949 г. стал государственным секретарем. Взгляды Ачесона имели существенное значение для формирования внешней политики США, в том числе на ее европейском направлении.

В марте 1948 г. Ачесон утверждал: «В годы кризиса и слабости США должны оставаться в Европе. В этом отношении наше присутствие в Германии расценивается как щит, под прикрытием которого восстановится здоровье свободной Европы. После этого сообщество шестнадцати наций (участвующих в программе экономического восстановления. – Н. М.) неизбежно перерастет в более тесный союз или ассоциацию»¹.

Д. Ачесон считал необходимым создание экономического объединения европейских стран. В январе 1948 г., выступая в Комитете иностранных дел палаты общин, он отмечал, что Европа обладает «человеческими и материальными ресурсами, которые при надлежащем использовании обеспечат ей силу и стабильность. Однако опыт показывает нам и нашим европейским друзьям, что для этого необходим союз»².

Д. Ачесон полагал, что успех «плана Маршалла» будет стимулировать интеграционные инициативы Европы. Главную роль он отводил Великобритании. Д. Ачесон вообще придерживался, по собственному признанию, «пробританских взглядов» и полагал, что США в союзе с Великобританией должны решать важнейшие европейские проблемы. Однако к 1949 г. стало очевидно, что ситуация в Европе не дает основа-

ний рассчитывать на скорое создание европейского союза, так как Великобритания не желает взять на себя роль лидера. Стремясь восстановить свой статус великой державы, Великобритания избегала членства в любых организациях с наднациональными органами, а также использовала свое политическое влияние, с тем чтобы вопрос об учреждении наднациональных институтов не поднимался в недавно образованных европейских организациях ОЕЭС, Совете Европы³. В то же время Великобритания не поддерживала идею оформления без своего участия континентального европейского союза. Британские правящие круги считали, что создание такого союза подорвет позиции страны в Европе.

7 июля 1949 г. группа аналитиков отдела планирования политики госдепартамента США, возглавляемого Дж. Кеннаном, представила руководству документ, оценивающий перспективы создания в ближайшие пять лет западноевропейского политического союза, в том числе перспективы участия в нем Великобритании; роль Германии в этом союзе; статус объединенной Европы как «третьей силы» между двумя сверхдержавами. Дж. Кеннан считал, что разделение Германии и всей Европы в целом является временным явлением. Поэтому уже сейчас необходимо принимать определенные шаги по созданию европейского союза. Великобритания, по мнению Кеннана, должна была воздержаться от вступления в какой-либо европейский союз, так как ее особая позиция будет препятствовать интеграционному процессу⁴. Ключевым звеном интеграции должно стать сближение Франции и Германии. Таким образом, Дж. Кеннан предлагал провести европейскую интеграцию в два этапа. На первом этапе должны были сформировать союз западноевропейских стран под защитой НАТО. На втором, в отдаленном будущем, предусматривалось участие в интеграции стран Восточной Европы и Великобритании.

Предложение Кеннана стало предметом дискуссии в госдепартаменте. Так, советник-посланник в посольстве во Франции Ч. Болен считал, что объединение Европы невозможно без участия Великобритании и что без британской поддержки Франция скорее предпочтет занять «нейтральную» позицию в отношении европейской интеграции. Возражая Болену, Дж. Кеннан подчеркивал, что Великобритания слишком слаба в экономическом и военном отношении и не может поддерживать баланс в Европе, следовательно, эту роль должны взять на себя США. В то же время Франция может сыграть важную роль в решении «германского вопроса», или, выражаясь словами Кеннана, «сделать из германцев европейцев»⁵.

Д. Ачесон в целом одобрил схему европейской интеграции, разработанную Дж. Кеннаном, поскольку считал необходимым учитывать ин-

тересы Великобритании, ее «особую позицию» по вопросу о европейской интеграции и не оказывать давление на британское правительство.

Однако осенью 1949 г. после создания двух германских государств рельефно обозначилась задача интеграции ФРГ в европейскую экономическую и политическую системы. На выборах в бундестаг победил Христианско-демократический союз, и первым канцлером ФРГ был избран Конрад Аденауэр. Он заявил о своем намерении сотрудничать с западными союзниками и установить отношения с Францией на качественно другом уровне. Аденауэр не исключал возможности присоединения ФРГ к таким международным организациям, как Совет Европы, МВФ и ГАТТ. Такая позиция канцлера позволяла поставить вопрос о предоставлении союзниками некоторой свободы в проведении внутренней политики. В сентябре 1949 г. К. Аденауэр обратился к союзникам с просьбой пересмотреть свою политику по вопросу о демонтаже предприятий тяжелой промышленности Западной Германии.

Несмотря на демонстрируемую Аденауэром готовность к самому широкому сотрудничеству, американские политики испытывали сомнения относительно перспектив проведения ФРГ самостоятельной политики. В частности, Дж. Кеннан не был уверен в том, что Германия может развиваться по демократическому пути. Теперь, когда ФРГ имеет собственное правительство, полагал он, республика может переоценить свое значение в системе международных отношений и попытаться использовать противоречия между США и СССР в своих интересах. Единственный способ контролировать германские амбиции – это направить их в русло создания объединенной Европы. Ответственный сотрудник госдепартамента Г. Байроуд, который так же, как и Кеннан, опасался крена правительства ФРГ в сторону развития связей с СССР, советовал Д. Ачесону пойти навстречу просьбе К. Аденауэра. Байроуд аргументировал это тем, что правительство ФРГ необходимо поощрять, убеждая его тем самым в преимуществах западной демократии⁶. Сотрудники госдепартамента принимали во внимание и то обстоятельство, что США в 1949 г. лишились монополии на атомное оружие. Это могло вызвать кризис доверия всей Западной Европы к США.

Д. Ачесон в целом придерживался того же мнения, что и его коллеги: даже демократическую Германию необходимо контролировать. Создание ГДР укрепило намерение госсекретаря перейти к активным действиям, поскольку он считал, что «Кремль будет пытаться оказывать влияние на новое правительство ФРГ, для того чтобы увести молодое государство в сторону от задачи политической и экономической интеграции в Западную Европу»⁷. Именно сейчас, полагал он, настало время поддержать таких немецких политиков, как К. Аденауэр, выражающий

готовность к образованию «новой» Европы, элементом которой станет демократическая ФРГ.

Осознание этого обстоятельства заставило Ачесона постепенно переосмыслить роль Франции в Европе. Госсекретарь считал привлекательными идеи Ж. Монне, главы комиссариата по планированию Франции. Весной 1949 г. на Вестминстерской конференции Монне предложил установить общественный контроль над европейским производством угля и стали. Тем самым, с одной стороны, был бы обеспечен общий рынок этих товаров, а с другой – ни одно государство не смогло бы тайно использовать эти ресурсы для военных целей. Д. Ачесон увидел в этой идее возможность создания континентального союза с наднациональными органами, в котором бы Великобритания не принимала участия, а главная роль принадлежала бы Франции.

Решение Д. Ачесона возложить ответственность за интеграцию Европы на Францию вызвало дебаты в Госдепартаменте. Многие специалисты по Европе, такие как Дж. МакКлой, Д. Брюс, Л. Дуглас, оспаривали идею создания Европейского союза без участия в нем Великобритании. Такое объединение, полагали они, будет слишком слабым для того, чтобы контролировать Германию⁸. Тем не менее Д. Ачесон при поддержке Дж. Кеннана начал переговоры с французским министром иностранных дел Р. Шуманом, стремясь подтолкнуть Францию к активным действиям. 24 октября Ачесон заявил, что у него «нет ни малейшего желания смотреть на то, как из-за противодействия Великобритании не предпринимается никаких шагов на пути к европейской интеграции. Франция, и только Франция, может возглавить интегрирование Западной Германии в Западную Европу». Спустя неделю, 30 октября 1949 г., Ачесон направил письмо Р. Шуману, в котором высказал опасения по поводу возможного появления в ФРГ экстремистских течений, как это было в 1920-х гг. Госсекретарь еще раз подчеркнул, что необходимо оказать поддержку К. Аденауэру для предотвращения такого развития событий. Одновременно Д. Ачесон убеждал Р. Шумана, что наиболее подходящим в этой ситуации кажется лидерство Франции, так как США не могут взять на себя главенствующую роль по причине их удаленности от европейского континента. «Ни одна страна не имеет такого печального опыта общения с Германией, как Франция», – писал он. «Ей пора взять на себя инициативу, для того чтобы интегрировать Германию в Западную Европу...»⁹. Для того чтобы Париж не воспринял это утверждение как отказ США от участия в делах Франции, госсекретарь уточнил, что американская политика заключается в более тесном взаимодействии в рамках Североатлантического альянса. Тем самым Д. Ачесон

предлагал гарантии обеспечения безопасности Франции в обмен на ее роль инициатора в европейской интеграции.

Предложения Д. Ачесона соответствовали замыслам европейской политики Р. Шумана. На встрече с Э. Бевином и министром иностранных дел Франции в Париже в ноябре 1949 г. во время обсуждения проблемы дальнейшего демонтажа промышленности ФРГ был также рассмотрен вопрос о способах интеграции Западной Германии в Европу. Итогом встречи стало подписание Петерсбергского протокола, урегулировавшего вопрос демонтажа немецких заводов в пользу Германии. Позже, 13 ноября, в Бонне состоялась личная встреча Д. Ачесона с К. Аденауэром. Встреча имела большое значение для установления более тесных связей между администрацией Г. Трумэна и правительством ФРГ. По признанию Ачесона, на него произвели впечатление «прозападный» настрой Аденауэра, его хитрость и самообладание¹⁰.

Вместе с тем следует отметить, что Д. Ачесон пока не имел четкого представления о форме и функциях будущего объединения европейских стран. Д. Ачесон, как указывает американский автор Дж. Харпер, скептически относился к идее создания «Соединенных Штатов Европы»¹¹. Конечной целью интеграции он видел не единую европейскую сверхдержаву, которая была бы способна бросить вызов Соединенным Штатам, а некую мировую федерацию, ключевыми компонентами которой были бы Америка и Европа. В любом случае Ачесон полагал, что форму союза Европа должна выбирать сама. «Наша позиция здесь – это поощрять, помогать, торопить по мере возможностей...»¹².

Стремление Д. Ачесона ускорить создание союза европейских стран подкреплялось опасениями возможной политической и экономической дестабилизации в Европе в начале 1950 г. Эти опасения были характерны для многих членов американской администрации. Ч. Болен уподоблял Европу «пациенту, о котором можно сказать, что теперь он не умрет, но который проявляет склонности к возрождению вредных привычек...»¹³. Дж. МакКлой, американский верховный комиссар в Западной Германии, отмечал «возрастающее чувство страха, которое возникло в стране около полугода назад во многом из-за усилившейся советской пропаганды, а также из-за уверенности в том, что у Европы отсутствует военная сила»¹⁴. Накануне первой годовщины подписания Североатлантического договора, в апреле 1950 г. газета «Le Monde» опубликовала статью французского журналиста Ж.-Ж.Серван-Шрайбера, который считал, что НАТО не оправдала надежд и не смогла обеспечить чувство безопасности в Европе. Эта статья, как указывает в своей книге американский автор Д. Бринкли, была признана посольством США во Фран-

ция более опасной для американской политики, чем деятельность французской коммунистической партии¹⁵.

В этих обстоятельствах предложение Франции обсудить создание Европейского объединения угля и стали явилось для Ачесона, по выражению Дж. Харпера, «манной небесной»¹⁶. 9 мая 1950 г. Р. Шуман выступил с предложением о частичном слиянии экономик Германии и Франции. Угольная и сталелитейная промышленности обеих стран должны были перейти под контроль некоего наднационального органа. Главной идеей предложения Шумана было не заключение сделки в угольной и сталелитейной промышленности, а завершение многолетней вражды между Францией и Германией и предупреждение возможной войны в будущем. К участию в этой организации были приглашены все желающие европейские страны. По мнению Дж. Гиллингэма, профессора истории из университета Миссури, выступление французского министра иностранных дел было ориентировано на публику с целью вызвать общественный резонанс, главным образом, в США, что исключало бы возможный выход Германии из переговоров по созданию ЕОУС. Действительно, Шуману удалось произвести эффект. 10 мая 1950 г. Ачесон докладывал президенту Г. Трумэну, что «предложение Франции... произвело на всех огромное впечатление... Стремление Франции достичь франко-германского соглашения и продвинуть интеграцию делает ей честь»¹⁷. Полагая, что Франция, продемонстрировав политическую самостоятельность, в состоянии продолжить эту линию, Ачесон считал, что, скорее всего, дальнейшего вмешательства США можно будет избежать. Госсекретарь начал убеждать европейские страны, и в первую очередь Францию, разрабатывать текст договора самостоятельно.

Таким образом, взгляды Ачесона в значительной степени определили американскую политику в отношении объединения Европы, переломный момент в которой произошел в сентябре-октябре 1949 г. Правительство Соединенных Штатов во главе с Г. Трумэном склонилось к мнению, что лучше иметь дело с небольшой, но сплоченной европейской организацией, способной «сдерживать» Германию, чем пытаться привязать Великобританию к некоей наднациональной структуре. После начала в июне 1950 г. войны в Корее европейская интеграция стала представлять больший интерес для США с точки зрения обеспечения обороны.

---

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1948 Vol.3. Western Europe. Wash., 1974. P. 403. Acheson D Philadelphia speech. 1948 March. 10.

² Ibid. P. 170.

³ *Hoşan M.* The Marshall Plan: America, Britain & the Reconstruction of Western Europe, 1947–1952. Cambridge University Press, 1989. P. 280.

⁴ *George F. Kennan* Memoirs 1925–1950. New York, 1967. P. 452.

⁵ FRUS 1949 Vol. 4 Western Europe. Wash., 1975. P. 430. Bohlen to Kennan, October 6, 1949. Предложения Кеннана были подвергнуты критике как со стороны Франции, так и со стороны Великобритании. Франции казалась неприемлемой ситуация, в которой она бы осталась с Германией один на один на континенте. Британское правительство оценило рассуждения Кеннана как абсолютно не соответствующие их представлениям о роли Великобритании как лидера Европы. *Ibid.* P. 457.

⁶ *Leffler M. P.* A Preponderance of Power: National security the Truman Administration & the Cold War. Stanford, 1992. P. 319

⁷ 1949 FRUS 1949 Vol 4 P 345 Acheson to Embassy London, Oct. 24.

⁸ *Leffler M. P.* Op.cit P 320

⁹ FRUS 1949 Vol 4 P 362 Acheson to Schuman, Oct. 30, 1949.

¹⁰ *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department N.Y., 1969 P 341

¹¹ *Harper J.L.* American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge University Press, 1994 P 287.

¹² FRUS, 1949 Vol 4 P 240 Acheson press conference, Feb. 9, 1949.

¹³ FRUS, 1950 Vol 3 Western Europe Wash., 1977. P. 210; London Embassy to Secretary, Feb. 17, 1950.

¹⁴ *Ibid.* P. 292. McCloy to Secretary, Mar. 1950

¹⁵ *Brinkley D.* Dean Acheson and the Making of U.S. Foreign Policy. N.Y., 1993. P. 31–32.

¹⁶ *Harper J.* Op.cit. P. 297.

¹⁷ The Secretary of State to The Acting Secretary// <http://www.leidenuniv.nl/history/rtg/res/sec.html>

THE SECRETARY OF STATE DEAN ACHESON AND AN IDEA OF EUROPEAN INTEGRATION: THE EVOLUTION OF A CONCEPT IN 1948 – EARLY 1950

N.S. Malysheva
Altai State University

After the World War II the main aim of American policy in Europe was to reconstruct European economy. To achieve this the secretary of state Dean Acheson strongly recommended European leaders to establish some economic unity. After two German states were built and the USSR tested a nuclear bomb Dean Acheson's views changed. An idea of European integration seemed to become the German problem solving. Being an opponent of American interference in European affairs D. Acheson encouraged European initiatives. In order to involve Western Germany in Western European countries D. Acheson supported a French idea of the European Coal and Steel community.

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ (1950–1952 гг.)

О.Г. Лекаренко
Томский госуниверситет

Одним из важнейших компонентов военно-блоковой политики США являлась разработка военно-стратегических планов. С окончанием Второй мировой войны на Западе появились прогнозы военного столкновения двух сверхдержав после завершения в СССР восстановительного периода. Представители военных штабов США и ряда европейских стран проявляли склонность преувеличивать степень советской угрозы. Как считает американский исследователь В. Мастны, явное преувеличение военных возможностей Советского Союза на начальном этапе «холодной войны» являлось следствием особенностей работы западных разведывательных служб и сложившейся на Западе общей подозрительности в отношении внешнеполитических намерений СССР¹.

В 1947–1948 гг. британские и американские разведки считали, что СССР имеет 175 дивизий, что намного превосходило совокупную военную мощь западных стран, и подчеркивали способность Советского Союза посредством мобилизации увеличить это число почти вдвое. Анализируя советские военные возможности, представители военных кругов США, среди которых шло острое соперничество родов войск по вопросам финансирования, преднамеренно завышали численность советских вооруженных сил и сознательно игнорировали разницу в организации и технических возможностях между советскими, американскими и западными дивизиями. Тем не менее администрация США оперировала этими изначально завышенными цифрами для обеспечения поддержки своего внешнеполитического курса со стороны американской общественности и представителей законодательной власти².

По западным прогнозам, Советский Союз, опираясь на самую многочисленную в мире сухопутную армию, легко мог начать наступление в Европе – основном поле боя в случае военного конфликта двух сверхдержав – и за короткий срок оккупировать весь европейский континент. В период Берлинского кризиса в ноябре 1948 г. британская и американская разведки составили общий отчет, в котором констатировали, что

Советский Союз может начать военные действия в Европе силами в 50 дивизий и за две недели дойти до Пиренейских гор. В отчете отмечалось, что СССР располагает достаточным военным потенциалом для последующего завоевания Италии, Скандинавии, Балканского полуострова и остальной части Европы³. Возможные варианты советского нападения и ответа на него западных стран рассматривались с учетом опыта прошедшей войны. Администрация США намеревалась в течение нескольких послевоенных лет эвакуировать американские оккупационные войска из Европы. Разведывательные ведомства двух стран полагали, что в случае нападения Советского Союза на страны Западной Европы Соединенные Штаты должны организовать новую высадку на континент для сдерживания продвижения советских войск в Европе.

Таким образом, оборона Западной Европы не входила в число первоочередных задач США, а возлагалась на сами западноевропейские страны. Последние, однако, не располагали достаточными военными и финансовыми ресурсами для отражения возможного удара с Востока. Франция и другие континентальные государства-члены созданного в 1948 г. Западного союза ожидали от Соединенных Штатов не только военной и финансовой помощи, но и определенной адаптации военной стратегии США к потребностям западноевропейской обороны. Адаптация должна была заключаться в перенесении линии обороны Запада как можно далее на Восток и гарантиях прямой военной поддержки со стороны США в случае военного столкновения в центре Европы. Европейцы мало полагались на силу ядерного оружия, применение которого к тому же привело бы к невосполнимым разрушениям на континенте, и отдавали большее предпочтение присутствию американских войск в Европе⁴.

Соединенные Штаты стремились избежать предоставления подобных гарантий и сохранить свою независимость в принятии стратегических решений. Позиция США не изменилась и после подписания 4 апреля 1949 г. договора о создании Североатлантического союза, который наделил Соединенные Штаты ролью лидера в создаваемом военном блоке, в то же время сохранив за ними максимально возможную свободу действий. По инициативе представителей США при обсуждении текста Североатлантического договора в него были внесены поправки, которые исключали автоматический характер гарантий военной поддержки. Вопрос принятия решений о характере оказываемой помощи был оставлен на усмотрение каждого государства в соответствии с принятым конституционным процессом.

В период обсуждения договора о создании Организации Североатлантического договора и Программы военной помощи союзникам в

конгрессе США развернулись острые дебаты по вопросам военной стратегии. Группа так называемых неоизоляционистов во главе с сенатором от штата Огайо Р. Тафтом призывала к развитию стратегической авиации и наращиванию ядерного потенциала США. По их мнению, пакт должен был обеспечить США союзниками, располагающими сухопутными силами. «Неоизоляционисты» также выступали против Программы военной помощи союзникам и размещения американских войск за границей. Принятие билля о военной помощи было поставлено в зависимость от утверждения стратегического плана НАТО⁵. В январе 1950 г. вашингтонская сессия Совета НАТО утвердила стратегическую концепцию Североатлантического альянса, разработанную американским Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ). Она закрепляла соответствующее распределение обязанностей в блоке. Роль Соединенных Штатов сводилась к стратегическим атомным бомбардировкам и проведению военно-морских операций совместно с морскими державами Западного союза. Основное ядро сухопутных сил должны были составить войска стран Западной Европы.

Соединенные Штаты лишились ядерной монополии на три года раньше, чем предполагали американские правительственные эксперты. Это способствовало определенным изменениям в американском военном планировании. Под впечатлением информации об испытании ядерного оружия в Советском Союзе 28 сентября 1949 г. американский конгресс одобрил представленный президентом законопроект о взаимной помощи в обороне, по которому США в 1949/50 финансовом году предоставили военную помощь странам НАТО, Греции, Турции, Ирану, Южной Корее, Филиппинам и правительству Чан Кайши. В мае 1950 г. лондонская сессия Совета НАТО утвердила среднесрочный оборонный план с линией обороны, проходящей по Рейну, предполагающий создание в ближайшее время объединенных вооруженных сил Североатлантического союза⁶.

Успешное испытание ядерного оружия в Советском Союзе и изменение геополитической ситуации в Азии в связи с созданием Китайской Народной Республики заставили американцев внести изменения в политику обеспечения национальной безопасности США. В апреле 1950 г. Совет национальной безопасности (СНБ) подготовил известную директиву СНБ-68. Директива рекомендовала в целях эффективного осуществления политики «сдерживания» провести наращивание военной, экономической и политической мощи Соединенных Штатов и Запада в целом. Перевооружение США и их союзников следовало завершить к 1954 г., названному «годом максимальной опасности». Предполагалось, что именно к этому времени СССР будет располагать ядерной мощью,

необходимой для нападения на Соединенные Штаты⁷. Начало войны в Корее в июне 1950 г. ускорило введение мер, предложенных директивой СНБ-68. До этого президенту Г. Трумэну было достаточно сложно представить в конгресс программу значительного наращивания военных расходов США, которая шла вразрез послевоенной политике демобилизации и сокращения государственных расходов на военные цели.

Кроме того, после начала войны в Корее администрация США сделала вывод о возможности повторения подобной ситуации в других районах мира. Данный вывод привел как к дальнейшему пересмотру американской военной доктрины, так и достижению консенсуса между различными министерствами и ведомствами по вопросам национальной безопасности и средствам ее обеспечения. Уже в первые месяцы конфликта конгресс одобрил решения по увеличению оборонного бюджета США, численности американских сухопутных и военно-воздушных сил, расширению Программы взаимной помощи в обороне с выделением дополнительных средств для создания европейских оборонных сил и ряд других мер. Политика «сдерживания» все более стала ассоциироваться с применением чисто военных средств.

Итогом пересмотра военной стратегии США стало признание необходимости защиты территории Западной Европы одной из наиболее приоритетных задач. Соединенные Штаты взяли на себя обязательства по прямому участию в обороне Западной Европы через предоставление дополнительной военной помощи союзникам и увеличение военного присутствия на континенте. Увеличение американских обязательств сопровождалось требованиями расширить военные приготовления и численность вооруженных сил в западноевропейских государствах-членах НАТО и включить ФРГ в систему западноевропейской обороны. С развитием «холодной войны» «советская угроза» начинает постепенно, хотя и не до конца, вытеснять из сознания политических и общественных кругов западных стран опасения по поводу возможности возрождения германского милитаризма.

В сентябре 1950 г. представители министерства обороны США поставили перед союзниками по НАТО условие принять «пакетное предложение», в соответствии с которым увеличение американских сил, размещенных в Европе, и назначение американского генерала на пост верховного главнокомандующего войсками Североатлантического альянса ставились в зависимость от согласия на включение в НАТО 10 западногерманских дивизий. Состоявшаяся в этом же месяце сессия Совета НАТО в Нью-Йорке приняла официальное решение о том, что Западной Германии должна быть предоставлена возможность участия в создании системы западноевропейской обороны. Декабрьская сессия Сове-

та НАТО окончательно утвердила стратегию «передовых рубежей». Одновременно было отмечено, что осуществление данной стратегии невозможно без использования западным блоком территории ФРГ и «активного и добровольного участия» Западной Германии в системе западноевропейской обороны⁸. Завершить создание объединенных вооруженных сил НАТО в размере 68 дивизий планировалось к 1954 г. Из них 32 дивизии в 1954 г. должны были находиться в состоянии полной боевой готовности, 32 мобилизовывались в течение 30 дней, а остальные – в течение 3 месяцев с момента начала военных действий⁹.

Укрепление союзнических отношений ФРГ со странами Запада соответствовало целям западногерманского правительства. Канцлер ФРГ К. Аденауэр «исходил из того, что обретение государством военного потенциала в той или иной форме – это необходимая предпосылка достижения полного суверенитета»¹⁰. Вместе с тем, прежде чем открыто обсуждать вопросы перевооружения ФРГ, следовало убедить общественное мнение как Западной Германии, так и западных стран в том, что данный курс никак не связан с реваншистскими военными планами. В своих заявлениях для зарубежной прессы К. Аденауэр подчеркивал, что «он против того, чтобы ФРГ имела собственную армию, но готов рассмотреть вопрос о немецком вкладе в вооруженные силы европейской федерации». Таким образом, воссоздание германских вооруженных сил могло состояться только при их включении в состав международной или наднациональной армии. Военные советники К. Аденауэра, бывшие гитлеровские генералы Г. Шпейдель и А. Хойзингер, в серии своих меморандумов указывали на предпочтительность членства ФРГ в НАТО. По мнению К. Аденауэра, членство ФРГ в НАТО могло дать Западной Германии право отстаивать свои интересы при принятии военно-стратегических решений, в том числе предложения о перенесении линии обороны Запада еще восточнее – до реки Эльбы¹¹. Представители ФРГ заявляли о готовности сформировать до 14 западногерманских дивизий.

Страны Западной Европы не были готовы к тому, чтобы согласиться на американские предложения о вступлении ФРГ в НАТО, опасаясь как дальнейшей эскалации «холодной войны», так и возможности возрождения германского милитаризма. Они считали, что ФРГ можно будет принять в НАТО только после того, как страны Североатлантического блока укрепят собственную военную мощь. 24 октября 1950 г. Франция предложила альтернативный план использования западногерманского военного потенциала в рамках «европейской армии», объединяющей западноевропейские государства и подчиненной органам наднационального контроля в лице Европейского министра обороны. «Европей-

ская армия» должна была состоять из небольших национальных подразделений, объединенных в более крупные смешанные формирования, что исключало воссоздание германской национальной армии, назначение германского министра обороны, появление в Западной Германии генерального и операционных штабов. Остальные западноевропейские государства должны были постепенно передать свои национальные армии под командование Европейского министра обороны.

Военные круги США дали отрицательную оценку «плану Плевена». Поставленные Францией условия, в том числе размер германских соединений, необходимость длительных переговоров, которые должны были начаться только после подписания договора о создании Европейского объединения угля и стали, неясность их исхода откладывали перевооружение Западной Германии на неопределенный период. «План Плевена» противоречил американским планам и представлениям о возможности достаточно быстрого наращивания численности сухопутных сил Североатлантического альянса¹². Однако американские политики считали, что вместе с ранее предложенным Францией «планом Шумана» о создании Европейского объединения угля и стали «план Плевена» открывал определенные перспективы для решения «германского вопроса». Вместе с тем администрация Г. Трумэна пыталась оказывать давление на Францию с тем, чтобы убедить ее следовать ранее намеченному плану ремилитаризации Западной Германии в рамках НАТО. Однако, несмотря на то, что Франция пошла на уступки в отношении отдельных деталей «плана Плевена», такие как увеличение германских соединений до размера бригады и согласие на их формирование уже в переходный период, французские политики по-прежнему продолжали настаивать на том, что вопрос о перевооружении Западной Германии может быть решен только в рамках «европейской армии»¹³.

Переговоры по «плану Плевена» начались в Париже в феврале 1951 г. В них приняли участие Франция, Италия, ФРГ, Бельгия и Люксембург, к которым с октября 1951 г. присоединились Нидерланды. К лету 1951 г. участники Парижской конференции пришли к соглашению о необходимости создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) на основе слияния своих национальных армий под контролем общих институтов наднационального характера. Демонстрация готовности европейских членов Североатлантического альянса и ФРГ к созданию «европейских оборонительных сил», находящихся в тесном сотрудничестве с НАТО по вопросам комплектования, размещения, обучения и обмундирования войск, оказала положительное влияние на отношение администрации США к «плану Плевена»¹⁴. После завершения так называемых великих дебатов в конгрессе США (декабрь 1950 – ап-

рель 1951 г.) американское правительство направило в Западную Европу четыре из шести ранее обещанных дополнительных американских дивизий. Одновременно президент Г. Трумэн заверил конгресс в том, что впредь будет консультироваться с ним, прежде чем отправлять американские войска за границу¹⁵.

В начале 1951 г. генерал Д. Эйзенхауэр в качестве верховного главнокомандующего объединенных сил НАТО в Европе совершил поездку по столицам европейских государств для «выяснения серьезности их намерений в создании и подготовке войск, которые следовало передать под начало единого командования Североатлантического альянса». Сохранив некоторую долю скептицизма в отношении планов создания ЕОС, он все же пришел к выводу о том, что «несмотря на многие усложняющие детали, эта концепция представляет наилучший шанс для решения проблемы участия Западной Германии в европейской обороне и служит укреплению единства западноевропейских наций в соответствующих оборонных усилиях». Генерал рекомендовал госдепартаменту США поддержать создание Европейского оборонительного сообщества в целях ускорения формирования объединенных вооруженных сил Североатлантического альянса¹⁶. Американский наблюдатель на Парижской конференции, посол США во Франции Д. Брюс также полагал, что создание «европейской армии» не будет препятствовать формированию объединенных вооруженных сил НАТО, а, напротив, приведет к упрощению их структуры, так как армии некоторых европейских государств будут включены в состав ЕОС. Утверждение общего бюджета и единой программы перевооружения в рамках данной армии приведет к сокращению стоимости оборонных программ и лучшей координации экономических ресурсов западноевропейских стран. Это поможет переломить настроения общественности европейских стран-участниц НАТО, уверенной в том, что завышенные оборонные программы навязаны Европе американцами¹⁷.

В конечном итоге летом 1951 г. в госдепартаменте США пришли к выводу о том, что «европейская армия» соответствует таким долгосрочным задачам американской политики в Европе, как улучшение франко-западногерманских отношений посредством европейской интеграции и осуществление политики «двойного сдерживания» СССР и Германии. В США планировали на некоторое время сохранить американские вооруженные силы в Западной Европе. Однако к тому моменту, когда будет принято решение об их выводе, желательно было, чтобы в Западной Европе сложилась самодостаточная континентальная военная структура, существование которой будет гарантировано подписанием соответствующего договора и созданием определенных политических институ-

тов. С этого времени политика администрации Г. Трумэна начинает эволюционировать в сторону активной поддержки создания ЕОС, включающего западногерманские военные соединения и тесно связанного с НАТО. США по различным каналам оказывали воздействие на участников Парижских переговоров с целью ускорения подписания договора о создании Европейского оборонительного сообщества. От успеха и времени создания ЕОС зависела эффективность западных оборонных планов с обеспечением защиты линии обороны Запада, проходящей по Рейну. Согласно краткосрочному плану обороны Европы, составленному британскими начальниками штабов в мае 1951 г., Североатлантическому альянсу в период с лета 1951 по лето 1952 г. следовало увеличить численность своих сухопутных сил до 21–22 дивизий для отражения внезапного советского нападения в Европе. В случае объявления войны Советским Союзом Запад должен был иметь возможность довести численность своих сил до 32–37 дивизий.¹⁸

Существенным препятствием на пути создания объединенной армии Североатлантического блока являлись ограниченные послевоенные экономические возможности стран Западной Европы. С 15 по 20 сентября 1951 г. в Оттаве состоялась седьмая сессия реорганизованного Совета НАТО, на которой, кроме министров иностранных дел, присутствовали также военные министры и министры финансов стран-участниц. На сессии верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО представил доклад, в котором отметил недостаточность военных приготовлений в странах альянса и необходимость подготовки части резервов ранее намеченного срока. Предложения Д. Эйзенхауэра натолкнулись на протесты со стороны европейских государств, связанные с отрицательным влиянием программ перевооружения на национальную экономику стран Западной Европы. По этой причине в Оттаве был учрежден Временный комитет, которому поручили исследовать оптимальный уровень оборонных усилий стран-участниц НАТО и Западной Германии с учетом их влияния на экономику и социальное положение данных государств.

К ноябрю 1951 г. на основе консультаций с Временным комитетом и штаб-квартирой верховного главнокомандующего союзными силами НАТО в Европе военный комитет конференции по «европейской армии» согласовал вопросы общей численности, времени создания и размера основных единиц «европейских оборонительных сил». Основная минимальная единица национальных сухопутных формирований получила название «группировка». Данное название имело, скорее, психологическое значение, учитывая возражения Франции против создания дивизий. «Европейская армия» должна была состоять из 43 группировок,

из которых 14 поставляла Франция, по 12 – ФРГ и Италия, остальные приходились на долю стран Бенилюкса. При условии подписания договора о создании ЕОС не позднее 1 июля 1952 г. «европейские оборонительные силы» могли быть созданы к 1 июля 1954 г.¹⁹ На Парижской конференции также был определен минимальный размер единиц военно-воздушных сил, включающий 75 самолетов и 1200 человек. Вопросы германского участия в европейских военно-воздушных силах и общая численность ВВС союжества были оставлены для последующей доработки с учетом рекомендаций Временного комитета.

В ноябре 1951 г. римская сессия Совета НАТО утвердила резолюцию о сотрудничестве между ЕОС и НАТО и приняла решение о желательности завершения переговоров о создании Европейского оборонительного сообщества к следующей сессии Совета НАТО, намеченной на начало 1952 г. При этом, по мнению председателя совета постоянных представителей Североатлантического альянса Ч. Спиффорда, все вопросы, связанные с отношениями между ЕОС и НАТО, следовало включить в текст договора о создании Европейского оборонительного сообщества²⁰. В противном случае Соединенные Штаты угрожали прекратить американскую помощь по Программе взаимной помощи в обороне. При дальнейшем распределении помощи предпочтение предполагалось отдавать тем странам, которые наиболее эффективно демонстрировали возможности наращивания собственных оборонных усилий, а также «для дальнейшего поощрения экономического объединения и политической федерации в Европе» оказывать финансовую помощь всему сообществу в целом, а не отдельным его членам²¹.

К концу 1951 г., несмотря на американскую помощь и собственные усилия западноевропейских стран в области перевооружения, члены НАТО мало приблизились к реализации намеченных задач по созданию объединенной армии Североатлантического альянса. В сравнительной оценке военных возможностей НАТО и стран восточного блока от 10 ноября 1951 г. констатировалось бесспорное военное превосходство Советского Союза. Авторы отчета вновь оперировали завышенными цифрами в оценке советских военных возможностей, согласно которым на территории СССР насчитывалось 175–180 дивизий и еще 65–70 дивизий были дислоцированы в странах Восточной Европы.

В отчете военного комитета НАТО подчеркивалось, что военное превосходство СССР опирается на централизованную плановую экономику с упором на развитие тяжелой промышленности и использование экономических ресурсов стран Восточной Европы. В нем отмечалось, что политические цели Советского Союза состоят в том, чтобы сохранить свое военное превосходство в целях продолжения «агрессивной

внешней политики, направленной на то, чтобы подорвать единство членов Североатлантического альянса, доверие общественности западных стран к своим правительствам и помешать дальнейшему сотрудничеству ФРГ с западными державами». Авторы документа считали, что государства Восточной Европы в политическом, экономическом и военном отношении в любой момент готовы к развязыванию «большой» войны и, таким образом, представляют для стран НАТО постоянную военную угрозу. Единственным ответом на сложившуюся ситуацию, по мнению руководства Североатлантического альянса, являлось увеличение совместных усилий государств-членов НАТО по укреплению обороны и потенциальной готовности западных стран к более предпочтительной для них затяжной войне при сохранении превосходства США в области ядерных вооружений. Данные оценки легли в основу дальнейших планов наращивания военного потенциала НАТО, принятых в начале 1952 г.²² При их составлении существенная роль отводилась планам создания «европейской армии».

Несмотря на то, что администрация США поддержала планы создания Европейского оборонительного сообщества, в Западной Европе сохранялись серьезные сомнения относительно того, насколько реализация данного проекта соответствует интересам европейской безопасности. Так, страны Бенилюкса оказались на грани выхода из состава участников Парижских переговоров. В октябре 1951 г. они провели отдельное совещание в виде обмена мнениями по вопросам, связанным с планом создания ЕОС. С точки зрения делегации Нидерландов, только Североатлантический альянс, членами которого являлись США и Великобритания, мог дать реальные гарантии предотвращения любой агрессии в Европе. Бельгийские представители также высказывали опасения, что в случае создания ЕОС Соединенные Штаты утратят заинтересованность в обороне Западной Европы и выведут свои войска с континента. Страны Бенилюкса выступали как за полное подчинение Европейского оборонительного сообщества НАТО, так и его преобразование в коалицию национальных вооруженных сил по типу организации Брюссельского договора, не имеющей наднационального характера. Обеспокоенные перспективой доминирования в сообществе более крупных государств с установлением в конечном итоге французского или германского лидерства, которое не могло быть уравновешено Великобританией ввиду отказа последней от участия в «европейской армии», страны Бенилюкса выступили против высокой степени интеграции в ЕОС. Они считали ошибочным создание верховного органа и введение общего бюджета в ЕОС уже в переходный период²³.

Соединенные Штаты не были заинтересованы в том, чтобы ЕОС утратило свой наднациональный характер. Стремясь предотвратить выход стран Бенилюкса из состава участников Парижских переговоров, в январе 1952 г. госсекретарь США Д. Ачесон и генерал Д. Эйзенхауэр провели несколько встреч с представителями правительственных кругов Бельгии и Нидерландов. Во время этих встреч они заверили страны Бенилюкса в постоянстве американских военных и финансовых обязательств перед Западной Европой и НАТО, подчеркнули заинтересованность США в заключении договора, ведущего к политическому единству Западной Европы. Американской дипломатии удалось сохранить страны Бенилюкса в составе участников Парижских переговоров. Другие участники Парижской конференции также пошли на ряд уступок, гарантирующих защиту интересов «малых стран» в ЕОС. Уступки включали замену Европейского министра обороны Советом комиссаров с представителями от всех стран-участниц ЕОС, введение принципа единогласия в Совете министров, установление переходного периода к принятию бюджета²⁴.

Все же в начале 1952 г. госсекретарь США Д. Ачесон рассматривал ситуацию вокруг вопроса о создании ЕОС как критическую для общих планов укрепления европейской и атлантической обороны²⁵. Такая оценка была вызвана, с одной стороны, малоутешительными результатами дебатов в Национальном собрании Франции по вопросу о создании «европейской армии»²⁶, с другой – общим ухудшением франко-германских отношений, вызванным противоречиями по Саарскому вопросу²⁷. Неожиданная смерть английского короля Георга VI позволила союзникам провести в феврале 1952 г. в Лондоне серию незапланированных встреч для урегулирования политических и военных вопросов, что должно было заложить прочный фундамент под предстоящую сессию Совета НАТО. На встрече в Лондоне министры иностранных дел оккупационных держав еще раз подтвердили канцлеру ФРГ К. Аденауэру, что заключение Общего договора, восстанавливающего независимый статус Западной Германии, целиком зависит от готовности ФРГ к перевооружению в рамках Европейского оборонительного сообщества. Вместе с тем Западная Германия добилась обещаний предоставления определенных гарантий своей безопасности со стороны НАТО. Одновременно с договором о создании ЕОС планировалось подписать подготовленное советом постоянных представителей Североатлантического альянса соглашение о том, что «в случае угрозы территориальной целостности, политической независимости или безопасности участникам НАТО или договора о создании ЕОС по запросу любого из членов этих двух организаций может быть созвано объединенное заседание Совета

НАТО и Совета министров ЕОС с целью проведения необходимых консультаций об ответных действиях»²⁸.

В то же время госсекретарь США Д. Ачесон в резкой форме отверг все предложения министра иностранных дел Франции Р. Шумана о том, что Соединенные Штаты и Великобритания должны взять на себя ответственность за целостность ЕОС в случае выхода из сообщества кого-либо из его членов в одностороннем порядке. В данном случае подразумевались действия Западной Германии. Д. Ачесон заявил, что США намерены придерживаться своих обязательств только в рамках существующих санкций конгресса²⁹. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, напротив, заявил о готовности Великобритании пойти на одностороннюю публичную декларацию. В конечном итоге было принято решение о возможности включения допустимых в интересах обеих стран гарантий в трехстороннюю декларацию, которые правительства США, Великобритании и Франции подпишут одновременно с заключением договора о создании ЕОС. Р. Шуман также одобрил выдвинутое ранее министром иностранных дел Великобритании А. Иденом предложение о контроле над уровнем производства вооружений в Западной Германии после отмены оккупационного режима. ФРГ в одностороннем порядке должна была отказаться от производства на своей территории определенных видов вооружений. В текст договора, учреждающего Европейское оборонительное сообщество, планировалось включить статью об ограничении производства вооружений в так называемых стратегически важных зонах. В Лондоне также удалось смягчить франко-германский конфликт вокруг Саара. Саарский вопрос решено было оставить на обсуждение представителей Франции и ФРГ после подписания договора о создании ЕОС³⁰.

Лондонские переговоры помогли ускорить подготовку Общего договора с ФРГ и договора о создании ЕОС. Девятая сессия Совета НАТО, проходившая с 20 по 25 февраля в Лиссабоне, заслушала отчет Р. Шумана об итогах работы Парижской конференции и приняла резолюцию, одобряющую создание «европейской армии», взаимные обязательства безопасности между ЕОС и НАТО и восстановление суверенитета Западной Германии. Совет утвердил цели альянса по созданию к концу 1954 г. 90 дивизий, из которых 35–40 должны были находиться в состоянии боевой готовности, а остальные можно было мобилизовать в течение 30 дней³¹. Госсекретарь США Д. Ачесон высоко оценил итоги Лиссабонской сессии. В своих мемуарах он писал, что США, «казалось, преодолели череду препятствий и продвинулись к более объединенной и сильной Европе и интегрированной оборонной Атлантической системе»³².

Тем не менее, вопреки американским оптимистическим прогнозам, подписание договора о создании ЕОС постоянно откладывалось. Этому способствовал ряд обстоятельств, включая попытки Советского Союза сорвать подписание договора о создании Европейского оборонительного сообщества. С момента выдвижения «плана Плевена» советское руководство выступило с негативной оценкой планов создания «европейской армии». В них оно усматривало, как считает российский исследователь Н.И. Егорова, продолжение «американской стратегии ремилитаризации Западной Германии и стремления включить ее в Североатлантический союз»³³. С точки зрения советского руководства, создание Европейского оборонительного сообщества представляло гораздо большую угрозу, чем первоначальный «план Плевена», предполагающий создание смешанных многонациональных формирований, или непосредственное членство Западной Германии в НАТО, где германские дивизии находились бы под американским контролем. Советские лидеры опасались, что относительная слабость Франции позволит ФРГ быстро занять доминирующее положение в западной военной группировке, в которую не входят ни Соединенные Штаты, ни Великобритания³⁴. Позиция Советского Союза нашла отражение в ряде нот советского руководства правительствам США, Великобритании и Франции. В преддверии вступления в силу Общего договора и договора о создании Европейского оборонительного сообщества СССР предпринял очередную попытку заблокировать перевооружение Германии и ее вовлечение в военно-политические структуры Запада. С этой целью 10 марта 1952 г. советское руководство направило правительствам США, Великобритании и Франции ноту о заключении мирного договора с Германией и создании единого нейтрального германского государства³⁵. Советская сторона делала ставку на углубление разногласий между западными державами и влияние ноты на общественное мнение в Западной Германии³⁶. В случае отказа ФРГ от подписания подготовленных документов со ссылкой на советскую ноту ситуация вокруг ЕОС могла бы кардинальным образом измениться.

Согласно советской ноте Германии предстояло стать нейтральным, но вооруженным государством. Иностранные державы должны были вывести свои войска с ее территории в течение года. При этом вставал закономерный вопрос о том, куда должны быть выведены западные оккупационные войска. Единственным вариантом являлась Франция, но в начале 50-х гг. представлялось сомнительным, чтобы она смогла принять американские войска на долгое время и без предварительных условий. Таким образом, в то время как советские вооруженные силы отошли бы всего лишь немного восточнее к польской границе, американ-

ские солдаты должны были вернуться в Америку. В этом случае Советский Союз получил бы дополнительные выгоды именно в том виде вооружений, по которым он имел явное преимущество перед Западом. Как считает известный американский дипломат Г. Киссинджер, для западных держав такой поворот событий представлял большой риск и грозил расколом в НАТО. Их не устраивала как перспектива включения объединенной Германии в советскую сферу влияния, так и возможность возрождения единой, независимой Германии, преследующей свои национальные интересы и вновь способной стать угрозой миру в Европе³⁷. В этой связи администрация США взяла курс на затягивание переговорного процесса путем уточнения деталей, что открыло «войну нот», продолжавшуюся с марта по сентябрь 1952 г., во время которой стороны четырежды обменялись предложениями и контрпредложениями по «германскому вопросу».

Тревогу в Вашингтоне вызывала и ситуация, складывающаяся на переговорах в Париже. В начале апреля 1952 г. посол США во Франции информировал госдепартамент США о том, что «часть участников Парижской конференции стремится замедлить ее ход» и что, «если такое положение будет продолжаться, то момент подписания договора будет неизбежно откладываться, что играет на руку тем депутатам национальных парламентов, которые стремятся блокировать перевооружение Германии»³⁸. Затягивание переговоров о создании ЕОС происходило из стремления участников Парижской конференции внести дополнительные изменения в текст договора, призванные развеять определенные сомнения политических кругов и общественности относительно соответствия данного проекта интересам национальной безопасности отдельных стран. Представители ФРГ по-прежнему сомневались в готовности западноевропейских стран использовать свои вооруженные силы для защиты территории Западной Германии. На конференции германская делегация внесла предложение включить в текст договора о создании Европейского оборонительного сообщества статью, обеспечивающую автоматические оборонные гарантии в случае нападения на одного из членов сообщества, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны Нидерландов. Последние высказывались против столь связывающих обязательств и были готовы поддержать лишь такие действия, которые предусматривались в ст. 5 Североатлантического договора.

Одновременно представители Нидерландов подняли вопрос о том, что будет с американско-британскими гарантиями ЕОС, договор о создании которого предполагалось подписать сроком на 50 лет, в том случае, если Великобритания и США воспользуются своим правом выхода из НАТО по истечении 20 лет с момента подписания договора. Делегация

Нидерландов настаивала на продлении американско-британских гарантий ЕОС до 50 лет либо сокращении срока действия договора о создании Европейского оборонительного сообщества. В противном случае представители Нидерландов заявляли о своей готовности покинуть Парижскую конференцию или выйти из состава ЕОС в момент прекращения американско-британских гарантий сообществу.

Со своей стороны Франция также настаивала на том, чтобы переформулировать текст трехсторонней декларации таким образом, чтобы усилить американско-британские гарантии ЕОС. Французские требования подогревались опасениями возможности возвращения Соединенных Штатов на позиции изоляционизма, в случае чего Франция не смогла бы в достаточной мере «сдерживать» рост военного потенциала Западной Германии, учитывая, что сама она вела изнурительную и затянувшуюся войну в Индокитае. Присутствие американских и британских войск в Европе должно было служить противовесом усилению ФРГ. Администрация США полагала, как подчеркнул генерал Д. Эйзенхауэр на встрече с британским представителем А. Наттингом 28 марта 1952 г., что в сложившейся ситуации необходимы дополнительные позитивные шаги со стороны Великобритании для продолжения британской политики сотрудничества с Европейским оборонительным сообществом. Однако Великобритания была не готова продлить свои гарантии ЕОС без соответствующих обязательств со стороны Соединенных Штатов, так как в случае победы в США изоляционистских тенденций она оказалась бы целиком ответственной за судьбу Европейского оборонительного сообщества. Кризисная ситуация была разрешена благодаря дополнительным заверениям со стороны Великобритании и США в том, что они рассматривают свое членство в НАТО как постоянное. Администрация Г. Трумэна согласилась внести некоторые малозначительные изменения в текст трехсторонней декларации. Участники Парижских переговоров также приняли решение о возможности обсуждения ситуации странами-участницами ЕОС в случае каких-либо изменений в НАТО³⁹.

Стремление Вашингтона ускорить процесс подписания договора о создании ЕОС определялось, в частности, тем обстоятельством, что в начале июля должна была завершиться очередная сессия конгресса. Слушания в сенате по Общему договору с ФРГ могли быть отложены вплоть до января 1953 г. В середине мая 1952 г. в конгрессе должно было утверждаться распределение средств по Программе взаимной помощи в обороне на следующий финансовый год. Большая часть конгрессменов считала необходимым продолжить предоставление помощи западноевропейским странам, необходимой для завершения программ перевооружения, но высказывалась за общее сокращение ассигнова-

ний⁴⁰. Д. Ачесон предупреждал, что неясные перспективы создания ЕОС могут быть расценены в конгрессе как неспособность стран Западной Европы продемонстрировать готовность к наращиванию собственных оборонных усилий. По мнению госдепартамента и американских представителей в Европе, следовало установить точную конечную дату завершения парижских переговоров и связанных с ними переговоров с правительством ФРГ относительно восстановления суверенитета Западной Германии.

Американская позиция оказала заметное влияние на подписание 27 мая 1952 г в Париже договора, учреждающего Европейское оборонительное сообщество. Согласно данному договору в целях «обеспечения безопасности от всякой агрессии» шесть стран учреждали Европейское оборонительное сообщество наднационального характера с общими учреждениями, общими вооруженными силами и бюджетом (ст. 1)⁴¹. Европейское оборонительное сообщество должно было действовать в тесном сотрудничестве с НАТО. Согласно ст. 18 «европейская армия» в военное время целиком передавалась в подчинение верховному главнокомандующему вооруженными силами НАТО. Статья 68 предусматривала возможность включения дивизий ЕОС в армейские корпуса НАТО и наоборот.

Вместе с договором о создании ЕОС был подписан ряд документов, в том числе специальное соглашение о численности вооруженных сил сообщества, протоколы по военным, финансовым, юридическим вопросам. Члены НАТО подписали дополнительный протокол к Североатлантическому договору, согласно которому страны ЕОС получали гарантии, что нападение на любого из членов сообщества будет рассматриваться как нападение на участников НАТО и в этом случае будут приняты меры в соответствии со ст. 5 Североатлантического договора. Протокол аналогичного содержания, гарантирующий помощь стран-членов ЕОС государствам НАТО, был приложен к договору о создании Европейского оборонительного сообщества. Министры иностранных дел США, Великобритании и Франции подписали трехстороннюю декларацию, гласящую, что правительства этих государств, «заинтересованные в эффективности договора, силе, единстве и целостности сообщества, рассматривая любое действие, угрожающее его единству, как угрозу собственной безопасности, будут действовать в соответствии со статьей 4 Североатлантического договора»⁴². В числе документов, подписанных в Париже, был также договор между Великобританией и Европейским оборонительным сообществом о взаимной военной помощи в случае, если Великобритания или кто-либо из государств-участников ЕОС станет объектом вооруженного нападения в Европе. Все дополни-

тельные протоколы и документы должны были вступить в силу вместе с договором о создании ЕОС, ратификацию которого первоначально рассчитывали завершить к 1 января 1953 г. В период между подписанием и ратификацией договора планировалось приступить к набору и обучению германских солдат.

Администрация США, выражая свое позитивное отношение к перспективе создания Европейского оборонительного сообщества, гарантировала дальнейшую дипломатическую поддержку планам военно-политической интеграции в Западной Европе, служащей надежной опорой для укрепления атлантической оборонной системы. Сменившая в начале 1953 г. демократов республиканская администрация Д. Эйзенхауэра продолжила курс правительства Г. Трумэна в отношении планов создания Европейского оборонительного сообщества.

---

¹ *Masny V. The New History of Cold War Alliances // Journal of Cold War Studies. Spring 2002. Vol. 4, № 2. P. 61–62.*

² *Karber P. A., Combs J.A. The United States, NATO, and the Soviet Threat to Western Europe: Military Estimates and Policy Options, 1945–1963 // Diplomatic History. Summer 1998 Vol. 22 № 3. P. 400–404*

³ *Ibid P. 411.*

⁴ *Greiner Ch. Strategic Concepts for the Defence of Western Europe, 1948–1950 // The Western Security Community. Common Problems and Conflicting Interests during the Foundation Phase of the North Atlantic Alliance. Ed by N. Wiggerhaus R.G. Foerster. Oxford, Providence. 1993. P. 316–328.*

⁵ *Пелунас М.Я. Роль сенатской комиссии по иностранным делам в подготовке к ратификации Североатлантического договора в США (апрель-май 1949) // Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. Вып. 5. С. 103.*

⁶ *Kaplan L.S. NATO and the United States: the Enduring Alliance. N. Y., 1994. P. 37.*

⁷ *National Security Council Paper No. 68 (NSC – 68), 1950 // Major Problems in American Foreign Relations. Edited by T.G. Paterson, D. Merrill. Vol. 2 Lexington (Mass.), Toronto, 1995. P. 262–264.*

⁸ *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1950. Vol. 3 Western Europe Wash., 1977. P. 538–539.*

⁹ *Greiner Ch. Op. cit. P. 333.*

¹⁰ *Уильямс Ч. Аденауэр Отец новой Германии М., 2002 С. 399.*

¹¹ *Там же. С. 398–400; Power in Europe? Great Britain, France, Italy and Germany in a Postwar World 1945–1950 / Ed. by J. Becker and F. Knipping Berlin; New York, 1986 P. 118–119, 353–366.*

¹² *FRUS. 1950. Vol. 3. P. 405–406, 411–412, 1690*

¹³ *Ibid. P. 421–424, 429–430, 439–440.*

¹⁴ *Об изменении оценок «плана Плевена» в США более подробно см.: Лекаренко О.Г. Эволюция отношения администрации США к «плану Плевена» // Американские исследования в Сибири Томск, 2002 Вып. 6 С. 69–82*

¹⁵ *Во время «великих дебатов» значительная часть сенаторов настаивала на соблюдении распределения обязанностей в НАТО, в соответствии с которыми роль США в НАТО определяется военно-воздушной поддержкой, а сухопутные войска должны создаваться*

европейскими государствами. Они выступали против постоянного присутствия американских войск на континенте. См.: Congressional Record (CR). Vol. 97. Proceedings and debates of the 82d Congress. First session. Wash., 1951. Pt. 1. P. 157–158.

¹⁶ *Eisenhower D* The White House Years. Mandate for Change: 1953–1956. London, 1963. P. 12; FRUS 1951. Vol. 3. Western Europe and the German Question. Pt. 1. Wash., 1981. P. 538–539.

¹⁷ *Ibid.* P. 805–807, 815, 823.

¹⁸ Chiefs of Staff Committee. Defence of Europe in the Short Term. 31¹⁰ May, 1951 // http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_7/docs/nbb1.pdf

¹⁹ FRUS 1951. Vol. 3. Pt. 1. P. 937–939.

²⁰ *Ibid.* P. 892, 918–920.

²¹ *Ibid.* P. 947–948, 958

²² Note by the Secretaries to the North Atlantic Military Committee on Estimate of the Relative Strength and Capabilities of NATO and Soviet Bloc Forces at Present and in the Immediate Future // http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_7/docs/nbb2_part1.pdf, http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_7/docs/nbb2_part2.pdf

²³ FRUS 1951. Vol. 3. Pt. 1. P. 907, 912, 931, 979, 989

²⁴ frus. 1952–1954. vol. 5. western european security. pt 1. wash., 1983. p. 574, 581–586.

²⁵ *Acheson D.* Present at the Creation: My Years in the State Department. N. Y.: L., 1987. P. 608–609.

²⁶ 11 февраля 1952 г. в Национальном собрании Франции начались дебаты по вопросам, связанным с созданием ЕОС. Против подписания данного договора выступили представители Коммунистической партии Франции, независимые, радикалы и возглавляемое Ш. де Голлем Объединение французского народа. Парламентарии выдвинули ряд условий: предоставление американско-британских гарантий целостности ЕОС, включение в текст договора статей об ограничении производства определенных видов вооружений в Западной Германии. Социалисты поставили вопрос о членстве Великобритании в сообществе. Без выполнения данных условий, учитывая вовлеченность Франции в войну в Индокитае, рост претензий со стороны ФРГ и постоянное американское давление, члены французского парламента считали договор о создании ЕОС противоречащим интересам национальной безопасности Франции. См.: FRUS. 1952–1954. Vol. 5. Pt. 1. Wash., 1983. P. 612–616.

²⁷ В январе 1952 г. правительство Франции в продолжение своей политики закрепления экономического союза с автономным Саарским государством приняло решение о создании французского дипломатического представительства в Сааре. В ответ 4 февраля 1952 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр заявил, что не сможет подписать Общий договор и договор о создании ЕОС до тех пор, пока не урегулирован Саарский вопрос. См. подробнее: *Молчанов Н.Н.* Саарский вопрос (1945–1957) М., 1958. С. 203–204.

²⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. 5. Pt. 1. P. 633.

²⁹ *Ibid.* P. 612. Речь шла о тех заверениях, которые президент США дал конгрессу по окончании “великих дебатов”.

³⁰ *Acheson D.* Op. cit. P. 616–617; *Eden A.* Full Circle. Boston, 1960. P. 43

³¹ *Powaski R.E.* The Entangling Alliance. The United States and European Security, 1950–1993. Westport, Conn., London, 1994. P. 25.

³² *Acheson D.* Op. cit. P. 626.

³³ *Егорова Н.И.* Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 68–69.

³⁴ *Masny V.* NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–56. CWIHP Working Paper № 35. Wash., March 2002. – http://www.isn.ethz.ch/php/research/Mutual_Receptions/WP_35_Masny.pdf

³⁵ Белая книга о милитаристском “общем” договоре. Приложения. М., 1953. С. 290–314.

- ³⁶ Родович Ю. В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 78.
- ³⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 451–452, 462.
- ³⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. 5. Pt. I. P. 636–637.
- ³⁹ Ibid. P. 628–629, 654–656, 665–667, 673, 681–682.
- ⁴⁰ CR. Vol. 98. Proceedings and Debates of the 82d Congress. Second session. Wash., 1952. P. A2801, 5735–5755.
- ⁴¹ Договор, учреждающий Европейское оборонительное сообщество // Франция и «европейская армия». Приложение. М., 1954. С. 205–262.
- ⁴² FRUS. 1952–1954. Vol. 5. Pt. I. P. 687.

THE EUROPEAN DEFENSE COMMUNITY PROJECT'S ROLE IN THE U.S. MILITARY STRATEGY (1950–1952)

O.G. Lekarenko
Tomsk State University

The author investigated the U.S. support of the European Defense community project (EDC) in the framework of the major transformation in the American military strategy.

With the formation of NATO Truman administration made vain efforts to impress on the allies the immediate need for larger conventional forces to counter the massive Soviet ground presence in Europe. American officials insisted that ground defenses would be the primary responsibility of the European allies.

After the North Korean attack on June 25, 1950 U.S. administration reconsidered its policy toward Western Europe. The important decisions about the deployment of additional U.S. combat troops in Europe, the nomination of a supreme commander to head NATO's armed forces and the West German rearmament were adopted. However, to the most American officials, the deployment of U.S. ground forces in Europe was not seen as a permanent commitment to a Europe's defense, but only a stopgap measure to buy time for the Europeans to build up their own conventional forces. On this reason Truman administration supported the European Defense community project.

The EDC treaty was signed on May 27, 1952 soon after the Lisbon Force goals, a landmark in the NATO rearmament, were approved.

**ПРОВАЛ РАТИФИКАЦИИ ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ
В АВГУСТЕ 1954 г.**

Е.Ю. Проден
Томский госуниверситет

Франция, пережив не только экономическую разруху, но и унижение оккупации и режима Виши, оказалась в числе государств, наиболее пострадавших во Второй мировой войне. Перед страной стояла сложная задача разработки новой внешнеполитической стратегии.

Гарантами послевоенной системы международных отношений являлись США и СССР. Глобальная стратегия США предусматривала создание военно-политических блоков, в том числе и в Европе. СССР вышел из войны в ранге великой державы, хотя и обладал меньшей экономической мощью, чем США. Как считает Т.В. Волокитина, концепция национальной безопасности Советского Союза, формировавшаяся еще во время Второй мировой войны, предполагала создание пояса безопасности в Восточной Европе и системы двусторонних договоров против «немецкой угрозы»¹. Франция была традиционным союзником России против Германии, и франко-советский договор 1944 г. рассматривался в Советском Союзе как одно из первых в серии подобных антигерманских соглашений.

Французская внешнеполитическая концепция формировалась в условиях быстро изменяющейся ситуации в Европе. В первые послевоенные годы державы-победительницы проводили согласованную политику в отношении поверженной Германии. Однако уже во второй половине 1946 г. определились изменения в германской политике США и Великобритании. В соответствии с «планом Маршалла», провозглашенным в 1947 г., европейские страны, включая Францию, начали получать американскую экономическую помощь для восстановления национальных экономик. Советский Союз отказался участвовать в осуществлении «плана Маршалла». Правительство СССР оказало давление на страны Центральной и Юго-Восточной Европы и добилось поддержки ими позиции СССР. Тем самым обозначилась линия раскола Европы на два лагеря.

Осенью 1947 г. началось обсуждение возможных вариантов создания военного блока США, Канадой и странами Западной Европы. Один из проектов, предложенных Великобританией, предполагал формирование двух группировок – США и Канады, с одной стороны, и стран Западной Европы, с другой, – с последующим заключением соглашения между ними². На двусторонних переговорах представителями Великобритании и Франции британский министр иностранных дел Э. Бевин, при широкой поддержке других английских политических деятелей, выступил за превращение Западной Европы в независимую «третью силу». Далеко идущие планы английского министра состояли в создании «большой Европы», которая должна была также включить Скандинавские страны, Италию, Грецию и Португалию и во главе которой должна была стоять Великобритания³. Созданный подобным образом многосторонний союз должен был самостоятельно противостоять «советской угрозе» и создать возможность для Великобритании развивать «особые» англо-американские отношения. Со своей стороны французское правительство стремилось сохранить дипломатическую инициативу и помешать дальнейшему усилению позиций Великобритании в Европе.

В начале 1948 г. при обсуждении договора о создании Западного союза министр иностранных дел Франции Ж. Бидо предлагал использовать «дюнкеркскую формулу», т.е. подписание серии двусторонних договоров по примеру англо-французского договора 1947 г., направленного против угрозы Германии. Помимо всего прочего, инициативы французской дипломатии свидетельствовали о том, что во французском обществе господствовали антигерманские настроения, а, кроме того, французское правительство опасалось спровоцировать денонсацию Советским Союзом франко-советского договора о дружбе и взаимопомощи 1944 г.⁴

Французские предложения вызвали сопротивление Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Подписанный 17 марта 1948 г. Брюссельский договор упоминал «немецкую угрозу» лишь в преамбуле и был направлен против вооруженной агрессии в Европе. Он был поддержан правительством Соединенных Штатов лишь после согласия европейских стран начать переговоры по созданию Североатлантического блока.

После ликвидации американской ядерной монополии страны НАТО пришли к выводу о необходимости значительного наращивания как ядерных, так и обычных вооруженных сил Североатлантического блока. В январе 1950 г. Совет НАТО принял военную доктрину «щита и меча». Функция «меча» отводилась американской стратегической авиации, в то время как роль «щита» должны были играть объединенные вооруженные силы НАТО в Европе. С началом войны в Корее США предприняли

шаги по разработке плана включения германского военного потенциала в западноевропейскую оборону. Госдепартамент США и Объединенный комитет начальников штабов подготовили соответствующий проект. Он был одобрен президентом США и изложен госсекретарем Д. Ачесоном 15 сентября 1950 г. на нью-йоркском заседании Совета НАТО. В это же время канцлер ФРГ К. Аденауэр предпринял политическое давление на оккупационные власти с целью добиться создания вооруженных федеральных полицейских сил в размере 25 тысяч человек на случай атаки со стороны народной полиции, созданной в Восточной Германии и насчитывавшей 75 тыс. человек⁵. Инициативы К. Аденауэра встретили сопротивление французского правительства. Как утверждал французский верховный комиссар в Германии А. Франсуа-Понсэ, создание федеральных полицейских сил означало бы не только замаскированное восстановление вермахта, но и – суверенитета ФРГ⁶.

Вопросы военной интеграции Западной Европы были неразрывно связаны с проблемами европейского экономического сотрудничества. В мае 1950 г. Францией был инициирован «план Шумана», предусматривавший создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). План стал первым шагом на пути реализации федералистской концепции создания единой Европы. Он отражал стремление Франции ограничить рост потенциала тяжелой промышленности ФРГ.

Одновременно Франция заняла твердую позицию противостояния любому виду вооружения Германии. Вместе с тем, учитывая важность задачи укрепления военного потенциала НАТО, Кэ д'Орсэ (Министерство иностранных дел Франции) понимало неизбежность перевооружения Западной Германии и разрабатывало варианты действий, направленных на установление контроля Франции над этим процессом.

В связи с давлением, оказанным союзниками по НАТО на французское правительство в пользу усиления процесса интеграции Германии в экономическую и военную систему стран Запада, французский комиссар по вопросам планирования Ж. Моннэ, автор проекта ЕОУС, в письмах министру иностранных дел Р. Шуману высказал предложения о создании наднациональной системы обороны Европы по модели экономической интеграции в рамках ЕОУС. Это решение предлагало более приемлемую для французской общественности форму немецкого участия в обороне НАТО и гарантировало продолжение переговоров по «плану Шумана». Последнее было особенно важно для Ж. Моннэ, боявшегося, что ремилитаризация Западной Германии и восстановление немецкого суверенитета повлекут за собой провал проекта ЕОУС⁷.

Предложения Ж. Моннэ нашли отражение в так называемом плане Плевена – докладе французского премьер-министра Р. Плевена на засе-

дании Национального собрания 24 октября 1950 г.⁸ Депутаты Национального собрания Франции одобрили план 343 голосами против 225. Известный французский исследователь Ж.-А. Суту утверждает, что депутаты Национального собрания рассматривали «план Плевена» как способ избежать немедленного перевооружения Германии⁹. Против проекта, предложенного Р. Плевеном, выступили в основном коммунисты и голлисты.

В результате переговоров представителей западных стран «план Плевена» был существенно изменен. Вместо принципа «полного слияния человеческих и материальных ресурсов» в форме малых мобильных подразделений, составлявших не национальные дивизии¹⁰, проект подготовленных к началу 1952 г. соглашений, учреждавших Европейское оборонительное сообщество (ЕОС), предусматривал создание национальных подразделений на уровне дивизий. Если «план Плевена» устанавливал сильную наднациональную «политическую и военную власть» в лице европейского министра обороны, ответственного перед Европейской ассамблеей, и единый бюджет¹¹, то проект соглашений не предусматривал подобного уровня политической интеграции. Комиссариат ЕОС, состоящий из 9 членов, должен был непосредственно подчиняться верховному главнокомандующему вооруженными силами НАТО. Круг полномочий Совета министров сообществ, Европейской ассамблеи и суда был существенно ограничен. Франция и Бельгия имели право сохранять небольшое число подразделений вне «европейской армии» для поддержания порядка в колониях, однако дополнительные контингенты они могли вывести из состава «европейской армии» на время и только с согласия комиссариата ЕОС и верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО. Поэтому, хотя французское Национальное собрание на заседании в феврале 1952 г. уполномочило правительство подписать разработанные соглашения, депутаты парламента составили список из двадцати оговорок к договору, самыми главными из которых были требования участия британских вооруженных сил в планируемой армии, а также предоставления американских гарантий и создания сильной наднациональной политической власти. Однако в подписанных в Париже 27 мая 1952 г. Францией, Германией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом соглашениях не были учтены требования французских парламентариев.

Обсуждение в 1952–1954 гг. проблемы ратификации договора о создании ЕОС во французском Национальном собрании показало наличие в политических кругах Франции различных подходов к проблеме обеспечения национальных интересов страны. Внешнеполитическая линия французского правительства не встречала однозначной поддержки и

общества в целом. В определенной степени это было следствием особенностей политического устройства Четвертой республики. Ее характерными чертами были концентрация власти в руках депутатов Национального собрания. Депутаты и члены правительства ставили на первое место партийные интересы. На смену коалиции социалистов, радикалов и коммунистов, просуществовавшей с 1944 по 1947 г., пришел политический блок так называемой третей силы, объединивший христианских демократов, радикалов и социалистов, последние из которых постепенно заменялись представителями правых партий. Всего около четверти депутатов парламента находились в оппозиции не только к правительству, но и – к режиму¹². Наибольшую активность проявляли Французская коммунистическая партия (ФКП) и «Объединение французского народа». Эти партии делали ставку на политику обструкции законодательных инициатив правительства в Национальном собрании¹³. Парламентская оппозиция опиралась на поддержку общественности Франции. Начало «холодной войны» в Европе вызвало к жизни движение французских интеллектуалов, которое получило название «нейтрализм»¹⁴. Это движение не было достаточно сильным, чтобы коренным образом изменить внешнеполитический курс Франции, однако оно имело сторонников в разных политических партиях, и факт его существования не могло игнорировать руководство страны. Часть депутатов парламента от социалистической партии (С. Ф.И.О.), партии радикалов и малочисленных парламентских групп, называемых исследователями «консервативными», во время обсуждения плана создания ЕОС использовали лозунги движения «нейтрализма». Это еще более увеличило влияние «нейтрализма» на общественное мнение Франции в целом. По накалу страстей, охвативших французскую общественность, дебаты вокруг плана «европейской армии» даже сравнивались современниками с «делом Дрейфуса»¹⁵.

1 июня 1954 г. конгресс С. Ф.И.О., так же как и ранее партийный съезд радикалов, принял решение в поддержку ратификации Парижских соглашений от 27 мая 1952 г.¹⁶ Но половина депутатов парламента от этих партий не выполнили этих решений. Одновременно часть представителей консервативных групп выступила против ратификации договора о создании ЕОС. Именно депутаты от этих трех политических сил оказались в самом центре бурных дебатов Национального собрания 28–30 августа 1954 г. 30 августа 1954 г. во время голосования по ратификации договора, кроме коммунистов и голлистов, 53 представителя социалистической партии, 34 радикала и около 50 представителей консервативных групп выступили против, нарушив тем самым партийную дисциплину¹⁵.

И сторонники, и противники проекта призывали защищать национальные интересы Франции. Сторонники ЕОС считали лучшим средством обеспечения национальной безопасности и воплощения французских внешнеполитических амбиций атлантическое партнерство и углубление европейской интеграции. Противники указывали на ряд важных изменений в международной ситуации, произошедших после подписания соглашений, и предлагали искать новые решения в сфере национальной безопасности. Их аргументация во время дебатов Национального собрания свидетельствовала о росте влияния движения «нейтрализма».

Часть противников ратификации ЕОС, как отмечал знаменитый французский социолог и участник событий Р. Арон, считала возможным вообще избежать вооружения Германии¹⁸. Эти парламентарии противостояли любой форме ремилитаризации ФРГ, рассматривая ее как неизбежную угрозу французской безопасности. Многие противники ЕОС утверждали, что договор о его создании не соответствовал принципу малочисленных мобильных подразделений, выдвинутому в «плане Плевена», а, напротив, учреждал полноценные национальные дивизии, то есть вел к восстановлению вермахта. Употребление слова *вермахт* указывало неразрывную связь между вооружением Германии и восстановлением немецкого духа милитаризма и экспансии. Пережив три немецких завоевания за 70 лет, французы пока психологически не были готовы поверить в возможность мирного сосуществования со своим восточным соседом. Образ Германии, выросший из прошлого опыта французской нации, был агрессивным и экспансионистским. Как отмечал современник событий политолог А. Гроссер, во французском страхе перед вооружением Германии очень трудно было разделить «эмоциональную мотивацию» и «политический расчет», «враждебность фундаментального антигерманизма» и «конструктивную мысль», «учет современной международной ситуации» и «память о вчерашних франко-германских отношениях»¹⁹. Независимый республиканец А. Омеран очень эмоционально выразил присущий французской общественности страх перед Германией: «Германия может принести только неприятности, страсти, волнения в довольно слабое объединение... Мягчайшая, нормальнейшая и самая уживчивая, Германия вдруг превращается в монстра...»²⁰. Проблема безопасности Франции осложнялась вопросом спорных территорий. Сама мысль о возможности пребывания немецких войск в Эльзасе, который, согласно доктрине «естественных границ», был французской территорией, вызывала бурные протесты общественности.

Активными противниками перевооружения Германии являлись депутаты от С. Ф.И.О. Те из них, кто поддерживал договор о создании

ЕОС, утверждали, что «европейская армия» – единственный способ избежать создания вермахта. Однако социалист М. Лежен, возглавлявший Комиссию по вопросам национальной обороны в парламенте, отмечал, что подобное утверждение неверно, поскольку Парижские соглашения 1952 г. учреждали не только чисто национальные дивизии, но и национальную военную инфраструктуру – все то, что ведет к восстановлению «седьма закамуфлированного вермахта»²¹.

Сторонники «нейтрализма», помимо непосредственной угрозы национальной безопасности и территориальной целостности страны со стороны Германии, подчеркивали еще один недостаток проекта ЕОС, а именно, то что он создавал потенциальную угрозу французскому лидерству на континенте. Один из лидеров С. Ф.И.О. Ж. Мок, ответственный за подготовку доклада по Парижским соглашениям 1952 г. от имени Комиссии по иностранным делам Национального собрания, отмечал, что даже при условии соблюдения секретного соглашения о соотношении национальных дивизий, численность немецких солдат в реальности все равно превзойдет число французских, учитывая тот факт, что Франция должна была сохранять значительные вооруженные силы в колониях²².

Многие депутаты-социалисты, так же как и радикалы, считали, что вооружение Германии в любом виде, включая создание «европейской армии», имело бы провоцирующий характер²³. Они указывали, что создание вооруженных сил ФРГ способно спровоцировать начало военных действий со стороны СССР, что привело бы к новой войне в Европе.

Депутаты от социалистической партии выступали в поддержку экономической и политической, но не военной интеграции Европы. Депутаты-радикалы в своих выступлениях поддержали протесты голлистов по поводу наднационального характера ЕОС. Парижские соглашения 1952 г., с их точки зрения, нарушали принцип национального суверенитета, наделяя наднациональные европейские структуры властью над французской армией и внешней политикой в целом. Один из наиболее ярых сторонников концепции национального интереса в рамках традиционной дипломатии, которого А. Гроссер назвал «человеком прошлого»²⁴, радикал Э. Эррио утверждал, что «ограничение суверенитета» и независимости страны противоречит «национальному самосознанию». Отметив, что комиссары, которые должны будут принимать решения по командованию, сроку военной службы, размеру военного бюджета, – обычные люди и, следовательно, не смогут утратить национальную приверженность и остаться беспристрастными, Э. Эррио затронул фундаментальные проблемы, касающиеся жизнеспособности самой идеи единой Европы.

Проблема «потери» национальной армии особенно болезненно воспринималась во Франции не только потому, что армия всегда была символом «суверенитета и независимости Франции». Проблема сохранения национальной армии затрагивала вопрос о совместимости французских колониальных обязательств и европейских инициатив. Французская колониальная империя занимала важное место в системе национальных интересов Франции. Французский союз служил олицетворением величия страны. Колонизаторская политика зиждилась на убеждении в особой миссии Франции: внести свой вклад в цивилизацию стран Третьего мира²⁵. Хотя к лету 1954 г. значительная часть французской общности соглашалась с правильностью политики, направленной на вывод французских войск из Индокитая, но она все еще считала североафриканские колонии территорией Франции, для поддержания порядка на которой необходима французская армия. Создание «европейской армии» фактически ставило французскую политику в заморских территориях в зависимость от позиций Германии и Италии.

Одной из важнейших в числе оговорок к договору, сделанных депутатами Национального собрания в феврале 1952 г., была оговорка, касавшаяся обеспечения гарантий со стороны Великобритании и США в «сдерживании» вооруженной Германии на европейском континенте. Часть депутатов парламента, не поддерживавшая политику европейской интеграции, считала, что французское участие в этом процессе являлось шагом назад, а не вперед в вопросе наращивания французского влияния в мировой политике. Эти парламентарии считали, что акцент во внешней политике на решении европейских проблем может помешать Франции восстановить позиции великой державы²⁶. Социалисты и радикалы во время дебатов в Национальном собрании по Парижским соглашениям высказывали недовольство позицией Великобритании, а также подвергали критике американскую политику поощрения усиления Германии. Как подчеркивали депутаты, премьер-министр Великобритании У. Черчилль не захотел принимать прямых обязательств по обеспечению присутствия британских вооруженных сил на континенте, а подписал конвенцию, обеспечивавшую английское сотрудничество с Советом и Комиссариатом ЕОС только в случае, непосредственно затрагивающем интересы Великобритании²⁷. А. Омеран отмечал в этой связи, что ЕОС будет претворять в жизнь политику, выгодную Соединенным Штатам, стремившимся объединить Европу вокруг христианско-демократической Германии, на которую госсекретарь США Дж. Ф. Даллес якобы сделал ставку²⁸. Настоятельные требования английского участия в «европейской армии» и предоставления американских обязательств продлить срок действия Североатлантического договора до

50 лет, тем самым сохранить американское присутствие в Европе на срок действия договора о создании ЕОС, выдавали беспокойство французских политиков не столько по поводу возможной немецкой экспансии, сколько – немецкого преобладания на континенте. Аргументация свидетельствовала о стремлении Франции стать равноправным партнером США и Великобритании в НАТО.

Ряд депутатов от социалистической партии в свое время поддерживал «план Плевена» во избежание одностороннего вооружения ФРГ, но в 1954 г. контролируемая Францией ремилитаризация Германии уже не казалась способом обеспечения национальных интересов страны. Смерть Сталина в марте 1953 г. дала надежду на возможность разрядки напряженности в Европе. 11 мая 1953 г. британский премьер-министр У. Черчилль выступил в Палате общин с призывом урегулировать немецкий вопрос с участием СССР, предлагавшим «нейтрализацию» Германии. Подобная ситуация заставила французские политические круги, уставшие от бесконечной войны в Индокитае, рассматривать проблему ратификации договора о создании ЕОС более, чем когда-либо, в непосредственной связи с «вьетнамским» вопросом. Кэ д'Орсэ направил в июле 1953 г. ноту в госдепартамент США, в которой говорилось, что Национальное собрание не ратифицирует договор о создании ЕОС, пока сохраняются шансы на соглашение с Москвой по «вьетнамскому вопросу»²⁹. Как отмечает американский исследователь Л. Гарднер, Франция надеялась получить гораздо больше от урегулирования войны в Индокитае на конференции четырех держав, чем от урегулирования с участием ООН, в которой увеличивалось число арабских стран, руководство которых занимало антиколониалистские позиции. «Вьетнамский вопрос» и стал одним из факторов, укрепивших решимость части французских социалистов не допустить создания «европейской армии»³⁰.

Другим важным вопросом, влиявшим на позицию многих депутатов в отношении договора о создании ЕОС, была ядерная стратегия НАТО. Вступление в своеобразный клуб ядерных держав для многих французских политиков и военных было незыблемым условием восстановления французского престижа мировой державы. В свое время Соединенные Штаты отказались сотрудничать с французской Комиссией по атомной энергии. Поставленная американским правительством Д. Эйзенхауэра задача – сократить расходы на оборону в целом и, в частности, на содержание обычных вооруженных сил, а также увеличить количество и мощность ядерного оружия – нашла отражение в стратегической концепции НАТО. Безопасность европейских стран в значительной степени оказывалась в зависимости от решения США и Великобритании использовать в критической ситуации ядерное оружие. Неудиви-

тельно, что многих европейцев, в том числе французов, не устраивала роль «пушечного мяса», отведенная им в стратегической концепции «щита и меча».

Во время дебатов по договору о создании ЕОС генерал А. Омеран подчеркивал возможность нового подхода к обеспечению европейской безопасности. В условиях ядерной монополии двух супердержав и акцента в их военных стратегиях на развитии ядерных вооружений и средств их доставки идея европейской военно-политической интеграции выглядела ущербной в глазах представителей центристских партий³¹. Они считали, что делегирование части суверенитета наднациональному органу потенциально еще более увеличивало зависимость союзников от США.

1 марта 1954 г. на Маршалловых островах прошли испытания ядерного устройства, ставшие важным этапом в создании американской водородной бомбы. Хотя первая водородная бомба была взорвана Советским Союзом еще в августе 1953 г., американские испытания получили широкую огласку в связи с несчастным случаем с японским рыболовным судном, накрытым радиоактивным облаком. Известия о последствиях взрыва водородного устройства шокировали мировую общественность. Взрыв бомбы отметил приход термоядерной эры, в которой, как отмечал специалист по вопросам разоружения во французском правительстве Ж. Мок, число обычных вооружений потеряло значение. «Что могут изменить несколько дивизий в случае подобной фатальной ситуации [разрушение Парижа термоядерными бомбами] и какова будет цена нескольких спасенных жизней в этом лагере смерти, руин и яда?»³² – задавал вопрос этот политик. Ужас, вселяемый водородной бомбой, способствовал дальнейшему росту популярности во французском обществе идей разрядки и разоружения. Однако политики не могли не осознавать, что ядерный паритет США и СССР вносил стабильность в международную ситуацию. С точки зрения французских государственных деятелей и военных, обладание Францией ядерным оружием не только способствовало бы обеспечению национальной безопасности, но и увеличивало бы уровень безопасности в Европе³³.

В условиях наращивания американского ядерного потенциала идея необходимости создания французского атомного оружия становилась более привлекательной, чем создание «европейской армии». Уже с 1951 г. французская Комиссия по атомной энергии начала разработку секретной программы по производству атомной бомбы. В июне 1952 г. французское Национальное собрание одобрило «законопроект по реализации плана развития атомной энергии в 1952–1957 гг.» и отклонило большинством голосов поправку фракции ФКП об обязательстве прави-

тельства не использовать плутоний для создания бомбы. Однако программа создания французского ядерного оружия противоречила содержанию ст. 107 Парижских соглашений 1952 г., вводящей ограничения на массу плутония, которой могла обладать страна-участница договора о создании ЕОС, до 500 г в год³⁴. Французские военные настаивали на неприемлемости в этой части проекта ЕОС. Начиная с июня 1954 г. они призывали к созданию Европейской группы в НАТО, которая получила бы право на обладание ядерным оружием. В августе 1954 г. премьер-министр П. Мендес-Франс на основании доклада своего помощника о положении Франции в НАТО и необходимости создания национальных ядерных сил подписал декрет о создании Верховной комиссии по военным делам.

Таким образом, признавая неприемлемость проекта ЕОС по вышеперечисленным причинам, представители С. Ф.И.О., радикалы и консерваторы поддержали концепцию обеспечения безопасности Франции, предлагавшуюся участниками движения «нейтрализма». Центральной идеей концепции французских «нейтралистов» было создание «Европы отечеств» как независимой «третьей силы».

Деятельность «нейтралистов» была направлена на обеспечение, в первую очередь, мирного сосуществования Запада и Востока и посредничества Европы в отношениях США и СССР. Ж. Мок начал свой доклад, подготовленный от имени Комиссии по иностранным делам по поводу договора о создании ЕОС, призывом к укреплению мира, от которого зависит будущее Франции. Кроме того, социалисты, радикалы и консерваторы считали, что новая концепция должна базироваться на создании системы коллективной безопасности в «Большой Европе». Программа С. Ф.И.О. одним из главных пунктов провозглашала необходимость включения Великобритании и Скандинавских стран в подобную систему. Противники ЕОС акцентировали центральную роль процесса разоружения и сотрудничества в деле обеспечения безопасности европейского континента.

Наконец, следуя традициям французских парламентских дискуссий, важным элементом которых являлась патетика, депутаты – сторонники «нейтрализма» – поддержали идею особой миссии Франции. Предлагаемая ими программа должна была обеспечить Франции положение лидера в деле спасения человечества. Во французских политических кругах считали, что именно Франция должна была выступить инициатором, и, следовательно, лидером процесса объединения континента и посредником в любых переговорах. Цивилизаторская миссия, являющаяся неотъемлемой частью концепции национальных интересов Фран-

ции, приобрела бы новую форму – миротворчество и лидерство в процессе разоружения³⁵.

Как уже отмечалось, 30 августа 1954 г. половина депутатов левоцентристской партии, С. Ф.И.О., и партии центра, партии радикалов, а также часть депутатов в составе консервативных групп проголосовали против ратификации договора о создании ЕОС, поддержав ФКП и голлистов. Администрация Д. Эйзенхауэра назвала провал ратификации договора о создании ЕОС в Национальном собрании результатом слабости французской политической системы. В действительности проект ЕОС не учитывал условия 1954 г., так как интеграция в военной области требовала наличия наднациональной политической власти³⁶. Ратифицированный в декабре 1954 г. договор о создании Западноевропейского союза больше соответствовал требованиям времени. Многие современные исследователи считают провал планов создания Европейского оборонительного сообщества закономерным, поскольку этот план противоречил национальным интересам страны в их понимании французской политической элиты в середине 1950-х гг.³⁷

---

¹ Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов. от компромиссов к конфронтации // Сталин и холодная война. М., 1997. С. 11.

² Пелинас М.Я. Политика США и Великобритании по созданию военно-политической организации на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1955 гг.) // Американские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 5, С. 50–51.

³ Егорова Н.И. Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947–1953 гг.) // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 187.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Кузнецов Е.Л. Вопрос о создании федеральной полиции в отношении К. Аденауэра с оккупационными державами // Американские исследования в Сибири. Томск, 2002. Вып. 6. С. 85.

⁶ Hitchcock W.I. France restored Cold War Diplomacy and the Quest for Leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill, 1998. P. 137.

⁷ Ж. Монне считал, что если Германия получит полный суверенитет, ФРГ менее охотно будет продолжать переговоры по ЕОУС и европейской интеграции, предлагавшей ей выгоду равенства с остальными странами. Об этом см. Winand P. De l'usage de l'Amérique par Jean Monnet dans la construction européenne // Jean Monnet, l'Europe et les chemins de la paix. Paris: Publications de la Sorbonne, 1999. P. 260.

⁸ Затем «план Плевена» был изложен на октябрьской встрече министров обороны НАТО в Вашингтоне. Об этом см.: Лекаренко О.Г. «План Плевена» и первая реакция на него в правительстве США // Американские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 5.

⁹ См.: Soutou G.-H. France // The Origins of the Cold War in Europe. International Perspectives. Yale, 1994. P. 109.

¹⁰ The Plevan Plan. www.let.leidenuniv.nl/history/rtg/res1/pleven.htm.

¹¹ Там же.

¹² История Франции / Отв. ред. А.З. Манфред. М., 1973. Т.3. С. 325.

¹³ Larkin M. France since the Popular Front. Government and People 1936–1996 Oxford, 1997. P. 157.

¹⁴ Слово «нейтрализм» использовалось самими участниками движения – французскими интеллектуалами. Об этом подробнее см.: *Наринский М.* Нейтрализм в годы «холодной войны»: альтернатива французских интеллектуалов // Европейский альманах История, традиции, культура. М., 1992. С. 107.

¹⁵ См. Aron R. Préface // La querelle de la CED. Paris, 1956. P. IX

¹⁶ Fauvet J. Naissance et mort d'un Traité. Du plan Plevin au vote du 30 août 1954 // La querelle de la CED. Paris, 1956. P. 50.

¹⁷ La querelle de la CED. Paris, 1956. P. 58.

¹⁸ Aron R. Esquisse historique d'une grande querelle idéologique // La querelle de la CED. Paris, 1956. P. 9.

¹⁹ Grosser A. A la recherche d'une politique franco-allemande // La querelle de la CED. Paris, 1956. P. 91–92.

²⁰ Débats de l'Assemblée Nationale, Vol. 27, du 29 Juillet au 31 Août 1954. Paris, 1956. P. 4439.

²¹ Ibidem. P. 4398.

²² Ibidem. P. 4381.

²³ См. Выступления Ж. Мока и генерала Омерана Débats de l'Assemblée Nationale, Vol. 27, du 29 Juillet au 31 Août 1954. Paris, 1956. P. 4335, 4438

²⁴ Grosser A. A la recherche d'une politique franco-allemande // La querelle de la CED. Paris, 1956. P. 99

²⁵ Winock M. Nationalism, Anti-Semitism, and Fascism in France, Stanford, 1998. P. 136.

²⁶ Débats de l'Assemblée Nationale, Vol. 27, du 29 Juillet au 31 Août 1954. Paris, 1956. P. 4437.

²⁷ Ibidem. P. 4383.

²⁸ Ibidem. P. 4437, Дж. Ф. Даллес, хотя и придерживался «жесткой линии» в европейской политике по отношению к Франции, в действительности был сторонником создания единой Европы как средства обеспечения франко-германского примирения. Об этом см.: *Лекаренко О.Г.* Политика правительства США в связи с планами создания Европейского оборонительного сообщества (1950–1954 гг.) Автореф. дис. канд. ист. наук Томск, 2002.

²⁹ Gardner L.C. Approaching Vietnam. 1941–1954. N.Y., 1988. P. 146.

³⁰ Премьер-министр П. Мендес-Франс пришел к власти, пообещав незамедлительное решение двух основных внешнеполитических проблем – урегулирования в Индокитае и создания ЕОС. Он провел серию переговоров с президентом ДРВ Хо Ши Мином, также с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым и с председателем Центрального народного правительственного совета Китая Мао Цзедунем. Было найдено компромиссное решение вьетнамской проблемы. Впоследствии Мендес-Франс часто обвиняли в том, что он «купил мир» в Индокитае в обмен на провал ратификации Парижских соглашений в Национальном собрании. Об этом см.: *Rizzo J.-L.* 1954: Un Tourment dans l'Histoire de la IVe République // *Historiens et Géographes*, 1998 89(361). P. 287.

³¹ Débats de l'Assemblée Nationale, Vol. 27, du 29 Juillet au 31 Août 1954. Paris, 1956. P. 4436.

³² Ibidem. P. 4382.

³³ *Bariety J.* La décision de réarmer l'Allemagne, l'Échec de la Communauté Européenne de Défense et les Accords de Paris du 23 Octobre 1954 Vus du Coté Français // *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*. 1993 71(2). P. 364.

³⁴ Ibidem. P. 363.

³⁵ Débats de l'Assemblée Nationale, Vol. 27, du 29 Juillet au 31 Août 1954. Paris, 1956. P. 4386.

³⁶ Так считали как сторонники европейской политической интеграции, так и противники проекта ЕОС. Об этом см.: *Barley J.* La décision de réarmer l'Allemagne, l'Échec de la Communauté Européenne de Défense et les Accords de Paris du 23 Octobre 1954 *Vus du Coté Français // Revue Belge de Philologie et d'Histoire* 1993 71(2) P. 366

³⁷ См.: *Hitchcock W.I.* Op.cit.; *Costigliola F.* France and the US. The Cold Alliance since World War II. New York, 1992

THE FAILURE OF THE EUROPEAN DEFENSE COMMUNITY PROJECT IN AUGUST 1954 IN THE FRENCH NATIONAL ASSEMBLY

E.Y. Proden

Tomsk State University

The efforts to establish a common European foreign policy and defense in the form of EDSI/EDSP nowadays attract great attention and interest in the past experience of European political and military integration. One of the most famous projects in this field was that of European Defense Community in 1950–1954. First initiated by France as Pleven Plan and then significantly changed in the course of discussions by its allies, the European army plan became a source of wide national debates and led to serious disagreements between France, the United States and Western European countries. The positions of the main opponents to EDC in France such as the French Communist Party and the Rassemblement Populaire Français have been well studied, but they were not the only political groupings who opposed the plan. The debates by other French deputies in the National Assembly, the Socialists and Radical Socialists, and discussions in the French press by the neutralist intellectuals represent an interesting and important dimension of the controversy that has not been adequately studied. A series of important changes on the international arena had influenced a part of deputies from the left centrist and centrist parties and conservative groupings who acted as opponents of the EDC project during the final vote in the French National Assembly. The Socialists, Radicals and conservatives took the neutralist stand and supported neutralist intellectuals in their belief that the concept of Europe as the “Third Force” better corresponded to the French national interests in 1954.

**ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ «ДОКТРИНЫ ЭЙЗЕНХАУЭРА»
И АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
(НОЯБРЬ 1956 – МАРТ 1957 г.)**

Ученый
В.П. Румянцев
Томский госуниверситет

Для внешней политики Соединенных Штатов Америки после Второй мировой войны характерным было постепенное возрастание значения района Ближнего и Среднего Востока. Одним из наиболее важных этапов активизации ближневосточной политики США стало провозглашение в январе 1957 г. «доктрины Эйзенхауэра», которая фактически объявляла этот важный в стратегическом и экономическом плане район мира сферой американских национальных интересов.

«Доктрина Эйзенхауэра» появилась в результате так называемого Суэцкого кризиса – одного из самых острых в 1950-х гг. международных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке. К обострению ситуации привел ряд факторов, в числе которых было складывание нового соотношения военных сил на Ближнем Востоке в результате закупок Египтом осенью 1955 г. вооружения у стран Варшавского договора, политическое и экономическое давление США и Великобритании на Египет, осуществлявшееся в целях оказания воздействия на внешнеполитический курс египетского президента Г.А. Насера. 26 июля 1956 г. правительство Египта объявило о национализации компании Суэцкого канала. Ведущие страны НАТО предприняли попытки вернуть морской канал, проходящий по египетской территории, под свой контроль. 1956 г. был годом выборов президента США, и американское правительство, учитывая задачу переизбрания Д. Эйзенхауэра на второй срок президентства, сочло необходимым сделать акцент на дипломатическом урегулировании вопроса о статусе Суэцкого канала. 29 октября 1956 г., за неделю до президентских выборов в США Израиль начал военные действия против Египта. Через несколько дней к нему присоединились Великобритания и Франция. В поддержку Каира выступил Советский Союз, заявив о возможности своего военного вмешательства в конфликт. С возникновением угрозы затягивания силовой акции в отношении крупнейшей арабской страны и для локализации данного конфликта Соединенные Штаты решили оказать экономическое и политическое

давление на участников агрессии в целях скорейшего завершения военных действий. Ухудшение состояния финансов Великобритании в результате обострения нараставшего с начала 1950-х гг. экономического кризиса и давление, исходившее из Вашингтона, вынудили британское руководство 6 ноября 1956 г. объявить о прекращении военных действий против Египта. Примеру Лондона последовали Париж и Тель-Авив.

Завершение англо-франко-израильской агрессии против Египта выявило новое соотношение сил на Ближнем и Среднем Востоке, которое характеризовалось, прежде всего, усилением авторитета и влияния Г.А. Насера как среди арабской общественности, так в странах «третьего мира». Активное участие в военной операции против Египта Израиля надолго затормозило процесс поисков путей ближневосточного урегулирования. Официальная миротворческая политика США и пропагандистская кампания против инициаторов агрессии со стороны Советского Союза способствовали укреплению позиций этих государств в указанном регионе. Развязывание военных действий против Египта объективно вызвало и ослабление влияния Великобритании и Франции на Арабском Востоке.

Суэцкий кризис способствовал ускорению падения престижа Великобритании и постепенному уходу с Ближнего и Среднего Востока этой некогда наиболее влиятельной здесь западной державы. Неудача военного давления на Египет усилила политическую борьбу в Лондоне за пост премьер-министра. Глава правительства А. Иден сначала ушел в отпуск по состоянию здоровья, а затем в начале 1957 г. был вынужден подать в отставку. Британским правящим кругам предстояло произвести переоценку ближневосточной политики Англии и попытаться преодолеть негативные для страны последствия Суэцкого кризиса.

В условиях падения влияния Великобритании в арабском мире для руководства государства актуальным стал вопрос о выборе приоритетов в политике на Ближнем и Среднем Востоке. В глобальной стратегии Англии этот район уже не играл ключевой роли, особенно после вывода британских войск из военной базы в районе Суэцкого канала, завершившегося летом 1956 г. за несколько недель до национализации Египтом компании, контролировавшей судоходство по каналу. Британское руководство вынуждено было считаться прежде всего с экономическими реалиями – значительные финансовые затруднения не позволяли Англии держать в регионе крупные военные силы. По большому счету речь шла о снижении роли Великобритании в международных делах. В то же время необходимо было избегать действий, которые могли бы навести на мысль о поспешном и полном уходе Англии из ближневосточного региона.

В области внешней политики, по мнению руководства Великобритании, следовало сделать ставку на укреплении «особых» англо-американских отношений, в рамках которых необходимо было согласовать интересы двух стран на Ближнем и Среднем Востоке. После провала англо-франко-израильской агрессии руководство Великобритании решило сконцентрировать усилия на достижении наиболее значимых для страны целей: обеспечении безопасности поставок нефти из района Персидского залива, а следовательно, на укреплении своих позиций в Кувейте, Ираке и княжествах Аравийского полуострова. Возможности британской дипломатии после Суэцкого кризиса были значительно осложнены тем, что в арабском мире ее не только стали ассоциировать с колониализмом классического вида, но и рассматривали как проводника интересов Израиля. В этих условиях остро ставился вопрос о возможности Великобритании контролировать ситуацию там, где этого требовали национальные интересы страны. Как подчеркивал в специальном докладе британский министр иностранных дел С. Ллойд, для Англии в будущем крайне сложно будет осуществлять, если понадобится, военные действия в случае необходимости без поддержки или, по крайней мере, без благожелательного нейтралитета США¹.

Представители Великобритании в странах так называемого северного яруса региона, прежде всего посол в Ираке Р. Стивенс, считали, что наиболее важной задачей для Англии являлось укрепление организации Багдадского пакта, членами которой, помимо Великобритании, были Турция, Ирак, Иран и Пакистан. Британские дипломаты предполагали, что наилучшим вариантом развития ближневосточной политики ведущих стран НАТО было бы вступление в эту региональную организацию США.

В самих Соединенных Штатах в рамках развернувшейся по окончании военных действий на Ближнем Востоке дискуссии по вопросам внешней политики также рассматривался вариант вхождения в состав членов Багдадского пакта. В частности, Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США настойчиво рекомендовал решить положительно вопрос о членстве Соединенных Штатов в данной организации, считая, что тем самым можно наиболее эффективно сдерживать распространение влияния СССР в регионе. Кроме того, ослабление позиций Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, как опасались американские военные, могло привести страны Багдадского пакта к политической и военной изоляции. За вступление Соединенных Штатов в Багдадский пакт выступали и американские представители в регионе. Так, посол США в Багдаде В. Голлман доказывал, что членство Соединенных Штатов в этом региональном пакте могло бы помочь эффектив-

но бороться не только с советским влиянием, но и с распространением арабского радикального национализма, что, по мнению американского дипломата, было весьма актуальным для Ирака².

Эта точка зрения не встретила положительного отклика в американском правительстве и, в частности, в руководстве госдепартамента. Как напоминал В. Голлману глава ближневосточного отдела американского внешнеполитического ведомства У. Роунтри, концепция блока стран «северного яруса» изначально вообще не предусматривала участия в нем западных стран. Учитывая членство в Багдадском пакте Великобритании – участницы недавней военной операции против Египта, – вступление в пакт США на данном этапе, несомненно, вызвало бы определенные трудности для американской дипломатии в регионе³. Однако наиболее важным аргументом против вступления в Багдадский пакт было то, что подобное действие отрицательно сказалось бы на отношениях Соединенных Штатов с ключевыми для них странами в регионе – Израилем и Саудовской Аравией. Американское руководство полагало возможным вступление в пакт только в случае угрозы распада этой организации.

Возможность дезинтеграции Багдадского пакта вызывала крайнее беспокойство правящих кругов США. На сессиях этой региональной организации 8 ноября в Тегеране и 23 ноября 1956 г. в Багдаде уже возникало требование правительств Ирака и Пакистана исключить Великобританию из пакта. И хотя администрация Д. Эйзенхауэра осознавала, что главы этих ближневосточных стран руководствовались внутривнутриполитическими соображениями, во избежание разногласий внутри Багдадского блока было решено оказать публичную поддержку пакту. 29 ноября 1956 г. американское правительство заявило, что «угроза территориальной целостности или политической независимости странам, являвшимся членами пакта, будет рассматриваться Соединенными Штатами со всей серьезностью»⁴.

Обсуждение ситуации вокруг Багдадского пакта было частью дискуссии о стратегии ведущих стран НАТО на Ближнем и Среднем Востоке. Необходимость добиваться вступления Соединенных Штатов в Багдадский пакт или, по крайней мере, увеличения американской экономической и военной помощи странам «северного яруса» проистекала из признания британским руководством ограниченности своих военных ресурсов в регионе. Основные военные базы Великобритании располагались в Адене, на Кипре и Мальте. Кроме того, для поддержки военных действий на Ближнем и Среднем Востоке британские военные были намерены активно использовать свои армейские подразделения в юго-восточной Африке. По оценке министерства обороны Великобритании,

по состоянию на октябрь 1956 г. для военных нужд страны на Ближнем Востоке требовалось три полноценных дивизии, в то время как для обороны этого региона Англия могла предоставить максимум три бригады. Но и для этого пришлось бы перебросить резервы из Западной Германии и Кении⁵.

Соединенные Штаты также не имели на Ближнем и Среднем Востоке значительных вооруженных сил. Военные контингенты США в регионе были сосредоточены на двух базах военно-воздушных сил – в Ливии и Саудовской Аравии. Кроме того, в Средиземном море дислоцировался 6-й флот военно-морских сил США. Этих ресурсов вкупе с британскими военными возможностями, по мнению американских военных, было достаточно для обороны нефтеносных районов Ближнего Востока и его основных коммуникаций, а также для нанесения ударов по южным районам СССР. Суэцкий кризис продемонстрировал ограниченность возможностей вооруженных сил лидирующих стран НАТО действовать в рамках локального конфликта. Это обстоятельство требовало некоторой модернизации американской и британской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке.

Военная акция против Египта показала неподготовленность Великобритании к операциям подобного вида. Провал тройственной агрессии вызвал оживленную дискуссию в военных и политических кругах Англии. Главный итог этой дискуссии сводился к подтверждению ранее возникавшего у британских военных вывода о необходимости развития небольших, мобильных сил быстрого реагирования для проведения локальных операций. Для решения оперативных задач в Ближневосточном регионе признавалось необходимым сохранение существовавших в этом районе военных баз. По замыслу британского министерства обороны и министерства иностранных дел наличие вооруженных сил Великобритании на островах Средиземноморья и в районе Персидского залива способно было оказывать ощутимое воздействие на ситуацию в странах региона. Размер этих сил, как полагали в Лондоне, напрямую зависел от степени вовлеченности США в защиту интересов ведущих западных стран на Ближнем и Среднем Востоке⁶.

В начале 1957 г. комитет по планированию политики при правительстве Великобритании пришел к выводу, что стратегические цели США и Англии в Ближневосточном регионе и в Северной Африке, в частности в Ливии, близки. После эвакуации британских войск с Суэцкой базы ливийская военная база США рассматривалась в Вашингтоне и Лондоне как ключевая для обороны южного фланга НАТО. Потеря этой стратегической позиции крайне осложняла бы военные возможности лидирующих стран Североатлантического альянса в регионе. Однако для

британских правящих кругов проблема заключалась в том, что не существовало консенсуса между Англией и Соединенными Штатами в вопросе планирования стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. В период развития Суэцкого кризиса попытки британского руководства довести информацию о военных приготовлениях против Египта до администрации Д. Эйзенхауэра неизменно наталкивались на сопротивление американского правительства. По большому счету в Лондоне не знали, как Соединенные Штаты будут действовать в чрезвычайной ситуации на Ближнем Востоке. Во многом этим и объяснялся тот шок, который испытала британская правящая элита в связи с позицией США во время трояственной агрессии.

Как возможный вариант развития ближневосточной политики в США рассматривалось и создание новой региональной оборонительной организации. В частности, эксперт госдепартамента из ближневосточного отдела У. Бардетт предлагал приступить к подготовке создания новой военно-политической группировки, состоящей в основном из североафриканских стран и арабских государств, так называемого южного яруса региона⁷. Меморандум У. Бардетта вызвал дебаты в госдепартаменте США по поводу дальнейшей эволюции политики на Ближнем и Среднем Востоке, в ходе которых предложение этого американского специалиста не нашло положительного отклика руководства внешнеполитического ведомства США. Межарабское соперничество и арабо-израильский конфликт не позволяли реализовать план создания нового военно-политического блока на данном этапе.

Приблизительно с конца ноября 1956 г. эксперты госдепартамента США стали разрабатывать другой вариант действий на Ближнем Востоке. Американские дипломаты исходили из признания того факта, что в условиях падения влияния Великобритании и активизации действий Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке у Вашингтона не оставалось другого выхода, кроме объявления этого региона сферой своих национальных интересов. Одновременно и в госдепартаменте, и в министерстве обороны США возникло предложение оформить новый курс ближневосточной политики в виде специальной резолюции американского конгресса. Например, председатель ОКНИШ адмирал А. Рэдфорд предложил разработать соответствующую программу по примеру так называемой Формозской резолюции 1955 г., предоставлявшей особые права президенту США по использованию американских вооруженных сил и создававшей специальный финансовый фонд для реализации интересов США на Дальнем Востоке⁸.

В целом такой вариант соответствовал определенным традициям американской внешней политики. Оформление новой программы ди-

пломатии США в виде «доктрины», одобренной законодателями Соединенных Штатов, предоставляло президенту достаточную свободу маневра, не связывая в то же время страну какими-либо военно-политическими обязательствами перед другими государствами. Таким образом, в администрации Д. Эйзенхауэра было решено сделать акцент на развитии двусторонних отношений со странами Ближневосточного региона. Как заметил президент США на совещании со своими помощниками в конце ноября 1956 г., развитие двусторонних связей с арабскими государствами позволило бы вывести из контекста ближневосточного урегулирования процесс вовлечения арабских стран в орбиту влияния Соединенных Штатов⁹. Такая политика, как рассчитывали в Вашингтоне, могла привести к снижению влияния Советского Союза в арабском мире и, прежде всего, к ослаблению связей Москвы и Каира.

Американское руководство определило долгосрочную политику на Ближнем и Среднем Востоке, которая должна была включать два этапа. На первом – предполагалось, используя американскую военную и экономическую помощь, укреплять социальную опору режимов, которые могли стать проводниками интересов США. При этом особое внимание должно было уделяться двум группам стран: Иордании, Ираку и Саудовской Аравии, с одной стороны, и Ливии, Судану и Тунису, с другой. В то же время Соединенные Штаты должны были продолжать политику экономического и политического давления на Египет с целью прекращения Г.А. Насером игры на противоречиях США и СССР в своих интересах. Осуществление второго этапа во многом зависело от внешнеполитического курса Египта. Если взгляды египетского президента на международные отношения в мире не претерпят изменений в необходимую для США сторону, американские правящие круги не исключали возможности создания двух военно-политических блоков для изоляции Египта – из стран Северной Африки и государств, в которых правили представители королевских династий Саудидов и Хашимидов¹⁰.

Новая доктрина американской внешней политики была одобрена Д. Эйзенхауэром 20 декабря 1956 г. на заседании Совета национальной безопасности. Будущая резолюция конгресса должна была состоять из трех разделов. Согласно первому – президенту должно было быть предоставлено право оказания экономической помощи по просьбе нуждавшихся в ней стран региона. Для этого следовало создать специальный фонд в 200 млн дол. После Суэцкого кризиса американское руководство собиралось значительно активизировать свою экономическую деятельность на Ближнем и Среднем Востоке. Второй раздел должен был быть посвящен поддержанию военного баланса сил в регионе, для чего американское правительство оставляло за собой право продажи оружия

ближневосточным государствам. И в последней, наиболее принципиальной части речь должна была идти о предоставлении президенту права использовать американские вооруженные силы для борьбы с распространением «международного коммунизма»¹¹.

Правительство Д. Эйзенхауэра намерено было активно эксплуатировать тезис об угрозе советского проникновения на Ближний и Средний Восток. Ярко выраженная антисоветская направленность предлагаемой доктрины необходима была для того, чтобы увеличить шансы на принятие ее конгрессом США. Как признавал и сам государственный секретарь Соединенных Штатов Дж. Ф. Даллес, на Ближнем Востоке не было стран, контролируемых «международным коммунизмом». Даже Сирия и Египет – государства, чьи связи с СССР по сравнению с остальными странами региона были наиболее прочными, по оценкам американских экспертов в области международных отношений, в ближайшем будущем вряд ли могли превратиться в так называемых сателлитов Советского Союза¹². Тем не менее успешная пропагандистская деятельность Москвы во время Суэцкого кризиса не могла не встревожить госдепартамент и Пентагон. Таким образом, планируемая американская инициатива должна была также стать ответом на активизацию ближневосточной политики СССР.

Выдвигавшаяся инициатива являлась односторонним действием США. Будущая новая доктрина американской политики на Ближнем и Среднем Востоке разрабатывалась без консультаций с официальным Лондоном. В интересах Соединенных Штатов было избегать впечатления о наличии неких общих интересов и совместной политики с одним из организаторов недавних военных действий против Египта. Отчасти это было сделано и для того, чтобы не привлекать внимание к неблагоприятной роли США в развязывании Суэцкого кризиса.

Одной из целей Соединенных Штатов было постепенное вытеснение Великобритании с Ближнего и Среднего Востока, поскольку активные действия британской дипломатии зачастую осложняли ближневосточную политику США. Однако, несмотря на подходящий, казалось, момент для того, чтобы окончательно взять на себя роль лидера западного мира на ближневосточной арене, Соединенные Штаты в конечном итоге вынуждены были признать за Великобританией особые интересы в регионе. В какой-то мере США были заинтересованы в восстановлении британских позиций в ряде стран региона, например в Ираке. Правительство Д. Эйзенхауэра признавало важность консультаций по вопросам ближневосточной политики с Великобританией, но при условии, чтобы это не выглядело как совместное планирование действий и руководство британскими политиками над менее искусственными в делах

Ближнего Востока их американскими коллегами¹³. Выдвижение новой американской инициативы в некоторой степени также являлось ответом на ожидания ряда стран региона, полагавших, что роль лидера западных стран в этом районе мира должны взять на себя Соединенные Штаты.

Соседние Штаты сообщили о содержании доктрины своим союзникам по НАТО в конце декабря 1956 г. Возможности Великобритании как-то повлиять на курс ближневосточной политики Соединенных Штатов были ограничены тем, что по инициативе Соединенных Штатов были прекращены все контакты на официальном уровне между американскими и британскими политиками. Возросшая активность дипломатического корпуса Великобритании в странах «северного яруса», которая выражалась, в частности, в более частых встречах со своими американскими коллегами, свидетельствовала о попытках официального Лондона убедить Вашингтон в необходимости широкой поддержки организации Багдадского пакта. Отсутствие обмена информацией между Вашингтоном и Лондоном объяснялось и характером американо-британских отношений непосредственно после окончания агрессии против Египта. Помимо недовольства действиями своего основного союзника, США рассчитывали на скорейший вывод английских, французских и израильских войск из Египта, который позволил бы приступить к реализации новой ближневосточной инициативы Вашингтона. Этот период был отмечен рядом антибританских высказываний американских дипломатов и политиков самого высокого ранга. В это же время Соединенные Штаты стали активно влиять на политическую борьбу за пост премьер-министра Великобритании, поддерживая министра финансов Великобритании Г. Макмиллана. На выбор Вашингтона повлияли взгляды Г. Макмиллана на внешнюю политику своей страны, особое место в которой он отводил укреплению британо-американских отношений. Определенную роль сыграли также личные связи главы британского казначейства с американским руководством и его происхождение (мать Г. Макмиллана была американкой).

5 января 1957 г. на совместном заседании обеих палат американского конгресса президент Д. Эйзенхауэр выступил с программной речью, в которой изложил основные принципы новой политики США на Ближнем и Среднем Востоке. В этой программе, получившей позже название «доктрина Эйзенхауэра», американский президент подчеркнуто обращал внимание на появление после англо-франко-израильской агрессии некоего «вакуума силы», заполнить который, по мнению официального Вашингтона, стремился Советский Союз, поставивший своей целью «господство на Ближнем Востоке». Не допустив этого, как заявил Д. Эйзенхауэр, США могут только путем консолидированной политики

исполнительной и законодательной ветвей власти. Сотрудничество правительства с конгрессом должно быть выражено в предоставлении администрации президента права оказания экономической и военной помощи странам Ближневосточного региона и размещения американских войск по просьбе правительств государств, которым угрожает «международный коммунизм или страны, контролируемые международным коммунизмом»¹⁴.

В «доктрине Эйзенхауэра» намеренно не говорилось об одной из наиболее острых проблем международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке – арабо-израильском урегулировании. Администрация президента США тем самым как бы признавала, что эта задача, по крайней мере, на данном этапе не может быть решена. Таким образом подводился итог настойчивым, но безуспешным попыткам ведущих стран НАТО в середине 1950-х гг. наладить процесс ближневосточного урегулирования. Поскольку адресатом «доктрины Эйзенхауэра» явно выступали арабские государства, Израиль первоначально настороженно отнесся к новой американской инициативе. Характерным было выступление против принятия данной доктрины произраильского лобби в американском конгрессе.

Выдвижение данной доктрины американского правительства требовало пересмотра военных планов США на Ближнем и Среднем Востоке. В предыдущие годы значительная роль в обороне данного региона отводилась британским вооруженным силам и войскам стран Багдадского пакта. Основной же задачей США было предоставление так называемого ядерного зонтика для защиты региона. После Суэцкого кризиса, по оценкам американских военных из группы планирования политики на Ближнем Востоке, Соединенным Штатам следовало быть готовым к действиям по трем возможным военным сценариям: 1. Военные действия против Советского Союза в случае возникновения глобального конфликта двух сверхдержав, который мог распространиться и на Ближний и Средний Восток. 2. Военное вмешательство СССР в региональный ближневосточный конфликт. 3. Локальный конфликт, ограниченный лишь участием стран региона¹⁵. Первые два варианта представлялись экспертам Пентагона маловероятными, но в случае их возникновения предполагалось использовать против Советского Союза ядерное оружие. Для действий, в случае необходимости, в региональном конфликте адмирал А. Рэдфорд приказал создать небольшие мобильные группы, базой которых должен был стать 6-й флот США. Американским вооруженным силам предписывалось быть готовыми в течение 48 часов доставить несколько батальонов морской пехоты в любую точку Ближнего и Среднего Востока. Особое значение придавалось под-

держке и снабжению этих групп с воздуха. В случае разрастания локального конфликта американские войска могли бы за три дня по воздуху или за неделю морем перебросить на Ближний Восток воинский контингент до 10 тыс. человек из Европы. Если бы ситуация потребовала увеличения американского военного присутствия в зоне конфликта, в течение 45 дней американская армия должна была быть готова к транспортировке из самих США двух пехотных дивизий и одной дивизии морской пехоты¹⁶. Таким образом, вооруженные силы Соединенных Штатов должны были обеспечить готовность своего государства действовать в одностороннем порядке в этом важном стратегическом районе мира.

Среди британского руководства отношение к «доктрине Эйзенхауэра» было двойственным. С одной стороны, Великобритания приветствовала активизацию ближневосточной политики США, которой Лондон настойчиво добивался в первой половине 1950-х гг. В Форин офис рассчитывали, что после того, как Соединенные Штаты декларировали свой «особый» интерес к Ближнему и Среднему Востоку, можно будет попытаться вернуться к идее разделить этот регион на сферы влияния, что встречало упорное сопротивление американских правящих кругов. При этом признавалось, что Англии придется смириться с ролью «младшего партнера» США в этом районе¹⁷. С другой стороны, в Лондоне считали недостаточной ту поддержку, которую оказали США Багдадскому пакту после тройственной агрессии. Г. Макмиллан, занявший пост премьер-министра Великобритании, отзывался о «доктрине Эйзенхауэра» как об «элегантной попытке запереть на засов дверь конюшни, когда лошадь оттуда уже давно ускакала»¹⁸. Очевидно, новый британский лидер имел в виду рост арабского национализма и укрепление международного престижа Г.А. Насера, к которому были причастны и Соединенные Штаты, активно поддерживавшие египетского лидера после революции в Египте 1952 г. Тем самым глава кабинета министров Великобритании пытался оправдать внешнеполитический курс кабинета А. Идена, направленный на силовое свержение Г.А. Насера.

После завершения военных действий осени 1956 г. для ведущих стран НАТО актуализировалась задача сдерживания влияния Г.А. Насера среди арабских государств и в странах «третьего мира». Это являлось одной из главных целей «доктрины Эйзенхауэра». Американское правительство было намерено продолжить осуществление плана экономического и политического давления на Египет, одобренного президентом еще в марте 1956 г. После внесения ряда корректив этот план приобрел следующие очертания. «Доктрина Эйзенхауэра» должна была способствовать сплочению стран, руководство которых негативно относилось к

деятельности Г.А. Насера. При этом особое значение придавалось Саудовской Аравии, поскольку, как считали в Вашингтоне, король этого государства Сауд мог стать противовесом влиянию президента Египта в арабском мире. Для подрыва позиций египетского лидера Соединенные Штаты при сотрудничестве с Великобританией были готовы проводить тайные операции против пронасеровски настроенных политических и военных деятелей в Иордании, Сирии и Ливане. США должны были также продолжать оказывать экономическое давление на Египет, сила которого напрямую зависела от развития египетско-советских отношений¹⁹.

После национализации правительством Г.А. Насера компании Суэцкого канала Соединенные Штаты заморозили авуары египетского правительства, размещенные в американских банках, и прекратили поставки в Египет ряда промышленных товаров, продовольствия и медикаментов. В целом это давление не было столь серьезным для экономики Египта в отличие, например, от последствий военных действий и прекращения судоходства через Суэцкий канал, в результате чего, как докладывал министр финансов США Дж. Хэмфри в конце января 1957 г., Египет «оказался на грани экономического разорения». Администрация Д. Эйзенхауэра не стала возражать против того, чтобы египетское правительство временно взяло назад свой денежный взнос из Международного валютного фонда (МВФ). Президент США при этом подчеркивал, что «любая другая экономическая помощь Египту должна сопровождаться соответствующими политическими уступками со стороны Каира»²⁰.

Президент Египта Г.А. Насер пытался избежать ухудшения отношений с Соединенными Штатами. Первоначальная реакция египетского лидера на провозглашение «доктрины Эйзенхауэра» была настороженной. Насер понимал антиегипетскую направленность этой американской инициативы, хотя, как он заметил в разговоре с послом США в Каире Р. Хэйером, «в этой доктрине много неопределенностей, но они скорее всего нацелены на американского потребителя». Позже высказывания египетского президента против доктрины приобрели более жесткий характер²¹. К началу 1957 г. Египет стал ощущать воздействие политического и экономического давления со стороны США. Насер даже поинтересовался у Р. Хэйера, не объявили ли Соединенные Штаты экономическую войну против Египта. Ответом правительства Г.А. Насера стало проведение в конце января 1957 г. в Каире встречи глав Египта, Сирии, Саудовской Аравии и Иордании, на которой была одобрена политика «позитивного нейтралитета», которой придерживался Египет. Участники встречи также отказались признать существование «вакуума силы», о

котором говорилось в январском обращении Д. Эйзенхауэра к американскому конгрессу²².

Стратегия политической и экономической изоляции Египта встречала поддержку среди правительственных кругов Великобритании. Лондон продолжал настаивать на том, что долгосрочной целью Г.А. Насера является достижение лидерства сначала в арабском мире, затем в Северной Африке и, в конечном итоге – среди всех мусульманских стран. Данные о подготовке Египта к смене режимов в Саудовской Аравии, Ираке и других арабских странах поступали в Лондон по разведывательным каналам с начала 1956 г.²³ Британское руководство пыталось воспользоваться этими сведениями для привлечения США к плану свержения египетского президента.

Британские и американские спецслужбы продолжали разрабатывать планы физического устранения Г.А. Насера и после тройственной агрессии. В качестве преемника египетского лидера в Лондоне рассматривали А. аль-Магарахи – бывшего министра внутренних дел в королевском правительстве Египта, который после революции 1952 г. преподавал теологию в университете аль-Ажара. Однако фигура А. аль-Магарахи не устраивала США, поскольку у него не было существенной поддержки в египетской армии, и по своим политическим взглядам он скорее ориентировался на Великобританию, чем на Соединенные Штаты²⁴. Как отмечалось в специальном меморандуме госдепартамента, «было бы ошибочно считать, что правительство Насера можно легко свергнуть и тут же заменить на стабильное и дружественное к Западу правительство». В Вашингтоне планировали перенести внимание разведывательных и специальных служб на государства, где позиции президента Египта были наиболее сильными, – Сирию и Иорданию. В связи с этим неофициальную ближневосточную штаб-квартиру ЦРУ было решено переместить из Каира в Бейрут²⁵.

Помимо расхождений с Вашингтоном по вопросу о времени и целесообразности проведения тайной операции по свержению Г.А. Насера, у Лондона было свое видение противовеса влиянию египетского президента в арабском мире. Правительство Г. Макмиллана скептически относилось к американской идее поддержки короля Саудовской Аравии Сауда. Небезосновательно британские эксперты указывали, что саудовский монарх не только не обладал качествами, необходимыми для готовящейся для него роли, но и слабо контролировал положение дел даже в своем государстве. До Суэцкого кризиса Великобритания считала, что странам Запада следовало бы сделать ставку на премьер-министра Ирака Нури Саида. Выбор Лондона был обусловлен собственными экономическими и стратегическими соображениями, а также пробританскими

взглядами этого политика. Однако после военных действий прогив Египта позиции главы иракского правительства внутри страны и за ее пределами значительно пошатнулись. В Лондоне не исключали возможности государственного переворота в Багдаде и как следствие этого – выхода Ирака из Багдадского пакта²⁶. В этих условиях Нури Саид вынужден был показать независимость иракской внешней политики от действий Англии, заявив о необходимости временно ограничить совещание членов организации Багдадского пакта только мусульманскими странами. Этот шаг явно был направлен и против Израиля, поскольку из заявления иракского премьера следовало, что существовавший пакт являлся организацией, направленной не только против СССР, и эта военно-политическая организация открыта и для других арабских стран.

Подогревание антиизраильских настроений на Ближнем и Среднем Востоке было негативно встречено в Вашингтоне, где опасались, что вполне прогнозируемая активизация сионистского лобби может отрицательно сказаться на отношении к «доктрине Эйзенхауэра» в конгрессе. В то же время Соединенные Штаты поспешили воспользоваться стремлением иракского лидера поправить свой престиж в арабском мире для того, чтобы добиться политической изоляции Египта. Наиболее оптимальный выход виделся американскому руководству в сближении Ирака с Саудовской Аравией. Предпосылкой сближения прежде непримиримых династий Саудидов и Хашимидов, правящих в Эр-Рияде и Багдаде соответственно, стало ухудшение отношений Саудовской Аравии и Египта. Король Сауд опасался панарабских устремлений Г.А. Насера, и американские дипломаты и разведчики тщательно укрепляли эти его опасения.

Первым шагом на пути к сближению Багдада и Эр-Рияда стал визит в Судовскую Аравию посла Ирака в Великобритании А. Заяда. В ходе этого визита удалось достичь некоторого совпадения интересов двух крупнейших арабских стран, которое выражались, прежде всего, в неприятии действий Г.А. Насера. Следующая важная встреча произошла 6–7 февраля 1957 г. в Вашингтоне, куда прибыли король Сауд и наследный принц Ирака А. Иллах. В результате этой встречи Эр-Рияд занял более примирительную позицию в отношении Багдадского пакта. Король Сауд также положительно оценил «доктрину Эйзенхауэра» и выразил готовность продлить еще на пять лет соглашение о базе ВВС США в Дахране.

Переключение внимания американской дипломатии с Египта на Саудовскую Аравию говорило о том, что в Вашингтоне пришли к выводу, ставшему уже правилом для Великобритании, – наилучшими проводниками интересов Запада на Ближнем и Среднем Востоке являются

консервативные монархические режимы. Влиятельный американский дипломат Л. Гендерсон, например, считал, что поддержка лидеров либерально-националистического толка зачастую ошибочна и крайне опасна²⁷.

Визит в Соединенные Штаты монарха одной из крупнейших арабских стран означал, что Вашингтон вступал в очень сложную борьбу в межарабских отношениях. Ставка на короля Сауда в этой борьбе демонстрировала, что на ближневосточную политику США по-прежнему оказывают влияние экономические и стратегические соображения. В то же время эта политика являлась следствием недостаточного опыта Соединенных Штатов в ближневосточных делах. Позже Д. Эйзенхауэр признавал, что Сауд не совсем подходил для приготовленной для него роли, но других кандидатур у США не было. В Вашингтоне пытались укрепить позиции Сауда на Ближнем и Среднем Востоке, играя на религиозности арабского населения и на значении святых для мусульман мест, расположенных на территории Саудовской Аравии.

В частной беседе с Д. Эйзенхауэром саудовский король высказал готовность помочь Соединенным Штатам в политике подрыва влияния Г. А. Насера на Ближнем Востоке. При этом о самом египетском президенте Сауд отзывался как о «предводителе бандитской шайки». В свою очередь, президент США обещал увеличить американскую военную и экономическую помощь Саудовской Аравии²⁸. Однако, несмотря на устные заявления в разговоре с американским президентом, Сауд, опасаясь недовольства общественности внутри своей страны, не решился официально заявить о реальной позиции Эр-Рияда в отношении «доктрины Эйзенхауэра». Такой подход к провозглашенной ближневосточной инициативе США свидетельствовал о том, что данная доктрина могла иметь серьезные препятствия при попытке распространения ее принципов на страны Ближнего и Среднего Востока. А подъем национализма в арабских странах после успеха Египта во время Суэцкого кризиса наводил американские правящие круги на мысль о необходимости сотрудничать с Великобританией, используя, в частности, британскую агентурную сеть и опыт английской дипломатии.

Американо-саудовские отношения стали одним из раздражителей, препятствовавших ходу нормализации связей США и Великобритании. Небольшой отрезок времени непосредственно после завершения англо-франко-израильской агрессии против Египта характеризовался несколько нетипичной для периода после Второй мировой войны напряженностью в отношениях Вашингтона и Лондона. Однако Дж. Ф. Даллес довольно точно охарактеризовал ситуацию в американо-британских отношениях как «небольшую семейную ссору»²⁹. На самом деле, по во-

просам ближневосточной политики у США и Великобритании было больше взаимопонимания, чем расхождений. Обе стороны были готовы приложить необходимые усилия для стабилизации отношений двух ведущих стран НАТО. Возможность для этого представил вывод британских войск из Египта, осуществленный в декабре 1956 г.

По тактическим соображениям руководство Великобритании не собиралось первым делать шаг навстречу США. Г. Макмиллан не желал создавать впечатления, что его страна ищет примирения с Соединенными Штатами. Осознавая это обстоятельство, Д. Эйзенхауэр 22 января 1957 г. в личном письме британскому премьер-министру предложил организовать встречу глав двух государств. Эта встреча должна была продемонстрировать восстановление дружественных отношений между США и Великобританией и единство внутри блока НАТО. Одно из центральных мест на запланированных переговорах было отведено ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Встреча Д. Эйзенхауэра и Г. Макмиллана должна была состояться во второй половине марта 1957 г. на Бермудских островах. По опасению американского руководства более раннее проведение этих переговоров могло несколько осложнить процесс слушаний по ближневосточной политике США в американском конгрессе, который должен был завершиться к началу марта 1957 г.

Американские сенаторы и конгрессмены на протяжении двух месяцев самым подробным образом обсуждали не только саму «доктрину Эйзенхауэра», но и всю ближневосточную политику Соединенных Штатов. Основным препятствием на пути к принятию соответствующей резолюции стало выступление произраильски настроенных законодателей. Сионистское лобби в конгрессе настаивало на том, что обсуждаемая доктрина будет лишь способствовать финансированию «арабских диктаторов»³⁰. За выступлениями этой группы конгрессменов стояла политика официального Тель-Авива, долгое время добивавшегося гарантий безопасности Израилю со стороны США. Тем не менее «доктрина Эйзенхауэра» была принята практически без изменений. Среди поправок, не меняющих сути президентской инициативы, наиболее важной было требование в случае использования американских вооруженных сил на Ближнем и Среднем Востоке предоставления главой государства подробного доклада каждые полгода. 5 марта 1957 г. резолюция о политике в Ближневосточном регионе была принята сенатом, через день ее одобрила палата представителей, а 9 марта, после подписания Д. Эйзенхауэром, эта резолюция приобрела силу закона. Начало реализации принятой доктрины было положено 12 марта 1957 г., когда на Ближний и Средний Восток для разъяснения американской инициативы выехала специальная миссия во главе с бывшим председателем комите-

та по иностранным делам палаты представителей конгрессменом-демократом Дж. Ричардсоном

После принятия конгрессом США резолюции по «доктрине Эйзенхауэра» американское и британское руководства приступили к непосредственной подготовке встречи глав двух государств. Правительство Г. Макмиллана одобрило меморандум с названием «Что мы хотим добиться на Бермудской конференции», подготовленной межведомственной группой по ближневосточной политике. В этой памятной записке подчеркивалась необходимость выработки общей позиции в отношении Багдадского пакта и обороны нефтеносных районов Ближнего и Среднего Востока. Характерным для настроения британских политиков являлось высказывание министра по делам колоний А. Леннокса-Бойда, заметившего, что «американцы должны понять, что наша колониальная политика является наилучшим средством сдерживания коммунистов»³¹.

Для правительства Д. Эйзенхауэра, помимо восстановления дружественных отношений с Великобританией, особую важность приобретала задача согласования с Г. Макмилланом вопроса о политической и экономической изоляции Египта. Наиболее существенным препятствием на пути к созданию противовеса влиянию Г.А. Насера американским политикам и дипломатам виделось упорство англичан в вопросе об оазисе Бурайми³². Переход этого района под полный контроль Саудовской Аравии существенно усилил бы позиции короля Сауда, что отвечало американским интересам, но противоречило интересам Великобритании в районе Персидского залива. Официальный Лондон был намерен поддерживать монархии Аравийского полуострова, поскольку от устойчивости позиций Англии в этом районе зависели поставки нефти на Британские острова и состояние экономики Великобритании в целом.

Конфликтную ситуацию вокруг оазиса Бурайми не удалось разрешить и на Бермудском совещании, открывшемся 20 марта 1957 г. Однако это было единственное разногласие по вопросу ближневосточной политики между американским и британским лидерами. В остальном Д. Эйзенхауэр и Г. Макмиллан подтвердили необходимость сотрудничества двух стран на Ближнем и Среднем Востоке. Было решено создать совместную рабочую группу из ведущих специалистов госдепартамента и Форин офис для согласования политики в регионе. Первое заседание этой группы состоялось уже в середине апреля 1957 г. в Вашингтоне. На этой встрече обсуждался вопрос о поставках ближневосточной нефти в Западную Европу³³. Д. Эйзенхауэр подчеркнул необходимость поддержки Багдадского пакта как основы стратегии ведущих стран НАТО. Соединенные Штаты также выразили готовность вступить в военный комитет этой организации, что должно было способствовать военной

консолидации блока стран «северного яруса». От окончательного вступления в Багдадский пакт Соединенные Штаты удерживало желание не обострять отношения с Израилем, не провоцировать СССР на активизацию своей ближневосточной политики и сохранять свободу маневра, необходимого в том числе и для реализации недавно провозглашенной доктрины.

Существенным успехом британской дипломатии стало признание Д. Эйзенхауэром за Великобританией особых интересов в Кувейте и арабских странах, расположенных в районе Персидского залива. Фактически это означало негласный раздел сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке, чего британские дипломаты настойчиво добивались на протяжении нескольких предыдущих лет. В докладе госдепартамента США, подготовленном после Бермудского совещания, отмечалось, что раздел ответственности между США и Великобританией является единственным практическим средством защиты интересов Запада¹⁴.

Таким образом, период, последовавший за прекращением англо-франко-израильской агрессии против Египта, был чрезвычайно важным в развитии политики США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке. Британское руководство, по сути, произвело перегруппировку сил, сконцентрировав все усилия на защите своих интересов в районе Персидского залива. Будучи не в состоянии по экономическим и политическим причинам (после Суэцкого кризиса) поддерживать свои позиции в Ближневосточном регионе в полном объеме, Лондон приветствовал активизацию политики в этом районе мира со стороны Соединенных Штатов. Американское правительство Д. Эйзенхауэра объявило район Ближнего и Среднего Востока сферой своих национальных интересов, выдвинув новую дипломатическую и военную инициативу – «доктрину Эйзенхауэра».

---

¹ *Ovendale R.* Britain, the US, and the Transfer of Power in the Middle East, 1945–1962. L., 1996. P. 181.

² *Ashton N.* Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism. 1955–1957. L. 1996. P. 104–105. *Rees G.W.* Anglo-American Approaches to Alliance Security, 1955–1960. L., 1996. P. 94.

³ *Ashton N.* Op. cit. P. 105.

⁴ The Department of State Bulletin. 1956. December 10. P. 918.

⁵ *Rees G.W.* Op. cit. P. 86.

⁶ *Ovendale R.* Op. cit. P. 181. *Rees G. W.* Op. cit. P. 91–95.

⁷ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Vol. XII. US Military and Economic Policy. Wash., 1989. P. 368.

⁸ *Holland M.* America and Egypt: From Roosevelt to Eisenhower. Westport, L., 1996. P. 129.

⁹ FRUS 1955–1957. Vol. XVI. Suez Crisis July 26 – December 31, 1956. Wash., 1990. P. 1180

¹⁰ *Takeyh R.* The Origins of the Eisenhower Doctrine: The US, Britain and Nasser's Egypt. 1953–1957 N Y., 2000 P. 150–151

¹¹ *Eisenhower D.* The White House Years: Waging Peace, 1956–1961. N. Y., 1965. P. 177–178.

¹² US Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Executive Session of the Senate Foreign Relations Committee. (Historical Series). Vol. IX. 85-th Congress, 1-st Session, 1957. Wash., 1979. P. 10.

¹³ *Rees G.W.* Op. cit. P. 152.

¹⁴ Congressional Record (CR). 1957. January 5 P. 182–183.

¹⁵ *Holland M.* Op. cit. P. 134.

¹⁶ *Ibid*

¹⁷ Dockrill M. Restoring the "Special Relationship" the Bermuda and Washington Conference, 1957/ Decisions and Diplomacy: Essays in Twentieth Century International History. Ed by Richardson D., Stone G. L., 1995. P. 219.

¹⁸ Macmillan H. Riding the Storm. L., 1971. P. 213

¹⁹ FRUS. 1955–1957. Vol. XVII. Arab-Isreali Dispute, 1957. Wash., 1990. P. 608–610.

²⁰ *Ibid* P. 47–51.

²¹ *Ibid* P. 12 В разговорах с представителями ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке М. Коуплендом и У. Эвелэндом Насер так отзывался о «доктрине Эйзенхауэра». «Вы, американцы никогда не делаете ясными даже глупые действия Любую глупость вы только лишь запутываете» Позже Насер заявил, что данная доктрина явилась одной из величайших ошибок, когда-либо совершенных великой державой *Copeland M.* The Game of Nations: The Amoralty of Power Politics. N. Y., 1969. P. 182–183, 208–209; *Eveland W.* Ropes of Sand. America's Failure in the Middle East. N. Y., 1980. P. 244–245.

²² *Туханова О.Э.* Политика США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960. С. 101.

²³ *Peterson T.* The Middle East between the Great Powers: Anglo-American Conflict and Cooperation, 1952–1957. L., 2000 P. 104; FRUS. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Isreali Dispute. January 1 – July 26, 1956. Wash., 1989 P. 364–365.

²⁴ *Dorill S.* M16. Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service. N. Y., 2002. P. 653. Центральное разведывательное управление США разработало ряд нестандартных методов устранения Насера. Например, предлагалось передать египетскому президенту блок его любимых сигарет «Кент» со смертельным вирусом ботулизма. Или, как предлагали эксперты британской разведки Ми-6, Насеру можно было преподнести в подарок электрическую бритву, начиненную пластиковой взрывчаткой *Copeland M.* Op. cit. P. 202.

²⁵ *Dockrill M.* Op. cit. P. 211; *Holland M.* Op. cit. P. 136

²⁶ *Peterson T.* Op. cit. P. 97

²⁷ *Takeyh R.* Op. cit. P. 143, 152; *Ovendale R.* Op. cit. P. 186.

²⁸ *Eisenhower D.* Op. cit. P. 116; *Holland M.* Op. cit. P. 133.

²⁹ FRUS. 1955–1957. Vol. XVI. P. 1221.

³⁰ CR. 1957 January 30. P. 1182.

³¹ *Dockrill M.* Op. cit. P. 208–209.

³² Спор между Саудовской Аравией, с одной стороны, и княжеством Абу-Даби и султанатом Маскат, находившимся под протекторатом Великобритании, с другой, начался в конце 1940-х гг. Причиной спора стала группа оазисов Эль-Бурайми, на территории которых были найдены значительные запасы нефти. В середине 1950-х гг. часть оазисов была занята вооруженными отрядами из Абу-Даби и Маската под руководством британских

офицеров, часть – Саудовской Аравией. Подробнее об этом см.: *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1745–1973), М., 1982. С. 391–395.

³³ FRUS. 1955–1957. Vol. XVII. P. 452–458, *Ovendale R.* Op. cit. P. 186

³⁴ *Rees G. W.* Op. cit. P. 151.

PROCLAMATION OF EISENHOWER DOCTRINE AND AMERICAN-BRITISH RELATIONS IN THE MIDDLE EAST (NOVEMBER 1956 – MARCH 1957)

V.P. Rumyantsev
Tomsk State University

A special attention in American and British foreign policy after World War II was put to Middle East region. Suez crisis of 1956 was one of the most acute conflicts in this region. Positions of Great Britain in the Middle East region became weaker after this international conflict. After 1956 leaders of Great Britain decided to concentrate forces to protect their oil and strategic interests in Persian Gulf region. The USA proclaimed Middle East to be a sphere of their interests and put forward a new diplomatic and military initiative – Eisenhower Doctrine.

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Л. ДЖОНСОНА В ОТНОШЕНИИ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ В СВЯЗИ С ОБСУЖДЕНИЕМ ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ МНОГОСТОРОННИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ

Е.Л. Кузнецов
Томский госуниверситет

Период правления администрации Джонсона характеризуется серьезными разногласиями между союзниками по НАТО по вопросам методов обеспечения европейской безопасности. Их выражением стал, в частности, выход Франции в 1966 г. из военной организации Североатлантического договора.

Истоки расхождений во взглядах на проблему обороны Западной Европы находились в событиях конца 1950-х гг. Запуск советского спутника в 1957 г. и размещение ракет средней дальности в европейской части СССР в 1959 г., нацеленных непосредственно на Западную Европу, создавали у европейцев представление о советском превосходстве в ракетно-ядерной сфере. Уроки Суэцкого кризиса 1956 г., во время которого американская администрация Д. Эйзенхауэра отказалась поддержать действия Великобритании и Франции, активизировали дискуссии как в США, так и в европейских странах по проблемам военно-политической стратегии НАТО.

Решение Франции о создании собственного ядерного потенциала вызвало в американских правящих кругах серьезные опасения относительно единства Североатлантического альянса. Особую заботу американских политиков составляла реакция Западной Германии на это решение. Несмотря на то, что по Парижским соглашениям 1954 г., закрепляющим вступление ФРГ в НАТО и Западноевропейский союз, страна отказалась от производства и обладания оружием массового поражения, доступ к ядерному оружию рассматривался некоторыми западногерманскими политиками как способ получения равных прав с другими членами НАТО.

В первой половине 1960-х гг., пытаясь противодействовать появлению национальных ядерных сил, Соединенные Штаты одновременно стремились приспособить стратегию НАТО к условиям изменившейся международной обстановки. Итоги Берлинского кризиса 1961 г. усилили в американских правящих кругах позиции тех деятелей, которые

считали, что всеобщая ядерная война с Советским Союзом недопустима и необходимо окончательно отказаться от стратегии „массированного возмездия“, которая предполагала широкое использование всех видов ядерного оружия для сдерживания „советской угрозы“.

В мае 1962 г. на заседании Североатлантического совета в Афинах министр обороны США Р. Макнамара изложил основные принципы новой американской доктрины „гибкого реагирования“ и призвал европейские страны существенно увеличить численность обычных вооруженных сил. Для стран Западной Европы, в том числе ФРГ, сделанный Макнамарой акцент на необходимости развивать неядерные силы сдерживания стал свидетельством нежелания Соединенных Штатов применить ядерное оружие при угрозе советского нападения на Европу. Подтверждением американских гарантий европейским странам в рамках стратегии „гибкого реагирования“, по замыслам руководства США, должен был стать проект создания многосторонних ядерных сил (МЯС).

Проект МЯС, представленный впервые еще в декабре 1960 г. на встрече министров обороны стран НАТО в Париже госсекретарем США К. Гердером, предполагал передачу европейским союзникам, с последующим выкупом, 5 ядерных подводных лодок, вооруженных 80 ракетами средней дальности с ядерными боеголовками „Полярис“. В рамках МЯС под командованием главнокомандующего НАТО в Европе должны были быть сформированы многонациональные экипажи. Финансирование должно было осуществляться совместно европейскими членами Североатлантического блока.

К моменту вступления в должность президента Л. Джонсона в ноябре 1963 г. переговоры по созданию МЯС вошли в завершающую стадию. На уровне посланников европейских стран в НАТО были созданы две группы по подготовке подписания соответствующего соглашения. Кроме этого, на американском корабле „Биддл“ был успешно проведен эксперимент совместных действий многонационального экипажа. Однако перемены, последовавшие за убийством Кеннеди, и совпавшая по времени смена глав правительств в ФРГ и Великобритании в определенной степени затруднили переговорный процесс. Необходима была инициатива со стороны нового американского президента.

Ввиду отсутствия у Джонсона четкой позиции по проблеме европейского ядерного флота большую роль в формировании политики по этому вопросу сыграли правительственные эксперты, занимавшиеся разработкой вопросов создания МЯС в администрации Кеннеди. Главные сторонники создания многосторонних ядерных сил находились в госдепартаменте. При президенте Кеннеди во внешнеполитическом ведомстве США была сформирована рабочая группа по подготовке соглашения.

Ее возглавлял Д. Болл, заместитель госсекретаря по европейским делам, бывший советник Европейского объединения угля и стали. Активную роль в работе группы сыграли также помощник Болла, Р.Шатцель из Бюро по европейским делам, У.Ростоу и Г.Оуэн из Совета по политическому планированию. Д.Ачесон, хотя формально и не принадлежал к аппарату администрации президента, но, будучи личным советником Кеннеди, сыграл важную роль в формировании концепции МЯС и ее связи с германской проблематикой.

В противовес госдепартаменту министерство обороны считало, что нет военной необходимости в создании дополнительных сил ядерного сдерживания. Американские военные предлагали наряду с уже существующими американскими ядерными силами в Европе создать консультативный механизм по привлечению европейских союзников к ядерному планированию в НАТО¹.

В середине апреля 1964 г. состоялась встреча президента с руководством рабочей группы по МЯС. В ее ходе Болл подчеркнул, что создание МЯС укрепит связи ФРГ с Соединенными Штатами. Л. Джонсон санкционировал продолжение переговоров по созданию МЯС². Президент отметил, в частности, что „немцы уже дважды в истории резко отклонялись от нормального курса, и в данном случае необходимо быть уверенным, что это не произойдет еще раз“³.

Встреча Джонсона с федеральным канцлером ФРГ Л. Эрхардом в июне 1964 г. дала новый импульс переговорам по созданию МЯС. Канцлер заверил американского президента во всесторонней поддержке проекта немецким правительством. Оба лидера выразили намерение заключить договор о создании МЯС к концу года⁴.

Эрхард, в отличие от своего предшественника К. Аденауэра, был менее вовлечен во взаимоотношения с Францией и лично с де Голлем. Для канцлера проект МЯС был прежде всего инструментом усиления военно-политической интеграции НАТО и способом углубления отношений с США. Однако в правительстве ФРГ и правящей партийной коалиции ХДС/ХСС существовали разногласия в отношении планов создания МЯС. Точку зрения канцлера полностью поддерживали министр обороны К.-У. фон Хассель и министр иностранных дел Г. Шредер⁵, тогда как бывший министр обороны, глава фракции ХСС, Ф.-Й. Штраус стоял в открытой оппозиции к правительственной политике. Альтернативу МЯС Штраус видел в предложении де Голя создать систему западно-европейской безопасности без участия США, на основе союза Франции и Германии, и прежде всего вокруг французского ядерного потенциала, достаточного для сдерживания „советской угрозы“⁶.

Серьезное влияние на внутривнутриполитическую дискуссию относительно возможности участия Западной Германии в МЯС оказывал целый ряд внешнеполитических факторов. В середине 1964 г. Советский Союз усилил дипломатическое давление как на ФРГ, так и на другие страны, участвующие в переговорах, с целью помешать созданию европейского ядерного флота. В центре советской критики находилось два основных последствия, которые бы имело создание МЯС: доступ Западной Германии к ядерному оружию и распространение ядерного оружия в Европе. После подписания в 1963 г. договора о запрете ядерных испытаний в трех сферах Москва выступила с новой инициативой – подписать договор о нераспространении ядерного оружия.

Советское предложение было положительно принято некоторыми сотрудниками администрации Джонсона. Агентство по разоружению во главе с У. Фостером, участвовавшее в переговорах с Советским Союзом, отдавало предпочтение подписанию этого соглашения⁷. Кроме этого, договор о нераспространении имел поддержку в американском конгрессе. Сенаторы Р. Кеннеди и Я. Явиту неоднократно подчеркивали его большую важность по сравнению с проектом МЯС и выступали против доступа Западной Германии к ядерному оружию⁸. Учитывая эти обстоятельства, в начале октября 1964 г. Л. Эрхард в письме к Джонсону выразил свою озабоченность перспективой скорого принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о нераспространении ядерного оружия. По мнению Эрхарда, эта резолюция могла перечеркнуть возможность ФРГ принять участие в МЯС.

С целью не допустить этого канцлер предложил до декабря 1964 г. подписать, по крайней мере, двустороннее американско-германское соглашение о МЯС, к которому впоследствии могли бы присоединиться и другие участники⁹. В своем ответе Джонсон поддержал предложение, но одновременно подчеркнул необходимость более широкого участия в соглашении других европейских стран, и прежде всего Великобритании, в МЯС.

Отношение Лондона к проекту было противоречивым. С одной стороны, в Великобритании его считали нецелесообразным, так как он был нацелен против нереальной угрозы появления собственного ядерного оружия в Западной Германии. Кроме того, участие в МЯС, несомненно, отвлекло бы финансовые ресурсы от создания собственного подводного ядерного флота. Однако, с другой стороны, британские правящие круги осознавали, что неучастие страны в переговорах о создании МЯС вывело бы ее из процесса принятия важных решений в НАТО¹⁰.

Если премьер-министр Г. Макмиллан на переговорах по созданию ядерного флота пытался отложить принятие окончательного решения по

этому вопросу, то сменивший его летом 1964 г. А. Дуглас-Хьюм попытался найти альтернативу МЯС, более приемлемую для Великобритании. С этой целью был разработан британский проект Атлантических ядерных сил (АЯС). Он не предполагал создания дополнительных систем вооружения. АЯС включали бы уже размещенные в Германии британские стратегические бомбардировщики „Вулкан“, способные нести американские ракеты „Минитмен“, а в будущем и британские подлодки с ракетами „Полярис“ на борту. Кроме этого, отличие от проекта МЯС состояло в создании отдельного от штаб-квартиры НАТО в Европе командования АЯС, базирующегося в Лондоне¹¹.

Переговоры по поводу британского предложения как альтернативы МЯС затянулись больше чем на год, тем самым еще дальше отдалая создание европейских ядерных сил. Победа Лейбористской партии и назначение Г. Вильсона на пост премьер-министра в октябре 1964 г. только усилили негативное отношение британского правительства к МЯС. Еще будучи представителем британского парламента на конференции парламентариев НАТО, Вильсон возражал против превращения Европейского экономического сообщества в военный и ядерный союз, так как это, по его мнению, отвлекло бы его членов от важных экономических вопросов и не внесло бы никакого вклада в европейскую оборону¹².

Последний удар по МЯС пришел со стороны Франции. Французский президент Ш. де Голль, в январе 1963 г. отказавшись принять участие в создании МЯС, в то же время не возражал против участия в них ФРГ. После подписания в 1963 г. договора о франко-германской дружбе он проинформировал правительство Германии, что с пониманием отнесется к участию Федеративной Республики Германии в МЯС. Однако с конца октября 1964 г. французские представители начали выступать против создания МЯС и оказывали огромное давление на ФРГ с целью помешать ее участию в проекте, вплоть до угроз покинуть НАТО и Общий рынок¹³.

Ситуация во франко-германских отношениях усложнялась фактом, что к декабрю 1964 г. Эрхарду надо было принять соглашение о ценах на зерно в рамках сельскохозяйственных договоренностей Европейского экономического сообщества. Отмена протекционистских барьеров в первую очередь бы ударила по немецким фермерам, которые составляли значительную часть электората ХДС/ХСС. Канцлер предпочел бы сделать уступки в ценах на зерно только после парламентских выборов в сентябре 1965 г., однако, столкнувшись с сильным давлением со стороны Франции, пообещал принять решение до 15 декабря 1964 г.¹⁴. Это являлось чрезвычайно важным, принимая в расчет, что для гарантии

успеха проект МЯС должен был быть ратифицирован в бундестаге перед предстоящими осенью 1965 г. парламентскими выборами.

Все эти факторы, в конечном счете, повлияли на позицию администрации Л. Джонсона на переговорах по проекту МЯС. 5 декабря 1964 г., за два дня до встречи с британским премьер-министром Г. Вильсоном, Джонсон пришел к выводу, что не следует форсировать заключение соглашения. Консультации, проведенные Д. Боллом с ведущими конгрессменами, подтверждали этот вывод президента.

Сомнения Джонсона относительно шансов на реализацию проекта усилились после ознакомления с меморандумом, подготовленным советником по национальной безопасности М. Банди. Он считал, что выбор администрации в пользу реализации проекта МЯС мог бы привести к серьезному конфликту между законодательной и исполнительной ветвями власти США, а также к опасности конфронтации с Францией. И то и другое, в конечном итоге, привело бы к падению престижа президента.

М. Банди доказывал, что Соединенные Штаты могут эффективно противодействовать антиамериканскому курсу де Голля и без МЯС, так как его идеи не получили серьезной поддержки среди стран НАТО. Количество „голлистов“ в Германии было невелико. Принимая в расчет, что главным аргументом западногерманского правительства в поддержку создания многосторонних ядерных сил было обеспечение обороны страны, Банди указывал, что она обеспечивается, прежде всего, наличием на немецкой земле американских ядерных и неядерных сил¹⁵. Несмотря на все попытки, предпринятые Боллом, Макнамарой и Брюсом, убедить президента продолжить поддержку проекта, Джонсон решил отозвать ранее сделанные американские предложения относительно сроков создания МЯС¹⁶.

На встрече с премьер-министром Великобритании Г. Вильсоном 7 декабря 1964 г. американский президент заявил, что он понимает все трудности, стоящие перед Лондоном на пути создания МЯС, и не собирается давить на британское правительство с целью подписания данного соглашения в соответствии с ранее установленными сроками. Джонсон согласился подробно рассмотреть британские предложение по Атлантическим ядерным силам и попросил Вильсона встретиться с представителями ФРГ, чтобы объяснить западногерманским лидерам причины отказа от определения сроков создания МЯС. После этой встречи Джонсон расформировал рабочую группу госдепартамента по МЯС, ответственную за подготовку проекта¹⁷.

Несмотря на то, что президент принял окончательное решение отказаться от инициативы по созданию МЯС, переговоры с европейскими

союзниками продолжались еще около двух лет. Администрация Джонсона считала, что обсуждение проекта МЯС прежде всего будет полезно Германии, как стороне, наиболее заинтересованной в создании ядерного флота НАТО. По мнению госдепартамента, односторонний отказ Соединенных Штатов от планов по созданию МЯС серьезно бы ослабил позицию Эрхарда как внутри страны, так и на европейской арене, одновременно усиливая влияние сторонников де Голля в правящих кругах ФРГ и самого французского президента на западногерманскую внешнюю политику¹⁸.

Визит канцлера Эрхарда в Париж 19 января 1965 г. развеял американские страхи относительно создания франко-германской коалиции, которая могла бы стать альтернативой МЯС. На встрече с де Голлем канцлер подтвердил свою прежнюю позицию по поддержке МЯС и подчеркнул важность для Западной Германии прочных отношений с Соединенными Штатами¹⁹.

Хотя курс на создание МЯС и оставался приоритетным направлением внешней политики правительства Эрхарда, все переговоры были отложены до осени 1965 г. ввиду приближающихся выборов в бундестаг. Принимая в расчет недостаток общественной поддержки и негативное отношение к проекту европейского ядерного флота со стороны СДПГ, которая предпочитала взамен новых структур вооруженных сил изменить консультативный механизм НАТО, руководство ХДС, чтобы избежать опасных внутривнутриполитических дебатов, решило уделить большее внимание вопросу объединения Германии.

Пауза в переговорах по созданию европейского ядерного флота была использована в администрации Джонсона для поиска альтернативных решений преодоления кризиса в НАТО. Военные круги США, будучи негативно настроены к проекту МЯС, тем не менее поддерживали стремление Западной Германии добиться большего участия в ядерном планировании НАТО.

В середине 1965 г. на встрече с президентом министр обороны Р.Макнамара представил проект создания ядерной группы планирования НАТО, которая могла бы стать для Западной Германии, по его мнению, самой лучшей альтернативой МЯС. Еще в мае 1963 г. были установлены специальные контакты между штаб-квартирой НАТО в Европе и штабом по целеуказанию в Омахе. Офицеры из Великобритании, Франции, Италии и ФРГ были допущены для наблюдения за процессом ядерного планирования в США. По предложению Макнамары на встрече министров обороны стран НАТО в июне 1965 г. был создан специальный комитет по рассмотрению различных механизмов проведения „ядерных консультаций“.

Начало неформальных переговоров с Советским Союзом по вопросу подписания договора о нераспространении ядерного оружия более четко обозначило предпочтения администрации Джонсона по созданию консультационного механизма перед проектом европейских ядерных сил. По мнению М. Банди, комитет по ядерному планированию, предлагаемый Макнамарой, не должен был вызвать протеста с советской стороны, так как он не предполагал прямого контроля Германии над ядерным оружием и в ближайшем будущем не создавал бы дополнительных ядерных сил²⁰.

Со стороны Бонна первая реакция на новый проект Соединенных Штатов была неоднозначной. С одной стороны, западногерманские лидеры хотели играть более активную роль в формировании ядерной политики альянса, с другой, они не хотели отказываться от перспектив создания МЯС.

Тем не менее в ноябре 1965 г. после победы на парламентских выборах правительство Эрхарда дало согласие принять участие в проекте Макнамары. Одновременно министр иностранных дел Шредер признал, что в вопросах ядерного сдерживания СССР Западная Германия полагается полностью на США и что отсутствует необходимость в создании дополнительных ядерных сил²¹.

В декабре 1966 г. комитет по оборонному планированию НАТО утвердил создание двухуровневой структуры ядерных консультаций в НАТО. Первый уровень, Комитет по ядерным оборонным делам, предполагалось сделать открытым для всех желающих членов НАТО, тогда как второй, Группа ядерного планирования (ГЯП), состоящая из Соединенных Штатов, Великобритании, Италии и ФРГ и трех других стран, выполнял бы практическую работу по обсуждению всех вопросов, касающихся применения ядерного оружия НАТО²².

Создание ГЯП вместо МЯС было воспринято позитивно как в США, так и в Европе. Несмотря на это, она не явилась равноценной заменой участия в европейских ядерных силах, она открыла для Западной Германии доступ к ядерному планированию в НАТО. Стремление придерживаться атлантических рамок, которое продемонстрировало руководство ФРГ в процессе переговоров о создании МЯС, развеяло в Соединенных Штатах сомнения относительно угрозы созданию антиамериканской коалиции Франции и Германии.

Германский фактор явился самым главным в решении Л. Джонсона в апреле 1964 г. продолжить курс на создания МЯС, начатый администрацией Кеннеди. Однако дальнейшее развитие международной ситуации привело к тому, что Джонсон, боясь поставить под угрозу единство альянса испорченными франко-германскими и франко-американскими

отношениями, решил приостановить давление на европейские страны с целью подписания договора о МЯС²³.

Сам процесс обсуждения проекта создания МЯС дал возможность США решить проблему доверия со стороны европейских стран. Более чем десять лет вопрос о стратегических ядерных гарантиях со стороны Соединенных Штатов не вставал на повестку дня в Европе. Вместе с тем подписание договора о нераспространении ядерного оружия 1 июля 1968 г. закрепило существовавший статус-кво наличия ядерного оружия в Европе и устранило возможность ядерного вооружения Западной Германии.

Соединенным Штатам удалось решить проблему разработки единой стратегии НАТО. Несмотря на выход Франции из военной организации, раскол альянса не произошел. Самоустранение Франции из военного планирования НАТО, наоборот, устранило для Пентагона последнее препятствие на пути принятия доктрины „гибкого реагирования“ в качестве официальной доктрины НАТО.

12 декабря 1967 г. Группа оборонного планирования официально приняла документ МС 14/3, содержащий основные принципы, отраженные в афинской речи Макнамары, в качестве основной стратегической концепции альянса.

---

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1961–1963. Vol. 13. Western Europe and Canada. Wash., 1994. P. 377.

² FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Western European Region. Wash., 1995. P. 35.

³ Цит. по: Winand P. Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. Basingstoke (N.Y.), 1993. P. 352.

⁴ Akten zur Auswärtigen Politik (AAP). 1964. München, Oldenburg Verlag, 1995. S. 651–658; Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (AA/PA), B 32 §167, Besuch Erhard in USA (9–14 Juni, 1964).

⁵ Archiv für Christlich-Demokratische Politik (ACDP), Nachlasse von Gerhard Schröder, I–483–800–1. Vermerk, 19 Oktober 1964

⁶ Штраус Ф.-Й Воспоминания М., 1991. С. 269.

⁷ ACDP, Nachlasse von Gerhard Schröder, I–483–800–1. Reise Kurt Birrenbach nach due USA, 13 November 1965.

⁸ Osterheld H. Außenpolitik unter Bundeskanzler Ludwig Erhard 1963–1966. Düsseldorf, 1992. S. 214; AA/PA, B14 IIA 7 § 834 (1963–1966), Aus Washington, 18.10.65.

⁹ AAP. 1964. S. 1082.

¹⁰ Murray D. Kennedy, Macmillan and Nuclear Weapons. Basingstoke (N.Y.), 2000. P. 157.

¹¹ AAP. 1964. S. 1512.

¹² AA/PA, B14 IIA7 §785, NATO-Parlamentarier-Konferenz in Paris vom 12 – 17.11.62 und Reise der NATO-Parlamentarier nach Berlin 17–19.09 1962.

¹³ AAP. 1964. S. 1286.

¹⁴ Steinbruner J. The Cybernetic Theory of Decision. Princeton, 1977, P. 299.

- ¹⁵ FRUS. 1964–1968. Vol. 13 P 136; AC'DP, Nachlasse von Gerhard Schröder, I–483–800–
I Reise Kurt Birrenbach nach die USA, 13 November 1965
- ¹⁶ FRUS 1964–1968 Vol 13 P 133, *Steinbruner J. Op. cit* P 305.
- ¹⁷ *Ibid* P 309
- ¹⁸ *Schertz A. Die Deutschlandpolitik Kennedys und Johnsons.* Köln, 1992. P. 289.
- ¹⁹ AAP. 1965. S. 151
- ²⁰ FRUS 1964–1968 Vol. 13. P. 273.
- ²¹ *Ibid*. P. 294.
- ²² *Schwartz D. NATO's Nuclear Dilemmas.* Wash., 1983. P. 185.
- ²³ FRUS. 1964–1968. Vol. 13. P. 166.

THE POLICY OF THE LYNDON JOHNSON ADMINISTRATION TOWARDS WEST GERMANY IN CASE OF THE MULTILATERAL FORCE DEBATES

E.I. Kuznetsov
Tomsk State University

The article investigates the role of West Germany in the development of the Lyndon Johnson administration's policy regarding the project of the Multilateral Force (MLF) creation.

The MLF was proposed by the United States as a solution to the crisis in the transatlantic relations and NATO, caused by the growing doubts among the European countries about the US nuclear guarantees. The European nuclear fleet envisaged in the MLF project would have to reinforce the US leadership in NATO and discourage European countries, and particularly West Germany, in the creating of European nuclear deterrence independent from NATO.

Albeit the argument of preventing the West German nuclear rearmament by tying her closely to the United States in the Atlantic framework became decisive for the Johnson's initial support of the MLF project, the president was more concerned with effect that German participation in the MLF would have on the status quo at the European arena.

The fear of deteriorating Franco-German and Franco-American relations, because of the negative French attitude to the MLF and the pressure of Soviet Union to sign the non-proliferation agreement convinced Johnson administration to suspend the American support for the European nuclear fleet.

Even though the creation of the MLF failed, the very debates around its creation solved for the Johnson administration the problem of the European "credibility gap" and strengthen the Alliance's unity by the adoption of the "flexible response doctrine" as an official strategy.

“ХОЛОДНАЯ ВОЙНА” КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНДУСТРИИ

М.В. Бланк

Томский госуниверситет

Многие исследователи склоняются к мнению, что первые компьютеры во многом были детищем “холодной войны”. Действительно ENIAC, BINAC, EDVAC и другие ранние компьютеры были созданы на деньги военных. Они были, прежде всего, предназначены для вычислений в военных областях: расчет таблиц баллистики, водородной бомбы и т.д. Но, помимо вычислений, компьютеры также можно было использовать для управления и коммуникации, где они также во многом превосходят человеческие способности. В 50-х гг. с развитием компьютерных технологий военные начинали рассматривать варианты использования компьютеров также для сбора и анализа данных и моделирования на этой основе военных ситуаций.

Берлинский кризис 1948 г., испытание советской атомной бомбы в 1949 г. и идеологические конфликты двух систем, казалось, вели к неизбежному военному столкновению СССР и США, что заставляло американское руководство задумываться о “щите” против “красной угрозы”. Военным была необходима автоматическая система обороны, способная защитить американский континент от советской воздушной угрозы.

В 1953 г. по заказу армии США началось выполнение проекта Semi-Automatic Ground Environment (SAGE) – континентальной компьютерной системы защиты от воздушных атак. Это был амбициозный компьютерный проект. Было задействовано около 800 программистов (20% от работающих в мире на тот момент) и технические ресурсы самых больших американских корпораций. Проект был детищем Д. Форрестера и Дж. Валли, профессоров Массачусетского технологического института (МТИ)¹.

Начало проекта относилось еще к 1944 г. Его первоначальной задачей было создание симулятора самолета для наземных тренировок пилотов. Начав с разработки электромеханического компьютера, Форрестер пришел к выводу, что эта машина не подходит для симуляции по-

лета – требовалась большая вычислительная мощность, так как обработка данных должна была вестись в режиме реального времени. Поэтому с 1945 г. он перешел к электронным технологиям, создав компьютер Whirlwind как часть искомого симулятора. Главным революционным новшеством данной машины была память на магнитных сердечниках, которая давала возможность во много раз повысить надежность компьютера. В дальнейшем Форрестер полностью отказался от идеи создания симулятора и занялся только разработкой нового компьютера. Стоимость проекта все более увеличивалась, и в конечном итоге руководство ВМС США отказалось от дальнейшего финансирования затянувшегося проекта, так как министерство обороны уже финансировало около 12 подобных проектов, направленных на создание универсальных компьютеров. Пытаясь найти спонсоров для своего проекта, в 1948 г. Форрестер подготовил рапорт “L1”, в котором он изложил план улучшения системы воздушной защиты США, используя созданную им ЭВМ и технологии, разработанные при изучении радаров во время Второй мировой войны. Проектом активно заинтересовались ВВС, так как в это время возникли серьезные опасения относительно уязвимости США с воздуха. В конце 40-х силами ВВС была даже создана сеть наблюдательных постов за воздушными объектами, комплектовавшаяся гражданскими добровольцами (Ground Observer Corp – GOC). На пике своей деятельности в 1953 г. эта организация имела более 8 тыс. наблюдательных постов, используя 305 тыс. добровольцев². Руководство считало GOC ненадежной и слишком медленной системой для обеспечения раннего обнаружения самолетов противника. Поэтому проект Форрестера пришелся ко времени – предложенная им система не давала 100% гарантии защиты, но использование в ней компьютеров и ее полуавтоматический характер гарантировали высокую эффективность.

После многих фальстартов и проволочек, изменений в проекте в США была построена система, состоявшая из 23 центров обработки данных (один – в Канаде), связанных с континентальной системой защиты от воздушной угрозы. Система SAGE отслеживала воздушные цели и выдавала координаты и курс американским перехватчикам для их уничтожения. Система также могла связываться с системами управления ракетами с ядерными боеголовками Бомарк и Найк.

Каждый из 23 центров SAGE комплектовался компьютером A/N FSQ-7, который потреблял три мегаватта энергии, состоял из 60 тыс. вакуумных ламп и требовал около 100 человек обслуживающего персонала³. Компьютер в целях повышения надежности состоял из двух центральных процессоров, чтобы при отказе одного немедленно продолжить вычисления на втором. К компьютеру могло подключаться до

50 мониторов или рабочих станций, он мог одновременно отслеживать около 400 самолетов. Система связывалась с более чем сотней радаров, станций наблюдения и другими источниками информации, комбинировала их, чтобы создать общую картину того, что происходит в воздухе.

Полная стоимость проекта до сих пор хранится в секрете, хотя, по оценкам, она доходила до 8-12 млрд дол., что во много раз превышало стоимость проекта «Манхэттен»⁴.

Первоначально МТИ рассматривало корпорацию Ремингтон Рэнд как производителя компьютеров и других компонентов системы. Для ИБМ этот проект также представлял исключительную важность, поэтому начались переговоры на самом высоком уровне (ИБМ представлял Г. Уотсон) с руководством главного архитектора системы – Лаборатории Линкольна в МТИ. Уотсон вспоминал: «Я работал над этим контрактом упорней, чем над любой другой сделкой в моей жизни»⁵. Ремингтон Рэнд, не желая упускать выгодный контракт, наняла Д. МакАртура и ввела его в совет директоров, рассчитывая на его связи в Пентагоне. В конечном счете, самое важное – производство, установка и обслуживание компьютеров – досталось ИБМ. Руководитель проекта Форрестер прокомментировал это следующим образом: «В ИБМ в большей степени наблюдались целеустремленность, единство и корпоративный дух, чем в Ремингтон Рэнд. Также значительным фактором являлись более тесные связи между исследованиями, производством и техническим обслуживанием в ИБМ». Напротив, Эkert-Мочли и ЭРА «не сотрудничали друг с другом и с Ремингтон Рэнд»⁶.

В конечном счете, контракты распределили следующим образом: ИБМ поставляла аппаратное обеспечение, Бюроуэз – коммуникационное оборудование (модемы), Лаборатория Линкольна МТИ отвечала за системную интеграцию, Вестерн Электрик – за проектирование и постройку зданий и СДС – за программное обеспечение. Но главным поставщиком стала ИБМ. Критическим фактором, повлиявшим на выбор ВВС США, был опыт ИБМ в производстве и обслуживании компьютеров.

Первый управляющий центр SAGE вступил в действие в ноябре 1956 г., последний – в 1962 г. Компьютеры системы SAGE имели значительные технические новации:

- Были изобретены модемы – для связи управляющих центров и совместного использования данных о сложившейся ситуации в воздушном пространстве.
- Была использована память на магнитных сердечниках, которая впоследствии использовалась до середины 70-х гг.

- Для SAGE была написана самая большая из всех когда-либо писавшихся до этого программа – 500 тыс. строк.
- В те времена, когда компьютеры, основанные на вакуумных лампах, приходилось выключать для обслуживания приблизительно на 1 месяц в году, SAGE выключалась только на 10 часов в год.
- Существовали зачатки того, что мы сегодня называем мультиобработкой, управлением базами данных в режиме реального времени, распределенная обработка данных, разделение времени, диалоговый дисплей и передача данных по сети.

Когда в 1962 г. последний центр управления вошел в строй, главной опасностью стали уже не бомбардировщики, а межконтинентальные баллистические ракеты. Эту угрозу система SAGE не могла отразить, так как у нее не хватало вычислительной мощности. Как и ENIAC до этого, SAGE не выполнила своей основной цели, но значительно ускорила прогресс в области вычислительной техники, воспитав поколение специалистов в области аппаратного и программного обеспечения.

Контракт SAGE был исключительно важным для ИБМ, так как в рамках оплачиваемого военными контракта была дана возможность разработать технологии, уменьшавшие издержки сборки электронных схем. Работа над системой SAGE принесла ИБМ около 500 млн дол. Возможно, без этого источника дохода у ИБМ не было бы финансовой силы и технологий, чтобы разработать серию компьютеров System/360-наиболее успешную компьютерную архитектуру своего времени (стоимость проданных систем около 100 млрд дол.). На основе технологии SAGE фирмой ИБМ впоследствии была построена система бронирования мест на авиатранспорте SABRE – Полуавтоматическая система исследования деловой среды (1964). Технологии SAGE также были использованы в системе контроля воздушного движения в США.

¹ Oral history interview with Cuthbert Hurd – <http://www.cbi.umn.edu/ob/pdf.phtml?id=161>

² Edwards P. The Closed World. Computers and the Politics of Discourse in Cold War America. P. 48.

³ Everett R. SAGE A Data-Processing System for Air Defense – <http://www.Stanford.edu/group/mmd/SiliconValley/Everett/Everett.rtf>

⁴ Spicer D. Dr. Strangelove Meets IBM: The SAGE System – <http://www.ddj.com/history/>

⁵ Pugh E. Building IBM: shaping an industry and its technology, MIT. 1995. P. 199.

⁶ Ibid. P. 208.

THE COLD WAR AS AN ACCELERATOR OF THE DEVELOPMENT OF AMERICAN COMPUTER INDUSTRY

M.V. Blank
Tomsk State University

Military contracts were very important for computer firms at the early stage of computer industry. One of the biggest collaboration project between the government and computer firms was the development and creation of Semi-Automatic Ground Environment (SAGE). The main purpose of this system was an early warning of approaching aircrafts and tracking their directions in the real-time mode. This collaborative work made a great contribution to the future of firms working under the project. As a result, the firms obtained experience, trained qualified staff, and earned money.

РОЛЬ МАЛОГО ЖЕНСКОГО БИЗНЕСА В ЭКОНОМИКЕ США В 1980–1990-е гг.

И.Г. Аюшиева
Томский госуниверситет

Конец XX в. был отмечен значительным укреплением позиций женщин в системе общественных отношений. Американские экономисты Р. Петерсон и К. Вермейер назвали этот феномен «тихой революцией в мировом масштабе». Есть все основания утверждать, что Соединенные Штаты Америки находятся в авангарде этих процессов.

Важнейшей тенденцией американской экономики в последние десятилетия является непрерывный рост экономической активности женщин, которые в настоящее время составляют почти половину рабочей силы страны. В период с 1950 по 1974 г. число работающих женщин в США выросло с 17,3 млн человек до 33,4 млн. И если в 1950 г. женщины составляли 29,6% всей рабочей силы, то в 1990 г. уже 45 %².

Массовому вовлечению женщин в производство способствовал ряд объективных обстоятельств. С одной стороны, вырос спрос на женскую рабочую силу. Этот спрос был вызван общим ростом занятости в связи с увеличением производства, а также с изменением его структуры, расширившим сферу применения женского труда. С другой стороны, возросло предложение женской рабочей силы.

Значительные перемены произошли и в составе работающих женщин. Если прежде среди работающих были главным образом незамужние или женщины старше сорока пяти лет, уже воспитавшие детей и вернувшиеся на работу, что бы, как о них говорили, «сделать вторую карьеру», то сегодня число замужних женщин в составе рабочей силы возросло с 20% в 1947 г. до 50% в 1982 г. и 59% в 1991 г. В 1991 г. 55,3% матерей с детьми до года работали, и это против 31% в 1975 г.³ Что касается расового состава женщин, участвовавших в общественном производстве, то исторически сложилось так, что доля участия афроамериканок была всегда выше, чем белых женщин или латиноамериканок. В 1999 г. 63,5% черных американок старше 16 лет работали, против 59,6% белых и 55,9% латиноамериканок⁴.

Подобный количественный рост привел к качественно новому положению женщин в США: возросли как требования к работающим женщинам, так и требования самих женщин, которые уже не стали удовлетворяться любой работой. В связи с этим все большее значение для женщин стало иметь получение образования.

До 60-х гг. женщины практически не обучались в таких престижных заведениях, как школы бизнеса, права или медицины. Усилиями феминистских организаций в 1972 г. были приняты поправки к Закону о высшем образовании, которые гласили, что: «никто не может быть объектом дискриминации по признаку пола во всех образовательных учреждениях и программах, имеющих федеральную финансовую помощь»⁵. На основании этого закона женские организации могли инициировать и поддерживать иски по поводу отказа в приеме в высшие учебные заведения. Для соблюдения равенства при приеме в университеты и колледжи в министерстве образования был создан отдел гражданских прав, который рассматривал жалобы от студентов и преподавателей на нарушение закона. Угроза потерять федеральное финансирование заставила образовательные учреждения менять свою политику.

Усилия, направленные на устранение дискриминации, коренным образом изменили ситуацию с соблюдением прав женщин на образование. Сейчас в самых престижных высших учебных заведениях – профессиональных школах бизнеса, права и медицины – студенток не менее половины. По данным министерства образования США, за период с 1980 по 1990 г. число мужчин, получивших диплом магистра делового администрирования (Master of Business Administration, MBA), выросло на 8,3 %, в то время как женщин – на 69,7 %⁶. Многие университеты, колледжи и бизнес-школы стали предлагать специальные программы для женщин по обучению предпринимательским навыкам, основам экономики и ведению бизнеса. Некоторые вузы, уловив тенденции к увеличению гендерного разрыва в образовании, стали ориентироваться в основном на женские программы. Например, в известной Бостонской школе менеджмента три четверти факультетов – женские⁷.

За последние десятилетия женщины добились настолько существенного прогресса в получении образования, что ряд экспертов уже снова ставят вопрос о наличии гендерного разрыва в высшем образовании США⁸. И действительно, в то время как число женщин, получивших высшее образование, степени бакалавров и магистров, растет во всех пятидесяти штатах, во всех расовых и этнических группах, в частных и государственных колледжах и университетах, число мужчин, получающих высшее образование, сокращается. В последние годы менее 45% всех выпускников высшей школы были мужчины, против 55% в

1970 г. В 1997 г. степень бакалавра получили 652 400 женщин и 520 500 мужчин⁹.

Высокий уровень образования и профессиональной подготовки позволяют женщинам вторгаться в традиционно мужские сферы деятельности и добиваться немалых успехов. Одной из таких областей является бизнес. В 1980–90-е гг. развитие сектора мелкого предпринимательства стало самым заметным явлением в американской экономике, а его “женская” часть – самым активно развивающимся сегментом.

В 1939 г., когда впервые были собраны данные о численности всех видов хозяйствующих субъектов, их насчитывалось почти 1 800 тыс., в середине 60-х гг. их было 5 млн, а к концу 90-х гг. – уже 23 млн, из них подавляющее большинство (73%) составляют предприятия индивидуальной формы собственности¹⁰. Примечательно и то, что за этот же период население США выросло с 130 млн до 261 млн человек. То есть в то время как население страны выросло в два раза, количество предприятий увеличилось более чем в 12 раз. По различным оценкам, в экономике США каждый год создается от 600 до 800 тыс. новых предприятий. Примерно 8 из каждых 100 взрослых жителей страны пытаются сегодня организовать собственный бизнес¹¹.

Подобный быстрый рост сектора мелкого предпринимательства имеет ряд причин. Во-первых, в американском обществе вести собственное дело традиционно считается престижным занятием. Исторически в силу ряда различных социально-экономических и культурно-этнических факторов американское общественное сознание формировалось под сильнейшим воздействием предпринимательского успеха отдельной личности. Как отмечает Б.С. Гершунский: «Культ труда как основы жизненного успеха, основы американской мечты о наиболее полной жизненной самореализации каждого человека всегда был и остается поныне фундаментом американской ментальности и на личном, и на общественном, и, безусловно, на государственном уровне»¹².

По мнению Н.С. Индукаевой, другой важной причиной бума мелкого предпринимательства во второй половине 70-х – 80-е гг. стало «осознание того, что крупный капитал не является спасением от спадов экономики, что отчетливо проявилось в кризисы 1973–1975 и 1982–1983 гг.»¹³. На грани банкротства оказались такие гиганты американской промышленности, как Локхид, Грумплин, Пан Американ, Уорлд Эйр и другие. Обанкротились такие крупнейшие банки, как Американский национальный банк Сан-Диего с общим объемом депозитов 1 млрд дол., Национальный банк Франклина с депозитами в 4,5 млрд дол.¹⁴ В связи с этими событиями специалисты в области экономики стали высказывать сомнения в жизнеспособности экономической системы США. Появились мнения о необходимости

лись мнения о необходимости альтернативных методов регулирования экономики, возрождения «свободного предпринимательства», поощрения свободной рыночной конкуренции, поддержки малого и среднего бизнеса. Малый бизнес был назван «жизненным большинством» американской экономики¹⁵.

Еще одной важнейшей причиной бурного развития мелкого предпринимательства стали достижения НТР, которые привели к изменению соотношения выгоды между крупномасштабным и мелким производством. Это было связано с мобильностью мелких предприятий, более высокой восприимчивостью их к новым идеям по сравнению с крупными, а следовательно, и более высокой конкурентоспособностью мелкого бизнеса. Технологические изменения, связанные с появлением персональных компьютеров, привели к быстрому развитию сферы услуг, в том числе профессиональных и деловых. Эта ниша была занята мелкими предприятиями.

В какой-то мере росту мелкого предпринимательства способствовал высокий уровень безработицы в середине 70-х – 80-е гг. Многие из малых предприятий были созданы рабочими и служащими, потерявшими работу. Также одной из причин бурного роста мелкого предпринимательства стала массовая иммиграция в США: многие новые мелкие предприятия создаются вновь прибывшими в страну.

Увеличению числа мелких фирм способствовало и втягивание женщин в общественное производство. В 1999 г. из 108 млн женщин старше шестнадцати лет, 65 млн работали или находились в процессе поиска работы, что составляло 46% всей рабочей силы страны, и, по прогнозам, к 2008 г. эта цифра увеличится до 48%¹⁶.

Однако, составляя почти половину всей рабочей силы США, женщины все еще являются объектом дискриминации. По данным Бюро трудовой статистики, средненедельная зарплата работающего полный рабочий день в 1999 г. была 473 дол. для женщин и 618 дол. для мужчин. Другими словами, женщины зарабатывают 77 центов на каждый доллар, заработанный мужчинами. Для женщин – представительниц национальных меньшинств эти цифры еще ниже: средненедельная зарплата афроамериканки составляет 445 дол., латиноамериканки – 385 дол.¹⁷

Сложности в продвижении по службе, трудности совмещения работы и семьи заставляют женщин искать другие пути применения своих способностей, открывая собственное дело. В рамках всей страны коммерческие предприятия, принадлежащие женщинам, постоянно росли в течение последних двух десятилетий. По данным на 1999 г., во владении женщин находилось 9,1 млн малых деловых предприятий.

что составляло треть всех компаний США. За период с 1987 по 1999 г. число предприятий, принадлежавших женщинам, выросло на 103%¹⁸. Причем темпы роста числа предприятий, принадлежащих женщинам, вдвое выше, чем предприятий, находящихся во владении мужчин.

В 1998 г. Национальный фонд женщин, владеющих бизнесом, общественная организация Каталист и Комитет 200 провели исследование с целью выявления мотивов, движущих людьми, открывающими собственное дело. По всей стране было опрошено более 800 респондентов – женщин и мужчин, владеющих бизнесом. Исследование показало, что большинство женщин, открывающих свое дело, верят в идеалы предпринимательства, культивируемые в американском обществе. 44% опрошенных женщин назвали веру в возможность реализовать свои предпринимательские идеи «доминирующим мотивом» при решении открыть собственный бизнес¹⁹. Среди других причин были названы стремление иметь более гибкий график работы, чтобы уделять больше времени семье, а также несправедливое отношение на прежних местах работы. Почти половина опрошенных женщин до организации собственного бизнеса работали в различных частных компаниях, и большинство из них заявили, что сталкивались с так называемым стеклянным потолком – 58% из них не хотели бы вернуться в корпоративную среду²⁰.

Впервые термин «стеклянный потолок» было применен в 1977 г. профессором Гарвардской бизнес-школы П.М. Кантером в исследовании анонимной промышленной корпорации. Кантер пришел к выводу, что люди, работавшие в крупных организациях, имеют скрытую склонность нанимать и продвигать по службе себе подобных, не допуская на руководящие посты женщин, темнокожих или представителей других дискриминируемых групп. Отсюда известные правила «Ай-Би-Эм», ныне не действующие, в соответствии с которыми предпочтение при найме на работу отдавалось «чисто выбритым кандидатам в белых сорочках» или ориентация банков Дж. П. Моргана на «белых протестантов англо-саксонского происхождения»²¹. И хотя с тех пор в американской корпоративной этике многое изменилось, женщины все еще продолжают оставаться на низших ступенях корпоративной лестницы. Несмотря на то, что женщины составляют 39% менеджерского состава крупнейших 500 американских корпораций из списка журнала «Форчун», их не так много в топ-списках наиболее высокооплачиваемых или занимающих ключевые позиции менеджеров²². Поэтому не редкость, что женщины покидают крупные компании с целью организовать собственный бизнес.

Как правило, женщины не получают по наследству семейные компании и не покупают компании, созданные ранее. Чаще всего они открывают свои собственные, по причине внутренней потребности или из-за недостатка возможностей на традиционном деловом рынке. Нередко они создают компании для того, чтобы разрешить проблемы, с которыми сталкиваются женщины и которым рынок не уделил достаточно внимания, в особенности в областях здравоохранения, ухода за детьми, образования и моды. Поэтому вполне естественно, что больше половины фирм, принадлежащих женщинам, находится в сфере услуг (52%), на втором месте розничная торговля (19%), на третьем – ризлтерство и страхование (10%)²³. Бизнес в этих отраслях не требует привлечения больших капиталовложений. А доступ к кредитам всегда был основной проблемой для женщин, начинающих или стремящихся развивать свой бизнес.

Однако если проследить динамику роста числа новых предприятий, принадлежащих женщинам, за 1990-е гг., то лидирует такая «неженская» отрасль, как строительство, затем идет розничная торговля, на третьем месте – транспорт и коммуникации²⁴. Развитие женского предпринимательства в капиталоемких отраслях стало тенденцией кон. XX в. Это свидетельствует о переменах в отношении к деловым женщинам со стороны кредитно-финансовых учреждений.

В 1992 г. исследование, проведенное Национальным фондом женщин, владеющих бизнесом, показало, что две трети женщин-предпринимательниц испытывали трудности в работе с финансовыми институтами. Треть опрошенных заявили, что подвергались дискриминации со стороны финансовых институтов²⁵. Восемь лет спустя, в 2000 г. этот же Фонд совместно с финансовой компанией Уеллс Фарго провели аналогичное исследование на предмет доступности женского бизнеса к кредитам и инвестициям²⁶. Выяснилось, что за последние четыре года 65% из привлеченных к исследованию предприятий женского бизнеса заимствовали капиталы у независимых финансовых институтов и инвесторов. 44% инвесторов заявили, что за последний год они значительно увеличили кредитование предприятий женского бизнеса²⁷. Пожалуй, наиболее успешным примером изменения отношения финансовых институтов к женскому бизнесу является уже упомянутая компания Уеллс Фарго. Это финансовая группа с капиталом в 202 млрд дол., предоставляющая различные финансовые услуги – банковские, страховые, инвестиционные, ипотечные и др. – через 5836 отделений во всех пятидесяти штатах, а также в Канаде и Латинской Америке. Уеллс Фарго является крупнейшим кредитором малого бизнеса в стране среди финансовых ин-

ституты: в 1999 г. у компании было 400 тыс. заемщиков из числа мелких предпринимателей с обязательствами более чем в 20 млрд дол.²⁸

В 1995 г. Уеллс Фарго заключила стратегический альянс с влиятельнейшей женской организацией – Национальной ассоциацией женщин, владеющих бизнесом, и инициировала ряд программ по поддержке женского предпринимательства. В частности, это – Национальная программа займов женщинам, Программа по развитию женского бизнеса в отдельных штатах, Программа доступа к капиталу, а также Программа сотрудничества по займам с АМБ²⁹.

В соответствии с *Национальной программой займов женщинам*, стартовавшей в 1995 г., был ассигнован 1 млрд дол. По этой программе предлагаются микрокредиты от 5 до 50 тыс. дол. женщинам-предпринимателям по всей стране. За три года указанный миллиард был исчерпан, и Уеллс Фарго Банк выделил еще 10 млрд на следующие десять лет.

Программа по развитию женского бизнеса в отдельных штатах призвана развивать женское предпринимательство с учетом особенностей отдельных территорий. Так, например, в Нью-Мексико региональное отделение Уеллс Фарго Банка инициировало локальную женскую банковскую программу, учитывающую высокий уровень предпринимательской активности женщин в этом штате. Программа по развитию женского бизнеса в отдельных штатах также поддерживает инициативы местных властей по развитию женского предпринимательства, как-то: создание веб-сайтов, проведение конференций и ежегодных церемоний награждения наиболее успешных женщин-предпринимателей, проводимых региональными отделениями Национальной ассоциации женщин, владеющих бизнесом.

Программа доступа к капиталу действует в штатах Калифорния, Орегон и Техас с фондом в 258 млн дол., и на сегодняшний день ею охвачено 1635 заемщиков. Памятуя о том, что женщины начинают свой бизнес вдвое чаще, чем мужчины, а также чаще встречаются трудности в получении стартового капитала, Уеллс Фарго предложила страховать потери других финансовых учреждений по займам женщинам-предпринимателям.

Программа сотрудничества с АМБ: Уеллс Фарго является крупнейшим кредитором АМБ по программам «7а» и «504» в девятинадцати штатах*. С 1997 по 1999 г. Уеллс Фарго инициировала почти четыре

---

*«7а» – программа гарантирования займов АМБ. Суть гарантированного займа заключается в удостоверении кредитора в том, что в случае невыполнения заемщиком своих обязательств правительство

тыс. займов на сумму 442 млн дол. по программе «7а», значительная доля которых пришлось на бизнес, которым владеют женщины. Средняя сумма займа по программе «7а» составляла 115 тыс. дол., а наиболее активно участвуют в программе предприятия Калифорнии, Аризоны, Миннесоты, Колорадо и Техаса. На программу «504» Уеллс Фарго потратила 350 млн дол.

Уеллс Фарго уделяет значительное внимание развитию бизнеса, принадлежащего национальным меньшинствам. В 1997 г. была начата шестилетняя программа развития бизнеса латиноамериканской общины. За первый год программой были охвачены восемь тыс. девятьсот испаноязычных предпринимателей. В 1998 г. Уеллс Фарго выделил 1 млрд дол. на двенадцатилетнюю программу развития бизнеса, принадлежащего афроамериканцам.

Представляя свою компанию в Комитете по малому бизнесу палаты представителей, исполнительный вице-президент Уеллс Фарго К. Андерсон отметила: «Мы делаем это не для того, чтобы быть приятными. Мы делаем это не для того, чтобы выглядеть политкорректными. Мы потратили 10 млрд дол. на бизнес, которым владеют женщины, потому что этот бизнес приносит нам деньги»³⁰.

Действительно, экономическое влияние предприятий женского бизнеса неуклонно возрастает. В середине 80-х гг. вклад в американскую экономику трех миллионов фирм, принадлежавших женщинам, оценивался в 40 млрд дол. ежегодно. Сегодня предприятия, принадлежащие женщинам, привносят в американскую экономику более 3,6 трлн дол. ежегодно³¹. Наём новой рабочей силы крупными корпорациями в целом сокращается, в то время как наём в мелкие компании растёт. В настоящее время компании, которыми владеют женщины, принимают на работу в США на 35% больше людей, чем компании группы "Fortune 500" – во всем мире, и сегодня на американских предприятиях, принадлежащих женщинам, работает 27,5 млн человек³². Анализ, проведенный Национальным фондом женщин, владеющих бизнесом, показал, что наём рабочей силы предприятиями, находящимися во владении женщин, вырос на 320% в период с 1987 по 1999 г.³³

Эти цифры отражают лишь небольшую часть воздействия, которое женщины оказывают на американскую экономику. Проведенные исследования показали, что в компаниях, находящихся во владении женщин, чаще

в лице АМБ возместит кредитору понесенные убытки. Тем самым значительно сокращается риск для финансово-кредитных учреждений, что заставляет их предоставлять более благоприятные условия для предпринимателей «Программа 504» – помощь в развитии и модернизации действующих предприятий. По программе предоставляются долгосрочные кредиты с фиксированной ставкой. АМБ дает гарантию на 40% займа на сумму не более 1 млн дол

предлагается гибкий график работы, компенсация оплаты за обучение и участие в прибылях, чем это обычно делается в других американских компаниях. Женщины разрешают проблемы, которые традиционно ограничивали их конкурентоспособность на рынке, и будут продолжать делать это в XXI в. В конечном итоге, компании, которыми владеют женщины, превратились в силу, с которой обществу приходится считаться.

---

¹ Женский бизнес – динамичный сектор мировой экономики – <http://comrat.iatp/md/awg/business/first.html>

² The American Woman 2001–2002. N.Y., 2001. P. 228.

³ *Shwartz F.N.* Breaking with tradition: Women and work, the new facts of the life. N.Y., 1993, P. 78

⁴ 20 facts on women workers – <http://www.dol.gov/dol/wb/welcome.html>

⁵ *Понкова Л.Н.* Политика равных прав и равных возможностей (на примере США) / Теория и методология гендерных исследований М., 2001, С. 227.

⁶ *Shwartz F. N.* Op. cit. P. 168.

⁷ Simmons College of Management in Boston, Massachusetts – <http://www.simmons.edu/gsm/mba>

⁸ Where are the boys? The growing gender gap in higher education // USA TODAY. 1999. December. P. 13.

⁹ Colleges look for ways to reverse a decline in enrollment of men // The chronicle of higher education. 1999. November, 26. P. A73. Вып. 3.

¹⁰ Role of the economy – <http://www.house.gov/smbiz/facts/index.htm>

¹¹ Ibid.

¹² *Гершунский Б.С.* Россия и США на пороге третьего тысячелетия. М., 1999, С. 282.

¹³ *Индюкаева Н.С.* Правительственная поддержка малого и среднеразмерного бизнеса в США/ Американские исследования в Сибири. Томск, 1988. Вып. 3. С. 77.

¹⁴ История США. М., 1987. Т. 4. С. 448.

¹⁵ См.: *Ginzberg E.* The Pluralistic Economy of U.S. / Annals of America. Chicago, 1987. Vol. 20. P. 309–316; The Vital Majority Small Business in the American Economy. Wash. 1976.

¹⁶ 20 Facts on Women Workers – <http://www.dol.gov/dol/wb/welcome.html>

¹⁷ Earnings Differences Between Women and Men – <http://bls.gov>

¹⁸ Women-Owned Business Top 9 Million in 1999 – <http://www.nfwbo.org/Research/5-11-1999/5-11-1999.html>

¹⁹ Entrepreneurial Ideas Motivate to Start Business – <http://www.nfwbo.org/Research/2-24-1998/2-24-1998.html>

²⁰ Ibid.

²¹ *Tannen D.* Talking from 9 to 5. Women and Men in the Workplace: Language, Sex and Power. N.Y., 1994 P. 133.

²² The American Woman 2001–2002. P. 90.

²³ Women and Small Business. Startling New Statistics – <http://www.nafe.com/statistics/html>

²⁴ Ibid.

²⁵ Women Business Owners Report Financial Barriers in Growing Their Businesses – <http://www.nfwbo.org/Research/11-1-1993/11-1-1993.htm>

²⁶ Women Entrepreneurs in Equity Capital Markets: The New Frontier – <http://www.nfwbo.org/Research/7-18-2000/7-18-2000.htm>

²⁷ Ibid.

²⁸ women's business services - http://www.wellsfargo.com/biz/intentions/women_bus_svcs.jhtml

²⁹ Wells Fargo – <http://www.house.gov/smbiz/hearings/105th/1999/990325/index.html>

¹⁰ Ibid.

¹¹ Women-Owned Business Top 9 Million in 1999 – <http://www.nfwbo.org/Research/5-11-1999/5-11-1999.html>

¹² Ibid

¹³ Ibid.

THE ROLE OF WOMEN'S SMALL BUSINESS IN THE USA ECONOMY IN 1980-90S

I.G. Ayushieva
Tomsk State University

This article is an attempt to analyze the state of business owned and controlled by women and its influence on American economy.

Small business plays an important role in the United States economy. There are about 23 million firms in the U.S., according to 2002 data. Women are full or part owners of 9.1 million businesses and primary owners of 5.4 million of these. By the mid-1980s, there were 3 million women-owned businesses contributing \$40 billion annually to the U.S. economy. Today, women own 9.1 million firms, which account more than one-third of all U.S. companies and generate more than \$3.6 trillion annually. These 9.1 million businesses employ 27.5 million employees – more than Fortune 500 companies employ worldwide.

The largest share of women-owned businesses is in the service sector. More than half (52 percent) of women-owned firms are in services; 19 percent are in retail trade and 10 percent are in insurance and real estate.

Over a period of 1990s women-owned firms continue to grow in to all industries. Construction, wholesale trade and transportation have seen the largest recent increases in the number of women-owned firms. The new tendency give evidence, that women have been deciding problems with attracting capitals successfully. According new study announced from National Foundation for Women Business Owners (NFWBO) and Wells Fargo & Company, the movement of women-owned firms into equity capital markets is a new phenomenon: two-thirds (65%) of women interviewed with equity capital received their first equity investment in the past four years.

Financial company Wells Fargo is a best example of cooperation of financial institutions and women-owned businesses. In 1995, Wells Fargo established a strategic alliance with the National Association of Women Business Owners (NAWBO) and initiated series of programs to finance women's businesses. During 5 years Wells Fargo putt \$10 billion to women-owned businesses "because women-owned businesses make money".

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: АВТОР В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

PART II

HISTORY OF LITERATURE'S PROBLEMS: AUTHOR IN SEARCH OF IDENTITY

ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Т.Л. Рыбальченко
Томский госуниверситет

В отличие от большинства русских эмигрантов третьей волны, И. Бродский достаточно благополучно устроил своё пребывание в Соединённых Штатах. Издание книг и преподавание обеспечили существование: в 1972–1981 гг., живя в Анн Арборе, он преподаёт в Мичиганском университете; с 1978 г. – в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах и имеет квартиры в Нью-Йорке (сначала на Гринвич-Виллидже, затем на Мортен Стрит); с 1981 г. он преподаёт в колледжах Маунт-Холиоок (в Массачусетсе, в Долине Пионеров) и обретает свой дом в Саут-Хэдди с его очень похожим на северо-запад России пейзажем. “Мне здесь очень нравится, возможно, отчасти потому, что во многом это напоминает мне ту часть России, в которой я рос. Та же растительность, тот же рельеф и достаточно узнаваемые времена года”¹. Известность и признание подтверждаются и должностью поэта-лауреата при Библиотеке конгресса (с 1986 г.) и Нобелевской премией (1987 г.). Вопреки внешнему благополучию, эмиграция стала не разочарованием, а экзистенциальным шоком для Бродского, хотя, казалось бы, он очутился в желаемом давно и страстно мире.

Как свидетельствует А. Сергеев, “всех нас тянуло в сторону Америки. ... появлялось ощущение запасной родины”². В различных эссе Бродского неоднократно возникают воспоминания о том, чем был образ Америки (Соединённых Штатов) для молодого человека конца 1950-х – начала 1960-х гг. Первым источником соприкосновения с желаемым американским миром были вещи: американская сгущёнка, американский термос и фонарик, привезённые отцом с Дальнего Востока; американские автомобили и прачечная в Ленинграде; приёмник “Филипп”, донёсший “пантеон джаза”; сигареты “Кэмел” и джин “Бифитер”; брюки дудочкой и длинные волосы. “Выбор определялся формой, не содержанием”, – пишет Бродский, однако свидетельствует и о “более серьёзных” мотивах интереса к знакам другой реальности: “принцип один против всех”, “инстинктивный индивидуализм”, “ненависть ко всякой

групповой принадлежности”³; “...Как выяснилось, мы были готовы заплатить за это чувство узнавания, и заплатить довольно дорого – всей оставшейся жизнью”⁴, – заключает он.

Другой источник, который оттеснил магию вещной реальности Америки, – послевоенные фильмы, джаз и – с 1960-х гг. – книги: “Книги стали первой и единственной реальностью, сама же реальность представлялась вздором и доукой”⁵. Бродский знал антологии американской поэзии, собранные М. Зенкевичем и И. Кашкиным, постоянно читал журнал “Иностранная литература”. Американская литература (от Мелвилла и Уитмена до Фолкнера и Фроста), утверждает Бродский в эссе “Меньше чем единица”, отвечала чувству индивидуализма, сформировавшемуся естественно, не под влиянием литературы.

В ранней поэзии И. Бродского возникает образ Америки как мира свободы, духовной раскрепощённости, прежде всего, через тему американского джаза, то есть через музыкальное ощущение мира, соответствующего внутреннему состоянию лирического субъекта⁶. В “Июльском интермеццо” (1961) пространство строгого классического Ленинграда с ориентирами-храмами (Исаакиевский собор, Петропавловский собор) соотносено с пространством “подворотен”, где “идёт охота за любовью”, и летняя эротическая одержимость лирического субъекта созвучна звукам американского джаза, вырывающегося в пространство города из окон домов. Однако раскрывшееся частное пространство души (квартира и подворотен) устремлено в родное, где источник музыки: “Там, за тёмным океаном, над которым с зажжёнными бортовыми огнями / летят самолёты”; там, на 72-й улице, “все вы ... в белых платьях и в белых рубашках”, подобно лирическому субъекту.

В стихотворении “От окраины к центру” (1962) нет американского пространства, но оно тождественно внутреннему ощущению лирического субъекта:

Джаз предместий приветствует нас,
слышишь трубы предместий,
золотой дискленд
в чёрных кепках прекрасный, прелестный,
не душа и не плоть –
чья-то тень над родным патефоном,
словно платье твоё вдруг подброшено вверх саксофоном [1, 30].

Здесь игра слов место юношеского “светлого рая” (“местность любви”, “парадиз мастерских и аркадия фабрик”), исчезнувшего, ставшего небытием, темнотой и покоем (“отбегая навек, мы становимся смертью и раем”; “этот ад или райское место”), соотносит именно с Америкой, так как дискленд – это не только ансамбль джазистов (белых, не негр-

тянского происхождения), но “земля Дикси”, юга Соединённых Штатов, негритянского Юга, давшего джазовые ритмы. Охтинский и невский пейзаж поэтому контрастирует внутреннему самоощущению лирического субъекта, представляющему себя на границе лет (“на мосту возле лет безвозвратных”), миров (“мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою”), воспевая “вечную жизнь”, не имеющую названия, при этом “возвышая свой крик / чтоб с домами ему не столкнуться”, то есть воспевая внутреннее переживание реальности, а не самой реальность.

После эмиграции образ заокеанского пространства получает иную эмоциональную тональность, которую объясняет сам Бродский в эссе “Меньше чем единица” (1976): “Безнадежно отрезанные от остального мира, они думали, что по крайней мере этот остальной мир похож на них; теперь они знают, что и остальной мир таков же, только лучше одет” [2, 335]. В стихотворении “Классический балет” (1976), посвящённом эмигранту М. Барышникову, Бродский двусмысленно формулирует избранное место собственной эмиграции: “А что насчёт того, где лучше приземлиться, / земля везде тверда: рекомендую США” [1,309]; в стихотворении “Пьяцца Маттеи” (1981) он называет себя “пасынком дикой державы, .. разбившей морду” и “гордым приёмышем не менее великой державы”; в цикле “Прилив” называет место проживания в эмиграции “приютом”. Однако жизнь в Штатах не дала чувства достигнутой свободы, а стала подтверждением тотального одиночества человека и “полной меры изгнания из реальности”⁷. Эмиграция открыла метафизическую сущность человеческой судьбы как изгнания (“от Адама все изгнанники”), предварила литературную судьбу “затеряться на полке среди тех, с кем вас роднит лишь первая буква фамилии”, и проиллюстрировала “удручающую идею, что освобождённый человек не есть свободный человек”. Америка напомнила о подлинном масштабе человека, и Бродский выразил духовную коллизию своего пребывания в Америке (утрата всяческих иллюзий, чувство изолированности и стоическое мужество в преодолении отчаяния)⁸. Бродский не дал “американского текста”, но выразил “американский синдром” – трагизм временного спасения, трагизм экзистенциального неблагополучия.

Образ Америки прочитывается в эссеистике И. Бродского (прежде всего “Трофейное” – 1986, “Состояние, которое мы называем изгнанием” – 1987, “Речь на стадионе” – 1988), в интервью (“Нет правых и виноватых...” // Литературная газета. 1994), в “Диалогах с И. Бродским” С. Волкова, во множестве статей и выступлений по поводу американской литературы (“В мире изящной словесности” // Америка. 1992. № 5). Безусловно, образ Америки предстаёт в его стихах, однако определённо можно сказать, что направленного внимания к конкретному

пространству жизни в Америке в стихах Бродского нет⁹, что особенно заметно в сравнении с “итальянскими”, “латвийскими”, “мексиканскими” и другими циклами стихов. В стихах можно найти реалии маленьких городков, где жил Бродский: Анн Арбору, Саут-Хэдди (“Метель в Массачусетсе”, 1990); Вашингтона (“Вид с холма”, 1992); нет почти Нью-Йорка, город-символ Соединённых штатов, по свидетельству С. Волкова, не совпадал с внутренним ритмом жизни Бродского.

Образ Америки предстаёт не как “американский текст”, а как метафора “ниоткуда”, то есть метафора будущего исчезновения, задержанная пребыванием в оборотной реальности. Вместо пластической конкретности образа Америки даются её знаковые географические координаты, точка в огромном пространстве, символизирующая ничтожность малого пространства существования перед планетарным пространством (особенно очевидно это в хрестоматийном “Осеннем крике ястреба”), либо координаты маленького города, раздражающе упорядоченное “барокко города” (“Новая жизнь”), стандарт, обесмысливающий пребывание здесь любого человека: “Улица. Некоторые дома / лучше других: больше вещей в витринах, / и хотя бы уж тем, что если сойдёшь с ума, / то во всяком случае, не в них” (“Всюду остаётся возможность...”). Таковы же урбанистические картины в стихотворениях “В озёрном краю”, “Осенний вечер в скромном городке”, “Это ряд наблюдений”, “Шорох акации”, “Над восточной рекой”, “Барбизон Террас”, “Дорогая, я вышел сегодня...”, “В кафе”. Успокаивающее равнодушие окружающих реалий к человеку разрушается им самим, поскольку он сам видит в них не знаки желанной жизни, а напоминание об утраченном, что и сводит с ума, рождает потрясение сознания вопреки уравновешенности окружающей среды. Таковы детали пейзажа Северной Америки, Долины, напоминающего север России – и Прибалтику, и русский Север: “И если свести с ума требуется пустяк, / то начеку ольха, вязы или дубы” (“Новая Англия”, см. также “Замёрзший кисельный берег”, “Если что-нибудь петь, то перемену ветра”).

Тем не менее пространственная позиция субъекта лирического переживания выдаёт не романтический бунт против окружающей среды, а позицию “остановки в пустыне”, внешнего подчинения пространственному плену, и двойного отстранения – от реальности, из которой он удалён, и от реальности пребывания: “Жизни, видимо, нету нигде, и ни / на одной из них не удержишь взгляда” (“Что касается звёзд...”). В “Новой Англии”, развивая мотив оторванности от древа жизни (лермонтовский “дубовый листок”, есенинский “ненужный ком листьев”), поздний Бродский отрицает и необходимость, и силу корневой связи с зем-

лэй, ибо связь с “корнями” делает человека более слабым, несвободным в утрате этих корней (“Чем мускулистей корни, тем осенью больше бздо, / если ты просто лист”), к тому же невечно и само древо (“Когда-нибудь всем, что видишь, растопят печь, сделают карандаш...”). Бродский вступает в полемику с Ахматовой, декларировавшей свою верность родной земле и в 1922 г. (“Не с теми я, кто бросил землю...”), и в 1961 г. (“Родная земля”):

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем...
<...> Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно – своєю¹⁰.

Бродский же формулирует несвязанность как с землёй рождения, так и с землёй проживания: “Мы только живём не там, где родились, <...> но землю, в которую тоже придётся лечь, / тем более одному, можно не целовать”¹¹. Это проявляется в “американских” стихах, где отмечено отдельными знаками место пребывания, но это место отстранённо фиксируется.

В “Колыбельной трескового мыса” (1975) [1,330–340] представлены черты упорядоченного и вторичного пространства, повторяющего известное (“классические цитаты на фронтонах”, “колоннада Окружного Суда” и “опирающийся на ружьё, / Неизвестный Союзный Солдат делается ещё / более неизвестным”); бульвар, фонари и светофор; башенные часы – всё похоже на декорации или пространство для игры (“луна вверху, / как пропавший мяч над безлюдным кортом”). Только глаза фиксируют реальность новых вещей, другие органы чувств направлены на другую реальность, а в этой испытывают боль (“изжога, вызванная новой пищей”, “обмотанное полотенцем горло”, “пот на лбу”, “мозг в суповой кости тает”) или пустоту (недостаток воздуха – лёгкие-жабры задыхаются; немоту, невозможность услышать и сказать слова – рядом “глухонемой океан”). Реальность сознания – вне, в зазеркалье, не давит на глаза, но становится источником переживания: “только мысль о себе и о большой стране / вас бросает в ночи от стены к стене”. Утраченная реальность, нелюбящее и отторгнувшее из себя пространство России даны не в пластическом описании, а контрапунктно, как сказочное пространство, отделённое не только океаном, но и временем, обрекающим на одиночество:

..за тридцать с лишним земель повернулось на бок
тело, с которым давным-давно
только и общего есть, что дно
оксана и навыв
наготы; но при этом не встать вдвоём.

Потому что пока там светло, в твоём
полушарьи темно. Так сказать, одного светила
не хватает для двух заурядных тел.
То есть глобус склеен, как Бог хотел.
И его не хватило.

Возникает образ раздвоенного планетарного пространства, перевёрнутого мира, в котором положение лирического субъекта равно аномально, положение “ниоткуда”, положение мыса, то есть части тверди, омываемой океаном, бесформенной и безличностной стихией, где незаметно исчезновение: “если резко / шагнуть с дебаркадера вбок, вовне, / будешь долго падать, руки по швам; но не / воспоследует всплеска”. Если прочесть лирическую коллизию как любовную, образ мыса обретает семантику части плоти, устремлённой к утраченной любимой (напомним, что “Колыбельная...” посвящена сыну – “А. Б.”). Позднее Бродский, по свидетельству интервьюеров, связывал “Колыбельную...” с двухсотлетием США, и тогда пространственная модель обретает историческую, а не только личную символику: Мыс на берегу Долины Пионеров устремлён через отделяющий его океан к Европе, родной, но недоступной земле, это пространство “бежавших прочь”, в никуда. “Восточный конец Империи” дан в атмосфере ночи, духоты, городской пыли, скрывающих лица, “превращая их не столько в бежавших прочь, / как в пропавших из виду”, “часы на кирпичной башне / лязгают ножницами”, отсекая время. Хотя эмиграция – это продление жизни для бежавших из другой империи, само продолжение жизни – иллюзия (“Птица, утратившая гнездо, яйцо / на пустой баскетбольной площадке кладёт в кольцо”). Смена империй не даёт свободу:

Когда я открыл глаза,
север был там, где у пчёлки жало
Я увидел новы небеса
и такую же землю. Она лежала,
как это делает отродясь
плоская вещь: пылясь.

Поэтому разворачивается метафора Новой Англии как рая, “вышедшей из прибоя” жизни, и как плена – “угодившей в сети рыбы” (здесь обыгрывается внешняя деталь городка – покрытые черепицей и drankой дома, “уснувшие косяки” сельди и трески, то есть мелкой промысловой рыбы, которая “не сподобилась гордых статуй”). Осознание бессмысленности собственного героического бегства из одной империи воплощает текст, который не является инвективой, жалобой, иронически назван колыбельной, потому что призван не выразить боль, а убаюкать, отвлечь от трагизма осознания псевдоспасения:

...я пишу эти строки, стремясь рукой,
из выводящей почти вслепую,
на секунду опередить "на кой",
с оных готовое губ в любую
минуту слететь и поплыть сквозь ночь.

Русская колыбельная предупреждает "не ложиться на край", поэтому лирический субъект следует мудрости колыбельной, продолжает погружаться в мнимый рай Новой земли, хотя не может, подобно первооткрывателям Америки, крикнуть как о спасении "Земля", для него земля, суша, как для рыбы, не спасительна:

Человек выживает, как фиш на песке. она
уплзает в кусты и, встав на кривые ноги,
уходит в недра материка

Обретённый рай – это "место бессилья, ибо это одна из таких планет, где перспективы нет". Успокаивающая, усыпляющая колыбельная необходима, чтобы заглушить экзистенциальное отчаяние, жить, следя за движением стрелки часов, ведущих к краю жизни; не спрашивая "Кто там?", ибо никто не постучит в дверь; спать, "как спят только те, кто сделал своё пи-пи", – "только так – во сне – и дано глазам / к вещи при-выкнуть."

Важнейший в поэме мотив писания, бегство в слово, в создания текста, переводящего руку (и всё тело человека, "крайнюю плоть пространства") от края к середине листа бумаги, пространства жизни. Этот мотив осложняется знанием растворения в гуле чужих слов, чужих газет, надписей ("как на празднике Вальтасара, / письма "Кока-Колы"), знанием непонимания ("разбегающихся от слов нулей", "не крикнуть "Земля", даже эхо "прощай" будет редуцировано до "на-чай", то есть до презрительной милости), но единственное, что остаётся случайно выжившему ("Странно думать, что выжил, но это случайность"), продолжающему стоять на краю, – петь песню трески, выброшенной на песок, то есть самоопределяться в реальности:

Иногда в том хаосе, в свалке дней,
возникает звук, раздаётся слово.
То ли "любить", то ли просто "эй".
Но пока разобрать успеваю, снова
всё сменяется рябью слепых полос.

Безусловно, есть заметные различия в восприятии американской реальности в поэзии 1970-х и 1980–1990-х гг. Первое десятилетие эмиграции – время одиночества, острого переживания изгнанности и собственной ненужности в стране другого языка – в этот период редуцируется даже принцип описательности, перевода реальности в текст, лирика

экспрессивна и направлена “поверх” американской реальности в реальность России, оставшейся в сознании и не оставляющей места для новой реальности. Этот период представлен стихами из циклов “Часть речи” (1975–1976)¹² и “Осенний крик ястреба”, включённых в книгу “Урания”¹³, а также поэмой “Колыбельная Трескового Мыса” (1975) и стихами, не включёнными в циклы¹⁴.

Цикл “Часть речи” может дать представление о духовном состоянии и роли американских реалий в стихотворениях первого десятилетия эмигрантства. В стихотворении “Заморозки на почве...” [1, 323] вообще нет социокультурных реалий Америки (возможно, только деталь – серое кровельное железо – рождена видом анн-арборских крыш), а пейзаж представлен географически нефиксированным: “заморозки на почве и облысение леса./ небо серого цвета кровельного железа”; “двор”; метафора “штабеля дров” – практически неотличимым от деревенских северных пейзажей в стихах периода ссылки. Топос предстаёт как точка пребывания, не как организованное пространство. По обыкновению вписывая эту точку в географический масштаб – “всю-то / ты проехал вселенную”, – Бродский иронически отсылает к национальной модели мира, в которой родина – центр, средоточие ценностей. – Напомним ставшую народной песню:

Всю-то я вселенную проехал,
Нигде милой не нашёл.
Я в Россию возвратился –
Сердцу слышится привет

Окружающая реальность, подобно песенной семантике, чужда, что объясняет атмосферу неуютности, холода: “заморозки”, “ёжась”, “проницаемая стужа снаружи”, “зазимует” – и некрасивости, незстетичности: “облысение леса”, “небо серого цвета кровельного железа”. Отметим здесь и словесную дезстетизацию – слово, выражающее внутреннее состояние – русское матерное слово. Утраченная реальность в этом стихотворении не предстаёт как реальность сознания, в пластическом образе, а проявляется в системе оценок, в языке, в иронически-пародийной оценке модели мира, представленной как низовой национальной русской культурой, так и её высокими образцами.

По-русски оценив место пребывания, лирический субъект иронически подтверждает национальный концепт (“нигде милой не нашёл”) и одновременно опровергает центрическую картину мира: во вселенной не найти милой, не найти родного, желаемого пространства, нет возвращения (“зазимует”). Поэтому полемика с традиционной русской

ментальностью, а не обживание, описанию новой реальности составляет сюжет стихотворения.

Полемика с Пушкиным парадоксальным образом становится способом выражения внутреннего состояния лирического субъекта. В первых, аллюзия на стихотворение “Узник” (1822) даёт название состоянию Бродского в первые годы эмиграции. В пушкинском стихотворении молодой невольник, сидящий в сырой темнице, устремлён к свободе, а свобода присуща реальности, символизируется в образах реального пространства: белой горой, синим морем и ветром. Трагизм ощущения несвободы, усиленный двойной неволей – человека и птицы, – всё же ограничен представлением о социальной природе несвободы: тюрьма создана людьми, а в мире природы – воля. Бродским, казалось бы, поддерживается пушкинская антитеза природного и человеческого (“Ты не птица, чтоб улетать отсюда”), однако вселенная, а не только двор, окружающая американская реальность лишены воли и жизни, и антиэстетический пейзаж подтверждает это, округляясь в грубое слово. Отметим ещё и несомненную отсылку к возрасту Пушкина в год создания “Узника” и самого Бродского в 1963 г., когда он оказался под следствием и мечтал о возможности обретения свободы, подобно 23-летнему поэту-классику.

Вторая аллюзия на пушкинскую “Осень” (1833) тоже неслучайна, ибо сопоставляет состояние приблизительно одного возраста и создаёт притяжение-отталкивание от поздней пушкинской гармонизирующей (этической) эстетики, где может быть прекрасно увядание: “Мне нравится она, / как, вероятно, вам чахоточная дева / порою нравится. <...> Могильной пропасти она не слышит зева; / Играет на лице ещё багровый цвет”¹⁵. Бродский начинает стихотворение отталкиваясь от пушкинского воспевания октября, времени последней красоты, возникающей вопреки неизбежному наступлению зимы. “Нечётное октября” у Бродского означает и обострённое чувство времени, и его представление о его нецикличности, однонаправленности к разрушению (облысению, заморозкам). Сравни: “Октябрь уж наступил – уж роща отряхает / Последние листья с нагих своих ветвей; / Дохнул осенний хлад – дорога промерзает” – и приведённое выше начало стихотворения Бродского. Добавим, что у Пушкина девять из двенадцати строф продолжают воссоздание полноты бытия, представляющего и пространственно (поля, дубравы), и во времени (все времена года), и в бытовых проявлениях человеческой жизни, в “привычках бытия” (“кататься на санях с Армидами младыми”, охотиться, есть мороженое). Лирический герой Пушкина вписан в мир людей (сосед, девы, участники зимних праздников), самый диалог с читателем (“Извольте мне простить ненужный прозаизм”) сви-

детельствует о неотстранённости Пушкина от прозаической реальности, в которой он видит прелесть и красоту; герой вписан и в природное пространство, в “раздолие открытое” (очевидна символика всадника, человека, соединившего себя с природным бытием). Лирический субъект Бродского одинок, отстранён и от вселенной, и от живой природы: “дальше вроде / нет страницы податься в живой природе” (здесь обратит внимание на дискурс книги, текста в разговоре о “живой” природе).

Между тем заключительная часть стихотворения Бродского внешне снимает полемику с Пушкиным, но концептуально различается с пушкинским стихотворением. В “Осени” Пушкина уединение предстаёт как одно из ценностных способов существования, после общения с миром тепло малого мира (“и в камельке забытом / огонь опять горит”) продуктивно, будит воображение (“душа стесняется лирическим волненьем”), мысли (поэзия предстаёт как способ мышления о мире – таково финальное “Куда ж нам плыть?”), а следствием этого является писание текста:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.

В стихотворении Бродского введён семантический ряд последних строк “Осени”: возвращения в дом (“зазимует тут же”, отделившись от “проницаемой стужи снаружи”), огня и тепла камелька (метафора “наколов... штабеля дров”), чтения книги (“нет страницы”, “с чёрной обложкой рядом”), писания (“наколов на буквы пером слова”), – однако концепция творчества и стихов отлична от пушкинской. Бродский спасается в мире книги, при этом называет её обложку чёрной, поскольку книга, тексты фиксируют не “незримый рой гостей”, не “знакомцев давних”, не “плоды мечты моей”, как у Пушкина, а знание границы (“чёрной обложки”) внутреннего и внешнего мира: “проницаемая стужа снаружи, отсюда – взгляд” на холодный и безобразный внешний мир. Согревать должны “дрова” – стихи, а не жар лирического волнения, акцент делается не на жизни души, а на писании, на жизни в тексте, поскольку состояние души “округлилось до “ох ты бя”. Поэтому писание предстаёт как колка дров, то есть разрушение древа жизни, из которого извлекается тепло для продолжения существования, или как создание гербария, энтомологической коллекции, подшивки листов (“наколов на буквы пером слова”), штабеля дров. Обратит внимание на семантику безжизненного порядка стихов, в сравнении со свободным потоком стихов у Пушкина, и на иерархию текста: буквы, знаки слов оказываются значимее, поскольку в них остаётся слово, а значит, и существование выброшенного из родного про-

странства, из “живой природы” поэта. Цель писания – не самоопределение, а самосохранение, ибо некуда улетать, а существование в найденном пространстве сводится к выживанию (“зазимую”).

Итак, очевидно трагическое мироощущение Бродского в первые годы проживания в Америке, его отторжение от пространства спасения, поэтому “американские” стихи нельзя прочитывать как неприятие именно Америки, в них неприятие бытия. Второй вывод из анализа заключается в том, что утраченное пространство России остаётся даже в этом стихотворении, где нет образов-воспоминаний, но смыслообразующим становится скрытый диалог с картинами мира, представленными как массовым сознанием, так и национальным русским поэтом. В цикле “Часть речи” большой ряд стихотворений вообще не включает пространство Америки и целиком воссоздаёт образ утраченной, российской, реальности (“Север крошит металл...”, “Узнаю этот ветер...”, “Я родился и вырос в балтийских болотах”, “Тёмно-синее утро...”, “Ты забыла деревню...”), как и в стихотворениях из цикла “Жизнь в рассеянном свете” “Ты узнаешь меня по почерку...”, “В этой комнате пахло тряпьем...”).

Стихотворение “Ниоткуда с любовью...” представляет жанр письма, существующего в сознании лирического субъекта, не материализованного в тексте. Семантика нематериализованности, ирреальности существования связана не столько с мотивом сумасшествия (гоголевские аллюзии замечены исследователями Бродского), не столько с разрушением текстовых канонов жанра письма: дата, место пребывания адресата, обращения намеренно неопределённые (“ниоткуда”, “надцатого марта”, “неважно даже кто”), сколько с парадоксальным переживанием реальности. Реальность окружающая дана знаково, как географическая и как точка исчезновения в этих географических координатах: “за морями, которым конца и края”, “с одного из пяти континентов, держащегося на ковбоях”, “в уснувшей долине, на самом дне, / в городке, занесённом снегом по самую ручку двери”. Но, помимо пространственных координат внешней реальности, дано малое пространство частного существования – простыня кровати, пространство не ограниченной, но заграничной, зазеркальной инореальности, где и происходит телесно-духовная жизнь, повторяющая, возрождающая утраченную: “извиваясь ночью на простыне”, “взбиваю подушку мычащим “ты””, “в темноте всем телом твои черты, / как безумное зеркало, повторяя”. Двойная отчуждённость очевидна, она объясняет и невнимание к месту существования: оно экзистенциально чуждо лирическому субъекту.

Поздний период – период стабилизации, вставания в американскую реальность – предстаёт в циклах “Жизнь в рассеянном свете” (1985–1987)¹⁶ и “Примечания папоротника” (1987–1989)¹⁷, в стихах 1990-х гг.

(“Метель в Массачусетсе”, “Вид с холма” и “Новая Англия”). Образ Америки более наполнен реалиями, усиливается описательность, хотя принципиальной смены позиции отстранённости на позицию интереса нет, “рассеянный свет” означает и ассимиляцию, растворение в пространстве новой реальности, и рассеянность зрения: “Ах, при таком освещении вам ничего не надо!”. Описание фиксирует антиэстетичность реалий, даже музыка в американской реальности перестаёт выражать духовный ритм свободы:

Грохот цинковой урны, опрокидываемой порывом
встра. Автомобили кажутся по бульварной
мостовой, точно вода по рыбам
Гудюна Еле слышный
голос, принадлежащий Музе,
звучащий в сумерках как ничей, но
ровный, как пенье зазимовавшей мухи .

(“Жизнь в рассеянном свете” [2, 148])

Остаётся образ одиночества, но редуцируется боль, отчаяние, стихи становятся менее экспрессивными, и любовная коллизия теснится предчувствием распада, рассеяния, старения, смерти.

Душевные изменения, произошедшие за годы эмиграции, можно обнаружить в стихотворении “Метель в Массачусетсе” (1990)¹⁸. Точное воспроизведение топоса, как всегда в “американских” стихах, отсутствует, остаётся лишь обозначение маленького городка, вписанного в природный ландшафт – черты Саут-Хэдли, где полдома принадлежали Бродскому: “Городок замело, не видать полей”, зато есть переводение реалий в знаковую систему. Даны географические координаты, создающие семантику малости, незначительности пространства существования в масштабах планеты и семантику перевёрнутости мира по отношению к точке отсчёта, которая за пределами пространства пребывания. В отличие от стихов 1970-х гг., здесь не возникает пространства России, но оно предполагается как другая сторона целого, лица, сознания:

Будто вдруг у земли, что и так бедна,
под конец оказалась всего одна
сторона лица, одна щека .

Кроме географических координат, масштаб бытия создаёт природная среда, в которой растворяется точка существования, дом в городке – это стихия метели, агрессивной, вторгающейся в дом, где лирический субъект защищается от вторжения внешнего мира, но не отгорожен абсолютно от окружающей реальности: “идут полк’и / на тебя в стекле” (метель бьётся в окно, у которого стоит лирический субъект); “дверь, что прикрыть забыл”; назван “приёмник, чтоб песни пел”. Образ метели у Брод-

ского выступает не как символ тёмной, бесовской силы (что в традиции русской поэзии от Пушкина), но как стихия “разгулявшейся” дробной материи жизни, призванной скрасить, точнее выбелить, сделать белее реальность, дать иллюзии жизни: “снега больше, чем минут”, “набери этой вещи (обратим внимание на обозначение вешности в назывании снежинок, скорее, представляющих дробность, нецельность материальной среды) в горсть / чтоб прикинуть, сколько до Бога вёрст” – здесь иронически обыгрывается: а) семантика бесконечности пути до Бога и семантика его исчислимости – если снежинки дошли до земли, значит, путь до Бога не бесконечен; б) семантика щедрости божьего дара, засыпающего городок – “минут... меньше, чем снега тут”, – и малости этого дара, достигающегося отдельному человеку – горсть. Миссия снега, дарованного потока жизни, не осветить реальность, а очистить её от тьмы, мрака, следов увядания: “не зря пейзаж весь сентябрь молил / раз дошло насчёт даровых белил”; “по ночам темнота, что всегда была / непроглядна, и та, как постель, бела”. Милосердная жизнь забеливает лишь одну сторону реальности (не хватило даровых белил у Бога), и потому милосердие жизни предстаёт как успокаивающая слепота, приводящая не к знанию полноты правды, а к видению приукрашенной реальности – белила, невест шелка. Так вводится семантика слепоты в наступающей белизне, чистоте мира: белое – белила – бельмо, то есть то, что мешает зрению, приводит к утрате реальности: полей, другой стороны мира, прошлого:

Знать, всюю разгулялся лихой слепой.
И чего ни коснётся он, то само
превращается на глазах в бельмо.

Метафора слепоты – отстранения от реальности – ведёт за собой метафору смерти, обволакивающей, успокаивающей, уводящей уже не от одной стороны жизни, а от жизни в целом, туда, откуда снег, к Богу за много вёрст. Метафора смерти разворачивается через семантику постели и одежды. Постель – атрибут ложа, то есть покоя, любви и смерти, – представлена вначале как белизна, которая до метели контрастировала темноте ночей, затем в констатации желания и невозможности раздеться и лечь, уподобиться белизне постели и метели белизной плеч и, наконец, в уподоблении метели полотнищу-савану, успокаивающему, пеленающему, берущему в плен милосердия, прощения:

Там подарка ждёт милосердный, но
мускулистый брат, пеленая глушь
в полотнище цвета прощённых душ.

Лирическая коллизия стихотворения – сопротивление успокаивающей реальности, покою, бесстрастности, тишине, в которые пеленает

лирического субъекта окружающая его реальность: “Так метёт, что хоть чёрный пиджак надень”. Здесь одежда, призванная защитить от реальности, становится выражением сопротивления, противопоставления, белизна рубахи стоящего у окна смешивает его с белизной окружающей реальности, как и телесная белизна, толкающая к комфорту постели, покоя. Поэтому нельзя раздеться догола и лечь, сдаться метели: времени, невидению, покою. Другой способ сопротивления тишине и белизне – письмо, заполнение белой бумаги буквами в этом стихотворении не реализуется: “вид бумаги пыл / остужает, как дверь, что прикрыть забыл”.

Становится очевидной стратегия существования лирического субъекта в чужом, комфортном, забеленном пространстве. С одной стороны, им утрачена энергия самозащиты от ассимилирующей реальности (приоткрыта дверь, всматривается в метель за окном, не убегает сознанием в утраченное пространство), с другой стороны, внутреннее сопротивление “милосердному, но мускулистому” ассимилирующему пространству остаётся, как и отстранённое существование, одиночество. Бегство в текст не компенсирует трагизма существования, письмо утрачивает смысл, белизна листа более безусловна, чем оставляемые на ней знаки о трагизме, подобные чёрному пиджаку. Знание тщетности сопротивления “остужает пыл”, но в стихотворении не утверждается духовная капитуляция перед тьмой мира, как раз наоборот, лирический субъект готов принять и смерть, и тщетность сопротивления её обезличивающей белизне.

Ещё одно стихотворение из позднего периода “Вид с холма” (1992) заметно отличается от “американских” стихов, поскольку воссоздаёт образ Вашингтона, а не маленьких городков, куда отстранялся русский поэт-эмигрант, поскольку лишено намёка на любовную коллизию, пронизывающую все стихи американского периода, и поскольку представляет *описание* города, а не перевод в текст внутреннего состояния лирического субъекта. Вид с холма – это вид почти преисподней, “недр” замёрзшего мира: “река ... не смогла выбежать к океану”; “площадь, как грампластинка, даёт круги / от иглы обелиска”; “автомышь” (автомобиль предстаёт как существо нижнего мира) пугает светом фар колонны, делает их мнимо подвижными; такси обгоняет похоронную процессию, “ландо с венками, катящее явно в ту же сторону, что и вы”; подобно церберу, место охраняют на окраинах, по “периметру” (здесь очевидна и семантика зоны, тюрьмы, лагеря) тепловозы, они “облаивают” сон городка. То есть создаётся образ не перевернутой, зазеркальной, как в стихотворениях 1970-х гг., а потусторонней реальности. Потусторонность усиливается и стихией снега,

которая, как и в “Метели в Массачусетсе”, обретает двоякий смысл: сопротивляется смерти, исчезновению, разрушает “геометрию”, чёткость форм остановившейся жизни, а с другой стороны, делает опасной среду существования: “снег летит как попало”, “пурга, температура”, “диктор твердит: “циклон”. Слово “циклон” выстраивает мотив круга, бессмысленного кружения (грампластинки, тепловозов), препятствующего линейному движению в никуда, “ в ту же сторону, что и вы”, (куклоп – гр. кружащийся – это ветер, дующий в Северном полушарии против часовой стрелки, то есть против направленности времени). Но циклон, хаотическое движение (“снег летит как попало”) означает среду, которая тоже разрушает формы всякого отдельного существования, погружает в бездну времени, как сейнер, “проваливающийся” из виду в океан. Любой акт свершения, остановки, обелиск (гр. клинок, орудие сопротивления, защиты жизни) остаётся безмолвным и непонятым эхом прошлого:

Что-то случилось сто
лет назад, и появилась вежа.
Вежа успеха. В принципе, вы – никто.
Вы, в лучшем случае, пища эха.

Поэтому стихотворение утверждает позицию, противоположную заявленной в названии, разглядывание реальности с холма должно смениться комфортом малого ограниченного пространства, укрывающего от пурги и замерзания (омертвения), от самой реальности: “Не выходи из бара”; “Бэби, не уходи”, – говорит Синатра”. Изолированность в этом стихотворении касается не только окружающей реальности, но и реальности сознания: нет воспоминаний об утраченном, “ибо простор лишён прошлого”. Остаётся единственный способ существования – письмо, петляющие движения пишущей руки, ручки “Паркер”. “Набор горизонтальных линий” становится для пишущего “почти рессорами мироздания”, смягчающими путь в никуда, в исчезновение. Письмо делается единственно возможной материализацией существования, потому что, во-первых, голос, звук, выражение внутреннего мира станут выражением отчаяния, бессмысленным выражением скорби: Синатра, как и Паркер-джазист, дают эмоциональный напор, подобный трубе архангела. То есть музыка в поздних “американских” стихах Бродского выражает не свободу духа в несвободной реальности, а отчаянное откровение о конце. “Паркер” как инструмент письма тоже свидетельствует о конце, но напор эмоций снижен: “просто другой напор, / чем у архангела, если считать в соплях”; письмо – рессоры для существования в тотальном одиночестве. Тем более, что письмо не

рассчитывает даже на эхо, которое заглушается и лаем окружающей жизни, и шумом океана.

В связи с этим необходимо обратиться к другому аспекту эмиграции поэта Бродского – эмиграции в чужую языковую стихию, в американскую литературу. Здесь может быть обнаружена возможность диалога, возможность эха, возможность интереса к созданной на новооткрытой земле словесности. В частности, имеет смысл обратиться к стихам, связанным с американской литературой, посвященным значимым для Бродского фигурам американской культуры: в американской словесности Бродский ощущает себя не изолированно, что предопределило вхождение его в англоязычную словесность, создание стихов на английском языке. Это предмет отдельного разговора.

---

¹ Цитируется по: *Плешаков К.* Бродский в Маунт-Холиоке // *Литературная газета*. 2001 № 4. С. 11.

² *Сергеев А.* О Бродском // *Знамя* 1997 № 4. С. 143

³ *Бродский И.* Трофейное // *Бродский И.* Сочинения. СПб.: Пушкинский фонд, 1992–1999 Т. 4. С. 193

⁴ Там же. С. 200

⁵ *Бродский И.* Меньше чем единица // *Бродский И.* Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы: В 2 т. Минск: Эридан, 1992. Т. 2. С. 334. Далее цитирование по этому изданию сопровождается указанием тома и страницы в тексте статьи.

⁶ См. подробнее: *Петрушанская Е.* Джаз и джазовая поэтика у И. Бродского // *Как работает стихотворение И. Бродского: Из исследований славистов на Западе*. М.: Новое литературное обозрение. 2002.

⁷ *Бродский И.* Состояние, которое мы называем изгнанием // *Бродский И.* Сочинения. Т. 6. С. 36

⁸ “...Всё, что со мной происходит, – происходит, главным образом не вовне, а внутри. И здесь, на Западе, в большей степени, чем в Союзе. Может быть, благодаря тому, что здесь среда всё-таки несколько чуждая... И с моей стороны это либо защитная реакция, либо...” (*Волков С.* Диалоги с И. Бродским. М.: Независимая газета. 2000. С. 167).

⁹ Это заметил А. Кушнер “Благословенный, созданный по человеческой мерке, праздничный западный мир не вошел в стихи Бродского” (*Литературная газета*. 1996. № 37).

¹⁰ *Ахматова А.* Стихи и проза. Л.: Лениздат. 1977. С. 416

¹¹ *Бродский И.* Сочинения, Т. 3. С. 242.

¹² “Это ряд наблюдений...”, “Что касается звезд...”, “Около океана”, “С точки зрения воздуха...”, “Заморозки на почве...”, “Всегда остаётся возможность...”, “Итак, пригравает...”, “Если что-нибудь петь...”, “Ниоткуда, с любовью...”

¹³ “Шорох акаций...”, “Над восточной рекой...”, “Барбизон Террас”, “Осенний крик ястреба”

¹⁴ “Осенний вечер в скромном городке...”, “В озёрном краю...”, “На смерть друга”, “Классический балет”. (Составленная П. Вайлем книга стихов с комментариями И. Бродского “Пересеченная местность”. (М.: Независимая газета, 1995), где собраны стихи о разных местах пребывания, в том числе, о США и Мексике, нам оказалась недоступна.)

¹⁵ *Пушкин А.С.* Избранные сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература. 1978. Т. 1. С. 342.

¹⁶ "Теперь, зная многое...", "Жизнь в рассеянном свете", "Замерзший кисельный берег..."

¹⁷ "Новая жизнь", "Элегия" ("Постоянство суть эволюция..."), "Дорогая, я вышел сегодня...", "Доклад для симпозиума", "В кафе".

¹⁸ *Бродский И.* Сочинения Т. 4. С. 12.

THE IMAGE OF AMERICA IN THE POETRY BY J. BRODSKY

T.L. Rybalchenko
Tomsk State University

The article deals with the phenomena of absence of poetical interest of J. Brodsky in the USA, the country of his emigration, where his social and cultural status was worthy. The image of America as the space of non-existence ("nowhere") is explained by Brodsky's existential conscience, which was confirmed by emigration: rescue from social non-freedom does not give existential freedom. The article traces change of the image of America from 1970s to the last ten years of the poet's life and gives the interpretation of a number of poems.

К ПРОБЛЕМЕ ЦВЕТОМУЗЫКАЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ В СИМВОЛИСТСКОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУР (Н. ГОТОРН – А. ГРИН)

Н.А. Николаенко

Томский политехнический университет

За почти двести лет, прошедших с того момента, когда в России появились первые переводы произведений Натаниэля Готорна, его статус значительно вырос. Совпадая с периодами повышенного внимания к Готорну в Америке и в Европе, его слава в России подкреплялась критическими статьями и литературными произведениями. Поначалу черты русского Готорна имели много общего с немецкими, английскими и французскими, но постепенно он приобрел свое русское лицо. Эти черты просматриваются более или менее при изучении того, что написано о Готорне в России.

По ряду закономерных причин рубеж XIX – начало XX вв. можно считать началом нового этапа в литературной репутации Натаниэля Готорна в России. Значительную роль в интенсификации интереса русской литературы к творчеству Готорна сыграло увлечение русской литературы французским символизмом, сквозь призму поэтики и эстетики которого по-новому стали восприниматься элементы мистики и трансцендентализма в текстах Готорна. Далее распространение психоаналитической теории Фрейда акцентировало элементы психоанализа в его творческой манере. И, наконец, случаи межчувственных переносов, или цвето-музыкальной синестезии, в творчестве американских и русских писателей на рубеже XIX – XX вв. своим соответствием ситуации русско-американского культурфилософского фронта обострили ощущение близости творческой манеры Готорна преимущественным направлениям русской литературы эпохи символизма. Этим объясняется большое число русских переводов Готорна, относящихся к концу XIX – началу XX в.

Несмотря на ряд эстетических и терминологических разногласий, вся литературная эпоха начала XX в. в русской литературе обнаружива-

ет определенное тяготение к символюцентризму. В современном прочтении прозы Готорна большой интерес представляет проблема синестезии в символическом контексте русской и американской литератур. Как отмечает И.Р. Абдуллин в своей работе «Цвето-музыкальные синестезии в поэзии Бальмонта», опубликованной в 1996 г., случаи межчувственных переносов имели высокую теоретическую и функциональную значимость в поэтике русских символистов кон. XIX – нач. XX в.¹ Теоретики символизма неоднократно декларировали единство всех человеческих чувств, их взаимодополняемость и взаимопроникновение, что впоследствии вызвало к жизни тезис об аналогичном единстве всех известных видов искусства. Автор статьи отмечает, что идея практического тождества чувств и искусств обрела реальные контуры в конце XIX в. в творчестве французских декадентов – Ш. Бодлера, А. Рембо, П. Верлена и др. И.Р. Абдуллин предполагает, что именно под влиянием французских авторов К. Бальмонт, А. Белый, Ю. Балтрушайтис, а вслед за ними – В. Брюсов и А. Блок возвели синестезию в статус концептуального поэтического приема. Подобным способом символисты стремились не только обновить свой творческий инструментарий, но и раскрыть ранее неведомые возможности словесности.

Сам факт обращения к проблеме цветовой (световой) символики в контексте сравнительного изучения русской и американской литератур свидетельствует о желании исследователей сохранить и актуализировать значимость символических образов, коллизию их взаимодействия в современном сознании. Несомненный интерес в связи с проблемой цвето-музыкальной синестезии в интерпретации творчества Натаниэля Готорна и Александра Грина представляет работа Алексея Вдовина «Миф Александра Грина», опубликованная в 2000 г. В ней указывается на присутствие в прозе Готорна и Грина одних и тех же архетипических сюжетов, несмотря на различие писателей по ряду параметров: языку, социальному окружению, мировоззрению, эпохе². С автором статьи невозможно не согласиться, отбросив идею о плагиате или творческой реинкарнации. Для Готорна, с его замкнутым характером и аналитическим умом, более склонным к созерцанию, чем к действию, сном была сама жизнь, ее призрачность ощущалась им достаточно остро. Грин, наоборот, болезненно реагировал на материальность, вещественность жизни, и как отмечает А. Вдовин, «он бы с радостью перенесся в придуманный им мир – возможно, он порой так и делал». Автор статьи указывает на формальность признаков, объединявших двух писателей, «морализаторство Готорна и наивность Грина, их принципиальное одиночество (даже во время своих многочисленных путешествий Грин оставался наедине с собой), некоторая провинциальность характера (Сей-

лем XIX в. – “древний город в состоянии упадка” – скорее всего, был похож на Вятку начала XX)»³.

Идеология пуританизма, проникающая в сознание Готорна с самого детства, проведенного в Новой Англии, является определяющим фактором для аналитиков его творческого наследия. Для русских читателей и исследователей произведений Александра Грина несомненным представляется тот факт, что в его прозе также присутствует легкий намек на пуританское восприятие жизни, в связи с чем А. Вдовин пишет, что огромный пласт эротической литературы Серебряного века не нашел никакого отражения в его текстах. Из статьи можно заключить, что и Готорн, и Грин прекрасно ориентировались в мире своих фантазий. И если Грин был одержим мечтой жить в придуманном им мире, то Готорн чаще поступал наоборот, проецируя свои вымыслы на окружающую его действительность.

В России в 20-х гг. XX столетия начиналось сложное историческое время, во многом предопределившее удивительное совпадение и явное пересечение творческих путей двух совершенно разных литераторов. Духовная близость русского и американского писателей во многом определила эволюционные перспективы рецепции Н. Готорна в России. В полной мере обладая утонченной чувственностью и целомудрием, Готорн гуманен и полон любви к «братству во грехе», как он сам называл человечество, а Александр Грин – наивен и чист в своих творческих помыслах и идеалистичен в изображении мира своих фантазий. В творчестве Натаниэля Готорна и Александра Грина прослеживается удивительное сходство мотивов, символов-образов, локусов, и даже сюжетов. Любопытным является упоминаемый со ссылкой на Элиота Андреем Вдовиным факт о существовании некоего ментального пространства, где обитают все идеи, образы, сюжеты, когда-либо воплощенные в искусстве, и с этой точки зрения могут быть оправданы самые удивительные совпадения⁴. “Брак Августа Эсборна”, опубликованный в 1926 г., “Зеленая лампа” (1930), “Кошмар”, повесть «Алые паруса» (которую по многим характеристикам можно соотнести с романом Готорна «Алая буква») – вот далеко не полный список произведений А. Грина, где эти совпадения эксплицировались с большей очевидностью.

Свой путь к русским читателям роман «Алая буква» начал благодаря первому переводчику этой книги М. Михайлову, поместившему в 1861 г. в приложении к «Современнику» статью о Готорне. Интересна история интерпретации самого названия романа различными переводчиками в разные культурно-исторические эпохи. Так, в свое первое появление в России роман был назван «Красная буква» (1856), позже – «Багровый знак» (1912), и только в 1957 г. переводчики романа

(Н.М. Емельяникова и Э.Л. Линецкая) сохранили исходный вариант названия – «Алая буква» («The Scarlet Letter»). В Америке «Алая буква» впервые вышла в коричневом переплете, в каком выходили все книги издательства Филдса и без которых трудно представить Бостон пятидесятых годов. Название «Алая буква» было напечатано на титульном листе красной краской, как хотелось Готорну. Филдс, очевидно, не считал это проявлением дурного вкуса. Красная надпись была сохранена и во втором, и в третьем изданиях.

Выбор цветовых символов у Готорна определяется наличием тех или иных мотивов или концептов, реализуемых сквозь призму культурфилософской традиции новоанглийской литературы. Дихотомия «красное-черное» в прозе Готорна приобретает специфическое значение, символизируя оккультные знамения и наполняя повествование особым, зачастую «нечеловеческим» смыслом.

Символический мотив цвета «черного» (или «темного») является одним из ключевых в цветосветовой палитре Готорна. У Готорна черный – это один из цветов, означающих абсолютное, в противоположность белому цвету. Как известно, в глубинной психологии это цвет «полного отсутствия сознания, погружения в темноту, печаль, мрак»⁵. В то же самое время, черный цвет в прозе Готорна может символизировать траур и покаяние, отрицание земного тщеславия и великолепия, это обещание будущего воскресения, во время которого он светлеет, становится серым, а потом и белым. Примером такой смысловой трансформации цвета являются многочисленные пейзажно-локальные зарисовки в тексте романа «Алая буква». Примечательным является то, что у Готорна черный цветовой символ почти всегда выступает в сопровождении красного, алого, отблесков золотого, ярко-пламенного, всепоглощающего и зачастую смертельно опасного для человеческого существа огня искушения, соблазна, греха. Мотив «черного человека» проходит в таких произведениях Н. Готорна, как роман «Алая буква», новеллы «Молодой праведник Браун», «Эндикотт и красный крест», «Черная вуаль священника», «Дочь Рапачини», «Мантилья Леди Элинор» и др. Зачастую дихотомия «черное-красное» приобретает ярко выраженный инфернальный характер. В новелле «Мантилья Леди Элинор», где население колонии охвачено эпидемией черной оспы, «кровоаво-красный флаг, полыхавший над каждым домом, куда проникла Черная Оспа», символизирует все победы людей над чудовищной болезнью. Союз черного и красного трактуется писателем как союз гордыни и высокомерия Леди Элинор с дьяволом. В самый разгар эпидемии влюбленный в леди Элинор Джервис Хелуайз умоляет охрану смертельно больной дамы дать ему взглянуть на нее и «еще раз увидеть печать дьявольской красоты на

ее лице» и убедиться в том, что «прежняя красота Леди Элинор не только не померкла, но сверкает новым, нечеловеческим блеском»⁶.

У Грина цветовая палитра насыщена оптимизмом и радостью. Красный цвет предстает перед читателем, как «совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности». Игра красок несет различную эмоционально-экспрессивную окраску: «на черной дали легла уже трепетная снежная белизна; пена блестяла, и багровый разрыв, вспыхнув среди золотой нити, бросил по океану, к ногам Ассоль, алую рябь»⁷. В отличие от цветовой символики Готорна, красному всегда сопутствует белый, по словам Г. Биндермана, несущий в себе символ неомраченной невинности доисторического рая или конечной цели очистившегося человечества⁸. Само имя главной героини, напоминая по звучанию латинское *ave sol* – («слава солнцу»), несет в себе символ уничтожителя мрака и зла, восходя со своей семасиологической функции к божественному началу мироздания, обозначаемого буквой «А». Примечательным является тот факт, что по своему соответствию первозлемам Вселенной буква «А» символизирует огонь, но концепт огня реализован по-разному в произведениях Н. Готорна и А. Грина. Если багровые, зловещие оттенки красного в «Алой букве» служат своеобразной аллюзией на адское пламя в духе пуританского страха перед Божией карой, а также символизируют нечеловеческий накал страстей, то в «Алых парусах» А. Грина корабль Грэй летит по волнам, «разбрасывая веселье, пылая, как вино, роза, кровь, алый бархат и пунцовый огонь». Оттенки красного в повести Грина колеблются от «бледно-розового, темно-розового, густых закипей вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов». Алый цвет А. Грина «рдеет, как улыбка, прелестью духовного отражения». Сияние солнца наполнено звуками ликования. Ритм гриновской прозы задает мажорные интонации всему повествованию, и музыка, непременно сопровождающая буйство красок, меняется в зависимости от настроения автора. Так, Циммер у Грина заставляет струны говорить «волшебным, неземным голосом». Негромкая музыка «ритмических переливов» льется «в голубом дне с белой палубы под огнем алого шелка». Музыкальность прозы, ее ритм и композиционная завершенность способствуют полифонии и одновременно с этим определяют эстетическую позицию автора.

Вот что, – смеясь, сказал Грэй. <...> Соберите оркестр, но не из шеголей с парадными лицами мертвецов, которые в музыкальном буквоедстве или-что еще хуже – в звуковой гастрономии забыли о душе музыки и тихо мертвят эстрады своими замысловатыми шумами, – нет. Соберите своих, заставляющих плакать простые сердца кухарок и лакеев; соберите своих бродяг. Море и любовь не терпят педантов. Я с удовольствием посидел бы с вами, и даже не

за одной бутылкой, но нужно идти. У меня много дела. Возьмите это и пропейте за букву А⁹.

Ритм прозы Готорна, в соответствии с тексторитмическими канонами, изложенными Н.М. Фортунатовым, воспринимается как нечто «динамичное, подвижное, предрасположенное к различным модификациям»¹⁰. Изящность слога, стилистическая насыщенность и сила эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя – обо всем этом неоднократно говорилось в ходе эволюции восприятия творчества американского писателя в России и за ее пределами. Необходимо отметить, что функционально ритм прозы Готорна служит средством выражения эстетических идей и эмоций автора, где чувственно-психологическая символика занимает не последнее место и реализация творческого замысла осуществляется через единство концептов цвета (света) и звука. Тем не менее звукопорождающая природа цветовых символов в романтической прозе Готорна является практически неисследованной областью. Следует отметить, что именно сравнительный подход к анализу эстетики текстов произведений Натаниэля Готорна и Александра Грина позволяет сделать предположение о глубинном родстве светозвуковых мотивов в творчестве обоих авторов.

Новелла «Дочь Рапачини» (*Rappacini's Daughter*), впервые опубликованная в 1844 г. в "Democratic Review", вышла на русском языке в журнале "Современник" в 1853 г. под тем же названием «Дочь Рапачини». Позже название новеллы было интерпретировано по-разному, и каждый раз переводчик пытался привнести в него эмоционально-экспрессивную тональность, созвучную своей культурно-исторической эпохе. («Беатрикса Рапачини», 1856, ««Ядовитая красота», 1900). В повествовании музыка струй воды возносится к небесам, «весело переливаясь в ярких лучах солнца». Их нежное журчание доносится до Джованни, и молодому человеку «чудится в нем голос бессмертного духа, который поет свою бесконечную песнь, равнодушный к свершающимся вокруг него переменам, в то время как одно столетие заключает его в мрамор, а другое превращает эти тленные украшения в груды обломков»¹¹.

Символический ряд межчувственных параллелей у Готорна расширяется за счет гармоничного единства мироощущения на уровне синхронизации жизненных и психологических ритмов его героев. Так, звуки голоса Беатриче вызывают у Джованни «представление о тропических закатах, о темно-малиновых и пурпурных оттенках цветов, о тяжелых пряных ароматах». Мотив запаха, созвучный мотивам звука и цвета, предстает Джованни «светом самой истины». В то же самое время возникает диссонанс между божественно прекрасным и нечеловечески

чудовищным «вследствие необъяснимого отвращения» от «пряного, упоительного аромата», который молодой человек не осмеливается вдохнуть. Двуплановость восприятия концепта запаха может быть интерпретирована на уровне всегда двойственного характера романтических новелл Готорна. Возможно, неясность образов ароматного цветка и Беатриче создаст новый концепт «благоухания ее души», как называет его сам Готорн¹².

Язык символов в произведениях Готорна и Грина понимается как не дискурсивный, а образно-символический язык, что позволяет предположить, что проза обоих романтиков тяготеет к зримой картине, которая должна служить самой себе и в то же время уводить в бесконечность, от частного – к общему, от вещи – к бытию, от зримого – к незримому¹³. В этом контексте большой интерес представляет мотив буквенной символики у Готорна, позволяющий внести ясность в «толпу бесформенных полумыслей, населяющих сумрачную область, скрытую от яркого света нашего сознания»¹⁴.

Новелла “Эндикотт и красный крест” (“Endicott and the Red Cross”) была опубликована в 1838 г. в вашингтонском журнале “Democratic Review”. Первый русский перевод был помещен в журнале “Библиотека для чтения” (1856. Т. 140). Готорн пишет о «молодой женщине, довольно красивой, осужденной носить на груди платья букву «П» на глазах всего света и собственных детей.

И даже ее дети знали, что обозначает эта буква. Выставляя напоказ свой позор, несчастное, доведенное до отчаяния создание вырезало роковой знак из красной материи и пришло его золотыми нитками, по возможности изящнее, к платью, так что можно было подумать, что буква «П» означает “Прелестная” или что-нибудь в этом роде, но никак не “Прелюбодейка”¹⁵.

К сожалению, при переводе неизбежно потерялось иное, скрытое значение буквы «А». Изначально смысл «рокового знака» сводился к слову «Adulteress» – прелюбодейка, изменница, неверная жена. В процессе нравственной эволюции Хестер Принн имплицитно меняется и значение буквы «А». Это теперь скорее начальная буква иного семантического ряда, а именно такого, какой можно увидеть в словах “able” – сильная, “ardent” – страстная, сверкающая, сияющая, яркая; “angel” – ангелоподобная, святая. Неказистый пуританский чепец, в назидание иным потенциально свободолюбивым, но пока еще верным бостонским женам покрывающий ее «ослепительные» волосы, символ греха и красоты, способной «затмить сияние солнца», соперничает по своей символической экспрессивности с божественным нимбом, возвышая в своей небесной любви грешницу Хестер над толпой и мирской суетой.

Проблема межчувственных переносов представляет несомненный интерес не только с точки зрения сравнительного анализа творчества писателей различных культур и эпох. Подробное дальнейшее рассмотрение синестезии может быть использовано как способ установления межсемиотических связей для анализа переводов произведений Н. Готорна в России, осуществленных в разное время.

Сходные пути развития литературы у разных народов не исключают возможности взаимовлияний и обычно перекрещиваются друг с другом. Однако для того, чтобы влияние стало возможным, должны существовать внутренняя потребность в таком взаимодействии, аналогичные тенденции развития. Как отмечено А.Н. Веселовским, «встречные течения» в литературах разных стран бывают связаны с частичной трансформацией заимствованного образца¹⁶, т.е. с его творческой переработкой в соответствии с национальным развитием и национальными литературными традициями.

Проблема синестезии в символическом контексте русской и американской литератур – далеко не завершённый процесс, и анализ межчувственных переносов в произведениях русских и американских писателей разных культурно-исторических эпох может быть перспективной в плане определения их высокой теоретической и функциональной значимости с различных точек зрения.

---

¹ Абдуллин И.Р. Цветомузыкальные синестезии в поэзии Бальмонта // Электроника, музыка, свет. Казань, 1996. С. 121–124.

² Воовин А. Миф Александра Грина // «Урал». Екатеринбург. 2000. № 8.

³ Там же

⁴ Там же.

⁵ Биндерман Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 295.

⁶ Готорн Н. Новеллы. М.; Л., 1965. С. 230.

⁷ Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1965. Т.3. С. 24–26.

⁸ Биндерман Г. Энциклопедия символов. С. 26

⁹ Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1965. Т.3. С. 51.

¹⁰ Фортунатов Н.М. Ритм, пространство и время. М., 1980. С. 178.

¹¹ Готорн Н. Новеллы. М.; Л., 1965. С. 257

¹² Там же.

¹³ Васкиневич А.И. Образ-символ в эстетике гельдейбергских романтиков // Гетевские чтения. М., 1999. С. 168–193.

¹⁴ Готорн Н. Алая буква. М., 1957. С. 178.

¹⁵ Готорн Н. Новеллы. М.; Л., 1965. С. 258.

¹⁶ Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961.

**ON THE PROBLEM OF LIGHT AND COLOUR SYNAESTHESIA
IN THE SYMBOLIC CONTEXT OF THE RUSSIAN
AND AMERICAN LITERATURES (N. HAWTHORNE – A. GRIN)**

N.A. Nikolayenko
Tomsk Polytechnic University

The problem of synaesthesia in the fiction of N. Hawthorne and A. Grin in the context of the Russian and American literatures has been examined in this paper.

The fact of considering color (or light) symbols as the key elements of textual poetics points to urge of the researchers towards preserving and updating the significance of symbolic images, certain collisions between them in contemporary reception.

The article by A. Vdovin published in 2000 impinges upon the problem of mythopoetical content of Alexander Grin's prose and has been considered as an impressive means of interpretation of both N. Hawthorne's and A. Grin's fiction on a comparative basis. A. Vdovin points out the similarity of motifs, subjects and symbols in both N. Hawthorne's and A. Grin's works, which may be interpreted as a dramatic effect produced by N. Hawthorne on the Russian writer.

The problem of synaesthesia in the symbolic context of the Russian and American literatures has not received a proper recognition by scholars either in Russian or in the USA. A thorough investigation of intersensual experience in the sphere of comparative literary studies might be regarded as a perspective vein in further research.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII–XX вв.*

О.Н. Бахтина
Томский госуниверситет

Проблема осознания и отстаивания идентичности – важнейшая в старообрядческом движении со времени его возникновения. Не принявшие нововведения Никона сторонники “старой веры” должны были обосновать свою позицию, что они и делали в многочисленных посланиях и челобитных к царю и патриарху. Собственно старообрядческая литература и зародилась из необходимости привести авторитетные доказательства правоты верности прежним обрядам и старым книгам.

Современный исследователь М.О. Шахов, старообрядец по происхождению и убеждениям, в своей работе “Философские аспекты староверия” подчеркивает, что старообрядческая литература, в первую очередь, апологетическая, полемическая, представляет собой адекватную духовную реакцию традиционного православного мировоззрения на внешнее насильственное посягательство, угрожавшее исказить имманентные свойства этого мировоззрения. По его мнению, “интеллектуальная активность защитников традиционного православного мировоззрения, нашедшая выражение в старообрядческой письменности, укладывается в схему “вызова и ответа” А.Тойнби”¹. Реформы царя Алексея Михайловича и Никона в XVII в. стали “вызовом”, на который необходимо было ответить в соответствии с верностью заветам и догматам византийско-русской православной христианской традиции. Православный традиционализм вынужден был в духе Нового времени “раскрыться” и самоопределиться по важнейшим проблемам своего миропонимания. Начинает оформляться понятийный аппарат православного мировоззрения от самых общих категорий до специфических терминов. Этот процесс лучше всего виден в полемической старообрядческой

---

* Поддержка данного проекта была осуществлена Центром социологического образования Института социологии РАН совместно с «ИНО-центром (Информация, Наука, Образование) за счет средств, предоставленных Фондом Форда (грант № 970-1214-2-07). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

литературе. Главным направлением творческой мысли старообрядцев был не спор, не полемика как таковая, а определение собственной позиции в выборе правильной веры и доказательства ее истинности. Вот почему в публичных прениях о вере спорящие стороны (либо представители разных старообрядческих согласий, либо старообрядец с представителем официальной церкви, либо единоверческой церкви) оставались при своем мнении, никак не реагируя на критику противников. Активность оценки той или иной позиции спорящих доставалась «благоразумному слушателю или читателю», хотя в публичных прениях он был лишен слова. Таким образом, можно сделать вывод: полемическая литература служила и служит в основном задаче отстаивания идентичности согласий и толков старообрядцев.

Н.Д. Зольникова в статье «“Свои” и “чужие”» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных» обратила внимание на важнейшее значение для отстаивания «своей» идентичности и особенности формирования образа «чужого» в старообрядчестве вообще и в постановлениях соборов часовенных, в частности². Как пишет Е.Б. Смилянская, «сравнительный анализ истории и современного состояния различных старообрядческих групп как в России, так и за ее пределами дает основание утверждать, что ... в значительной степени именно запреты сыграли роль механизмов, регулирующих сохранение или утрату религиозной и культурной идентичности различных согласий и групп»³.

В решении этой задачи в старообрядческом движении вообще и сибирских староверов-часовенных в том числе важнейшее место принадлежит формированию активного неприятия «чужого». Это достигалось, в частности, установлением всякого рода запретов, нарушение которых оказывалось равносильным утрате религиозной идентичности. Система запретов, установленная прежде всего постановлениями соборов, определяла и определяет, регулировала и регулирует многие поведенческие, пищевые, социокультурные, ритуальные нормы того или иного старообрядческого согласия или толка.

Изучение появления и процесса развития этих объединений заставляет вспомнить опыт отстаивания идентичности ранних христианских общин. (Известно, что в связи с наступлением «последних времен» старообрядцы часто обращались к временам первых христиан). Можно сказать, что основным принципом самоопределения ранних христиан были последовательное отрицание причастности “миру” и выработка собственных жизненных установок, а также самоопределение через преодоление внутренних конфликтов, через борьбу “авторитетов”. Но именно отрицание внешнего, языческого мира стало основной идеей христианской общности, задавшей направление развития христианской

богословской мысли на многие века. Самоопределение через отрицание является главным и для всего старообрядческого мира. Именно отрицание стало той консолидирующей основой, которая сохраняет старообрядческие согласия до сегодняшнего дня при всей внешней слабости их организационных структур.

Проблема сохранения идентичности (не только религиозной) становится все более актуальной в современной гуманитаристике в связи со сложными процессами глобализации и модернизации в жизни человека и общества XX – XXI вв. В настоящее время важным моментом изучения идентичности является выяснение того, как изменяется понимание самоопределения “мы” той или иной культурной группы. “Теория идентичности” сегодня предполагает наличие некоторой системы координат, которая складывалась исторически и которая сохраняется в том или ином виде до настоящего времени. Эту систему координат, сложившуюся исторически и существующую до сих пор в старообрядческой среде, и следует попытаться восстановить, исходя из полемических сочинений старообрядцев-книжников разных эпох, стремящихся всегда преодолеть кризис самоопределения.

Культурная идентичность, как правило, предполагает идентификацию с культурной группой. Западные исследователи проблемы культурной идентичности (К. Гирту, Д. Шнайдер, М.Д. Коллиер, М. Томас и др.) отмечают, что при ее формировании на первое место выступает культурная компетентность, то есть практическое знание символов, ценностей, правил и норм той или иной культуры. Идентичность – это комбинация идей о существовании и норм для действия, считают эти авторы. Концепт идентичность предполагает, с одной стороны, изменимость и движение в ходе развития той или иной культуры, а с другой – наличие некоторых устойчивых символов, которые передаются от поколения к поколению и составляют ядро идентичности. Кроме того, культурная идентичность может меняться в зависимости от культурного контекста в условиях межкультурной коммуникации. Учитывая все это, и следует попытаться реконструировать процесс самоидентификации старообрядцев разных согласий и толков.

Современные исследователи отмечают наличие позитивной и отрицательной культурной идентичности, которая возникает у человека в результате межкультурной коммуникации. О позитивной идентичности можно говорить тогда, когда человек идентифицирует себя с данной культурой, принимает ее систему ценностей, норм и правил, верований и убеждений. Он осознает себя членом данной культурной группы, считает себя “своим”. Позитивная идентичность предполагает отрицательную оценку “других. При долговременном контакте с другой культурой

или внезапном знакомстве с другой системой ценностей может возникнуть “аккультурационный стресс”, когда связь со своей группой нарушается и возникает кризис культурной идентичности. Сила отрицательной реакции на культурную коммуникацию зависит от степени принадлежности к своей культурной группе, то есть от состояния культурной идентичности в момент “аккультурационного стресса”. Таким образом проявляется еще одна исследовательская задача – проанализировать состояние носителей той или иной культуры с точки зрения культурной идентичности, что даст возможность прогнозировать дальнейшее развитие той или иной культуры или ее исчезновение. Полемические сочинения старообрядческих писателей и начетчиков могут быть источником для таких исследований.

Старообрядческая полемическая литература так или иначе стремится отстаивать свою систему догматических толкований и обрядов. Н.Н. Покровский, занимавшийся в свое время изучением процесса складывания системы авторитетов старообрядчества, уделяет особое внимание знанию древних книг. Борьба с никонианской церковью заставила вождей старообрядчества прежде всего искать подтверждение своим воззрениям в Священном Писании и учении отцов церкви. Поэтому сразу была сделана установка на точность следования церковной старине, древним книгам как основе сохранения средневекового мировоззрения в обстановке реформ всей русской жизни в соответствии с европейским вариантом развития цивилизации. При этом они “занились активным созданием собственных догматических и обрядово-догматических систем, которые уже в XVIII в. исчислялись десятками”⁴.

Многочисленные идеологические построения старообрядцев фиксировались в полемической форме, которая заранее отвергала правомерность существования других авторитетов и возможность иных воззрений на проблему сохранения старины. Это, конечно, важнейшая примета именно христианского средневекового мировоззрения, строившегося на обладании единственной истиной – учением Иисуса Христа. Но старообрядцы достаточно скоро попали в труднейшую ситуацию противоречий с многими непреложными идеями христианского учения. Например, в связи с отрицанием государственной церкви произошло исчезновение института священства, хотя православная культура всегда предполагала наличие духовного посредника между Богом и человеком, наставника, помогающего человеку воспринять учение Божие, осуществить соборную молитву. Вскоре старообрядческий мир раскололся на тех, кто, возвращаясь к идеям ранних христиан, отрицал необходимость священников, которые впали в ересь, и русская церковь объявлялась вдовствующей, какой она и должна быть перед концом света, и тех, ко-

торы признавали необходимость церковной иерархии для совершения литургии и таинств. Так появились в старообрядческой среде поповцы и беспоповцы.

Отрицание авторитета официальной церковной иерархии явилось важнейшей предпосылкой для раскрепощения сознания старообрядцев от сковывающей единой системы официальных догм. Старообрядцы учитывали существование других идеологических систем, с которыми необходимо было вести полемику, отстаивая свою позицию. Это заставляло их обращаться к более тщательному анализу древних книг, издавна считавшихся неприкосновенными для непосвященных. Старообрядцы в своей вере старались сохранить независимость от светских властей, все более строго контролировавших церковь, постепенно превращая ее в часть государственного аппарата. В итоге сформировалась некоторая двойственность старообрядческого мышления. С одной стороны, это традиционное сознание средневекового православного человека, а с другой, свободное мироощущение, основанное на прекрасном знании всех духовных богатств христианского мира, всегда готовое к отстаиванию системы собственных жизненных устоев.

Одним из первых важнейших старообрядческих полемических сочинений, своего рода образцом жанра, являются «Поморские ответы». Поморские ответы в подлиннике называются «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита». Это был коллективный труд Выговского общежития, который возглавил Андрей Денисов и который был подписан 9 уполномоченными⁵.

Этот гигантский труд возник в связи с указом императора Петра I от 22 апреля 1792 г., в котором предписывалось «послать немедленно к староверам, проживающим в Олонецком уезде, из Синода духовное лицо для разглагольствования о происходящем церковном несогласии и для увещания». Во исполнение этого указа был послан иеромонах Неофит, который с солдатом передал выговским пустынножителям 106 вопросов. Через два с лишним месяца после подачи «Ответов» состоялось публичное собеседование Неофита с выговскими отцами. После краткой беседы выговцы были «отпущены с миром», а «Поморские ответы» широко разошлись по всей России.

Текст «Ответов» начинается с Предисловия, в котором авторы, во-первых, обращаются к монаху Неофиту. «Господину присланному учителю, иеромонаху Неофиту мира, здравия, спасения и смиренномудрия, правого и милосердного разсуждения всеусердно желаем и покорно кланяемся»⁶. Во-вторых, они подчеркивают в своем обращении, что присланный монах должен иметь «о произошедшем несогласии тихое, краткое и безопасное разглагольство: яко принуждения не творити на-

сильно в произвольнѣй вѣре» (с.1), и, в-третьих, говорят о том, что «встѣмъ намъ къ тебѣ на заводы приити неудобно» и поэтому просят разрешение «послати на письме». Этой просьбе предшествует благодарение, написанное в соответствии с правилами выговского цветистого стиля. «Сие всеблагодатное императорское милосердие, сие прекроткое, премудрое царское человеколюбие ублажаютъ вся пустынная жительствова, горы восхваляютъ, холмы возблажаютъ, пещеры воспрославляютъ вся дебренная мѣста жители своими благодарными гласы усердно благодарствуютъ» (Л.1). Но важно другое: в кратком предисловии авторы пытаются определить свою позицию и свои намерения: «... должно возмнѣхомъ краткимъ предисловіемъ симъ изъяснити вашему любомудрию и всякому благоразумному читателви: яко мы не въ своихъ, но въ древлепреданныхъ церковныхъ уставѣхъ пребываемъ и съ каковымъ намѣрениемъ отвѣтство сие творимъ» (Л.2).

Так, в самом начале авторы обозначают для «благоразумного» читателя стремление защитить свою идентичность. Они подчеркивают, что пустынножители пребывают в «древлепреданныхъ» церковных уставах, а не свои создают, в чем, вероятно, их обвиняли противники. Уже в предисловии выговцы разъясняют свою позицию по важнейшему вопросу – о православной вере и церкви. До патриарха Никона в Велико-россии была церковь святая, что подтверждено наличием многочисленных всероссийских чудотворцев, бесчисленными знаменами и чудесами. Но когда от патриарха Никона все переменялось, тогда древлецерковного содержания не осталось. Поэтому и появились скиты и пустыни. «Оттуду пустыни и скиты и ненаселенные мѣста древлеправославная церкве по старопечатнымъ книгамъ славословіе Богу приносятъ» (Л.). После этого предварительного разъяснения дается и самоопределение выговских пустынников: «Оттуду и мы, древлеправославная церкве остальцы, от православныхъ праотцевъ и отцевъ родившимся и научившимся православныхъ древнихъ архиереевъ и прочихъ священныхъ отецъ и святыхъ российскихъ чудотворцевъ святое и богопросвещенное благочестие по священнымъ староцерковнымъ книгамъ соблюдаемъ» (Л. 3). Характерна сама синтаксическая конструкция определения старообрядцами своей идентичности «оттуду и мы», а затем и обозначение себя как «древлеправославная церкве остальцы». В подтверждение этого дается самооправдание через отрицание выдвигаемых противниками обвинений. «Не новины какія затѣяхомъ, не догматы своеосмысленныя нововнесохомъ, не за своевольныя предания утверждаемъ, но готовая древлеправославная церкве предания содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ службу Богу приносимъ» (Л. 3). Отсюда должно быть

ясно, что именно пустынножители являются последними хранителями древлеправославной церкви.

Далее в соответствии с законами жанра задается риторический вопрос: «Но чесогаже ради тако въ древлеправославныя уставѣхъ утверждаемъ быти» (Л. 3). И затем следует ответ: «...того ради... да вѣчно спасение душамъ своимъ получимъ...» и как клятва верности звучат слова «того ради древлецерковныхъ уставовъ нарушити не можемъ, да подь древлецерковныя запрещения не подпадемъ» (Л. 4). Следующий важный момент фиксации самоидентичности состоит в утверждении соборного сознания через конструкцию «тако и мы». «Но якоже святии в тѣхъ древлеправославныхъ уставѣхъ, знаменующа двѣма перстома Богу угодиша, тако и мы знаменуемъ двѣма перстома, въ тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ желаем и молимся угодити Богу. И якоже они по древлецерковнымъ святымъ книгамъ спасение получиша, тако и мы... пребываху въ святѣй православноѣ кафоличестѣй церкви, тако и мы въ томъ древлецерковнѣмъ святоотеческомъ содержаньи пребывающе...» (Л.4). И снова, как бы ведя невидимый диалог с противниками, авторы «Поморскихъ ответов» снимают с себя обвинения в расколе: «... мы въ древлеправославныя церкве преданьяхъ раскола не сотворихомъ...въ древлецерковныхъ уставѣхъ пребываемъ, сего ради нѣсмь расколотворцы...» (Л.4).

И последний вопрос, заявленный в Предисловии, – о видимой и невидимой церкви. Главный вывод, который делают старообрядческие отцы, это вывод о том, что «церковь есть не стѣны и покровъ, но вѣра и житие...» (Л.6). Завершается предисловие весьма показательным рассуждением об истинности веры, в котором легко угадывается мировоззрение людей восемнадцатого века. «... безъ подлинного увѣренія вѣровати истинно невозможно, увѣреніе же подлинное безъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ не состоитъ» (Л.8). Истинные же свидетельства можно найти только у святых апостолов и в святых соборах. В этой рационалистичности и логичности и проявляется подход к вопросам бытия человека эпохи Просвещения.

Вслед за Предисловием идет Увѣщение, в котором снова есть почтенное обращение к посланцу Синода и иным «высочайшим и премудрѣйшимъ и високоученымъ лицамъ от «малейших и последнихъ людей». Так именуют себя смиренные старообрядцы, пытаются объяснить еще раз, чего ради и с какими намерениями они пишут свои «ответные глаголы». Совершенно однозначно авторы «Поморскихъ ответовъ» заявляют, что их главная цель не обличение и не несогласие. Ответы пишутся «во извѣщение о себѣ», иными словами, для самоопределения. Здесь же

формулируется и основной принцип изложения материала: «Аще в вопро́сѣхъ твоихъ положенная кая на дрелесцерковное въ чесомъ содержаніе, порицанія и оглаголанія, яже отвѣтословіемъ разрѣшаемъ и свидѣльствы объявляемъ...» (Л.12). То есть авторы дают подробные, со «свидѣльствами», с конкретными фактами и отсылками к святоотеческим текстам ответы на поставленные Неофитом вопросы, с подробным объяснением, почему из-за несогласия со старопечатными книгами («новопечатные» «сомнительны суть»). И заканчивается Увещание соответственно: «Посемъ увѣщаніи первый твой вопрос и прочыя прочитаемъ, от всѣхъ сихъ съ Божию отвѣтная разглагольства предлагаемъ» (Л. 14). Так, четко обозначив в самом начале свои позиции, авторы «Поморских ответов» начинают свою полемику или, как они сами пишут, «извѣщаніе о себѣ».

Уже первый вопрос, заданный Неофитом, звучит провокационно: православную ли веру имели всероссийские земли от начала крещения. Ответ выговцев предстает как своего рода исповедание веры: «Понеже православная христианская вѣра, еже вѣровати во единого Бога, въ Троицѣ славимого, и исповѣдати единого от Троицы воплотившагося...» (Л.15) – и утверждение, что все российские народы от Владимира до патриарха Никона держали православную христианскую веру. Чтобы не быть голословными, авторы «Поморских ответов» сразу приводят доказательства: «Свидѣтели сему староссийскому правовѣрью лѣтописцы россиястии, степенная и гронографѣ и прочии историин...» (Л. 16). В первом ответе заявлена и система перекрестных отсылок к другим, будущим или бывшим уже ответам. Например, читаем: «О чемъ в третиемъ отвѣтѣ явити потщимся», в ответе на второй вопрос читаем: «О томъ въ 3 отвѣтѣ назнаменуемъ», «о чемъ въ первомъ отвѣтѣ вкратцѣ явихомъ» и т.д.

Третий вопрос также больше похож на провокацию: было ли какое несогласие с восточной церковью? Ответ состоит в том, что в российской истории были некоторые «раздороторныя продерзанія», которые вкратце и излагаются со ссылкой на источник. Например, «Первое. Повѣствуется въ Степенной, въ степени 10 грани 1: диаволь прельсти нѣкоего мниха, именовемъ Андреана, иже хуляше на вся церковныя законы, его же преосвященный Леонть митрополить праведнымъ судомъ соборнѣ отлучи» (Л.20). Далее приводится ряд других примеров.

Пятый вопрос также представляет особый интерес: как крестились на Руси Владимир и первые православные христиане, принявшие веру «от грекъ»? На этот вопрос дается однозначный ответ: знаменовали честный крест двумя перстами. И приводятся достоверные свидетельства.

Это прежде всего разные «художества», то есть изображения на иконах, в «старописанных книгах», об этом писал Максим Грек, упоминаются и другие свидетельства (всего 105). На шестой вопрос о том, является ли триперстное сложение в крестном знамении ересью, ответ дается, с одной стороны, уклончивый: «облагати убо судомъ сие ваше триперстное сложение, яко премалейшии не дерзаемъ», но, с другой стороны, поскольку это «не преданное» от древлеправославной церкви, то «прияти его не можем», однозначно заявляют выговцы.

В таком духе строятся и все другие ответы сторонников старой веры о новообретенном деянии соборном, об аллилуйе, о книгах, отпечатанных при Иове, Ергомене, Филарете, Иоасафе, Иосифе патриархах, о книжной справе, о Кирилловой книге, о крещении обливанием, о литургии на пяти просфорах, об Антихристе и др.

Итак, «Поморские ответы» явились не только одним из первых опытов вопросно-ответной формы догматико-полемиических сочинений старообрядцев-книжников, но и попыткой отцов-основателей Выгорецкии определить ту систему координат, в пределах которой и происходит процесс самоопределения практически всех старообрядческих согласий и толков. Не случайно основные вопросы иеромонаха Неофита и ответы поморских книжников будут повторяться в других старообрядческих текстах на протяжении веков.

Показателен в этом плане пример интереснейшего памятника старообрядческой догматико-полемиической литературы уральских часовенных «Книга, правильный путь показующая» (1830 – 1840 гг.), подробно проанализированного Н.Н. Покровским⁷. Неизвестный автор этого сочинения не только отвечал на заданные ему вопросы, он сам формулировал вопросы, «конструировал позицию оппонентов из нескольких источников»⁸. Важнейшей особенностью Книги, как отмечает Н.Н. Покровский, является то, что и вопросы, и ответы в основном состоят из многочисленных цитат, но это не мешает старообрядческому книжнику четко обозначить свою позицию и в той традиционной для старообрядческой культуры системе мировоззренческих установок и по самым острым, животрепещущим вопросам современной действительности. Обратим внимание: начинается Книга с «Надсловия», в котором помещены апостольские цитаты об исповедании веры. Вспомним, что своего рода исповеданием веры являются и первые ответы поморских книжников. Далее во вводной части, как и в «Поморских ответах», помещено Предисловие. Первые вопросы Книги катехизарного типа – Что есть вера православная? Что суть истинный христианин? Что есть церковь соборная? Как видим, с осмысления этих же вопросов начинались и «Поморские ответы». Далее в вопросно-ответной форме представлен в

основном тот же круг вопросов, что и всегда составляет материал старообрядческой полемики. Но на этом сборник не заканчивается, его продолжает подборка цитат о последних временах, о необходимости противостоять Антихристу и т.д. На первый взгляд они не связаны с полемикой, но имеют внутреннюю связь. Они помогают самоопределению старообрядцев и прежде всего часовенного согласия. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подобного рода сочинения должны были помочь старообрядческим наставникам в устном споре по вопросам веры с противниками.

Следующий интересный пример полемического сочинения – рукопись XIX в., представляющая собой Беседу старообрядца Надежина⁹. «Беседа Надежина, происходившая в городѣ Сызрани в Казанском соборѣ в 1888 г., июля 17. 1 беседа миссионера (!) господина Надежина с господиномъ протоиереемъ сего собора, 2-мъ священникомъ единоверческой церкви Григорьемъ Милкинымъ бывшим старообрядцемъ поморцем, 3-мъ священникомъ сѣла Печерска в 40 вѣрстахъ от Сызрани 4-мъ миссионеромъ господиномъ Бѣлопуховым (Л.1). Автором рукописной книги, которая хранится в собрании книг старообрядцев-поморцев г. Томска, был, вероятно, также старообрядец поморского согласия, так как уже в самом начале сообщаются некоторые детали, говорящие в пользу поморского происхождения рукописи. «По просьбѣ старообрядческого общества сызранских был вызванъ Надежинъ в Сызрань. Беседа 17-го дня состоитъ в отвѣтахъ Надѣжина о вѣчности церкви, сказанной самим Господомъ апостолу Петру...» (Л.1). В пользу этого предположения говорит и заголовок рукописи «Беседы Надежина», а не кого-либо другого из участников, показательны и рукописные пометы рядом с фамилией Надѣжина, простым карандашом в рамочке подписано – поморца (Л. 4).

Далее оговариваются условия ведения беседы, которая была разрешена властями. Период конца XIX – начала XX в. известен как эпоха определенной свободы вероисповедания и веротерпимости, но на беседе присутствовали жандармский полковник, товарищ прокурора симбирского окружного суда и несколько жандармов. Беседа должна была вестись «в одинъ голосъ», никто не должен был перебивать собеседника, нельзя было переходить к другому рассуждению, не окончив первое, и т.д. Высказанные условия были подписаны духовными властями. Первым выступил протоиерей и далее приводится полная запись его речи о причинах раскола и разъединения в российской церкви. Затем Надѣжин говорит о страданиях старообрядцев за веру, о муках и казнях. Так, сразу создается образ гонимой веры, страдающей России. Это нужно было

Надежину, чтобы проиллюстрировать известный старообрядческий тезис: «какая вера гонима, та и истинна». На протяжении всех восьми дней беседы-полемики Надежин ни разу не допустил оскорбления своих противников, в то время как представители единоверческой церкви постоянно унижали своего собеседника. Например, священник Милкин говорил о старообрядцах: «Какое учение они нашли в простецах мало-сведущих», протоиерей говорит: «Совсем нас издурачил наш собеседник, будто бы мы и вы ничего не понимаем и не смыслим» и т.д. Речь Надежина насыщена цитатами и ссылками на Священное Писание, на сочинения отцов церкви, он использует Книгу о вере, Маргарит и др. Представители единоверия, несомненно, выглядят слабее в искусстве аргументации. Это объясняется тем, что в старообрядческой среде было принято ежедневное общение с книгой как с наставником, помогающим найти обоснование и подтверждение своим верованиям. Все старообрядческие книги имеют на себе «следы» общения с читателем в виде многочисленных помет.

В данной рукописи эти записи-пометы многослойны. Записи-пометы первого уровня сделаны рукою создателя рукописи, теми же чернилами, что и сам текст, и представляют собой мелко написанные названия авторитетных источников, в которых содержатся материалы и доказательства по данному вопросу. Иногда указывается и точное место хранения книги. Например, запись на Л. 171, читаем: «Книга о вѣрѣ Копыстенского или Азариева вѣра, напечатана в Киевѣ 1620 г. Она находится в Академической библиотеке № 14». Можно привести и другие примеры.

Пометы второго уровня представляют собой записи, сделанные на полях и на пустых листах разными почерками и разными чернилами, простым карандашом, коричневым и химическим карандашом. Это слова «зри», «внимай пуше здесь», подчеркивания прямой линией, значок «+», выделение имени оратора, ключевой мысли выступающего («святые митрополиты от князя Владимира»), много помет, выражающих собственное отношение читателя к тексту: «не лги, еретик», «вот кого проклинали» и т.д. Из анализа помет можно сделать вывод о внимательном и активном прочтении текста книги, желании читателя самому найти подтверждение правильности своей веры. Делая пометы для себя, старообрядец определял ту ценностную систему координат, которая была определяющей для его жизни и веры. Круг обсуждаемых вопросов был все тот же: о православной вере, об Антихристе, об истинной церкви и т.д. Poleмика, как правило, ничем не заканчивалась, собеседники оставались при своем мнении. Спор разных культурных и религиозных ориентаций проходил в форме обсуждения основных обрядов и догматов церкви. При этом ни одна из сторон не собиралась менять свою пози-

цию, задача состояла в том, чтобы как можно лучше и представительнее ее обозначить, опираясь на авторитетные источники. Поэтому эти публичные полемические состязания не приводили ни к согласию, ни к компромиссу, ни к взаимопониманию, но они, несомненно, способствовали сплочению той или иной группы старообрядцев.

В нашем распоряжении есть еще ряд источников: «Беседы старообрядцев» (Издание Совета Поморских соборов и Союза старообрядцев 1909 г. – стенографическая запись полемики, которую вели представители разных согласий: А.Ф. Пичугин, беспоповец поморского брачного согласия, и поповцы австрийского, или белокриницкого, согласия Ф.Е. Мельников и Д.С. Варакин)¹⁰; «Цветник старообрядца-странника» (30–40-е гг. XX в.)¹¹; рукописные тетради от Лаврентия XX–XXI вв., материалы археографической экспедиции августа 2003 г. к томским старообрядцам часовенного согласия¹².

В «Беседах старообрядцев» первый день был посвящен полемике о белокриницкой иерархии, второй – о крещении еретиков, третий – о пророках и Антихристе, четвертый – о верности жертвоприношения в церкви Христовой, но по сути вся полемика свелась в основном к вопросу притяжения или непритяжения священства белокриницкой иерархии. Л.Ф. Пичугин в первом же своем слове поясняет, что поморцы не против священства как такового и хотели бы соединиться с белокриницким согласием, но их священство произошло от еретиков. Этим утверждением о еретичности белокриницкого священства старообрядец-поморец, по сути, лишает всякого смысла дальнейшее ведение полемики.

«Цветник Василия Васильевича» состоит из 3 частей: предисловия – Послание старца Василия к духовным братьям, собственно «Ответы истинных православных христиан пустынножителей, крыющихся от антихриста и его прелести на вопросы Панфила Павловича поморского согласия, 1934 г.» и послесловия. Основной предмет обсуждения – приход Антихриста, время наступления Антихриста, признаки его царства и наступление «последних времен», способы сохранения веры в этих условиях и т.д. Но через это, как справедливо пишет Е.Е. Дутчак, «раскрываются константы страннического вероучения и мироощущения»¹³.

Определенный интерес представляет и Послание Лаврентия к единоверцам. «Уважаемые читатели, о Христе братия. Изволяющие прочесть сию книгу, написанную по общему совету и изволению отче (?) Михаила с братьями»¹⁴. Автор просит читателя быть внимательным и различать, где изречения святых, а где «наше», т.е. рассуждения о нынешней жизни, которые через «сличение» со святым писанием позволяют вынести «свое понятие» о последнем времени.

Эти источники разнятся по времени создания, по принадлежности авторов к тем или иным соглашениям, по форме представления материала: беседы, послания противнику, письмо-послание к братии, но их объединяет одно – авторы этих текстов стремятся обозначить свою позицию по вопросам веры, идентифицировать себя с определенной группой старообрядцев и отмежеваться от «чужих». Таким образом, на наш взгляд, полемическая старообрядческая литература представляет интересный и во многом еще недостаточно исследованный материал, раскрывающий способы отстаивания и осознания идентичности носителями старообрядческой культуры.

---

¹ Шахов М.О. Философские аспекты староверия. М., 1997. С. 9.

² Зальникова Н.Д. «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных // Гуманитарные науки в Сибири. Серия Отечественная история. 1998. № 2.

³ Смилянская Е. Роль запрета в сохранении идентичности конфессиональной группы (по материалам старообрядческих общин) // Проблемы идентичности человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 144.

⁴ Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1978. Вып. 14. С. 20.

⁵ Считается, что «Поморским ответам» предшествовало созданное иноками Соловецкого монастыря аналогичное сочинение, которое и было положено Андреем Денисовым в основу своего сочинения. Известно, что созданием ответов занимался не только А. Денисов, но еще много людей по особому плану собирали документальные свидетельства и материалы для составления, сверки и переписывания набело «ответных книг».

⁶ Поморские ответы. Б. м. и б. г., Типография П. П. Рябушинского. М., Путинковский пер., соб. дом. 1723. (репринт) Л. 1. Далее листы этого издания указываются в тексте в круглых скобках.

⁷ Покровский Н.Н., Зальникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. // Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 142–182.

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Беседа Надеждина, рук. XIX, 4, полуустан, 388 лл. Рукопись хранится в библиотеке поморской общины г. Томска. Далее листы этой рукописи указываются в тексте статьи.

¹⁰ Беседы старообрядцев Л. Ф. Пичугина, представителя беспоповцев поморского брачного согласия и Ф. Е. Мельникова и Д. С. Варакина, представителей поповцев, принимающих блокринишную иерархию, 7, 8, 9 и 10 мая 1909 г. в аудитории Политехнического Музея в Москве. Изд. Совета Поморских Соборов и Союза Старообрядцев.

¹¹ Цветник Василия Васильевича 30-е гг. XX в., (19,2 x 11,3) 392 л. Хранится в библиотеке старообрядцев странников Томской Белобородавской пустыни.

¹² Ксерокопия текста хранится в ОРК НБ ТГУ. Новые поступления 2003 г.

¹³ Дутчак Е.Е. Полемические традиции в староверии XX в. (на материале Цветника старообрядца-странника) // Культурное наследие средневековой Руси в традициях уральско-сибирского старообрядчества. Новосибирск, 1999. С. 172.

¹⁴ От Лаврентия Семь пронумерованных ученических тетрадей. Личный архив семьи Бердогиных, старообрядцев часовенного согласия д. Чановки Томской области. Ксерокопия ОРК НБ ТГУ. Новые поступления 2003 г. Л. 1.

**THE PROBLEMS OF IDENTITY
AND POLEMIC WORKS OF OLD BELIEVERS
OF THE XVIII – XX CENTURIES**

O.N. Bahtina
Tomsk State University

The problem of identity or self identification is the most important for old believers from the very beginning. The Old Believers' work had been composed to prove the truth of old belief. Main stream of Old Believers' activity was not the discussion as such but the defense of their own identification in search of "true" belief. During public arguments they did not react to the opponents' criticism. So the Old Believers polemic works of the XVIII–XX centuries had to help Old Believers to identify themselves with sects and denominations.

РАЗДЕЛ III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

PART III

CONTEMPORARY PROBLEMS OF WORLD AND RUSSIAN HISTORIES: SOCIETIES IN SEARCH OF IDENTITY

НА ПУТИ К ВОСТОЧНОГЕРМАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: В. УЛЬБРИХТ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГДР И СССР В 1949–1964 гг.

А.М. Бетмакаев
Алтайский госуниверситет

Раскол Германии, вызванный «холодной войной», углубил тяжелейший кризис идентичности немецкой нации, возникший в результате поражения во Второй мировой войне. Вовлечение двух частей нации в противостояние Востока и Запада оказало заметное влияние на попытки преодоления кризиса идентичности. Правящие элиты Восточной и Западной Германии пытались определить новую немецкую идентичность посредством международного признания одного из немецких государств.

Рассматривая попытки руководства ГДР создать восточногерманскую идентичность, на наш взгляд, следует учитывать, во-первых, германский аспект (германо-германские отношения) и, во-вторых, блок-овый аспект (отношения ГДР – Восток и ФРГ – Запад). В связи с открытием доступа к ранее секретным материалам архивов Восточной Германии и Советского Союза у исследователей появилась возможность более углубленно проанализировать второй аспект. Изучение новых материалов дополнило не только представления об особенностях эволюции советской политики в германском вопросе времен «позднего» Сталина и «эпохи Хрущева», но и о роли в ней генерального (позднее – первого) секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Вальтера Ульбрихта. Он определял политику ГДР в течение всего рассматриваемого в данной статье периода (от создания ГДР в октябре 1949 г. до отстранения от власти Н.С. Хрущева в октябре 1964 г.).

С момента возникновения ГДР ее правительство заявляло об идентичности понятий «ГДР» и «германский народ» и провозглашало Германскую Демократическую Республику единственным законным немецким государством². В речи, произнесенной после своего избрания на пост президента ГДР 11 октября 1949 г., В. Пик назвал ГДР «эпицентром» (Kerngebiet) германского объединения. Премьер-министр О. Гротеволь считал свое правительство единственным немецким правительством, заявляя, в частности: «Программа немецкого правительства явля-

ется программой немецкого народа»³. Своей конечной целью руководство ГДР объявляло ликвидацию западногерманского государства, находящегося под управлением западных союзников, и восстановление немецкого единства.

Эта точка зрения лежала в основе официальной пропаганды режима СЕПГ. А. Норден, руководитель Национального совета Национального фронта, объединявшего под руководством СЕПГ все политические партии и массовые общественные организации, писал, что Германия впервые в истории обладает «организованным центром своих живых национально осознанных сил: народ правит в Германской Демократической республике». Норден называл ГДР «маяком национальной свободы»⁴.

После создания двух немецких государств германский вопрос вступил в новую фазу своего развития. ФРГ летом 1950 г. приняла решение участвовать в создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в соответствии с «планом Шумана», а осенью того же года – в создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) в соответствии с «планом Плевена». В последнем случае создание «европейской армии» с участием западногерманских частей напрямую затрагивало интересы СССР.

Известно, что И.В. Сталин пытался остановить процесс вовлечения Западной Германии в военные структуры Запада. В советском плане срыва ремилитаризации ФРГ некоторое значение придавалось росту немецкого национализма, что, при определенных условиях, могло привести к объединению Германии. Единая Германия должна было занять нейтральную позицию по отношению к Востоку и Западу⁵. Сталин требовал от восточногерманского режима разыгрывать «национальную карту»⁶.

На III съезде СЕПГ в июне 1950 г. премьер-министр ГДР О. Гротеволь напомнил о международных обязательствах ГДР в контексте советской внешней политики, в частности, об «исторической телеграмме» товарища Сталина по поводу основания ГДР, в которой она рассматривалась в качестве «краеугольного камня для создания единой, демократической и миролюбивой Германии»⁷.

Немецкий историк Д. Штариц справедливо отмечает заметное усиление во второй половине 1950 г. в официальной пропаганде Германской Демократической Республики негативного отношения к ФРГ. Западная Германия называлась «колонией США», а правительство Аденауэра – «колониальным управляющим»⁸. ГДР на этом фоне выглядела защитницей национальной независимости. Это впечатление усиливалось выдвижением инициатив по воссоединению Германии, хотя делали это восточные немцы, как пишет нидерландский историк Р. ван Дийк,

без большого энтузиазма⁹. Руководство ГДР понимало, что воссоединение потребовало бы принести в жертву режим СЕПГ.

В ноябре 1950 г. премьер-министр ГДР О. Гротеволь в письме канцлеру К. Аденауэру предложил образовать на паритетных началах общегерманский Учредительный совет, который мог бы начать подготовку условий для проведения свободных общегерманских выборов¹⁰. Выдвижение этой инициативы сопровождалось пропагандистской кампанией Национального фронта под лозунгом «Немцы, за один стол!» («Deutsche, an einen Tisch»). Кампания велась одновременно с «общенациональным опросом о воссоединении».

Правительство ФРГ отклонило это предложение ГДР и поступало так же в отношении других восточногерманских инициатив, исходя из принципов канцлера К. Аденауэра. Высшая цель Аденауэра, подчеркивает немецкий историк Винклер в известной книге «Долгий путь на Запад», состояла в том, чтобы сделать из Федеративной Республики по возможности суверенное, прочно связанное с Западом государство¹¹. Отклонение от западной ориентации не допускалось. Но и правительство ГДР из похожих соображений (конечно, с учетом своей ориентации на Восток), отказалось принять предложение Аденауэра (январь 1951 г.) провести общегерманские выборы под контролем комиссии ООН, оценив деятельность предлагаемой комиссии как «вмешательство во внутригерманские дела»¹².

Западные оккупационные державы решили подписать с ФРГ Общий (генеральный) договор, регулирующий их отношения с Западной Германией. Согласно замыслу договора, оккупационный режим ликвидировался, правительство ФРГ получало большие права во внешней и внутренней политике, многие ограничения в развитии военной промышленности упразднились, разрешалось создание армии¹³.

Планируемые изменения статуса ФРГ не могли ускользнуть от внимания руководства Германской Демократической Республики, которое хотело бы рассчитывать на подобное отношение к ГДР со стороны СССР. В беседе с министром иностранных дел А. Вышинским 28 сентября 1951 г. глава дипломатической миссии ГДР в Советском Союзе Р. Аппельт, ссылаясь на западные уступки Западной Германии, затронул ряд чувствительных для СССР вопросов (судьба немецких специалистов в СССР, возвращение культурных ценностей, изменение визовой политики). Как отмечает российский историк А.М. Филитов, восточногерманский дипломат выступал с позиции не только обеспечения государственных интересов ГДР, но и национальных интересов, что было негативно воспринято советской стороной, которая уклонилась от прямого ответа¹⁴.

Поведение руководства ГДР вызвало раздражение Москвы. В подготовленной для Сталина Записке министерства иностранных дел СССР от 25 января 1952 г. обращалось внимание на возникшие разногласия между МИД и руководством ГДР. Министерство сочло неприемлемым инициативу, проявленную руководством ГДР в плане решения германского вопроса, «во-первых, потому, что на первый план выдвигался не вопрос о мирном договоре с Германией, а вопрос о так называемом генеральном договоре, во-вторых, не Советский Союз, а народная палата ГДР выступала бы с основами мирного договора с Германией»¹⁵. Новый план ГДР противоречил согласованному ранее с СССР порядку действий, в соответствии с которым с инициативой заключения мирного договора должен был выступать Советский Союз. Руководство ГДР, видимо, хотело продемонстрировать, что оно вполне самостоятельно во внешней политике. И вряд ли эта попытка могла остаться без внимания Сталина.

10 марта 1952 г. Советский Союз выдвинул новую инициативу в решении германского вопроса. Представителям западных держав была передана так называемая мирная нота Сталина, в которой всем оккупационным державам предлагалось незамедлительно и при участии общегерманского правительства начать разработку мирного договора с Германией, проект которого прилагался. СССР готов был согласиться на объединение страны, допустить существование немецкой армии и военной промышленности, но при условии неучастия Германии в военных союзах¹⁶.

Среди множества интерпретаций мотивов появления «мирной ноты», которые за последние более чем 50 лет были выдвинуты официальными лицами, политиками, дипломатами и историками¹⁷, наиболее интересной для нашего анализа представляется версия А.М. Филитова. По его мнению, программа ремилитаризации ФРГ стимулировала руководство ГДР добиваться аналогичных изменений в отношениях с СССР. Эти изменения противоречили бы характерной для позднего сталинизма тенденции к ужесточению контроля над восточноевропейскими сателлитами, недопущению даже видимости самостоятельности и самостоятельности с их стороны. Поэтому замысел ноты был нацелен главным образом на то, чтобы «ошарашить» (по выражению А.М. Филитова) «друзей» в ГДР в ответ на их стремление к большой автономии¹⁸.

По-видимому, нота достигла этой цели: восточногерманское руководство было встревожено возможностью реализацией предложений, содержащихся в «мирной ноте». Вероятно, стремясь обезопасить себя, руководство ГДР «добавило» к ноте ряд дополнительных условий воссоединения. Премьер-министр Гротеволь 14 марта заявил, что Западная Германия должна прервать свои связи с Западом, экономика объединенной Германии должна была основываться на пятилетних планах

Восточной Германии; и только "миролюбивые" (согласно Конституции ГДР) организации могли участвовать в немецкой политической жизни¹⁹.

В Кремле недолго играли в «объединение Германии». Уже 7 апреля 1952 г. Сталин указал руководителям Восточной Германии, что ГДР должна «без шума и стремительно» создать с помощью СССР народную армию, поскольку «пацифистский период закончен»²⁰. Этим Сталин дал понять, что сохранение раскола Германии отныне соответствует интересам СССР. Отечественный историк Ю.В. Родович справедливо отмечает, что предложение Сталина о создании армии ГДР подтверждало соображения о том, что сохранение ГДР как потенциального союзника СССР рассматривалось советским руководством в качестве приоритетной задачи по сравнению с обеспечением интересов восточногерманского руководства²¹.

Позиция Сталина в отношении перевооружения ГДР отвечала ожиданиям Ульбрихта, поскольку поддерживала его курс на сепаратное существование ГДР. И в апреле руководство ГДР, следуя указаниям Сталина, начало военную реорганизацию, в ходе которой впервые использовался термин «национальная армия»²². Впрочем, «помогли» Ульбрихту обрести уверенность и западные державы. По словам В. Брандта, «достоверно установлено, что Ульбрихт считал, что эти предложения (речь идет о «мирной ноте». – А. Б.) таили в себе опасность для него и его режима, но, к счастью, другая сторона их отклонила»²³. Важное значение для формирования негативной реакции Запада имела бескомпромиссная позиция Аденауэра, который сразу же отверг «мирную ноту». Канцлер Западной Германии увидел в ней тактический маневр Сталина, призванный остановить процесс западноевропейской интеграции и, прежде всего, включение в него ФРГ²⁴.

Общий договор был подписан в Бонне 26 мая 1952 г. ФРГ и тремя западными оккупационными державами, а в Париже 27 мая ФРГ и 5 других участники ЕОУС подписали договор о создании ЕОС. В день подписания Общего договора правительство ГДР объявило о решении создать «запретную зону» на всем протяжении границы с ФРГ. Внутригерманская граница была закрыта и укреплена колючей проволокой, постами и патрулями²⁵.

К осени 1952 г. обмен нотами между СССР и западными державами, возникший в связи с предложениями от 10 марта 1952 г., закончился безрезультатно. К этому времени советскую политику по германскому вопросу уже определяла идея построения социализма в Восточной Германии.

Курс на «строительство социализма» в ГДР был одобрен на заседании Политбюро ЦК КПСС 8 июля 1952 г., что означало, как считает

А.М. Филитов, снятие вопроса об объединении Германии даже с пропагандистской точки зрения²⁶. II конференция СЕПГ (9–12 июля 1952 г.) приняла решение о «планомерном строительстве социализма». Это решение могло быть гарантией для руководства ГДР, что отныне советская политика больше не будет рассматривать Восточную Германию в качестве предмета торга с Западом.

«Строительство социализма» не было реализацией «национальной модели социализма», а освоением существующей в СССР системы сталинизма²⁷. Проведение форсированной коллективизации сельского хозяйства, огосударствление промышленности и осуществление политических репрессий служили также идентификации ГДР как страны, строящей социализм и принадлежащей к «социалистическому лагерю».

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. повлекла за собой неожиданные последствия для дальнейшего развития отношений между СССР и ГДР. В Москве пришли к выводу об ошибочности прежнего курса на «строительство социализма» в ГДР и потребовали от восточногерманского руководства внести срочные коррективы во внутреннюю политику. Ульбрихту было указано, что массовый исход восточных немцев на Запад создал серьезную опасность для существования ГДР²⁸. Объявление руководством ГДР под советским нажимом «нового курса» (фактически отказ от «строительства социализма») спровоцировало народное восстание 16–17 июня 1953 г., которое из-за беспомощности руководства ГДР было подавлено оккупационными властями²⁹. Контроль над Восточной Германией на несколько дней полностью перешел в руки советских военных³⁰, и ГДР как государство утратила даже видимость суверенитета. Однако, как отмечают Б. Бонвеч, немецкий историк, и А.М. Филитов, и речи не было о бесцеремонном обращении с СЕПГ, поскольку сохранялись отношения сотрудничества³¹.

Июньские события имели важные последствия для советско-восточногерманских отношений. Американский историк К. Остерман подчеркивает, что Москва еще более укрепилась в мысли о непрочности и уязвимости структур власти в «рабоче-крестьянском государстве», и это определило ее выбор в пользу Ульбрихта в его противостоянии с внутрипартийной оппозиции, которая требовала его отставки³². Как полагает А.М. Филитов, возможно, Ульбрихт сам спровоцировал народные выступления, чтобы добиться от Москвы проведения германской политики в духе концепции «двух Германий» и признания незаменимости режима СЕПГ с позиции советских интересов³³.

События 17 июня 1953 г., отмечает российский историк Б.В. Петелин, блокировали советские инициативы по германскому вопросу 1952–1953 гг.³⁴ Москва взяла курс на включение ГДР в военно-политический

блок во главе с СССР. Советское руководство убедилось в необходимости отказа от прямой опеки немецких «друзей» и перешло к косвенному контролю над ГДР. 1 августа военный орган – Советская Контрольная комиссия (СКК) – прекратил свою деятельность. Вместо СКК стал действовать орган гражданского контроля над ГДР – Верховный комиссар СССР³⁵. Советский Союз отказался от неуплаченной части репараций, снизил расходы ГДР на содержание советских войск, передал в собственность ГДР советские акционерные предприятия, а дипломатические миссии двух стран были преобразованы в посольства³⁶. Обмен послами должен был, очевидно, повысить статус ГДР в отношениях с СССР и подчеркнуть расширение ее самостоятельности.

25 марта 1954 г. Советский Союз заявил о признании полного суверенитета ГДР, а 6 августа – об утрате силы приказов и распоряжений Советской военной администрации и Советской контрольной комиссии в Германии. Обязанности Верховного комиссара СССР ограничивались вопросами обеспечения безопасности ГДР, пребывания на ее территории советских войск и поддержания связей с представителями других оккупационных держав³⁷. Таким образом, ГДР в течение нескольких месяцев получила почти все формальные признаки суверенного национального государства³⁸.

Эти изменения в первую очередь были вызваны сменой руководства в Москве. Как справедливо пишут З.К. Водопьянова и В.М. Зубок, если для Сталина Восточная Германия являлась средством укрепления советского влияния в Европе, то Хрущев стал добиваться также и ее международного признания³⁹. Этому, конечно, способствовала и западная политика интеграции ФРГ в Западноевропейский союз, а затем в НАТО. Советским ответом на расширение НАТО, как известно, стало создание 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора (ОВД) – военно-политического блока стран Восточной Европы во главе с СССР. ГДР стала участником блока, что означало превращение Восточной Германии из бывшей оккупационной зоны в партнера СССР.

20 сентября 1955 г. был подписан договор о взаимных отношениях между СССР и ГДР, который формально предоставил Восточной Германии полный государственный суверенитет. Советский Союз признал независимость ГДР во всех вопросах внешней и внутренней политики, почти одновременно установив дипломатические отношения с ФРГ⁴⁰. Хотя должность Верховного комиссара была ликвидирована, Советский Союз сохранил контроль над безопасностью и внешней политикой ГДР, на ее территории по-прежнему оставались советские войска⁴¹. Советский контроль над руководством ГДР также сохранялся. Американская исследовательница Х. Харрисон отмечала, что в течение 50-х гг. хотя

бы один советский представитель неизменно присутствовал на заседаниях Политбюро и пленумах ЦК СЕПГ⁴².

В январе 1956 г., после согласования с советским руководством, ГДР учредила Национальную народную армию и министерство обороны. Командующий группировкой советских войск в ГДР имел полный оперативный контроль над восточногерманскими вооруженными силами, которые практически полностью зависели от СССР, в том числе в вопросах обеспечения оружием⁴³. В униформе Национальной (!) народной армии ГДР присутствовали элементы прусской военной формы, что должно было подчеркнуть сохранение национальных традиций⁴⁴.

Повышение статуса ГДР в отношениях с СССР сопровождалось усилением позиций Ульбрихта в восточногерманском руководстве. Используя опасения Хрущева по поводу возможности возникновения нового кризиса в «социалистическом лагере», как это было в Польше и Венгрии осенью 1956 г.⁴⁵, Ульбрихт смог не допустить расширение децентрализации в духе решений XX съезда КПСС и расправился с оппозицией внутри руководства СЕПГ. Оппозиционеры, идеологическим лидером которых был философ В. Харих, были в конце 1956 г. арестованы и осуждены в 1957 г. на длительные сроки заключения как члены «антигосударственной группы»⁴⁶. Ссылаясь на польский вариант «национального социализма», Харих предлагал «третий путь» для всей Германии: «В воссоединенной Германии только СДПГ в союзе с настоящими социалистическими силами в СЕПГ сможет достичь социализма... Эта новая социалистическая партия немецкого рабочего класса, созданная из объединения СДПГ с реформированным СЕПГ, которая удалила бы сталинистов из своих рядов. Для Германии мы отклоняем исключительное требование коммунистической партии руководить строительством социализма»⁴⁷. Таким образом, предлагая сперва объединить Германию, а затем строить в ней социализм, оппозиционеры фактически отвергли курс Ульбрихта на достижение восточногерманской идентичности⁴⁸.

Ульбрихт видел иное решение германской проблемы. 27 июля 1957 г. правительство ГДР обнародовало план «Путь немецкой нации к обеспечению мира и воссоединению Германии». В качестве первого шага предполагалось создание конфедерации ФРГ и ГДР на основе международного договора, образование на паритетных началах Общегерманского совета из представителей парламентов обоих государств, выход из НАТО и ОВД, вывод всех иностранных войск⁴⁹. Объединение рассматривалось как исключительно национальное дело немецкого народа. План конфедерации позволял обеспечить сохранение восточногерманской идентичности в рамках германской конфедерации.

Для полного успеха замысла Ульбрихту требовалось международное признание ГДР. Он связывал реализацию своих планов с ужесточением политики СССР в германском вопросе. По мнению большинства современных исследователей, влияние Ульбрихта на советскую политику в германском вопросе существенно возросло в период между смертью Сталина (1953 г.) и возведением Берлинской стены (1961 г.) и было во многих моментах значительным в период второго Берлинского кризиса⁵⁰.

В ноте от 27 ноября 1958 г. СССР в ультимативной форме потребовал от западных держав в течение 6 месяцев предоставить для Западного Берлина статус «свободного и демилитаризованного города». В случае несогласия Запада Хрущев обещал действовать в одностороннем порядке. Так начался второй Берлинский кризис.

Помимо внешнеполитических мотивов⁵¹, важнейшей причиной стремления советского руководства обеспечить срочное решение проблемы Западного Берлина было резкое ухудшение экономической ситуации в ГДР, вызванное возвращением Ульбрихта к идее «строительства социализма»⁵². На V партийном съезде партии в июле 1958 г. Ульбрихт выдвинул тезис, что народное хозяйство ГДР должно развиваться так, чтобы доход на душу населения достиг и превзошел доход на душу населения Западной Германии. Этого можно было добиться, форсировав переход к социализму⁵³. Формула «догнать и перегнать ФРГ» не только подчеркивала «прогрессивный» характер восточногерманской идентичности, но и принимала в расчет установки Хрущева, на этот раз, «догнать и перегнать Америку».

По мере усиления политики «строительства социализма» лавинообразно росло число перебежчиков из ГДР в ФРГ⁵⁴. Бегство почти всегда осуществлялось через Берлин: на электричке или метро, на велосипеде или пешком можно было просто и безопасно проникнуть из восточной части города в западный сектор. Пересечение же хорошо охраняемой межзональной границы между ГДР и ФРГ было сопряжено с высоким риском. Для жителей ГДР Западный Берлин был «витриной Запада», которая снижала эффективность антизападной пропаганды, поскольку программы радио и телевидения, которые транслировали западноберлинские станции, принимались на большей части ГДР. Западный Берлин был также форпостом многочисленных западных спецслужб.

В этих условиях партийным и государственным руководством Германской Демократической Республики все более овладевало чувство, что ГДР угрожает скорый экономический крах⁵⁵. Его можно было предотвратить, по мнению руководства ГДР, установив жесткий контроль над коммуникациями между двумя секторами Берлина. Ульбрихт хотел испол-

звать советский ультиматум, чтобы не только решить берлинскую проблему, но и добиться международного признания ГДР. 5 декабря 1958 г. он сказал советскому послу М.Г. Первухину, что «текущий момент является поворотным пунктом в проблеме признания ГДР»⁵⁶. Посредством заключения сепаратного мирного договора с СССР формально подтверждалось бы существование восточногерманской идентичности.

Уверенность Ульбрихта в скором достижении этой цели проявлялась в символических акциях. В октябре 1959 г. ГДР сделала знаковый шаг в определении своей идентичности. Черно-красно-золотой государственной флаг, который в течение 10 лет не отличался от флага ФРГ, был дополнен эмблемой: молот и циркуль в обрамлении венка колосьев⁵⁷.

В ходе Берлинского кризиса проявились различия между советской и восточногерманской позициями. Хрущев заявил Ульбрихту, что он использовал угрозу сепаратного подписания мирного договора в качестве «дамклова меча», чтобы принудить Запад сесть за стол переговоров: «Я не знаю, доведем ли мы проблему подписания мирного договора с ГДР до реализации; однако такая перспектива действует отрезвляющим образом на западные державы и Западную Германию»⁵⁸. Для Хрущева было важно поддерживать эту угрозу, поэтому он несколько раз продлевал срок выполнения ультиматума. Ульбрихт же преследовал восточногерманские интересы, убеждая Хрущева в необходимости подписать сепаратный мирный договор не позднее 1961 г.⁵⁹

В кризисной ситуации Хрущеву было важно удержать восточных немцев от односторонних шагов. Используя это обстоятельство, Ульбрихт добивался оказания Восточной Германии советской экономической помощи. Он предлагал в течение 2 лет «объединить» экономику ГДР и СССР, чтобы ГДР была независима от поставок сырья из ФРГ. Руководитель ГДР просил советское руководство предоставить кредит ГДР для покрытия дефицита в торговле с СССР. Хотя Ульбрихт писал, что «нам неприятно, что мы должны направлять каждый год подобные просьбы о помощи (выделено мною. – А. Б.) в Президиум ЦК КПСС», он одновременно пытался использовать для давления на Москву аргумент, что в противном случае ГДР не удастся «догнать и перегнать ФРГ»⁶⁰. Этим он явно подогревал амбиции Хрущева, который обещал построить коммунизм в СССР и сделать из ГДР «витрину социализма»⁶¹.

Анализируя развитие Берлинского кризиса, многие исследователи приходят к выводу, что Ульбрихт провоцировал его обострение⁶². Х. Харрисон обращает внимание на то, что заявление Ульбрихта на пресс-конференции 15 июня 1961 г. о том, что руководство ГДР не планирует установить стену между восточным и западным секторами Берлина, вызвало панику в ГДР и подтолкнуло Хрущева согласиться на

выдвинутый в марте 1961 г. Ульбрихтом план установления забора из колючей проволоки вокруг Западного Берлина⁶³.

В конечном итоге, Берлинский кризис привел к возведению 13 августа 1961 г. стены (с согласия СССР и других стран ОВД) между восточным и западным секторами Берлина, а также вокруг Западного Берлина, по всей длине снабженной сторожевыми башнями с вооруженными часовыми, которые получили приказ стрелять в каждого, кто попытается перебраться через нее⁶⁴. Отныне Берлинская стена стала реальным воплощением германского раскола. Как замечает Б.В. Петелин, оба германских государства продолжили путь к приобретению полного суверенитета и собственной национальной идентификации⁶⁵.

Окончательно оформленный раскол Германии оказал глубокое влияние на национальное самосознание немцев как на западе, так и на востоке Германии. Многим немцам строительство стены представлялось расплатой за «немецкую вину»,⁶⁶ которую необходимо просто принять. Эта позиция проявлялась все сильнее среди интеллектуалов Западной Германии⁶⁷. В ГДР же было широко распространено мнение, что в ФРГ слишком быстро порвали с «третьим рейхом» и восстановили связи с «веймарской демократией». Так, отмечает немецкий историк Х.-Й. Фишбек, из разделенного отношения к совместной истории возникло разделенное отношение к отныне также разделенной истории⁶⁸.

Установление Берлинской стены, было, пожалуй, важнейшей попыткой преодолеть кризис не столько общегерманской, сколько восточногерманской идентичности: были жестко установлены границы между двумя Германиями. Берлинская стена устанавливала необходимые пространственные рамки восточногерманской идентичности, проводя разграничение между западной и восточной частями немецкой нации. Поэтому Ульбрихт оценил 13 августа 1961 г. как «второй день рождения ГДР»⁶⁹.

Возведение стены не остановило попыток Ульбрихта добиться от Хрущева заключения сепаратного мирного договора. Он считал сооружение стены «первой частью задачи подготовки мирного договора»⁷⁰. В «самоуверенно-директивном тоне»⁷¹ он продолжал требовать от Хрущева, чтобы советская сторона форсировала мероприятия по подготовке мирного договора. Отказ от заключения договора привел бы, по мнению Ульбрихта, к срыву плана экономического развития ГДР в 1962 г.⁷² В конце концов подобный шантаж спровоцировал негативную реакцию со стороны советского руководства.

В мае 1962 г. Ульбрихт заявил советскому послу Первухину, что он не несет никакой ответственности за возможные осложнения вокруг стены. Его заявление вызвало, по мнению В.М. Зубока, «мини-кризис» в советско-восточногерманских отношениях. Ульбрихт был предупрежден, что любые действия в отношении Западного Берлина должны согласовываться с советской стороной. Ульбрихт объяснил этот инцидент в письме Хрущеву тем, что посол искажил его слова и дезинформировал Хрущева⁷³. Ульбрихт, указывает немецкий историк Лемке, продолжал курс на конфронтацию в германском вопросе, полагая этим добиться ускорения процесса получения суверенитета (Souveranitätsprozeß)⁷⁴.

В июне 1962 г. Хрущев на встрече с партийно-правительственной делегацией Чехословакии публично продемонстрировал растущее недовольство поведением Ульбрихта: «...товарищ Ульбрихт, например, заявил: “Так, может быть, я не должен строить социализм в ГДР?” Товарищ Ульбрихт ставит вопрос так, как будто оказывает нам некую милость тем, что строит социализм. [...] Постоянно требовал, например, скорейшего подписания мирного договора с ГДР. При этом мы все знаем, что уже достигли того, чего хотели достичь заключением договора. Однако подписание договора могло привести к экономической блокаде, прежде всего ГДР. Тогда бы товарищ Ульбрихт первым пришел и потребовал у нас золота. [...] Он всегда приходит и требует от нас помощи. Но это навряд ли пойдет так дальше»⁷⁵. Это цитата, как нельзя лучше, передает состояние отношений между лидерами ГДР и СССР во время и после Берлинского кризиса.

СССР не стал заключать сепаратный мирный договор с ГДР, на чем настаивал Ульбрихт, чтобы не связывать себе руки в германском вопросе. Москва ограничилась подписанием договора о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве между СССР и ГДР в июне 1964 г. Договор гарантировал «неприкосновенность границ ГДР» и предусматривал «существование двух суверенных немецких государств», уделяя, однако, основное внимание вопросам экономического сотрудничества⁷⁶. Это, конечно, было слабым утешением для Ульбрихта, и он пытался добиться его в идеологической сфере, уточняя определение восточногерманской идентичности.

В так называемом Национальном документе Национального Фронта (май 1962 г.) под названием «Историческая задача ГДР и будущее Германии» говорилось, что победа социализма в ГДР служила интересам всего немецкого народа и была ключевой предпосылкой решения национального вопроса: «Вся история и настоящее немецкого народа неопровержимо доказывают, что социализм и жизненные интересы народа, социализм и его национальные интересы полностью совпадают (выделено мною. – А.Б.)»⁷⁷. ГДР, которая преодолела существующую в Западной Германии архаичную форму общественной жизни, не могла

ждать, когда прогрессивные силы в ФРГ во главе с рабочим классом начнут строительства социализма. Она поэтому вновь предлагала создать в рамках политики «мирного сосуществования» конфедерацию двух немецких государств. Эту конфедерацию после победы социализма в ФРГ сменила бы воссоединенная Германия.

Спустя год СЕПГ повторила это требование в своей программе, принятой на VI съезде в январе 1963 г. ГДР была, как провозглашалось в программе, «во всех сферах политики и общественной жизни национальной и социальной альтернативой господствующему в Западной Германии империализму. Ее историческая миссия состоит в том, чтобы посредством широкого осуществления социализма в первом рабоче-крестьянском государстве создать прочную основу для того, чтобы во всей Германии рабочий класс принял руководство, монополистическая буржуазия была лишена власти, и национальный вопрос был решен в духе мира и общественного прогресса»⁷⁸. Если бы эта победа была достигнута, то одновременно был бы решен национальный вопрос и преодолен кризис идентичности. Так, эволюция в сфере идеологии – от идеи единой нейтральной Германии к концепции «двух Германий», принадлежащих к двум противоборствующим лагерям, – отразила эволюцию отношений ГДР и СССР. В этой эволюции, с нашей точки зрения, значительная роль принадлежала личным отношениям лидеров – Ульбрихта со Сталиным, а затем с Хрущевым. Поэтому в заключение мы рассмотрим их влияние на советско-восточногерманские отношения в 1949–1964 гг.

Пожалуй, стоит согласиться с американским историком А. Уламом, что в конце 40-х – начале 50-х гг. ГДР была для Кремля, скорее, «козырной картой» в игре с Западом, чем частью коммунистического лагеря. Немецкие коммунисты, подобно многим другим отрядам мирового коммунистического движения, использовали Сталиным всякий раз, когда интересы его личной власти и защита Советского Союза оказывались под угрозой⁷⁹. Этому подходу соответствовала вертикальная иерархическая структура, в которой Ульбрихту отводилась роль марионетки.

В отличие от Сталина, Хрущев пытался относиться к Ульбрихту как важному партнеру. Он всецело поддерживал Ульбрихта, имея с ним прямые контакты. А.М. Филитов отмечает, что между Хрущевым и Ульбрихтом сложились самые доверительные отношения еще со времен Сталинградского сражения, чем лидер ГДР часто пользовался⁸⁰. В дни Берлинского кризиса он, как пишет Х. Харрисон, буквально «командовал» Хрущевым, что создало ситуацию, когда «хвост вертит собакой»⁸¹. Удивительное превращение Ульбрихта из марионетки Москвы в «хвост собаки» В.М. Зубок пытается объяснить двумя об-

стоятельствами. Во-первых, тем, что постоянное стремлением Ульбрихта продолжать «строительство социализма» в Восточной Германии вызывало симпатии Хрущева; во-вторых, умелой эксплуатацией боязни Хрущева «потерять» ГДР.

Хрущев же чувствовал особую близость к первому немецкому государству «рабочих и крестьян», потому что полагал, что его существование оплачено ценою миллионов советских жизней в войне с нацистами. Эта эмоциональная близость, сопоставимая только с отношениями между Хрущевым и Кастро, возможно, объясняет, почему Ульбрихт мог неоднократно обманывать Хрущева своими пропагандистскими кампаниями оформления «витрины социализма»⁸². Но, расширив игровое пространство для Ульбрихта, Хрущев был вынужден терпеть односторонние действия ГДР. К концу своего правления Хрущев всерьез опасался, что Ульбрихт становится слишком самостоятельным. Хрущев объяснял поведение лидера ГДР ссылкой на престарелый возраст Ульбрихта: «Я знаю это чересчур хорошо на примере Сталина. В связи с огромной властью, которую имеет товарищ Ульбрихт, эти симптомы старости весьма опасны»⁸³. В этих словах можно, при желании, обнаружить угрозу отстранить Ульбрихта от власти. Но история распорядилась иначе: в октябре 1964 г. на пенсию был отправлен Хрущев, а Ульбрихт оставался в должности первого секретаря ЦК СЕПГ до мая 1971 г.

Однако даже отличные личные отношения с Ульбрихтом не имели для Хрущева приоритетного значения, если речь шла о соблюдении советских интересов. Совсем недавно стали известны факты развертывания советских ракет средней дальности на территории ГДР. В 1958–1959 гг. 4 пусковые установки с 12 ракетами Р-5М с ядерными боеголовками с дальностью полета 1200 км были установлены на боевые позиции в обстановке строжайшей секретности и без уведомления правительства Восточной Германии⁸⁴.

Эти факты еще раз показывают, что, хотя Ульбрихт и добился интеграции Восточной Германии в советский блок, ему не удалось сделать ГДР суверенным и независимым государством в отношениях с СССР. Как при Сталине, так и при Хрущеве ее судьба зависела целиком от политики СССР в германском вопросе⁸⁵. Зависимость вела к недоверию и подозрительности Ульбрихта в отношении советских планов⁸⁶, поэтому он пытался получить гарантии сохранения ГДР. Являясь в сущности «государством-клиентом»⁸⁷ Советского Союза, ГДР при Ульбрихте использовала заинтересованность Москвы в Восточной Германии в своих интересах. Ульбрихт, сделав ставку на конфронтацию Запада и СССР в

германском вопросе, добился того, чтобы Берлинская стена стала уникальной гарантией восточногерманской идентичности⁸⁸.

¹ Речь идет, прежде всего, о публикациях документов в рамках Проекта Международной истории «холодной войны» (Cold War International History Project) и 24-томном собрании материалов комиссии бундестага ФРГ по расследованию деятельности режима СЕПГ в ГДР (Materialien der Enquete-Kommission).

² Следует отметить, что Западная Германия не признавала государственность ГДР и международно-правовой характер отношений между двумя германскими государствами. ФРГ считалась единственным законным представителем немецкого народа, поскольку ее правительство избрано на основе свободных выборов. Гражданами ФРГ признавались все немцы. См.: *Morsey M.* Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969 München, 1987. S. 79–80.

³ Цит. по: *Pfeiler W.* Die «nationale» Politik der KPD/SED 1945–1952 // Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» Band V/2. Bonn, 1995. S. 2004–2005.

⁴ *Норден А.* Во имя нации. М., 1953.

⁵ См.: *Winkler H.A.* Der Lange Weg nach Westen München, 2000. S. 185–186.

⁶ Эту линию вполне справедливо назвали «национальной парадигмой» политики СССР в германском вопросе. См. *Филитов А.М., Домрачева Т.В.* Советская политика в германском вопросе. Три основные парадигмы // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 243–244.

⁷ Protokoll der Verhandlungen des III. Parteitags der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands, 20. bis 24. Juni 1950. Bd. 1. Berlin (Ost), 1951. S. 412–413.

⁸ См.: *Staritz D.* Geschichte der DDR 1949–1990 Frankfurt am Mein, 1996. S. 87.

⁹ См.: *Van Dijk U.* The 1952 Stalin Note Debate: Myth or Missed Opportunity for German Unification? // Cold War International History Project Working Paper No. 14. Wash., 1996. P. 6.

¹⁰ Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики от образования Германской Демократической Республики (7 октября 1949 г.) до заявления о суверенитете (25 марта 1954 г.). М., 1955. С. 327–377.

¹¹ См.: *Winkler H.A.* Op.cit. S. 142.

¹² Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики С. 159–176, 327–337.

¹³ 9 июля 1951 г. западные державы односторонним актом объявили о прекращении состояния войны с Германией

¹⁴ См.: *Филитов А.М.* Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (К вопросу о генезисе «сталинской ноты 10 марта 1952 г.») // Сталин и холодная война. М., 1997. С. 327.

¹⁵ Цит. по: *Родович Ю.В.* О «Ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 69.

¹⁶ См. Известия. 1952. 11 марта.

¹⁷ Чаще все мотивы Сталина объясняли его желанием «отдать» ГДР в обмен на нейтральный статус объединенной Германии. Но, как справедливо пишет немецкий историк Х.А. Якобсен, «в свете исторического опыта, идеологических и геополитических приоритетов и особенно с точки зрения первостепенных советских интересов в области безопасности по-прежнему трудно себе представить, чтобы Москва была готова заплатить столь высокую цену, только бы сорвать в последний момент привязку ФРГ к Западу». См.: *Якобсен Х.-А.* Некоторые аспекты германо-советских отношений: конфликты и сотрудничество // Россия и Германия в Европе. М., 1998. С. 67.

¹⁸ См.: *Филитов А.М.* Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма. С. 324, 337. В доказательство обоснованности предположений А.М. Филитова можно привести жесткое противостояние Сталина «самостоятельному» югославскому лидеру Тито в 1948–1949 гг. См.: *Гуренко Ю.С.* Сталин – Тито. М., 1991; *Уэст Р.* Иосип Броз Тито. власть силы. Смоленск, 1997. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. В 3 т. М., 2000. Т.1.

¹⁹ См.: *Van Dijk U.* Op.cit. P. 7.

²⁰ См.: Переговоры тов. Сталина с руководителями СЕПГ В. Ульбрихтом, В. Пиком и О. Гротеволем, 7 апреля 1952 г. (в переводе на англ. яз.) // *Cold War International History Project Bulletin. Issue 4. Fall 1994.* P. 48.

²¹ *Родович Ю.В.* Указ. соч. С. 78.

²² См.: *Van Dijk U.* Op.cit. P. 7.

²³ *Брандт В.* Воспоминания. М., 1991. С. 165.

²⁴ См.: *Schwarz H.-P.* Adenauer als politischer Neuerer // *Macht bedeutet Verantwortung.* Köln, 1994. S. 32.

²⁵ См.: *Schröder K.* Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949–1990. München, 2000. S. 87.

²⁶ См.: *Филитов А.М.* Сталинская дипломатия и германский вопрос. последний год // *Сталинское десятилетие «холодной войны» факты и гипотезы.* М., 1999. С. 95–96.

²⁷ См.: *Starič D.* Op.cit. S. 94–100.

²⁸ См.: Распоряжение Совета Министров СССР № 7576 «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР от 2 июня 1953 г. (в переводе на англ. яз.) // *Cold War International History Project Bulletin. Issue 10. March 1998.* P. 79–81.

²⁹ См., например: *Schröder K.* Op.cit. S. 119–131.

³⁰ См.: О событиях 17–19 июня 1953 г. в Берлине и ГДР и об основных выводах из этих событий: Доклад Советскому руководству, 24 июня 1953 г. (в переводе на англ. яз.) // *Cold War International History Project Bulletin. Issue 5. Spring 1995.* P. 10, 17–21.

³¹ См.: *Bonwetsch B., Filitov A.* Die sowjetische Politik und die SED-Diktatur – Handlungs- und Verantwortungsspielräume der KPD/SED/DDR 1945–1963 // *Materialien der Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit».* Band VIII/1. Bonn, 1999. S. 878–879.

³² См.: *Остерман К.* США и события 17 июня 1953 г. в ГДР // *Вопросы истории.* 1999. № 7. С. 64.

³³ См.: *Филитов А.М.* СССР и ГДР: год 1953-й // *Вопросы истории.* 2000. № 7. С. 129.

³⁴ *Петелин Б.В.* Был ли план объединения Германии // *Вопросы истории.* 2002. № 2. С. 151.

³⁵ Решение о роспуске СКК было принято 16 июня 1953 г. См.: *Richier J.* Reexamining Soviet Policy Towards Germany During The Beria Interregnum // *Cold War International History Project Working Paper No. 3.* Wash., June 1992. P. 14–16.

³⁶ См.: *Отношения СССР и ГДР. Документы и материалы. 1949–1955.* М., 1973. С. 271–272, 286–292, 303.

³⁷ См.: Там же. С. 424–425.

³⁸ Менее чем за год политика СССР в отношении ГДР претерпела заметные изменения: еще 27 мая 1953 г. Президиум ЦК КПСС отклонил предложение Министерства иностранных дел СССР ликвидировать оккупационную власть в Восточной Германии. См.: *Рихтер Дж.* Советская политика в отношении Германии в период бериевского междуцарствия: новая оценка // *Холодная война: новые подходы, новые документы.* М., 1995. С. 190.

³⁹ См.: *Зубок В.М., Водольянова З.К.* Советская дипломатия и берлинский кризис (1958–1962) // *Холодная война: новые подходы, новые документы.* М., 1995. С. 258.

⁴⁰ Решение об этом было принято в ходе визита правительственной делегации ФРГ во главе с К. Аденауэром в Москву 9–13 сентября 1955 г.

⁴¹ См.: Отношения СССР и ГДР. С. 647–649.

⁴² См.: *Harrison H.M. Inside the SED Archives: A Researcher's Diary // Cold War International History Project Bulletin. Issue 2. Fall 1992. P. 29.* В сентябре 1953 г. Ф. Ольсенер, секретарь ЦК СЕПГ по вопросам прессы и радио, получил из Москвы детальную 12-страничную инструкцию «К вопросу о прессе ГДР».

⁴³ 12 марта 1957 г. СССР и ГДР подписали соглашение по вопросам, связанным с пребыванием советских войск на территории ГДР.

⁴⁴ См.: *Kießmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. Bonn, 1988. S. 367.*

⁴⁵ Это удачно, на наш взгляд, было названо «тенью 1956 г.». См.: *Зубок В.М., Водопьянова З.К. Указ. соч. С. 260.*

⁴⁶ Интересно, что в то же время Хрущев одержал вверх над «антипартийной группой» в советском руководстве. Можно предположить, что Ульбрихт специально использовал этот термин, понятный Хрущеву.

⁴⁷ *Aus der politischen Plattform Wolfgang Harichs und seiner Freunde, November 1956 // DDR Dokumente zur Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik 1945–1981 / Hrsg. von H. Weber. München, 1986. S. 227–229*

⁴⁸ Любопытно, что Харих сперва сообщил свои предложения советскому послу в Восточном Берлине Г.М. Пушкину, который информировал о них Ульбрихта. См.: *Ammer T. Deutschlandpolitische Konzeptionen der Opposition in der DDR 1949–1961 // Materialien der Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit». Band VII/1. Bonn, 1999. S. 504.*

⁴⁹ См.: *Внешняя политика Германской Демократической Республики. М., 1969. С. 64–65*

⁵⁰ См.: *Зубок В.М., Водопьянова З.К. Указ. соч. С. 262; Харрисон Х. Политика Советского Союза и Восточной Германии в период Берлинского кризиса 1958–1961 гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 276; Как принималось решение о возведении Берлинской стены // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 53–55; *Mahncke D. Das Berlin-Problem – die Berlin-Krise 1958–1961/62 // Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Band V/2. Bonn, 1995. S. 1795–1796.**

⁵¹ Считается, например, что Хрущев ужесточением политики СССР в германском вопросе отвечал на вызов своему лидерству в мировом коммунистическом движении со стороны маоистского Китая. См. подробнее: *Harrison H.M. Ulbricht and the Concrete «Rose»: New Archival Evidence on the Dynamics of Soviet–East German Relations and the Berlin Crisis, 1958–61 // Cold War International History Project Working Paper No. 5. Wash., May 1993. P. 9–10.*

⁵² Как пишет В.М. Зубок, действия Ульбрихта нарушили соглашение 1953 г., порицающее «принудительные» методы советизации в ГДР. См.: *Zubok V.M. Khrushchev and the Berlin Crisis (1958–1962) // Cold War International History Project Working Paper No. 6. Wash., May 1993. P. 10.*

⁵³ См.: V съезд СЕПГ (Берлин, 10–16 июля 1958 г.). М., 1959.

⁵⁴ В 1959 г. ГДР покинули 144 тыс., в 1960 г. – 203 тыс., в июле 1961 г. – 30 тыс., а лишь за 12 дней августа 1961 г. – 48 тыс. граждан. Всего беглецов с 1949 по первую половину 1961 г. было 2,291 млн. См.: *Kießmann Ch. Op.cit. S. 321; Winkler H.A. Op.cit. S. 189–190.*

⁵⁵ См.: Проект письма Политбюро ЦК СЕПГ в Президиум ЦК КПСС, без даты (1957) // *Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Band V/3. Bonn, 1995. S. 2277–2290.*

⁵⁶ Цит. по: *Cold War International History Project Working Paper. No. 5. P. 22.*

⁵⁷ См.: *Winkler H.A. Op. cit. S. 191.*

⁵⁰ Резюме переговоров с партийно-правительственной делегацией ГДР, 18 июня 1959 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11. Winter 1998. P. 213.

⁵¹ См. Записка о встрече тов. Н.С. Хрущева с тов. В. Ульбрихтом 30 ноября 1960 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Working Paper. No. 5. Wash., May 1993. P. 69–79.

⁵² Письмо В. Ульбрихта Н.С. Хрущеву, 18 января 1960 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Working Paper. No. 5. P. 86–87.

⁵³ Заместитель председателя Совета Министров СССР А. Микоян сказал в июне 1961 г. в беседе с восточногерманскими товарищами «Если социализм в ГДР не победит, если коммунизм здесь не окажется состоятельным и жизнеспособным, то и мы не победим». Цит. по: *Lemke M. Die Berlin-Krise 1958 bis 1963. Interesse und Handlungsspielräume der SED im Ost-West-Konflikt.* Berlin, 1995. S. 162.

⁵⁴ Немецкий историк Д. Штаритц, например, задается почти сакраментальным вопросом, не являлся ли Берлинский кризис спланированным Ульбрихтом. См.: *Staritz D. Op.cit.* S. 185–196.

⁵⁵ См.: *Harrison H.M. Ulbricht and the Concrete «Rose».* P. 46.

⁵⁶ См. Как принималось решение о возведении Берлинской стены. С. 53–55.

⁵⁷ См.: *Петелин Б.В.* Указ. соч. С. 153.

⁵⁸ Исходя из этой точки зрения, раскол Германии был следствием национал-социалистического грехопадения, за которое был ответствен весь немецкий народ, – грехопадения, которое вело к немецкой катастрофе во Второй мировой войне.

⁵⁹ См.: *Döring-Manieffell A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963.* Darmstadt, 1983. S. 131–132.

⁶⁰ Fischbeck H.-J. (in Zusammenarbeit mit L. Mehlhorn und S. Bickhardt). Das Mauersyndrom – die Rückwirkung des Grenzregimes auf die Bevölkerung der DDR // *Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland».* Bd.1 Bonn, 1994. S. 1201.

⁶¹ Цит. по: Как принималось решение о возведении Берлинской стены. С. 53.

⁶² Письмо В. Ульбрихта Н.С. Хрущеву, 15 сентября 1961 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Working Paper. No. 5. P. 126.

⁶³ *Харрисон Х.* Указ. соч. С. 289.

⁶⁴ См.: Письмо В. Ульбрихта и делегации ГДР на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущеву, 30 октября 1961 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Working Paper. No. 5. P. 132–139.

⁶⁵ См.: *Zubok V.M. Khrushchev and the Berlin Crisis (1958–1962)* // Cold War International History Project Working Paper. No. 6. Wash., May, 1993. P. 31.

⁶⁶ См. *Lemke M.* Op. cit. S. 188.

⁶⁷ Часть записи беседы членов чехословацкой делегации с Н.С. Хрущевым, посвященной ситуации в ГДР, 8 июня 1962 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 153.

⁶⁸ См.: История ГДР. 1949–1973. Краткий очерк. М., 1975. С. 338.

⁶⁹ Die geschichtliche Aufgabe der Deutschen Demokratischen Republik und die Zukunft Deutschlands // *Schriftenreihe des Staatsrates der DDR.* 1962. N 1. S. 77.

⁷⁰ См.: 20 лет СЕПГ. Документы Социалистической единой партии Германии. М., 1966. С. 140–144.

⁷¹ См.: *Ulam A.B. The Communists: The Story of Power and Lost Illusions: 1948–1991.* N.Y., 1992. P. 73.

⁷² См.: *Филитов А.М.* СССР и ГДР: год 1953–Я. С. 128.

⁷³ *Харрисон Х.* Указ. соч. С. 281.

⁷⁴ См.: *Zubok V.M. Khrushchev and the Berlin Crisis (1958–1962)* P. 10–11.

⁸³ Часть записи беседы членов чехословацкой делегации с Н.С. Хрущевым, посвященной ситуации в ГДР, 8 июня 1962 г. С. 154. Кстати, в 1962 г. Ульбрихту исполнилось 69, а Хрущеву – 68 лет.

⁸⁴ См.: *Uhl M., Ivkin V.I. «Operation Atom» The Soviet Union's Stationing of Nuclear Missiles in the German Democratic Republic, 1959 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 12/13. Fall/Winter 2001. P. 299–304.*

⁸⁵ Х. Бри (Horst Brie), сотрудник посольства ГДР в КНР в 1958–1964 гг., сказал в интервью Х. Харрисон в 1992 г., что Восточная Германия была на 95% иждивенцем Советского Союза, и поэтому должна была уважать советские интересы. По его мнению, Ульбрихт думал, что когда-нибудь Советский Союз пожертвует Восточной Германией, чтобы успокоить Запад, хотя, конечно, никогда не признавал этого открыто. См.: *Harrison H.M. Inside the SED Archives. P. 31.*

⁸⁶ Подозрительность Ульбрихта, судя по всему, имела основания. Так, в 1964 г. по инициативе Н.С. Хрущева его зять А. Аджубей вел секретные переговоры с влиятельными политиками ФРГ о возможных вариантах объединения Германии. См.: *Kosthorst D. Sowjetische Geheimpolitik in Deutschland? Chruschtschow und die Adschubej-Mission 1964 // Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte. 1996. N 44. S. 257–293.*

⁸⁷ См.: *Riegel K.-G. Klientelnationen: Der Fall der DDR // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften. Lnderdiagnosen und theoretische Perspektiven / Hg. von B. Estel und T. Mayer. Opladen, 1994. S. 219–241.*

⁸⁸ В том же ключе действовал канцлер ФРГ Аденауэр, который, признавая лидерство США, одновременно не доверял американцам. Под давлением обстоятельств он все сильнее подозревал США в тайных контактах с СССР, а потому был всегда настороже. Аденауэр опасался, что США, как в Потсдаме, пойдут на соглашение с Москвой. Немецкий историк Х. Кёлер называет эти опасения «потсдамским комплексом». См.: *Köhler H. Adenauer: Eine politische Biographie. Berlin, 1994. S. 20.*

ON A WAY TO THE EASTERN GERMAN IDENTITY: WALTER ULBRICHT AND THE RELATIONS BETWEEN THE GDR AND THE USSR IN 1949–1964

A.M. Betmakaev
Altai State University

The author researches the changes in the Soviet–Eastern German relations, evaluating a role of W. Ulbricht as the leader of GDR at the key moments of this relations. This article presents an analysis of the Ulbricht's attempts to define Eastern German identity by using of the clash between East and West within the cold war.

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ*

Е.Л. Мотрич

Институт экономических исследований ДВО РАН
г. Хабаровск

Соседство с густонаселенными и обладающими огромным миграционным потенциалом регионами Северо-Восточного Китая, население которых многократно превосходит население Дальневосточного федерального округа, делает проблему китайской миграции на Дальнем Востоке России весьма актуальной. В настоящее время судьбы двух стран – России и Китая – связаны как никогда в прошлом. Как бы в перспективе ни изменялись наши страны, что бы в них ни произошло, уже вполне очевидно, что свершился исторический прорыв в отношениях двух стран. Китай – самый крупный сосед России, и можно с достаточно большой вероятностью предположить, что взаимопроникновение во многие сферы жизнедеятельности будет возрастать и играть все увеличивающуюся роль в повседневной действительности России и, прежде всего, субъектов Федерации Дальнего Востока. Явление китайской миграции на российский Дальний Восток достигло такого уровня, при котором оно оказывает (пусть пока даже незначительное) влияние на различные стороны экономической и социальной жизни региона.

Китайский фактор находится в зоне пристального внимания российской общественности. Подсознательный комплекс страхов перед "желтой опасностью" присутствовал у россиян всегда, но в последнее десятилетие возродился с особой силой, с одной стороны, в связи, с социально-экономическим подъемом Китая и возвышением его до статуса мировой державы, что расценивается как появление возможности его влияния (экономического, политического, демографического и др.) на положение в мире. Достаточно напомнить несколько показателей. За 1996–1997 гг. ВВП

---

* Использованы результаты опроса 213 российских и 179 китайских граждан в г. Хабаровске (1999 г.) и 166 российских и 136 китайских граждан в г. Хабаровске (2001 г.), проведенного Институтом экономических исследований ДВО РАН и Дальневосточной академией государственной службы; опроса 146 российских граждан в приграничных городах Дальнего Востока (гг. Бикин, Благовещенск и Дальнереченск), 65 российских экспертов в г. Хабаровске (2002 г.), проведенного институтом Федеральной пограничной службы и Институтом экономических исследований ДВО РАН; опроса 34 китайских граждан в г. Хабаровске (2002 г.), проведенного Институтом экономических исследований ДВО РАН. Выборка случайная на этапе отбора респондентов.

упал на Дальнем Востоке на 13%, тогда как у соседей он увеличился на 8%; на 1 км границы на одного россиянина приходится 63 тыс. китайцев, а на 1 кв. км сопредельных территорий 380 тыс. на одного российского гражданина¹. Приведенные показатели уже «отстали» от своего реального значения, поскольку Дальний Восток после 1997 г. продолжал терять свое население. С другой стороны, комплекс страхов связан с усилением миграционных потоков китайских граждан в Россию. Иными словами, когда "пробуждение Китая", о котором в России не переставали пророчествовать с конца прошлого века, из отдаленной перспективы превратилось в злобу дня, выход этих страхов на поверхность, их вербализация становятся едва ли не повсеместным явлением².

В период с начала экономических реформ российский Дальний Восток практически отрезан от Европейской России. В условиях дороговизны топлива, транспорта и средств связи население региона остро ощущает свою малочисленность по сравнению с огромной людской массой, находящейся по другую сторону границы. Отрицать демографическое давление со стороны Китая – это идти против фактов. Разность демографических потенциалов по обе стороны российско-китайской границы стала серьезным геополитическим фактором, значение которого стремительно возрастает. Это во многом определяет озабоченность и тревожное ожидание китайской демографической экспансии. По мнению В. Гельбраса, «если эта толпа хлынет сюда, ее напор ничто и никто не остановит... Если китайцы обратят взор в сторону России, нам придется несладко».

Настораживающим фактором в отношении китайской миграции на российский Дальний Восток и объективной оценки присутствия здесь китайских граждан является сложившийся демографический дисбаланс между нашими сопредельными территориями, имеющий тенденцию к росту (табл.).

Таблица. Современная и перспективная численность населения, млн чел.

Регионы	Годы		Изменение численности населения	
	01.01.2000	конец 2010	млн чел.	%
Российский Дальний Восток	7,2	6,7	-0,5	-6,1
В т ч. Хабаровский край	1,5	1,4	-0,1	-6,7
Северо-Восточный Китай (Ляонин, Цзялинь, Хэйлуцзян)	105,2	120,0	14,8	11,4

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат. 2000. С. 24; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2015 г. М.: Госкомстат. 1998. С. 7; Материалы Государственного статистического комитета КНР. 1997.

Демографическая ситуация на российском Дальнем Востоке находится в кризисном состоянии: начиная с 1991 г. происходит стабильное сокращение численности населения как за счет его естественной убыли, так и за счет миграции. На юге Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, ЕАО и Амурская область) живет 4,9 млн человек, а в трех сопредельных провинциях Китая – более 100 млн человек, то есть они концентрируют в себе населения в 20 раз больше и имеют значительно превосходящую плотность населения и перспективы их развития связаны с ростом их демографического потенциала, в то время как Дальний Восток будет по-прежнему терять свое население. А. Привалов сравнивает сложившуюся ситуацию с осмотическими процессами, когда растворы разной насыщенности, разделенные полупроницаемой мембраной (в данном случае государственной границей), постепенно выравниваются по концентрации³. Это сравнение вполне может быть приемлемо и к процессам движения населения через государственную границу как полупроницаемую мембрану.

А сколько их в настоящее время?

По данным МВД, на Дальнем Востоке официально зарегистрировано 237 тыс. китайских граждан, а количество нелегалов колеблется от 400 до 700 тыс.⁴ Объективной количественной оценки присутствия китайцев на Дальнем Востоке, как и в целом по России, нет, поскольку существует множество проблем по контролю за их движением. В Приморском и Хабаровском краях и Амурской области эксперты оценивают численность китайцев в десятках тысяч⁵. Фактически на Дальнем Востоке идет активный процесс формирования китайской диаспоры.

Местные жители неоднозначно оценивают появление китайских граждан на нашей территории. По данным выборочного социологического опроса (см. Приложение), проведенного в 2002 г., на вопрос, «Как Вы в целом относитесь к появлению граждан КНР в России?» 58,2% респондентов, проживающих в приграничных городах Дальнего Востока (г. Бикин Хабаровского края, г. Благовещенск Амурской области и г. Дальнереченск Приморского края) отрицательно относятся к появлению граждан КНР в России. При экспертном опросе на этот же вопрос отрицательно ответили 64,6% респондентов. При опросе в г. Хабаровске в 1999 и 2001 гг. отрицательно относились к «китайскому» присутствию соответственно 19,7% и 25,3% респондентов⁶. Разброс показателей, видимо, зависит не только от временного фактора, но и от непосредственной близости города к границе. Были на этот вопрос и такие ответы, которые, скорее, можно отнести к негативной реакции на присутствие китайских граждан на нашей территории: «Видимо, им в Китае плохо,

но нам без них лучше». Именно так считает 21,2% респондентов пограничных городов Дальнего Востока и 16,9% экспертов. При социологическом опросе в Хабаровске так ответили в 1999 г. 14,6% респондентов и в 2001 г. 18,1%. Таким образом, прослеживается увеличение числа тех, кто настроен против присутствия китайцев, видя в этом "желтую опасность". Приведенные показатели говорят об увеличении негативного отношения к присутствию китайских граждан на нашей территории. Между прочим, стоит заметить, что убеждение в "желтой опасности" существует в качестве нормы обыденного поведения с царских времен.

Образ «желтой опасности» создан у жителей приграничных районов в годы советско-китайского противостояния и поддерживается из-за напористости, с которой китайцы устремились в Россию сразу же, как только была открыта граница. Лишь 4,1% респондентов пограничных городов одобряют присутствие китайцев на территории российского Дальнего Востока, 8,2% считают их появление нормальным явлением и 5,5% проявляют безразличие. В прошлых социологических исследованиях, проведенных в г. Хабаровске, эти показатели были выше, но обозначилась тенденция к снижению. Так, 12,0% опрошенных в 2001 г. (против 13,6% в 1999 г.) относились к этому явлению положительно, а 24,1% (против 28,2%) расценивали появление китайцев как нормальное явление и считали, что ничего не изменилось. Приведенные данные свидетельствуют, что значительна доля тех, кого появление китайских граждан не раздражает. Но, судя по данным, полученным в краевом центре, доля позитивных оценок снижается. Не случайно, видимо, что на вопрос «Существует ли опасность увеличения присутствия на территории Дальнего Востока китайцев», – 68,3% респондентов пограничных городов региона и 84,6% экспертов ответили «да», 20,9% первых и 15,4% вторых ответили, что «скорее «да», чем «нет». Представляется, что озабоченность по этому поводу имеется и у президента В.В. Путина. Во время пребывания в Благовещенске он сказал: «Если в ближайшее время не предпримем реальных усилий по развитию Дальнего Востока, то русское население через несколько десятилетий будет в основном говорить на японском, китайском и корейском языках»⁷. Конечно, здесь имеется в виду не только возможное демографическое давление со стороны Китая, но и спад экономики на Дальнем Востоке, и, как следствие, миграционный отток местного населения и его естественная убыль.

Каждый третий (34,2%) из числа опрошенных в пограничных городах региона в 2002 г. на вопрос анкеты «Должна ли Россия предоставлять китайцам жилье, работу, гражданство, право приобретения земли», отвечает, что не должна; в г. Хабаровске так считает 21,1% респондентов. Столь высокий удельный вес ответивших отрицательно на данный во-

прос, вероятно, можно объяснить пониманием того, что формирование китайской диаспоры в важном военно-стратегическом районе России однозначно должно расцениваться как негативное явление. Но одновременно каждый четвертый (25,6%) из опрошенных в пограничных городах и 37,9% экспертов считают, что решать возникающие проблемы с китайскими гражданами необходимо цивилизованным, демократическим путем – предоставлением права на судебную защиту при возникновении такой необходимости. В Хабаровске в 2001 г. такого мнения придерживался практически каждый второй (48,8%) из участвующих в опросе.

В ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете характер российско-китайских отношений?», – более трети опрошенных заявили, что Китай представляет угрозу (в пограничных городах так ответило 35,4% респондентов, 44,1% экспертов и 35,5% участвующих в опросе в г. Хабаровске в 2001 г. и 34,7% в 1999 г.), значительно меньше оказалось тех, кто считает, что Россия и Китай – надежные партнеры (13,6% опрошенных в 2002 г. в пограничных городах, 23,5% экспертов; 18,8% респондентов в 1999 г. и 18,1% в 2001 г. в Хабаровске). Приведенные данные позволяют предположить, что люди чувствуют скрытую угрозу, исходящую с Востока, поэтому российско-китайские отношения характеризуют как не слишком радужные и от будущего не ждут ничего хорошего, понимая, что «Китайский вопрос – это вопрос дальнейшего существования России»⁸.

Каковы же намерения и целевые установки китайских граждан?

Китайцы очень мобильны, готовы ехать в любое место, где есть работа. Мобильность и большой интерес китайцев к России вызывают их стремительное движение в северо-восточную часть страны, благодаря чему на месте деревень растут города, расположенные на пограничных переходах в Россию. В этих городах и в целом на северо-востоке Китая быстро растет армия безработных. В 1999 г. она составляла 3,5% в провинции Ляонин, 3,3% – в провинции Цзилинь и 2,5% – в провинции Хейлунцзян от экономически активного населения этих территорий⁹.

Всегда считалось, что в Россию и на Дальний Восток едут безработные. Но исследования 2002 г. показали, что в основной массе к нам едут вовсе не безработные. Из общего числа китайских граждан, опрошенных в г. Хабаровске в 2002 г., 45,7% работали на постоянной основе у себя на родине, 5,7% имели временную работу; были безработными и имели случайную или разовую работу 8,6% ответивших на вопрос «Чем Вы занимались в Китае перед приездом в Россию?». Что касается конкуренции на российском рынке труда, то, несмотря на безработицу, местное население не стремится занять те свободные ниши на рынке труда, где требуется выполнять неквалифицированную работу (на стройках и в сельском хозяйстве). Китайцы, как правило, работают от зари до

зари, без выходных; не притязательны в быту. Российских работодателей устраивает их трудолюбие, дисциплинированность, исполнительность и дешевизна их труда. Тем не менее, работая даже на этих условиях, китайцы считают, что это им выгодно. Именно так ответили в 2001 г. 38,2% китайцев-респондентов на вопрос «Почему Вы предпочитаете жить в России?» против 14,5% в 1999 г. А.Б. Левинтал, представитель правительства Хабаровского края, высказал типичную точку зрения относительно использования китайского труда: «Безусловно, в некоторых отраслях стоит использовать китайскую рабочую силу... Надо только, чтобы с нашей стороны были строгий учет и контроль... А вот попытки китайцев в массовом порядке поселиться в России, я считаю, надо пресекать»¹⁰.

В настоящее время использование труда иностранных рабочих в российской национальной экономике приобрело качество необходимого элемента в формировании собственного рынка труда. На Дальнем Востоке, даже в условиях кризисного состояния экономики, становится обычным и устойчивым явлением привлечение иностранной рабочей силы, и прежде всего из Китая и КНДР. В свою очередь, китайские власти используют экспорт рабочей силы для проведения политики, направленной на дальнейшее освоение Дальневосточного региона путем завоевания прочных экономических, торговых и демографических позиций, способных оказать серьезное влияние на экономическое и геополитическое состояние Российской Федерации¹¹. Здесь следует согласиться с мнением В. Дятлова, что "...китайцы в России – классическая трудовая миграция... Завоевать свою "нишу" в экономике принимающего общества – их основная задача. Благодаря энергии, предприимчивости, готовности к лишениям и тяжелому труду, свободному отношению к российским законам они блестяще решили ее в считанные годы"¹². В этом случае можно говорить об определенной заинтересованности КНР в усилении присутствия своих граждан на Дальнем Востоке.

В Китае полностью освоены промышленные и сельскохозяйственные территории. Поэтому неизбежно увеличение численности безработных на рынке труда. Движение безработных может идти в сторону российских территорий. Такое движение, как считает В.И. Ишаев, будет развиваться по следующей схеме: вначале будут небольшие районы компактного проживания китайцев, затем они превратятся в национальные территории. Хотя официальный Китай снял территориальные претензии, но там господствуют убеждения в том, что Россия присвоила себе 1,5 млн га китайской территории. Это является, по словам губернатора, основанием для китайской экспансии и для «явочного освоения территории России»¹³. Можно считать не случайным явлением, что КНР выдвигает свои условия

в связи с предстоящим вступлением России в ВТО. В частности, наши соседи требуют полного открытия российского рынка для своих товаров и услуг, двукратного снижения импортных пошлин, отмены лицензирования алкогольного производства, немедленной отмены квоты на привлечение китайской рабочей силы. По мнению губернатора Хабаровского края, предложения нашего стратегического партнера «интересные»¹⁴. Следствием этого уже может стать не военный захват, а куда более реальная, неофициальная, чисто экономическая аннексия территории.

Некоторые российские исследователи утверждают, что в мировой практике есть примеры присутствия китайской диаспоры в отдельных странах Западной Европы, Америки и Австралии и в них отсутствует опасность китайской экспансии¹⁵. Другие, и мы солидарны с ними, считают, что «равняться на численность китайских общин в названных странах нам не стоит», поскольку ни одна из них не имеет общей границы с Китаем¹⁶. Между тем определенная часть китайских граждан так или иначе свои планы на будущее связывают с Россией. Опрос китайцев, проведенный в сентябре-октябре 2002 г. в г. Хабаровске, показал, что в планах 11,5% работающих китайцев есть стремление получить гражданство Российской Федерации и жить в России, у 19,3% – иметь постоянный вид на жительство, 7,7% респондентов хотели бы получить коммерческую визу в России. При этом 42,3% знают русский язык либо хорошо, либо могут объясняться и читать. Знание языка, как нам представляется, один из показателей, что тот или иной конкретный человек, по крайней мере, думает бывать в России.

Какие же возможности видят китайские граждане, прибывшие на российский Дальний Восток, относительно своего дальнейшего пребывания и приложения труда здесь? 30,1% китайских граждан в 1999 г. и 36,8% в 2001 г. ответили, что они, накопив определенный стартовый капитал, собираются расширить свое дело в Российской Федерации, 26,0% китайцев собираются вернуться в Китай и там организовать свое дело. О чем это свидетельствует? Китайская сторона проявляет устойчивое стремление использовать территорию Дальнего Востока России в качестве рынка российских природных ресурсов, потребительских товаров из Китая, инвестиций и т.д.¹⁷, настойчиво бьется за право долгосрочной аренды дальневосточных земель¹⁸.

Из числа опрошенных китайских граждан 11,8% приезжали в Россию более 10 раз и столько же живут в России свыше 4 лет и с родственниками. Среди китайских респондентов преобладающая часть (73,5%) находятся в России без семьи. Собственно и в выборку попало 61,8% холостых (незамужних). Предыдущие исследования 1999 и 2001 гг. показали увеличение доли тех, кто проживает с женой (мужем) и детьми

(соответственно 16,8% и 34,6%), но данное исследование этого не выявило. 38,2% их числа опрошенных арендуют жилье у российских граждан, 23,5% – в общежитии (гостинице) российской организации. Приведенные данные наводят на мысль о нарастающей тенденции закрепления китайцев на российских жилых площадях. Именно поэтому, видимо, россияне против предоставления китайцам права на приобретение жилья. Такого мнения придерживаются 16,3% опрошенных в Хабаровске в 2001 г., 14,6% респондентов из пограничных городов (2002 г.) и 8,5% экспертов (2002 г.).

Между тем известно, что китайцами различными способами, в том числе путем заключения браков с российскими гражданками, приобретает собственность. Заключение браков с российскими гражданами в перспективе может увеличиться, поскольку в Китае стремительно растет дефицит женщин. К 2020 г., по подсчетам Валерии Хадсон и Андреа Ден Боэр из Кентского университета, в Китае будет от 29 до 33 млн мужчин в возрасте от 15 до 34 лет, которые не смогут найти себе жену и создать семью – им просто не хватит женщин. Это не означает, что вся когорта холостых мужчин непременно устремится в Россию, но допустить, что частично будет именно так, можно.

Следует остановиться еще на одном аспекте китайской миграции в Россию – туризме. Известно, что китайцы – одна из самых активных в плане туризма наций. Официальное мнение состоит в том, что нынешние туристы никаким бизнесом у нас не занимаются. Считается, что все торговцы на рынке – совершенно легальные коммерсанты, въехавшие к нам по коммерческой визе. Есть квота на приглашение коммерческих агентов у ЗАО «Али» (500 человек в год), есть квота у ГУП «Оптовый рынок» (200 человек), у рынков Комсомольска-на-Амуре, Советской Гавани и Чегдомына. На Центральном рынке Хабаровска, который подобной квоты не имеет, торгуют китайцы, въехавшие по персональной деловой визе.

Однако возникает резонный вопрос: что делать туристу в Хабаровске целый месяц? Такого срока многовато и для Москвы, и для Парижа. По данным краевой паспортно-визовой службы, большинство туристов прибывают в край с коммерческой целью. Возможно, часть из них – деловые люди, которые приезжают на переговоры или заключение контракта на короткий срок, но остальные – розничные торговцы. Положенный месяц они пребывают на рынках, потом выезжают на родину, а через какое-то время возвращаются. Некоторые «туристы» приезжают к нам 2–3 раза в год. И число их растет без всяких дополнительных соглашений. За 2001 г. Хабаровский край посетило 7152 китайских туриста. Если это количество разделить на 12 месяцев и исходить из того,

что все «туристы» приезжают, как правило, на месяц, то получается, что одновременно в крае, преимущественно в Хабаровске, находилось 600 китайских туристов. В принципе немного. На самом деле их больше. Так, по данным миграционной службы, всего на 1 мая 2002 г. в крае находилось 1626 граждан КНР (включая торговых агентов, строителей и работников сельхозпредприятий). Общая цифра граждан КНР, посетивших край, растет год от года. За 2000 г. в край прибыло 12894 человека, в 2001 г. – 13810 человек. При этом сроки проживания соблюдаются ими постольку поскольку. Так, за четыре месяца 2002 г. из края было выдворено 380 граждан КНР. Выявляют регулярно китайцев, проживающих без всякого основания, – они прибыли и остались у нас еще с тех времен, когда ситуация не была поставлена под контроль¹⁹.

В общественном понимании российского населения постоянно присутствуют две явно противоположные тенденции: С одной стороны, понимание неизбежности того, что жить и работать нам придется вместе, с другой – страх перед возможным усилением присутствия китайцев на нашей территории. И это не случайно, поскольку жители Дальнего Востока являются свидетелями уж слишком смелого поведения китайских граждан на нашей территории. Пользуясь несовершенством наших законодательно-правовых актов относительно пребывания иностранных граждан, многие китайцы по истечении официальных сроков пребывания не торопятся возвращаться на родину. К примеру, в 1998 г. из Приморского края выдворено незаконно проживавших 3240 китайцев, в 1999 г. 228 человек – из Хабаровского края²⁰. Они по подложным документам или через подставных лиц приобретают недвижимость, занимаются наркобизнесом, вывозят валюту, стратегическое сырье, различные детали промышленного оборудования и т.д. Отмечены случаи, когда занимаясь несанкционированным рыболовством в наших территориальных водах, они приставали к российскому берегу и были задержаны пограничниками. Китайские браконьеры наших пограничников совершенно не боятся, поскольку уверены, что те им практически ничем не угрожают²¹.

Хабаровский губернатор Виктор Ишаев утверждает, что в Китае есть программа освоения российского Дальнего Востока, но "воевать они не собираются, а говорят, что придут и будут жить"²². Местное население считает, что Россия может потерять территории Дальнего Востока в результате "тихой" экспансии Китая. Анкетный опрос российских граждан Приморья в 1998 г. показал, что этой точки зрения придерживается половина респондентов. При этом большинство из них (28%) считают, что территории отойдут к Китаю в результате "мирного проникновения" китайских граждан²³. Многие аналитики, эксперты высказывают мнение, что китайскую миграцию можно рассматривать как форму "мирной

экспансии". Чтобы этого не произошло, уместно вспомнить, что писали "Приамурские ведомости" еще в 1907 г.: "Характер будущих русско-китайских отношений в пограничной полосе представляется одной из важнейших проблем будущности Дальнего Востока, поскольку с участью последнего связаны жизненные интересы России... Будем с соседями сообща насаждать в смежных странах сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и торговлю или же сделаемся с ними взаимными антагонистами, которые забьют нас на поприще мирного труда — от этого все зависит. Если случится второе, то не надо обладать даром пророчества, что Россия не удержится ... в Приморье"²⁴.

Вместе с тем нельзя забывать предостережение, высказанное еще в 1908 г. П. А. Столыпиным, когда в Дальневосточном регионе количество китайцев стремительно увеличивалось. Выступая в Думе, он сказал, что вскоре Дальний Восток "окажется русским только по названию".

В интересах своей безопасности Россия должна быть здоровой и сильной. В. Гельбрас в своем интервью «Комсомольской правде» говорит, что «прямой угрозы государственному суверенитету России со стороны КНР нет. Собственно, Китаю ни к чему нам угрожать», но «если Россия останется в состоянии стагнации, то Китай в поисках сырьевых ресурсов и новых рынков сбыта поглотит нас. Великая Поднебесная империя будет возрождаться не при помощи агрессии, а экономическим путем». Отсюда главный вывод: основная угроза позициям России на Дальнем Востоке — вовсе не «желтая опасность» (массовая китайская колонизация или силовой захват), а «рыночный» упадок России. Субъективное ощущение «китайской угрозы» — лишь «кривое зеркало» реальной угрозы упадка (и распада) самой России.

Поэтому муассирование тезиса о "желтой опасности" именно сейчас нам представляется ненужным и даже вредным для долгосрочных интересов России. Хотя в геополитическом плане объективно интересы России и Китая далеко не во всем совпадают и возможны определенные трения между двумя странами по отдельным позициям, все же следует развивать добрососедские отношения, но при условии равного доверительного партнерства, призванного соответствовать коренным национальным интересам двух стран, всемерно развивать политические, торгово-экономические, научные и культурные связи между Россией и КНР. А. Арбатов, депутат Государственной Думы, видный специалист по международным отношениям, считает, что "...торговля, взаимная безопасность и развитие политических отношений с Китаем составляют важнейший российский интерес"²⁵. Нам представляется, что Китай прямо или опосредованно в дальнейшем будет играть все возрастающую роль в судьбе Дальнего Востока России как в контексте глобальной по-

литики, так и в непосредственном состоянии и развитии этой территории. Перспективы развития дружественных отношений между российским Дальним Востоком и Китаем будут способствовать дальнейшему процветанию двух мировых держав – России и Китая.

¹ Китайцы на российском Дальнем Востоке: норма или угроза? // Тихоокеанская Звезда 2001. 4 мая. С. 7.

² Тренин Д. Китайская проблема России. М. Московский центр Карнеги. 1998. С. 7.

³ Привалов А. О восточных делах // Известия. 2000. 2 июня. С. 2.

⁴ Авербух А. Общая беда // Известия. 2001. 16 февр.

⁵ Гельбрас В., Тренин Д. Китайцы на Руси // Известия. 2000. 26 янв. С. 7.

⁶ Байков Н.М., Мотрич Е.Л., Филонов А.М. Китайский фактор на Востоке России: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2002. С. 24.

⁷ Независимая газета. 2000. 21 июля.

⁸ Гельбрас В. У России – китайское будущее? // Комсомольская правда. 2002. 7 мая. С. 8.

⁹ China Labour Statistical Yearbook. 2000. China Statistics Press, 2000.

¹⁰ Кто и зачем будет жить на Дальнем Востоке России? // Ваш выбор. 1995. № 1. С. 19.

¹¹ Филонов А. Пограничная политика России в Дальневосточном регионе. Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М. Московский центр Карнеги. 1999. С. 38.

¹² Дятлов В.И. Китайцы в Иркутске // Миграция. 1997. № 3. С. 9.

¹³ Из чьего кабинета лучше Китай видно? // Тихоокеанская звезда. 2003. 24 янв. С. 1.

¹⁴ Как говорят в Китае, истина – в фактах // Тихоокеанская звезда. 2002. 22 июня. С. 1.

¹⁵ Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 82.

¹⁶ Ларин А. К вопросу о китайской демографической экспансии // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 5.

¹⁷ Бакланов П. Географические, социально-экономические и геополитические факторы китайской миграции на российский Дальний Восток: Сб. научных докладов Московского Центра Карнеги М., 1999. С. 37.

¹⁸ Пограничник – это не профессия. Это – судьба // Тихоокеанская звезда. 27 мая 2000.

¹⁹ Анатольева Р. Китайских туристов станет вдвое больше // Тихоокеанская звезда. 2002. 22 мая. С. 2.

²⁰ Дмитренко А.В. Соблюдение национальных интересов как фактор национальной и международной политики в Приморском крае // Россия – Китай – Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке. Владивосток, 2000. С. 45, Мотрич Е.Л. Иностранная рабочая сила в Хабаровском крае // Там же. С. 63.

²¹ Волков С. Туман не помог // Тихоокеанская звезда. 2000. 5 окт.; Особенности китайской национальной рыбалки // Тихоокеанская звезда. 2000. 28 окт.

²² Гельбрас В., Тренин Д. Китайцы на Руси // Известия. 2000. 26 янв. С. 7.

²³ Алексеев М. Угрожает ли России китайская миграция? // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 12. С. 48.

²⁴ Размышление на досуге о веке Дракона // Тихоокеанская звезда. 2001. 31 авг. С. 7.

²⁵ Арбатова А. Выбор без выбора // Независимая газета. 1998. № 4. С. 13.

ПРИОЖЕНИЕ

Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к появлению граждан КНР в России?»

	Число опрошенных	Положительно	Нормально, но ничего не изменилось	Видимо, им в Китае плохо, но без них лучше	Отрицательно	Безразлично	Затрудняюсь ответить
Потр. города 2002 г.							
г. Бикин	88	3	7	16	54	6	2
г. Благовещенск	27	1	1	5	18	1	1
г. Дальнереченск	31	2	4	10	13	1	1
Итого	146	6	12	31	85	8	4
	100,0%	4,1	8,2	21,2	58,2	5,5	2,8
Эксперты – 2002 г.							
Итого	65	6	5	11	42	0	1
	100,0%	9,2	7,7	16,9	64,6	0,0	1,6
г. Хабаровск – 1999 г.	213	29	60	31	42	38	13
	100,0%	13,6	28,2	14,6	19,7	17,8	6,1
2001 г.	166	20	40	30	42	20	14
	100,0%	12,0	24,1	18,1	25,3	12,0	8,4

Ответы на вопрос «Как оцениваете характер российско-китайских отношений и их будущее?»

	Число опрошенных	Россия и Китай – союзники	Россия и Китай – надежные партнеры	Китай представляет угрозу России	КНР – не друг и не враг для России
Полн. города 2002 г.					
г. Бикин	88	12	9	35	32
г. Благовещенск	28	2	4	13	9
г. Дальнереченск	31	6	7	4	14
Итого:	147	20	20	52	55
	100,0%	13,6	13,6	35,4	37,4
Эксперты – 2002 г.	68	12	16	30	10
Итого:	100,0%	17,6	23,5	44,1	14,8
г. Хабаровск – 1999 г.	213*	20	40	74	35
	100,0%	9,4	18,8	34,7	16,4
2001 г.	166**	27	30	59	23
	100,0%	16,2	18,1	35,5	14,0

*Затруднились с ответом 44 чел. – 20,7%; ** затруднились с ответом 27 чел. – 16,2%

Ответы на вопрос «Как вы думаете, должна ли Россия предоставлять привилегии иностранным гражданам КНР»

	Пограничные города (2002 г.)		Эксперты (2002 г.)		г. Хабаровск (2001 г.)*	
	Число ответов	%	Число ответов	%	Число ответов	%
Российское гражданство	3	1,8	3	3,7	6	2,6
Право постоянного места жительства	6	3,7	12	14,6	7	3,0
Право на социальное страхование и социальное обеспечение	15	9,1	14	17,1	17	7,3
Право на приобретение земли	9	5,5	2	2,4	16	6,9
Право на приобретение жилья	24	14,6	7	8,5	27	11,6
Право на судебную защиту	42	25,6	31	37,9	81	34,8
Право на материальную помощь	9	5,5	6	7,3	7	3,0
Ничего	56	34,2	7	8,5	35	15,0
Итого:	164	100,0	82	100,0	233	100,0

* Кроме того, 31 чел., или 13,3%, считают, что Россия должна предоставлять право на постоянную работу, 0,4% – медицинскую помощь и 5 чел., 2,1%, были затруднены с ответом

Примечание: допускаясь выбрать три позиции, поэтому число ответов больше числа опрошенных.

Ответы на вопрос «Что, по Вашему мнению, больше всего угрожает Дальневосточному региону?»

	Число опрошенных	Распад России	Аварии и техногенные катастрофы	Углубление демографического кризиса	Территориальные претензии стран СВА (КНР, Япония, США)
Погр. города 2002 г.					
г. Бикин	92	21	5	20	46
г. Благовещенск	24	6	1	3	14
г. Дальнереченск	32	4	7	9	12
Итого:	148	31	13	32	72
	100,0%	20,9	8,8	21,6	48,7
Эксперты – 2002 г.					
Итого:	93	10	10	39	34
	100,0%	10,8	10,8	41,9	36,5

Ответы на вопрос «Существует ли опасность увеличения присутствия на территории Дальнего Востока китайцев?»

	Число опрошенных	«Да»	Скорее «да», чем «нет»	«Нет»	Затрудняюсь ответить
Погр. города 2002 г.					
г. Бикин	90	59	20	4	7
г. Благовещенск	27	20	4	1	2
г. Дальнереченск	31	22	7	2	-
Итого	148	101	31	7	9
	100,0	68,3	20,9	4,7	6,1
Эксперты – 2002 г.					
Итого	65	55	10	-	-
	100,0	84,6	15,4	-	-

Ответы на вопрос «Чем Вы занимались в Китае перед приездом в Россию?», %

Работал на постоянной основе	45,7
Имел временную работу	5,7
Имел разовую, случайную работу	2,9
Имел собственный бизнес	11,4
Студент, учащийся	22,9
Безработный	5,7**
Другое	5,7

*Опрос 34 китайских граждан в г. Хабаровске в 2002 г.

** В 2001 г. среди опрошенных китайских граждан (136 чел.) безработных было только 2,2%.

Ответы на вопрос «Ваши планы на будущее?», %

Получить гражданство РФ и жить в России	11,5
Иметь постоянный вид на жительство в России	19,3
Получить коммерческую визу в России	7,7
Уехать в другую страну	11,5
Вернуться в Китай	50,0

*Опрос 34 китайских граждан в г. Хабаровске в 2002 г.

THE CHINESE MIGRANTS ON THE RUSSIAN FAR EAST

E.L. Motrich

Economic Research Institute

Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science

Khabarovsk.

The article shows the response of the Far Eastern residents, including border areas, to Chinese presence in the region. Growing attitude of the Russian speaking population to Chinese presence has been revealed; motivation of the Russian Far East residents in terms of fears of "yellow danger" has been considered. A description of Chinese migrants has been given (what they are, what are their purpose in coming to Russia; the view of the Chinese respondents on Russia's attractiveness for the formation of migration flows from China have been analyzed.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КИТАЙЦЕВ И ЯПОНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.А. Бычкова
Томский госуниверситет

Общества самоидентифицируются в национальном, культурном, этническом, религиозном, историческом, политическом, идеологическом планах. В период «холодной войны» страны и народы определяли свою идентичность через идеологию. Вокруг двух сверхдержав группировались государства, принадлежавшие к разным цивилизациям, но с тождественной идеологией. Тесный союз США и Японии, как и союз СССР и КНР, – это межцивилизационные союзы времен «холодной войны».

Во времена стремительных социальных и политических перемен установившиеся идентичности разрушаются, создаются новые, происходит переоценка места своего государства, общества, своего «я». С уходом миропорядка времен «холодной войны», в 90-е гг. начинается кризис идентичности во многих активно действующих на мировой арене странах. Вопрос «На чьей вы стороне?» сменился вопросом «Кто мы?», «Откуда мы?». В период кризиса идентичности особую значимость приобретают кровное родство, религиозные верования, семейные связи. В периоды крутых перемен люди начинают «вспоминать» свои корни, возвращаться к ним, как бы заново ищут свою нишу, безопасность, новую идентичность. Ранее философы использовали понятие «самость» как самосознание уникальности, непрерывности своего бытия, понятие «тождество». Сейчас широко применяется термин «идентичность».

На международной арене страны практически всего мира начали воскрешать старые антагонизмы и симпатии. Государства активно ищут общность и находят ее со странами, близкими по культуре и цивилизации. Этот процесс стал отчетливо проявляться как реакция на глобализацию. (Раньше употреблялся термин «интернационализация», подразумевавший, прежде всего, процесс экономического взаимопроникновения, взаимозависимости государств. Речь шла об устранении национальной обособленности (изоляции) государств, об обмене материальными и духовными ценностями. Интернационализация предполагала

обогащение национальной составляющей в экономике, политике и культуре.)

Глобализация, о которой в последнее время столько пишут и говорят, претендует на все сферы жизни человека, в какой бы цивилизации, стране он ни жил, в том числе и на культурную сферу. В глобализации многие незападные общества увидели вызов именно национальному компоненту, угрозу денационализации. Лозунг прозрачности границ воспринимается как угроза разрушения культурных и этнических границ государств, призыв к ликвидации государства как структуры управления. Все это угрожает распадом национальной общности и целостности государства. Это тем более актуально для Китая и Японии, которые являются государствами-цивилизациями.

Культурная сфера затрагивает многие очень важные стороны жизни людей – язык, религию, систему ценностей. Культура более инерционна, нежели экономика и политика, ее нельзя свести к некой унифицированной (универсалистской) мировой культуре. Здесь таится намного больше барьеров, проблем и напряженностей, чем в экономической и политической сферах. Поэтому культурная сфера становится источником повышенной конфликтности. Об этом весьма аргументированно пишет С. Хантингтон в своей нашумевшей книге «Столкновение цивилизаций».

Глобализация, кроме всего прочего, американоцентрична. Ее часто отождествляют с вестернизацией или просто с американизацией. Глобализация и сохранение (либо восстановление) культурной, национальной идентичности – это два одновременных процесса, когда действие равно противодействию. Проф. Д. Деопик (ИСАА при МГУ) полагает, что всю вторую половину XX в. шел и продолжает идти непрерывный процесс девестернизации в Азии. «Это основной и главный процесс. Происходящий здесь, и именно он определяет все остальные», – считает он¹. Этот процесс идет по всей Азии, с разной интенсивностью, но идет везде. Суть девестернизации состоит в восстановлении культурной идентичности, т.е. в восстановлении коллективистских ценностей, определяющих поведение человека во всех сферах жизни, в восстановлении активного интереса к традиционным верованиям.

Этот же процесс С. Хантингтон называет индигенизацией (от слова *indigenous* – туземный, местный, врожденный). Он пишет о «глобальном процессе индигенизации», который сводится, по его мнению, к глобальному возрождению религии, к процессу десекуляризации мира в целом.

Процессу девестернизации в Китае способствует целый ряд факторов. Прежде всего, его можно объяснить историческим прошлым. Китай в XIX в. утратил положение ведущей державы в Восточной Азии, став

полуколонией восьми держав, потерпев поражения в двух «опиумных» войнах с Англией, в войне с Японией. Китайцы испытывали длительное по времени национальное унижение, живя в стране, поделенной на сферы влияния, потерявшей фактически свою независимость. Анализируя современную политику КНР, историки считают, что она подчиняется концепции нового самоутверждения Китая на международной арене.

Решающее значение в настоящее время приобретает фактор экономического успеха Китая. Динамичный экономический рост порождает большую уверенность в себе, чувство возможного в недалеком будущем могущества страны. За материальным успехом, по мнению китайцев, последует политическое и культурное самоутверждение – сначала в АТР, в контексте азиатизации Азии, а затем, по мысли наиболее националистически настроенных китайцев, и в мире (они считают, что азиатские ценности универсальны, а европейские хороши только для Запада).

Следующим очень важным фактором можно назвать живучесть конфуцианства – автохтонного китайского учения – не только в самом Китае, но и в ареале, в котором до сер. XIX в. Китай занимал ведущие позиции, был стержневым конфуцианским цивилизационным центром притяжения для соседних государств. Сейчас Китай поставил перед собой задачу снова стать центром конфуцианской культуры в регионе, восстановить значение ведущей державы в Восточной Азии. Китаецентризм оживает на новом витке истории. «Движение к основам» проявляется в активном восстановлении Великой китайской стены, воссоздании культа Конфуция, написании новых патриотичных учебников.

Важно и то, что конфуцианская традиция рассматривает личность, ее «самость» (т.е. ее идентичность) как «абсолютно социальную»². Личность и общество во всех культурах имеют общий генезис. Материальное и духовное бытие личности определяется социальными условиями. Китайские философы, – считает американский исследователь Э. Дойч, – полагают, что мы не можем даже представить себе индивида или личность в отрыве от других, поскольку вся гамма взаимоотношений индивида и его мира социально опосредована³. У китайцев ключевым словом в понимании ими своей идентичности является «отношение», т.е. идентичность формируется отношениями с другими, через отношения с другими. Собственно, таким же образом формирование идентичности происходит во всех культурах, но в основополагающей конфуцианской формуле, в которой выражен главный стержень учения: «человек-человек; человек-общество; человек-государство» социальный аспект особо акцентируется. Зависимость от мнения группы, подавление своего «я» в реальных социальных отношениях вполне компенсировались духовной свободой конфуцианца, которая заключена в сентенции Кон-

фуция, гласящей: «Человек, ищущий свой Путь, одинок и в опасности». Это означает, что человек в китайской традиции должен сам, без какой бы то ни было помощи других, отыскать свой Путь, встать на него и состояться как личность.

Отношение самих китайцев к конфуцианству поменялось. В начале модернизации интеллектуальная элита объявила конфуцианство источником отсталости, ибо после «опиумных» войн конфуцианство оказалось неспособным дать ответ – как жить дальше, как сохранить самостоятельность государства в условиях военного превосходства западных держав и превращения страны в полуколонию, т.е. в середине XIX в. происходил кризис идентичности. В 90-е гг. XX в. конфуцианство было объявлено источником прогресса Китая, а Коммунистическая партия Китая объявила его «основой» китайской культуры. Конфуцианские ценности: авторитет власти, вера в иерархию, приоритет государства и общества над личностью, стремление решать все проблемы, достигая консенсуса, забота о спасении лица – все они продолжают действовать в современном китайском обществе.

Обнаруживается тенденция формирования «Большого Китая», т.е. возрождения былой значимости Китая как центра региона. 25-миллионная диаспора китайцев-хуацяо, разбросанная по всей Юго-Восточной Азии, как известно, контролирует экономику стран этого региона. Так, 1% населения Филиппин (этнических китайцев) контролирует 50 – 60% экономики страны; 4% в Индонезии – 73%; 15% в Таиланде – 81%; 32% в Малайзии – 70%. В Сингапуре 75% китайского населения держат под контролем 100% экономики страны. Территории Гонконга и Макао с 1997 г. – внутренние территории Китая. Эксперты высказывают предположение, что если в этих странах к власти придут прокитайские правительства, международный вес Китая станет выше.

Наблюдается и такое явление. Еще совсем недавно жители Сингапура и Тайваня предпочитали называть себя именно сингапурцами и тайваньцами, а не китайцами – дистанцируясь таким образом от материкового Китая. Но в последнее время, по мере возрастания экономических успехов Китая, они уже не так откровенно отмежевываются от своей китайской идентичности и уже не настаивают на том, чтобы разговаривать с континентальными китайцами на английском языке, «вспоминают» свои этнические корни. Это связано во многом с тем, что они все больше вовлекаются в тесное экономическое взаимодействие с материковым Китаем. Разделенные политически и идеологически, хуацяо и континентальные китайцы являются наследниками одной из старейших и величайших цивилизаций мира. Появился даже новый термин, объединяющий всех китайцев, живущих в разных странах, – «китайство»

(chineseness). Он трактуется как антизападная и антиамериканская сила. Пекин начинает восприниматься как естественный центр. Китайцы переопределяются в своей идентичности. Конфуцианские ценности становятся преобладающими. Во внешнеполитическом плане Китай осознанно не стремится связывать себя вступлением в какие бы то ни было блоки, стараясь сохранить свободу маневра, политическую и идеологическую независимость.

Япония считается самым вестернизированным государством в Азии. Может быть, на этом основании С. Хантингтон заявляет, что «Япония – одинокая в культурном отношении страна», что, «утверждая свою культурную идентичность, Япония делает акцент на свою уникальность и свои отличия как от западной, так и от азиатских культур»⁴. Он разделяет точку зрения тех исследователей, которые предпочитают говорить об исключительной уникальности японской культуры и выделяют ее в отдельную цивилизацию, называя ее государством-цивилизацией. Есть другая точка зрения, которой придерживается и автор данного текста. Японцы более полутора тысяч лет заимствовали китайскую культуру и в некоторых отношениях сохранили ее первозданность лучше, чем сами китайцы. Тогда действовала формула «японский дух – китайская наука» (вакон-кансай). У китайской и японской культуры один источник, один корень – конфуцианство. Другое дело, что с течением времени, примерно к середине XVIII в., японцы стали писать на японском языке, создали уникальные виды искусства, к середине XIX в. сделали синто – автохтонную японскую языческую религию – государственной и т.д. С началом модернизации, т.е. с кон. 60-х гг. XIX в. Япония начинает заимствовать западную технологию под лозунгом «японский дух – западная наука» (вакон-есай). Духовная сторона культуры была в Японии константой, а материальная – переменной. Отделение (и сохранение) духовного начала от материального в японской культуре было единственным возможным ответом традиционного общества на вызов извне.

Япония пережила два кризиса идентичности, совпадающие с двумя «открытиями» Японии – в 1854 и в 1945 гг. Оба раза Японию «открывали» американцы. В 1854 г. Японии угрожала судьба превращения в колонию или полуколонию западных держав, в 1945 г. – судьба третьей-степенной страны, потерпевшей сокрушительное поражение от западных держав. Оба раза Япония не только выживала, но и превращалась в экономически мощное государство с живой, полнокровной, самобытной культурой. На рубеже XX–XXI вв. заговорили о «третьем открытии» Японии и новом кризисе идентичности, на сей раз связанном с вызовами глобализации.

Отечественные исследователи отмечают, что с середины 70-х гг. XX в. в общественном сознании японцев явно обозначилась тенденция «возвращения к традиции», она утверждалась на фоне укрепляющегося чувства национальной самоуверенности, вызванной впечатляющими экономическими достижениями страны, ростом материального и качественного уровня жизни. Новое поколение японцев не отождествляло традиционное, японское, с отсталостью и консерватизмом, что имело место в период реформ Мэйдзи в конце 60-х – 70-е гг. XIX в. На данном этапе развития японское общество достигло достаточно высокого уровня универсализации. «Воплощенные в различных формах ценности японской культуры в динамике их развития зафиксировали то главное, что определяет успех в современном мире, – установку на человека и на межличностные отношения, на субъекта, мыслящего и действующего в неустойчивом мире»⁵. Таким образом, японская традиция «работает» в постиндустриальном обществе как нельзя лучше.

В конце XX в. некоторые исследователи усматривают начавшееся дистанцирование Японии от США и укрепление тенденции к единению Азии в контексте «азиатизации Азии». В самой Японии по-разному оцениваются глобализационные явления: и как позитивные как неизбежный и необратимый процесс, с одной стороны, и как деструктивный, нивелирующий все экономические, политические и культурные различия – с другой. Признавая важность экономической составляющей глобализации, японский аналитик Тэрумаса параллельно ставит вопрос об отказе Японии от стратегии слепого подражания чужим стандартам в области культуры⁶. Другой автор, Иноуз, обращает внимание на потенциальную возможность расшатывания таких институтов, как религия, семья и язык. Вызов глобализации, по мнению некоторых японских исследователей, может оказаться даже полезным для японской нации в том плане, что она может стать для нее чем-то вроде шоковой терапии, которая мобилизует моральный дух японцев, и они сумеют сохранить свою самобытную традиционную культуру, развив еще больше свою техногенную культуру. «Отсутствие национальной идентичности – это для индивида все равно, что отсутствие корня; непонятно место подобной страны в международном сообществе», – отмечает японский автор Мацумото⁷.

Культура с течением времени не только не становится гомогенной, она восстанавливается и самоутверждается, обновляется и остается той же. Происходит не уход в прошлое, не отторжение современности, а отторжение Запада, утверждение культурной независимости от Запада. Китайцы и японцы хотят быть современными, но не хотят быть такими, как люди Запада.

---

¹ Восточная коллекция 2001. № 2. С. 5.

² Дойч Э. По поводу сравнительного анализа «самости» // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. М., 1993. С. 22.

³ Там же. С. 28.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 158.

⁵ Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 112.

⁶ Япония и современный мировой порядок. М., 2002. С. 165.

⁷ Там же. С. 31.

THE NATIONAL IDENTITY OF THE CHINESE AND JAPANESE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

T.A. Bichkova
Tomsk State University

This text is devoted to the national identity of the Chinese in the context of globalization. The national identity of the Chinese is absolutely social and chief word here is 'attitude'. The Chinese history was complex and the nation had been reviving in different situations through crises of identity. Contemporary China strives not only to revive but to modernize itself and transform into leading state in Asia. The conception of chinacentrism finds itself again in new conditions of globalization. There appeared a term 'chineseness' – that is all the Chinese are to unite around 'Big China' which will be again the center of the Far Eastern region. The problems of Japanese identity is researched in the article also.

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ: ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ (1940 – 1950 гг.)

А.А. Шадт

Институт археологии и этнографии СО РАН

Проблема тоталитарного менталитета неразрывно связана с проблемой этнического самосознания¹. Тоталитарная идеология, накладываясь на этническое сознание народа, неминуемо трансформирует его, изменяясь при этом и сама, что порождает многообразие форм национализма. В свою очередь, этническое самосознание является глубинным природным свойством как отдельного человека, так и социальной общности (семья, народ, государство), которое определяет рамки той или иной формы ментальности, а следовательно, и предрасположенность к одним и неприятие других форм и методов социальной организации. Последние через пропаганду, идеологию, средства массовой информации, религиозные и прочие социальные, политические и экономические институты, в свою очередь, также влияют на формирование индивидуального и коллективного сознания, в том числе и этнического самосознания. Это предполагает наличие возможности и способности к трансформирующему воздействию на ментальность, корректировку ее параметров: от тоталитарного до демократического. Одним из механизмов, напрямую и опосредованно повлиявшим на ментальность и этническое самосознание депортированных народов СССР, оказалась этническая ссылка, сформировавшаяся в рамках советской системы спецпоселений.

В 1930–1950-е гг. в СССР сложилась особая система административной ссылки, получившей название «спецпоселение». Под «спецпоселением» мы понимаем «систему расселения депортированных лиц, с последующим установлением административного надзора за ними со стороны специально уполномоченных органов». Спецпоселение призвано было выполнять ту же функцию, что и «комплекс мер административно-принудительного характера, направленный на размещение и установление контроля за депортированными и эффективное экономическое использование их рабочей силы»². В силу системных требований спецпоселение попутно или под действием объективных и субъектив-

ных факторов оказывало определяющее воздействие на лиц, принудительно помещенных в эту систему, и соответственно на их этническое самосознание.

Первоначально на спецпоселении находились так называемые кулаки и подкулачники, которые в качестве политических и социальных противников были отправлены на спецпоселение (трудпоселение) в северные и восточные регионы СССР³. «Кулаков» расселяли компактно, изолированными группами, как правило, в малонаселенных необжитых местах, что в полной мере отвечало необходимости ликвидации или изоляции возможных классовых противников исходя из сталинского тезиса «усиления классовой борьбы». В дальнейшем место политических и социальных противников заняли этнические.

В свою очередь, существующая до 1939 г. система «трудссылки», имеющая социально-политическую направленность, в связи с этническими депортациями 1940-х гг. была трансформирована в систему спецпоселений территориально-этнического характера⁴, к которой, по нашему мнению, применимо понятие «этническая ссылка». Этнические спецпереселенцы (депортанты) в отличие от «кулаков» расселялись дисперсно среди местного населения. Возникновение нового подхода к принципу расселения, на наш взгляд, связано с изменением приоритетов: этнические депортации не ставили задачу изоляции существующих или возможных коллаборационистов. Как известно, в условиях этнической изоляции более вероятен рост этнического самосознания, чем его спад. Совместное изолированное проживание делало возможным в дальнейшем обострение национальных конфликтов, рост этнического самосознания депортированных народов. Скорее всего, дисперсное расселение этнических депортантов среди инокультурного окружения должно было, по мнению организаторов данной акции, привести к постепенной ликвидации этнического самосознания переселенных народов, оказавшихся на положении этнического меньшинства в окружении национального большинства. Именно дисперсное расселение сыграло основную и определяющую роль в трансформации этнического самосознания российских немцев в Сибири, спровоцировав их ассимиляцию.

Спецификой нашего исследования является тот факт, что в 1940–1950-е гг. на спецпоселение были помещены разностатусные этнические группы, как имеющие свою государственность, так и никогда прежде в рамках СССР ею не обладавшие. Среди них как пособники фашизма были репрессированы крымские татары и чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы. Как представители государств, воевавших или воюющих против СССР, были депортированы на спецпоселение этнические бол-

гары, венгры, румыны, финны, а также другие нации и народности, в силу разнообразных причин, в том числе этнического характера, получившие особое место и внимание со стороны карательных органов. Это более 3,5 млн человек, представителей 12 этносов⁵. К числу народов, помещенных на спецпоселение, относились и российские немцы – самый многочисленный этнос из утративших в результате репрессивной национальной политики советского государства свою государственность. Российские немцы оказались и самым большим контингентом в системе спецпоселений, составляя более половины от всей численности спецпоселенцев.

Тема нашего исследования предполагает анализ этнического самосознания депортированных народов, в первую очередь российских немцев, его трансформацию в условиях тоталитаризма и тоталитарного массового сознания. Тоталитарные политические режимы – явление, широко известное исторической и политической науке. Они существовали в течение XX в. и продолжают существовать поныне. Причины их «живучести» напрямую связаны с формированием особого типа личности, для которой нет иного, кроме существующего, типа общественного устройства и способа государственного управления. Подобная личность непрерывно воспроизводит тоталитарное сознание (национальное, интернациональное, классовое, советское) даже в экстремальных условиях спецпоселения.

Исследователи тоталитаризма наделяют данную личность чертами абсолютизма, дихотомизма мышления, категоричностью формулировок «свой – чужой», «друг – враг». Для нее (тоталитарной личности) характерны вера в непогрешимость своих вождей, самолюбование («лучшая нация», «лучшая страна»), односторонность, одномерность сознания («одна идея», «одна партия», «один вождь»), некритическое отношение к существующим порядкам и шаблонам, стереотипность мышления. Личность с тоталитарным сознанием ориентируется на власть и силу, жаждет этой власти, проявляет, с одной стороны, авторитарную агрессию, а с другой – постоянную готовность к подчинению. Подобные личности склонны к упрощению, сведению сложного к более простому, схематизму, однолинейности мышления⁶.

Тоталитарный политический режим просуществовал в СССР не одно десятилетие. Под его влиянием сформировался особый тип тоталитарного сознания, которым в значительной степени обладали как этнические депортанты, так и местное население, среди которого они оказались. Депортированные этносы, существуя в условиях давления массового тоталитарного сознания и будучи его носителями, оказались в состоянии конфликта сознаний – тоталитарного, советского и этническо-

го. Раскол по линии сознания привел к возникновению ситуации выбора у депортированных – между массовым и этническим сознанием. Каждый индивид, существуя в условиях дисперсного проживания (спецпоселения) в течение 10–15 лет, был вынужден в зависимости от сложившихся условий самостоятельно определять базисные этнические установки. И только определенные культурные различия, в первую очередь этнические, оказались способны в какой-то мере нивелировать деструктивное влияние массового тоталитарного сознания на этническое самосознание. Именно этнические различия позволили депортированным народам, при условии сохранения языка, элементов национальной культуры, сберечь в том или ином виде свою самобытность.

В структуре этнического самосознания мы выделяем два аспекта. Первый относится к личному, индивидуальному, субъективному самосознанию. Второй – к групповому, коллективному, массовому сознанию.

В качестве рабочей дефиниции «этнического самосознания», отвечающей потребностям данной работы, мы предлагаем следующее: с одной стороны, под этническим самосознанием нами понимается субъективное отражение объективно функционирующей реальности через призму этнических установок и ценностей. В данном случае вектор этнического самосознания направлен изнутри – от личности к государству, что в силу специфики личностного восприятия носит субъективный характер.

С другой стороны, этническое самосознание – это «конструкт», создаваемый этнической элитой, средствами массовой информации, системой образования, государством. В этом случае вектор этнического сознания имеет противоположную направленность – от государства, общества к личности, к ее индивидуальному этническому самосознанию, что придает ему, с точки зрения личности, объективный характер. Таким образом, этническое самосознание личности, группы в ряде случаев может совпадать с массовым, государственным, а может ему противостоять, противоречить. Перед нами два аспекта одного явления, два взгляда на один процесс, но с противоположных позиций, что позволяет провести достаточно репрезентативный анализ рассматриваемого явления.

Отражение реальности – первый аспект этнического самосознания. Депортированные народы, в большинстве своем существующие в рамках национально-территориальных образований, в местах компактного проживания, в результате депортации и спецпоселения оказались в совершенно новых условиях. Новая реальность, искусственно созданная государством, практически не имела аналогов для депортированных

этносов. Если советское мировоззрение в определенной степени уже было воспринято этносами, живущими в СССР, в немалой степени потому, что не затрагивало основ этнического самосознания и базировалось на ценностях добровольного содружества наций, то в процессе принудительных переселений этническому сознанию пришлось создавать новую картину мироощущения, основываясь на предложенных государством правилах. Старый, традиционный опыт вряд ли был приспособлен для выживания в чуждых условиях и нуждался в модернизации, если не в полной трансформации. С другой стороны, имелась определенная база, способная сыграть роль буфера и сгладить остроту ассимиляционных процессов. Это уже упомянутое нами тоталитарное (советское) сознание. В условиях тоталитарного государства "привычка" ставить на первое место общественные интересы, интересы страны, оказалась одним из способов действия механизма подмены этнического сознания национальным или интернациональным.

Для иллюстрации рассмотрим круг этнического подобия репрессированных народов, взяв за основу этнические установки советских (российских) немцев. Круг подобия представляет собой совокупность определенных этнических установок, вложенных одна в другую⁷:

1) уровень субъективной этнической самоидентификации – Я – НЕМЕЦ;

2) уровень субъективной этнической идентификации (этногрупповой принадлежности) – я – мы – немцы (родственники, друзья, соседи);

3) уровень объективной этнотерриториальной идентификации (этнотерриториальной принадлежности) – мы – немцы – граждане республики немцев Поволжья;

4) уровень национально-государственной идентификации (государственной принадлежности) – мы – немцы – граждане СССР – советский народ)⁸.

Каждый из этих конструктов, и особенно первые три, жизненно важны для определения этнической идентичности, что в нашем случае тождественно этническому самосознанию.

В результате депортации и спецпоселения картина реальности, достаточно привычная и стройная для усвоения этносом, оказалась разрушена. Из традиционной системы этнического самосознания практически сразу же выпали два средних звена: этногрупповая принадлежность и этнотерриториальная.

Депортированные национальности, проживающие до выселения большей частью в компактных поселениях, были рассеяны по обширным просторам Сибири, Казахстана и Средней Азии. Дисперсное про-

живание в условиях спецпоселения и довлеющего воздействия других этногрупп негативно повлияло на численность, этническое самосознание, лингвистический и культурно-бытовой комплексы переселенных народов.

Так, определяющий удар по осознанию этногрупповой принадлежности российских немцев был нанесен депортацией, вернее ее обоснованием. По Указу от 28 августа 1941 г. немцы республики обвинялись в подготовке диверсий и шпионаже, а также в укрывательстве «в своей среде врагов советского народа и Советской власти». При этом обвинение распространялось практически на все население республики: «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов»⁹. Ощущение этногрупповой принадлежности, как известно, является определяющей категорией для этнического самосознания. Абстрактное знание о наличии немцев «вообще» не дает возможностей для культурного воспроизводства, сохранения традиций, обычаев и норм этнического поведения. Российские немцы как этногрупповая общность в силу примата тоталитарного сознания добровольно приняли на себя вину, вмененную им советской государственной пропагандистской машиной, и без сопротивления поехали в изгнание. Все это – «вина», «историческая несправедливость» или «божье наказание» – вне зависимости от того, что выбирали в качестве мотивации сами переселенцы, очень быстро разрушило механизмы, сдерживающие центробежные процессы в этносе, а раздельное проживание на спецпоселении только усугубило утрату чувства этногрупповой принадлежности. Уровень субъективной этнической идентификации, второй круг этнического подобия – я – мы – немцы, включающий в себя семью, родственников, друзей, соседей, в результате дисперсного расселения, ограничения передвижения и мобилизации трудоспособных немцев и немок в "трудармию" оказался бесповоротно разрушенным. Кроме того, социально-психологический конфликт между этническим и тоталитарным сознанием, ранее сглаживаемый советской национальной политикой и пропагандой, резко обострился в условиях войны и полной лишений жизни. Выделение «комплекса вины» в результате депортации, последующее оформление «комплекса изгоев» среди остальных этнических групп в условиях спецпоселения, запрет на возврат в родные места после снятия правовых ограничений вырвали российских немцев из общего советского «мы», выкорчевали этнокультурные корни, привели к утрате равностатусного положения в «единой братской семье народов». Лакуны, образовавшиеся на месте традиционных установок, неминуемо должны были заполниться в силу самой природы человеческого сознания.

Существуют по меньшей мере две возможности по формированию этнических установок. Одна предполагает восстановление традиционных, но адаптированных к новым условиям проживания уровней этнической самоидентификации. Однако, во-первых, в условиях дисперсного расселения говорить о консолидации этноса вокруг этнической элиты не представляется возможным из-за ее изоляции и самих условий проживания на спецпоселении. Во-вторых, в течение войны и периода нахождения на спецпоселении само название «немцы», пускай даже с прилагательным «советские», вызывало негативную реакцию у части местного населения и практически у всего руководящего состава советских учреждений и организаций, поскольку срабатывал стереотип военного времени. Он мог носить бессознательный характер, но не становился от этого менее действенным. И, в-третьих, сами немцы прекрасно понимали, что в данных условиях быть или считаться немцем «небезопасно».

Существовала и другая возможность, оказавшаяся в большинстве своем единственным выходом, позволяющим избавиться от чувства чуждости и инородности, социальной апатии и политического равнодушия. Таким выходом стала ассимиляция советских немцев в «советский народ», что позволило в определенной мере снять психологический груз вины, стать «своими», раствориться в рамках безразмерного социального образования – СССР. Однако стать «советскими» можно было только в процессе аккультурации, принципиальным отличием которой является добровольность принятия установок другой культуры. Теоретически у советских немцев имелась и третья возможность сохранения этнической самоидентификации. Это эмиграция в Германию, где процесс восстановления этнического самосознания протекал бы менее болезненно. Однако указанный вариант, как маловероятный в советское время, отложился до посттоталитарных времен.

Утрата этнотерриториальной принадлежности, которая вылилась в ликвидацию Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (АССР НП) с последующим разделом территории республики между соседними областями, оказалась фатальной для российских немцев. Исчисл еще один (третий) круг этнического подобия – мы – немцы – граждане республики немцев Поволжья – уровень объективной этнотерриториальной идентификации (этнотерриториальной принадлежности). С позиций этнического самосознания для каждого этноса наличие Родины (территории), независимо «большой» или «малой», но законодательно закрепленной именно за этим этносом, дает ему право на признание его «полноценным» народом. Для российских немцев этот вопрос был чрезвычайно важен. Не имея давней истории в

России, оказавшись первоначально на правах гостей, приглашенных колонистов, они не имели возможности претендовать на предоставление территориальности в рамках восстановления исторической справедливости. С другой стороны, крымские татары или чеченцы, сформировавшиеся на определенных территориях как этносы, и затем принудительно включенные в состав Российской империи, а впоследствии и СССР, такое право, с позиций этнического самосознания, имели. Таким образом, утрата автономии поставила под сомнения сам факт существования немецкого этноса в России и правомерность присутствия российских немцев в государстве.

В результате жизни на спецпоселении стала разрушаться и базисная этническая установка (я – немец) – уровень субъективной этнической самоидентификации. Утрата языка, принятие культурных ценностей и установок новых мест проживания, негативное отношение к этническим депортантам в период войны, особенно со стороны местных властей, условия спецпоселения привели к дальнейшему размыванию этнических установок у российских немцев¹⁰.

Существует несколько особенностей этнического самосознания депортированных народов в условиях спецпоселения. Во-первых, инославянское этническое окружение в условиях спецпоселения Казахстана и Средней Азии привело к определенной этнической консолидации, к росту стремления сохранить свою этническую идентичность. Наши исследования подтверждают тот факт, что, например, депортированные «казахстанские» немцы в большей степени, чем «сибирские», сохранили свою этническую идентичность. Данный сюжет, конечно, нуждается в дальнейшем изучении и объяснении¹¹. Однако мы предполагаем, что давление «восточной, азиатской» культуры, значительно отличавшейся от «европейской», не смогло оказать «должного» ассимилирующего эффекта. Дополнительными факторами оказались расовые и конфессиональные различия, различия земледельческой и кочевой культур, значительно затруднившие процессы аккультурации. Все это и вызвало противодействие на уровне первого круга подобия (я – немец), что привело к формированию, но уже на новой основе второго круга (Я – мы – немцы), приведшему к появлению этнических групп, стремящихся в окружении инонациональностей селиться компактно, и, соответственно, сохранять свою этническую идентичность и самосознание¹².

И другая особенность. После отмены режима спецпоселения у части репрессированных народов произошло восстановление национально-территориальных образований по указаниям «сверху». С российскими немцами, как известно, этого не случилось.

И если чеченская этническая элита, сохранившаяся в условиях спецпоселения, смогла восстановить тот самый этнический «конструкт», о котором говорилось выше, то немецкая элита в силу объективных и субъективных факторов оказалась совершенно к этому не готова. Будучи первоначально обескровленная чистками 1930-х гг., практически целиком лояльная к советской власти в силу "естественного" отбора, прожившая годы в изоляции от этноса элита, в силу специфики расселения, оказалась бесповоротно разобщена с этносом как по вертикали, так и по горизонтали. Она так и не смогла восстановить историческую справедливость в виде воссоздания АССРНП. Отчасти это произошло в силу сопротивления государственных структур, убоявшихся волны сепаратизма. В любом случае дальнейшее направление трансформации этнического самосознания российских немцев было предопределено. Этническое самосознание, сохранившееся у части советских немцев, направило их, после короткого периода борьбы за восстановление автономии в 1980-х гг., в эмиграцию на «историческую родину».

Обратимся ко второму аспекту этнического самосознания (сознания), когда оно выступает в роли особого «конструкта», носящего для личности объективно-директивный характер.

Этнические депортанты в результате принудительного выселения и жизни на спецпоселении оказались лишены возможности воспроизведения традиционной конструкции этнического самосознания в силу ряда объективных причин, частью указанных выше. Этническая элита как таковая практически ничем себя не проявляла. Этнические средства массовой информации отсутствовали, а их существование для спецпоселенцев не предполагалось вообще. Система этнического образования также не входила в сферу интересов надзирающих органов, а в плане языка «повезло» только российским немцам. В систему советского образования входило изучение немецкого языка. Однако задачу этнической идентификации, функцию этнического маркера для российских немцев, чей язык значительно отличался от немецкого литературного, он, естественно, выполнять не мог. Получалось, что единственную возможность и право воздействовать на этническое сознание депортированных этносов получило государство, имеющее свое понимание национального сознания и свои планы по процессу его формирования.

Советское государство для спецпоселенцев и всего населения страны строило свой «конструкт», но он имел мало общего с этническим самосознанием народов СССР. Новый конструкт предполагал «создание советского народа» или «конструирование советской националь-

ности (этничности)». Этническое разнообразие самосознаний должно было уступить «советскому» массовому, тоталитарному сознанию. Под «конструированием советской национальности» нами понимается «целенаправленная деятельность советского государства в области национальной политики, основной целью которой являлось формирование из этнически неоднородного по своему составу населения страны единой национальной общности в рамках государства путем ассимиляции, в том числе принудительной, с использованием преимущественно насильственных методов». Среди последних особая роль принадлежала уже упомянутым нами депортациям по этническому признаку (этническим депортациям) и системе спецпоселений (этнической ссылке).

В отношении репрессированных народов советское государство в условиях спецпоселения формировало особое пространство, внутреннее содержание и границы которого жестко контролировались органами НКВД. На органы НКВД ложилась работа по недопущению формирования «неправильных» этнических установок и представлений (т.е. разрушение этнического самосознания), предотвращение националистических проявлений, «уклонов». Все это происходило, помимо всеобщего идеологического воспитания, через систему средств массовой информации.

Вся так называемая воспитательная работа с депортированными этносами велась на четвертом уровне «этнического» подобию (мы – граждане СССР – советский народ). Это уровень гражданственности, политической принадлежности к советскому народу, уровень национально-государственной идентификации, уровень национальной политики государства.

Итак, что же произошло? Почему российские немцы оказались на пороге утраты этнического самосознания? Назовем предполагаемые причины данного явления:

- 1) тоталитарное сознание;
- 2) идеологический примат интернациональных ценностей;
- 3) отсутствие критического мышления и оппозиции;
- 4) ликвидация этнической самоидентификации;
- 5) принятие депортации и спецпоселения как объективно обусловленной данности;
- 6) переход от этнического (немецкого) самосознания к «советскому»;
- 7) разобщенность этноса с национальной элитой, разрушение семьи как главного хранителя и передатчика этнического сознания, ликвидация религиозных институтов;
- 8) ассимиляционная национальная политика советского государства.

В итоге мы можем отметить тот факт, что жизнь в условиях спецпоселения, давление инокультурных ценностей снизу и идеологических установок сверху привели к практической ликвидации этнического самосознания российских немцев. Часть из них «растворилась» в советском народе, часть, сохранившая этническое самосознание на личном уровне, в дальнейшем выехала за пределы страны. В современных условиях мы можем говорить только о присутствии в этническом самосознании российских немцев первого круга подобия (я – немец) в значительно трансформированном, усеченном виде.

Идущие на данный момент процессы создания национально-культурных автономий, национальных районов не способны, по мнению автора, повлиять на дальнейшую дезинтеграцию этнического самосознания российских немцев.

Выскажу сакраментальную мысль, что механизмом, перечеркнувшим возможность нового всплеска этнического самосознания российских немцев и формирование устойчивой этнической группы, оказалась сама возможность массовой эмиграции в Германию, давшая достаточно простой и экономически целесообразный способ сохранения этнической идентичности, но уже совершенно новых условиях и в совершенно новой форме.

Современное состояние этнического самосознания не является темой данного исследования, однако осмысление исторического опыта позволяет сделать ряд на первый взгляд парадоксальных выводов.

Способен ли человек, находящийся в рамках тоталитарной системы, а следовательно, обладающий тождественным сознанием, выйти за его пределы?! Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Как правило, нужен внешний толчок, способный пошатнуть сложившуюся и достаточно устойчивую систему тоталитарного сознания с ее механизмом постоянного воспроизводства и вывести ее из равновесия. Таким толчком может послужить поражение в войне, межнациональные конфликты, экономические потрясения, наглядный и доступный пример со стороны, ослабление государственной власти и другие, объективные и субъективные факторы. С другой стороны, действие указанных факторов может спровоцировать трансформацию этнического самосознания, которое является для этноса и глубинным ценностным методом, и механизмом обновления, и системой самоидентификации. Возникает вопрос: способно ли этническое самосознание самостоятельно инициировать ликвидацию тоталитарного менталитета? Мы оставляем вопрос открытым. В любом случае воздействие на этническое самосознание позволяет ускорить действие механизмов, способных разрушить систему тоталитарной системы.

литарной власти, сыграть значительную роль в процессе разрушения тоталитарного сознания.

Существует, однако, и другая опасность. Этническое самосознание, оказавшись под влиянием определенных социально-культурных и политико-экономических факторов, становится весьма подвержено идеологическому давлению национализма и способно очень быстро трансформироваться в тоталитарное.

---

¹ Обычно категории "сознание" и "самосознание" используются 1) для обозначения массового этнического сознания и 2) для обозначения этнического самосознания личности. С другой стороны, указанные категории носят неразрывный характер и не требуют дополнительных уточнений, что позволяет использовать их как синонимы, как семантически схожие конструкции, исходя из контекста. Тем не менее, исходя из требований удобочитаемости, этническое самосознание мы относим к характеристике депортированных народов (как части целого), в отличие от массового советского сознания 1940 – 1950-х гг. (как целого, включающего в себя всю совокупность общественного сознания, а следовательно, и совокупность этнических самосознаний).

² Определения выработаны автором публикации и носят рабочий характер, что предполагает дальнейшую проработку дефиниций.

³ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования 1990. № 11. С. 3.

⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939 – 1945 гг. / Предисл., ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников; Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1996. С. 3.

⁵ *Смирнов М.Б., Сыгачев С.П., Шкалов Д.В.* Система мест заключения в СССР 1929 – 1960 / Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник. О-во «Мемориал», ГАРФ / Сост. М.Б. Смирнов; Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. М., 1998. С. 29–30.

⁶ См., например *Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов)*, М., 1993. Ч. 1–2

⁷ Или своего рода русскую матрешку, состоящую из вложенных друг в друга стереотипов восприятия, каждый из которых, если идти снаружи внутрь, менее значим для государства, но более значим для индивида, и наоборот.

⁸ «Советские» немцы в большинстве своем не идентифицировали себя с немцами («общие» – германскими, австрийскими и прочими, – что до последнего времени не позволяло выделять следующий уровень этнической идентификации мы – немцы – люди мира (земли) (уровень самоназвания, семантической идентификации и этимологической общности, носители общего языка и культуры).

⁹ *История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) / Вступит статья, сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева.* М.: МГУП, 1993. Т. 1. С. 159–160.

¹⁰ Наиболее ярким доказательством эффективности ассимиляционной политики в отношении российских немцев стал процент межэтнических браков, который для российских немцев начиная с 1940-х гг. был, по сведениям автора, один из самых высоких.

¹¹ В качестве объяснения можно привести также факт невыполнения принципа дисперсного расселения депортированных, которые в силу экономических и социальных причин получили возможность в условиях Казахстана и Средней Азии селиться более компактно, практически целыми поселками. С другой стороны, и пресс государства ока-

заялся слабее, так как немцев, в силу их более высокого уровня образования, квалификациями, приходилось использовать в том числе и на руководящей работе

¹² В качестве доказательства можно привести значительный рост этнического самосознания казахстанских немцев по сравнению с сибирскими после отмены режима спецпоселения. Именно казахстанские немцы оказались инициаторами писем в советское правительство по поводу восстановления республики немцев в 1960–1980-х гг. Именно казахстанские немцы отличались значительной активностью при выезде в Германию и т.д.

DIE KRISE DER SELBSTIDENTIFIZIERUNG: DAS ETHNISCHE BEWUSSTSEIN UND DAS SELBSTBEWUSSTSEIN DER DEPORTIERTEN VÖLKER (1940 – 1950)

A.A. Schadt

Des Institutes der Archäologie und der Ethnografie
der sibirischen Abteilung der russischen Akademie der Wissenschaften

Die Arbeit ist den Problemen der Krise der Selbstidentifizierung, die im ethnischen Bewusstsein und das Selbstbewusstsein der deportierten Völker in UdSSR in 1940 – 1950 geschehen, gewidmet. In dieser Periode in UdSSR hat die ganze Reihe der grossräumigen ethnischen Deportationen geschehen. Es ist mehr (grösser) 3 mit der Hälfte der Millionen der Leute, der Vertreter 12 Völker. Zur Zahl der Völker, die auf Sondersiedlung unterbracht sind, wurden auch die Russlanddeutschen – zahlreichst Volk aus verlierend daraufhin der repressalien nationalen Politik des sowjetischen Staates seine (ihre) Staatlichkeit bezogen. Die russischen Deutschen haben sich auch vom grössten Kontingent im System den Sondersiedlungen, bildend mehr der Hälfte von ganzer Anzahl Sondersiedlern eingefunden.

Die deportierten Völker, in der Mehrheit ihr existierend früh oder im Rahmen der natsional'no-territorialen Bildungen, oder an den Orten des kompakten Aufenthaltes, als Ergebnis der Deportationen haben sich in den vollkommen neuen Bedingungen eingefunden. Sie waren unter der lokalen Bevölkerung Sibiriens, Kasachstans und Mittelasiens angesiedelt. Die neue Realität, die vom Staat praktisch nicht künstlich geschaffen ist hatte der Analoga für den deportierten Völker. Wenn die sowjetische Weltanschauung in einer bestimmten Stufe Völker, wohnend in UdSSR, in der großen Stufe schon wahrgenommen war, weil die Grundlagen des ethnischen Selbstbewusstseins nicht berührte und stützte sich auf den Werten der freiwilligen Gemeinschaft der Nationen, so mußte im Laufe der zwangsweisen Übersiedlungen das ethnische Bewusstsein zeichnen, das neue Bild der Weltanschauung, gegründet worden auf die vom Staat angebotenen Regeln schaffen. Die alte, traditionelle Erfahrung war für die Überlebensfähigkeit in den fremden Bedingungen kaum verwendet und

bedürfte sich der Modernisierung, wenn nicht in der vollen Transformation. Die sich bildend Situation hat die Krise der Selbstidentifizierung bei den Deportierten eben provoziert. Einige von den deportierten Völker haben das Gefühl der ethnischen Zugehörigkeit praktisch verloren, oder es wurde in das Streben umgeformt, "sowjetisch" zu sein. Bei anderen im Gegenteil, hat sich die Empfindung Ethnität verschärft, was zur ethnischen Mobilisierung nach dem Zerfall UdSSR gebracht hat. Die Unterschiede sind mit dem Charakter der Durchführung den Deportierten der Maßnahmen, den Längen des Auffindens unter den Bedingungen des speziellen administrativen Regimes und anderen Faktoren verbunden.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

С. А. Шпагин

Томский госуниверситет

Широкий круг фундаментальных проблем политической трансформации посткоммунистических обществ связан с так называемым кризисом идентичности. В политической науке это понятие, заимствованное в свое время из лексики психоанализа, призвано обозначить нарушение устойчивых культурно обусловленных механизмов политической ориентации. В рамках данной статьи мне хотелось бы остановиться на некоторых аспектах этого явления применительно к постсоветской России.

Многомерный характер человека как социального субъекта, наличие у него множества значимых социальных ролей обуславливают комплексную, многоуровневую идентификационную структуру. Она образуется путем соединения различных форм идентичности – цивилизационной, государственной, этнической, социально-групповой, региональной и т.д. В зависимости от социальной диспозиции индивида и специфики протекания политического процесса те или иные аспекты идентичности могут быть акцентированными, могут комбинироваться между собой или отходить на второй план.

Так, например, на протяжении Средневековья и Нового времени в странах Европы сложилась устойчивая комбинация этнической и государственной форм идентичности, что способствовало процессу образования на континенте национальных государств. В течение длительного времени названный тип идентичности являлся приоритетным по отношению ко всем остальным. Этот приоритет очень ярко проявил себя на начальном этапе Первой мировой войны, когда совпадение цивилизационной, политико-идеологической и, нередко, социально-групповой идентичности не помешало европейским социалистам поддержать свои правительства в вопросе об участии в войне. Однако в дальнейшем

общность исторических судеб европейских народов усилила роль цивилизационной идентичности в общественном сознании, что позволило постепенно преодолеть рамки национальных государств и создать единое европейское политическое пространство.

В настоящее время под воздействием интеграционных процессов разнообразны эффекты кризиса идентичности испытывает на себе значительная часть населения земного шара. В условиях глобализации и становления современного общества в сознании множества людей наблюдается мультипликация и диверсификация традиционной идентификационной матрицы. Отчетливо ощущая изменение мира вокруг себя, человек вновь и вновь оказывается перед необходимостью поиска себя в новых пространственно-временных, природно-экологических, культурно-цивилизационных и социально-политических координатах.

С особенной остротой этот кризис проявил себя в постсоциалистических странах. Здесь обострение противоречий идентичности происходит на фоне переосмысления своего недавнего исторического прошлого. Это положение приводит некоторые страны к переоценке характера своих отношений с Россией/СССР как историческим ядром социалистического эксперимента, к пересмотру этих отношений под влиянием концепций «экспорта русской революции» или «советского империализма». Отсюда – рефлекторная смена геополитической ориентации на противоположную, стремление вписаться не только в европейское сообщество, но и во все доступные структуры Запада как цивилизационной альтернативы своему коммунистическому прошлому. Другое направление подобного рода сдвигов в структуре общественного сознания – «переключение» регистров идентичности с социально-идеологических на национально-идеологические детерминанты. В этом случае волна национализма становится психологической компенсацией тех значительных экономических и социальных издержек, которые вынуждено нести общество в процессе посткоммунистической трансформации. Особенно распространены такого рода попытки в республиках бывшего Советского Союза. В то же время ни один из обозначенных выходов не является одинаково приемлемым для всех граждан этих государств, что создает в постсоветских странах предпосылки для новых политических расколов.

Случай России в данном контексте выглядит еще сложнее. На общемировые тенденции наслаиваются особенности российского исторического процесса – и не самым лучшим для России образом. Цивилизационная идентичность в российском обществе всегда была проблематичной. Хотя в самой России никто не рассматривал ее в качестве исключительно азиатского или «восточного» общества, со времен западников и славянофилов принадлежность страны к европейской цивилизации

неоднократно ставилась под вопрос. Переход на некапиталистический путь развития в начале XX в. окончательно утвердил массовое сознание во мнении, что Россия не принадлежит к числу стран Запада. Эта точка зрения является весьма устойчивой до настоящего времени. Достаточно сказать, что, по данным ВЦИОМ, в начале 2000-х гг. только 13% россиян считают свою страну частью западной цивилизации, причем в течение второй половины 1990-х гг. эта цифра неуклонно сокращалась. 71% российских граждан рассматривают Россию как особую, евроазиатскую или православную цивилизацию, для которой не подходит западный путь развития¹. Можно с полным правом говорить о том, что распространенность такого выбора цивилизационной идентичности в значительной степени обусловлена результатами проведенных в стране рыночных реформ и активизацией экономических и политических контактов со странами Запада.

В отличие от стран Западной Европы в России к концу XX в. не сложилась устойчивая национально-государственная идентичность. Еще в царской России национальное начало всячески подавлялось во имя укрепления государственного, причем эта политика касалась всех этнических общностей, в том числе и русского этноса. В данных условиях внутренняя стратификация этнополитического пространства Российской империи осуществлялась не столько по этническому, сколько по религиозному признаку. Центром этого пространства выступало православное население, а все остальные конфессиональные группы рассматривались в качестве периферийных. Поэтому религиозные движения становились в России заменой механизмов этнической идентификации. Примером может служить мюридизм на Кавказе в XIX в. – религиозно-политическое движение, сложившееся на основе синтеза суфизма и жизненных практик кавказских горцев.

Подобная практика была продолжена и в советский период. Понятие «советских народ», которое активно внедрялось в общественное сознание усилиями идеологического аппарата КПСС, ориентировало людей только на идентификацию с партией-государством как идеократическим институтом. Разрушение этого политического субъекта вновь поставило перед обществом проблему национальной идентичности.

В условиях декларированного государством самоограничения от вмешательства в экономику и в развитие регионов страны эта проблема встала особенно остро. В ряде республик в составе Российской Федерации на почве региональных мифологий пошел процесс сращения национальной, региональной и государственной форм идентичности, что послужило питательной средой для роста сепаратистских настроений. Ответной реакцией этнически русского населения стало постепенное

нарастание у него националистических настроений, усиление популярности державно-патриотических идей и лозунгов, которые стремятся использовать почти все политические силы. Особенно заметный скачок националистических симпатий произошел под влиянием второй чеченской кампании. По данным ВЦИОМ, за период 1998 – 2001 гг. количество сторонников идеи «Россия для русских» выросло с 46 до 58%, причем количество ее принципиальных противников сократилось ровно на ту же цифру². Особую озабоченность вызывают явные признаки того, что державно-патриотическая идеология становится основой для объявленной властью политики консолидации общества и утверждается в качестве господствующей, вытесняя ценности демократии и правового государства. Социальная почва для таких перемен, кажется, уже сложилась.

Весьма показательными в этом отношении представляются результаты социологического опроса, проведенного в 2002 г. среди студентов Санкт-Петербурга. В городе, который традиционно считается опорой либеральных и демократических политических сил, подавляющее большинство будущих дипломированных специалистов (62% гуманитариев и 71% студентов других факультетов) разделяют мнение о неэффективности и «неразумности» демократического способа правления. Позицию же «глас народа – глас Божий» поддержали лишь единицы из числа опрошенных³.

Эти данные позволяют подтвердить мнение о том, что в постсоветской России сложилась «нелиберальная концепция национальной идентичности», основу которой составляет имперский принцип государственного устройства страны. Ее появление было обусловлено несколькими факторами, среди которых выделяются:

- наследование посткоммунистическим правящим классом России политической идентичности имперского типа: такой выбор оказался в большой степени предопределен принятием ею правопреемства с дореволюционной Россией;
- имперские традиции советского федерализма, в том числе смешение советской идентичности с идентичностью преобладающих этнических групп (русских);
- неопределенность социальной концепции националистических сил, которая позволила русскому национализму сомкнуться с коммунистическим движением на почве державных настроений;
- игнорирование национальных проблем российскими либералами⁴.

В нашей стране кризис идентичности осложнен не только важными изменениями в социально-экономическом устройстве и политической

системе общества. Свою роль сыграл и распад – не только Советского Союза, но и прежде всего единого транснационального политического пространства, центром которого выступали правящие круги КПСС, а периферией – «страны победившего социализма» и зарубежные компартии. Несмотря на то, что со времени разрушения этого пространства прошло более десяти лет, значение идентификации граждан СССР со своим бывшим государством все еще сохраняется. Более того, современная общероссийская идентичность оказывается слабее, по сравнению с бывшей общесоюзной⁵. Поэтому и распад Союза до сих пор вызывает политические разногласия и продолжает рассматриваться как современное политическое событие.

Дополнительные сложности создает и переход российского государственного устройства от формального федерализма к реальному. История дореволюционной России не содержит в себе опыта федеративного устройства государства. Редкие опыты децентрализации политического пространства всегда сопровождалась в российской истории настолько глубокими потрясениями, что надолго отбивали охоту их повторять. Советский же этнофедерализм носил ярко выраженный декларативный характер. Неудивительно, что гражданам России достаточно сложно идентифицировать себя с федеративным государством. Поэтому «сложносоставная» идентичность, характерная для гражданина федеративного государства (гражданин страны – житель региона – житель города или села), у нас чаще всего редуцируется. Ее место занимает либо унитаристская идентичность (ориентация на «единую и неделимую Россию»), либо разнообразные формы региональной идентичности.

Процесс формирования и структурирования региональной идентичности у населения значительных по своим масштабам стран представляет собой закономерное явление в эволюции общественного сознания. Однако распространение и укоренение данной разновидности идентификации в условиях слабости общегражданской идентичности способствуют нарастанию сепаратистских тенденций и ослаблению эффективности государственного управления.

Именно недостаточная эффективность других видов идентичности придает дополнительный импульс проявлению ее региональной формы. Степень выраженности региональной идентичности существенным образом зависит от поселенческой дифференциации граждан. Если в столицах и крупных городах большинство людей ощущают себя гражданами России, то на селе гораздо сильнее региональный патриотизм⁶. Вместе с тем своеобразие российского федерализма и многообразие территориально-географических форм политического устройства российского общества накладывают свой отпечаток на структуру региональной

идентичности. Как полагает Р.Ф. Туровский, в ее составе можно выделить две разновидности республиканской идентичности (в зависимости от принадлежности к «титульному» этносу), три разновидности русской региональной идентичности («привязанные» соответственно к административно-территориальному делению, субэтническим общностям и крупным географическим объектам) и регионально-идеологическую идентичность⁷. С отдельными аспектами этой схемы можно поспорить (например, достаточно сложно вписать в нее противоречивые тенденции региональной идентификации многочисленных переселенцев, весьма специфична структура идентичности у москвичей), но сам факт подобного влияния трудно поставить под сомнение.

В связи с несформированностью, подвижностью социальной структуры общества не устоялась в России и социально-групповая идентичность. В этой связи важнейшим параметром социальной и политической идентификации выступает не место индивида в сложившейся социальной структуре, а степень адаптации к изменениям, протекающим в жизни общества⁸. Слабость и пассивность институтов гражданского общества в России препятствуют выработке эффективных механизмов защиты социальных интересов. Это обстоятельство существенным образом затрудняет процесс формирования социальной базы подавляющего большинства политических партий.

Достаточно важной является проблема идентификации граждан с определенными идейно-политическими направлениями, представителями конкретных идеологических течений. Наиболее часто для характеристики такой идентификации используется шкала «левые – правые». Однако в России возможности применения данного методологического инструмента существенным образом ограничены. Многие россияне отказываются идентифицировать себя по этой шкале, что вполне закономерно, если исходить из специфики российского исторического опыта. Во-первых, в России отсутствуют сколько-нибудь длительные традиции политической и идеологической соревновательности, что исключает обращение к опыту старшего поколения. Во-вторых, дезориентирующую роль сыграли особенности политической языка времен перестройки, когда «левыми» называли реформаторов-демократов, а «правыми» – консерваторов из партийного руководства. Наконец, в-третьих, наличие в обществе множества социальных, экономических, культурных и политических расколов затрудняет реальный выбор, так как позиция конкретного гражданина по всей совокупности проблем может не совпадать с позицией определенной идеологии или политической организации⁹.

Наконец, максимальная длительность разрыва нашего общества с исторической традицией тоже воздействует на характер идентичности. Как уже было замечено, само понятие традиции для посткоммунистической России приобретает весьма неоднозначный характер¹⁰. Так, например, наряду с многовековой традицией монархического правления в России в советский период сложилась традиция «коллективного руководства». Эта амбивалентность традиции сказывается на структурировании политического спектра в нашей стране. Поскольку российские консерваторы имеют возможность апеллировать как к дореволюционному, так и к советскому опыту, в их составе закономерно произошло выделение двух соответствующих фракций. Первая представлена в восстановке политических сил небольшими партиями державно-монархической ориентации, вторая – КПРФ и ее союзниками.

Таким образом, для современной России в силу ее переходного состояния, как считают исследователи, характерны нарушения единой идентичности по следующим основаниям:

- идейно-политическое расслоение общества, за которым стоят не только рациональные интересы и политические симпатии, но и цивилизационные противоречия;
- социальное расслоение, особенно обострившееся в последние годы;
- «поколенческие» различия, отражающиеся внешне и в идейно-политических и ценностных различиях;
- региональные различия, усиливающиеся в силу рыхлости нынешнего государственно-территориального устройства, разрыва экономических и культурных связей между регионами, роста влияния в ряде регионов иных национально-культурных ценностей, нетрадиционных для российской этничности¹¹.

Сложившаяся на символическом пространстве пестрота и неразбериха отражают всю противоречивость восприятия гражданами протекающих в стране политических процессов. Ситуация неопределенности общественно признанных ценностей и символов, антагонизм политических ценностей элиты и широких масс населения, расколота общества на субкультуры блокируют культурные механизмы социального действия. Не преодоленные в полной мере до сих пор разрывы между потоками политического времени мешают полноценной идентификации не только с конкретными политическими силами, но и со страной в целом. В результате – отсутствие общенациональных целей, глубокое отчуждение общества от власти, ощущение распада социального пространства

– ощущение, от преодоления которого в значительной степени зависит исход процессов демократизации и экономических преобразований.

В этих условиях в современном российском обществе активизируется поиск разного рода идеологических конструкций и политико-культурных символов, способных послужить государству в качестве инструмента социальной интеграции и политической мобилизации общественных сил. К сожалению, приходится констатировать, что первые усилия властей, направленные на формирование в обществе новой российской идентичности, дали весьма скромные результаты. Если верить социологическим опросам, общегражданская идентичность у жителей России вызывает больше негативных эмоций, чем принадлежность к этнической группе¹².

Особенно заметно ослабление гражданского самосознания у российской молодежи. По данным уже названного выше опроса студентов Санкт-Петербурга, лишь относительное их большинство (45%) осознают себя гражданами РФ, знают свои конституционные права и обязанности, и всерьез интересуются будущим своей страны. Однако более четверти студентов (28% гуманитариев и 24% других специальностей) выразили готовность сменить гражданство в том случае, если это окажется для них выгодным¹³.

Отчасти такое соотношение объясняется тем, что политика современного Российского государства в сфере идентичности в 1990-е гг. свелась, главным образом, к идеализации дореволюционной эпохи, вытеснению из практики символических структур, характерных для советского периода отечественной истории, и замене их элементами досоветской символики. Как справедливо отмечает М. Ферретти, «идеализация дореволюционной России позволяла, таким образом, добиться двух целей разом: наделить страну утешительной идентичностью и предложить ей успокоительную перспективу на будущее»¹⁴. Свержению памятников деятелям советской эпохи сопутствует возрождение культа Петра I и других русских царей, а переименование улиц, проспектов и площадей происходит под девизом «возвращения исторических названий».

Естественно, что подобные решения вызывают недовольство у части россиян. Социологические данные свидетельствуют, что при нейтральном отношении к дореволюционной России наши сограждане высоко оценивают достижения советского периода ее истории и высказывают устойчиво негативные оценки современного положения страны¹⁵. Это означает, что государственная политика идентичности, основанная на вычеркивании советского опыта, не оправдала себя. Единственным ее результатом можно считать дезориентацию исторического сознания российской молодежи, не обладающей достаточным опытом и иммуни-

тетом против идеологических манипуляций. Например, только 41% студентов вузов северной столицы с гордостью относятся ко всей истории России. 55% гордятся отечественной историей, но испытывают чувство стыда в отношении СССР, а остальные стыдятся всего исторического прошлого своей страны¹⁶.

Современные исследователи не без оснований говорят о том, что новая государственная символика еще окончательно не устоялась, а старая – еще не ушла. «На Красной площади отменены демонстрации, но на башнях вокруг мирно соседствуют красные звезды и золотые двуглавые орлы; караул от Мавзолея Ленина перенесен к Могиле Неизвестного солдата, но мумия вождя осталась в мемориале... Некий переходный, компромиссный вариант представляет собой и наградная система, в которой возрожденный орден Андрея Первозванного соседствует со званием Героя России (аналог Героя Советского Союза)»¹⁷.

Эти и другие противоречия постепенно приводят к превращению отечественного символического пространства в пространство политического компромисса. Государственные символы Российской Федерации уже представляют собой своеобразный компромисс советского и досоветского времен. Если военно-морской флот России вернулся к андреевскому флагу, то российская армия пытается сохранить красное знамя советского периода. В качестве государственного гимна Дума утвердила мелодию гимна СССР, новые слова которого, написанные автором прежних, не известны большинству взрослых граждан страны. В результате школьники исполняют государственный гимн на новые слова, ветераны – на старые, а остальные чаще всего просто молчат, солидно ссылаясь при этом либо на политические мотивы, либо на привычку, которая якобы выработалась у них за десятилетие «бессловесного» гимна.

Более удачный компромисс достигнут в официальной структуре политического времени. В число государственных праздников попали как новые (День России¹⁸ и День Конституции), так и советские (например, День Победы), и православные (Рождество и Пасха). Часть советских праздников сохранилась под новыми нейтральными именами: День весны и труда (1 мая), День согласия и примирения (7 ноября). Заметим, что ни один неправославный религиозный праздник в круг официальных не попал, хотя ислам и иудаизм официально признаны в России «традиционными конфессиями».

Советская геополитическая и монументальная символика важна еще и с той точки зрения, что она несет в себе потенциал обращения к более ранним традициям. Столица России Москва была политическим центром не только Советского Союза, но и Московской Руси, точно

так же, как и московский Кремль, оказавшийся куда более сильным символом власти, чем «Белый Дом», доставшийся Правительству РФ в наследство от поверженного Верховного Совета, или здание Государственной Думы в Охотном ряду. Таким образом, восстановление исторической традиции объективно создает необходимость символической репрезентации советской эпохи в современном политико-культурном пространстве.

В настоящее время особое значение приобретают проблемы обновления механизмов политической социализации граждан. Важное место среди них занимает выработка адекватной оценки исторического опыта России, особенно в отношении советского этапа ее эволюции. Без этого крайне затруднительной становится задача вторичной социализации тех россиян, для которых этот опыт – не совокупность абстрактных символов, а составная часть их собственной жизни.

На другую проблему политической идентичности указывает денежная система РФ. Как известно, на российских денежных купюрах изображены виды Ярославля, Архангельска, Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Новгорода и (до деноминации) Владивостока. На самом массовом по тиражу источнике, как справедливо указывает В.Л. Каганский, политическое пространство России представлено наиболее карикатурным образом. Действительно, до недавних пор можно было с полным правом сказать, что «денежные знаки навязывают представление о России как о морской однонациональной стране, которая «состоит исключительно из столиц и малонаселенной таежной периферии... Россия – страна без инородцев и без Волги»¹⁹. Хотя банкнота с изображением морского Владивостока вышла из обращения и заменена видом поволжского Ярославля, символическая ситуация изменилась незначительно. Вполне понятно стремление дизайнеров денежных единиц включить в символический образ России элементы региональной идентичности. Но «получилось как всегда»: как у представителей нерусских народов, так и у населения Юга России и Урала есть серьезные основания для сомнений в адекватности такого образа.

Ничуть не более «внимателен» к отражению региональной символики и Государственный герб РФ. На так называемом большом государственном гербе Российской империи, утвержденном в 1857 г., вокруг привычного всем двуглавого орла были расположены гербы всех национальных окраин государства и любой житель Грузии, Финляндии, Польши, Сибири и других регионов империи мог «найти себя», свою малую родину на главном политическом символе государства. Однако за основу современного российского герба был принят не большой, а малый государственный герб царской России, на котором нашлось ме-

сто только символическому изображению Москвы. Таким образом, российская периферия и в жизни, и в символике теряется за фасадным блеском столицы.

---

¹ Россия западный путь развития для «евразийской цивилизации»? // Политический маркетинг 2001. № 11. С. 41; Десять лет российских реформ глазами россиян // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 35.

² Россия западный путь развития для «евразийской цивилизации»? С. 44.

³ Соколов А.В., Щербакова И.О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 119.

⁴ Брудный И.М. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России // Полис 2002. № 1. С. 87–88.

⁵ Бызов Л.Г. Становление новой политической идентичности в постсоветской России. эволюция социальных ориентаций и общественного запроса // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 72.

⁶ Мелешкина Е.Ю. Политическое сознание // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М., 2001. С. 146.

⁷ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 134.

⁸ В частности, такой критерий использован исследовательским коллективом фонда ИНДЕМ для анализа политических ориентаций избирателей в России (см.: Сатаров Г.А. Избирательная система в России и ее влияние на партийно-политическую систему // Интернет-мониторинг выборов в России. М., 2001. С. 203 – 204).

⁹ Мелешкина Е.Ю. Политическое сознание. С. 149–150.

¹⁰ Бызов Л.Г. Становление новой политической идентичности в постсоветской России... С. 83.

¹¹ Бызов Л.Г. Кризис идентичности современного российского общества и мотивация социально-политического выбора // Вестник Московского ун-та. Сер.12. Политические науки. 1999. № 4. С. 76.

¹² Смирнова А.Г. Формирование этнической идентичности в России: легко ли быть русскими? – <http://ideashistory.org.ru/almanacs/alm16/20Smirnova.htm>

¹³ Соколов А.В., Щербакова И.О. Указ. соч. С. 118 – 119.

¹⁴ Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм – <http://www.polit.ru/docs/474876.html>

¹⁵ Бызов Л.Г. Становление новой политической идентичности в постсоветской России... С. 72 – 73.

¹⁶ Соколов А.В., Щербакова И.О. Указ. соч. С. 119.

¹⁷ Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. 1999. № 1. С. 173.

¹⁸ Первоначальное название этого праздника – День независимости – было столь метко реинтерпретировано оппозицией («день независимости власти от народа»), что его пришлось изменить на более нейтральное.

¹⁹ Казанский В.Л. Россия: число неопределенно-множественное? – <http://nlo.magazine.ru/dog/tua/main1.html>

PROBLEMS OF IDENTITY IN POST-SOVIET RUSSIA

S.A. Shpagin
Tomsk State University

The research is devoted to crisis of identity in post-communist Russia. The author examines problems of the identity which has arisen in the Russian society in connection with transition to democracy and the market attitudes. In clause the conclusion about complex structure of crisis of the Russian identity is made, that creates additional difficulties for an exit from it. The analysis of political symbolics of modern Russia gives to the author of the basis to assert, that the first steps of the Russian state on a way of formation of new identity were not effective. One of the reasons of this phenomenon the author sees in inadequate display of a history and space of Russia in its symbolics.

РЕЛИГИИ В РОССИИ – ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ИЛИ РАСПАДА ГОСУДАРСТВА?*

А.А. Красиков
Институт Европы РАН

Выживет ли Россия в XXI в. как суверенное федеративное государство или ее ждет распад на несколько самостоятельных государственных образований, часть которых может оказаться под контролем наших нынешних соседей? На первый взгляд, такая постановка вопроса относится к разряду фантастических. Вспомним, однако, что столь же фантастической казалась всего каких-нибудь 15–20 лет назад возможность развала СССР.

Советская "сверхдержава" по множеству показателей отставала от ведущих промышленно развитых стран, но она обладала столь большой военной мощью, что эти страны ее боялись и были вынуждены считаться с тем фактом, что в случае глобального ракетно-ядерного конфликта она была способна нанести непоправимый урон своим потенциальным противникам (правда, слишком дорогой ценой). Тем не менее факт остается фактом: Советский Союз исчез с политической карты мира, причем не в результате конфликта с другими государствами, а в силу причин внутреннего характера, анализ которых выходит за рамки данного исследования.

Российская Федерация, ставшая правопреемницей СССР, хотя и остается ядерной державой, по своему военно-промышленному потенциалу, как и по многим другим важным показателям, значительно уступает бывшей сопернице западного мира. Отныне нас не только не боятся (что само по себе является скорее плюсом, чем минусом), но нередко даже игнорируют как партнера, интересы которого следовало бы принимать во внимание при решении тех или иных международных вопро-

---

* Данный документ представляет собой аналитическую записку, автором которой является руководитель Центра социально-религиозных исследований Института Европы РАН доктор исторических наук, профессор Анатолий Андреевич Красиков. Записка была доведена до сведения Президента Российской Федерации В.В. Путина и руководителей ряда министерств и ведомств, а также Священноначалия Русской православной церкви.

сов. И все же видимых внешних угроз суверенитету и территориальной целостности России на данный момент не существует.

В то же время возникло несколько внутренних угроз, каждая из которых, взаимодействуя с остальными, может привести к серьезным последствиям для будущего России как единого правового федеративного государства. Было бы, в частности, ошибкой сбрасывать со счетов неожиданно выдвинувшийся на одно из первых мест религиозный фактор, который действовал и продолжает действовать параллельно и во взаимосвязи с другими.

Давно известно, что религия может играть в жизни общества как конструктивную, так и деструктивную, разрушительную роль. Так, иудаизм еще три тысячи лет назад заложил основы не зависимой от других ветвей власти судебной системы; христианство внесло решающий вклад в создание европейской цивилизации, постепенно эволюционировавшей к признанию приоритета общечеловеческих ценностей; ислам стал движущей силой при образовании мощной средиземноморской державы, которая прославилась веротерпимостью и достижениями в области точных наук и культуры; восточные религии оказали огромное влияние на судьбы народов Азии.

В то же время под прикрытием веры в Бога в разные времена и эпохи совершались тяжелейшие преступления. Достаточно вспомнить о "крестовых походах" западных христиан против мусульман, о методах испанской инквизиции в самой Испании и в Латинской Америке или о религиозных войнах в Европе. В конце XX в. линия раздела противоборствующих сил в наиболее острых конфликтах (Ближний Восток, Ольстер, бывшая Югославия, Карабах, Чечня, Индостан) снова пролегла, как это не раз случалось в прошлом, по границам распространения различных вероисповеданий.

На Руси христианство в его восточной, православной традиции на протяжении первых 500 лет после крещения Киева и Новгорода активно созидало государственность, сплачивало этнически однородную тогда часть населения Восточно-Европейской равнины на борьбу против иностранных завоевателей. Содействуя образованию централизованного Московского государства, Церковь преодолевала сопротивление удельных князей, которые тяготели к феодальной раздробленности. Наконец, с православием связано рождение и развитие самобытной культуры нашего народа.

В дальнейшем территория России расширилась. Она вышла далеко за пределы первоначального ареала восточных славян, включив в себя обширные новые земли вплоть до Закавказья и пустынь Средней Азии на Юге и Тихого океана на Дальнем Востоке. Страна из моноэтнической

и монорелигиозной де-факто превратилась в многонациональную и многоконфессиональную. Однако о равноправии подданных монархии по национальному и вероисповедному признаку не было и речи. В этот период церковные институты попали в полное подчинение к государству, сохранившееся и в годы государственного атеизма. И при каждом изменении в верхних эшелонах власти Русская Православная Церковь (РПЦ), по образному выражению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, неизменно оказывалась "политической вдовой".

Не случайно после своего избрания на патриарший престол в 1990 г. нынешний руководитель самой влиятельной религиозной организации страны неоднократно высказывался за ее отделение от государства (но, конечно, не от общества, члены которого впервые в истории получили полную свободу мировоззренческого выбора). И эта принципиальная позиция нашла отражение в Конституции и законодательстве РФ, с одной стороны, и в официальных документах РПЦ – с другой.

Россия – страна мировоззренческого плюрализма. Сегодня мы живем в стране, половина населения которой утратила былую религиозность, а другая половина придерживается и, видимо, отныне всегда будет придерживаться самых различных религиозных взглядов. Вот как выглядит этот плюрализм на таблице, подготовленной на основе официальных данных Министерства юстиции РФ о государственной регистрации централизованных и местных религиозных объединений России по состоянию на 1 января 2002 г. (по федеральным округам).

Уже после получения сводных данных с разбивкой по федеральным округам поступили дополнительные сведения, которые внесли небольшие уточнения в общую картину, не изменив ее, однако, по существу. Согласно этим сведениям, в целом по Российской Федерации зарегистрированы 10680 структур РПЦ и 3163 мусульманские организации.

Как следует из таблицы, лидирует по стране в целом Русская православная церковь (более 50 процентов всех зарегистрированных религиозных объединений). Однако присутствие РПЦ в различных федеральных округах неодинаково. Больше всего оно ощущается в европейской части России – в Центральном и Северо-Западном округах, где суммарно РПЦ преобладает над остальными религиозными центрами, вместе взятыми. Еще в четырех округах – Южном, Приволжском, Уральском и Сибирском – православие идет впереди других вероисповеданий, но уже не преодолевает планку в 50 процентов. И, наконец, в одном – Дальневосточном – РПЦ отдает пальму первенства другой христианской конфессии – протестантам, которые, правда, следуя своим традициям, не имеют одной общей организации и действуют как несколько не зависимых одна от другой религиозных структур.

Количество местных религиозных объединений России по состоянию на 1 января 2002 г. (по федеральным округам)*

Федеральные округа	РПЦ	Старообрядцы	Католики	Протестанты	Мусульмане	Иудеи	Буддисты	Прочие	Всего
Центральный	4030	74	30	1056	54	82	26	433	5785
Северо-Западный	1026	18	39	561	15	24	8	111	1802
Южный	1154	27	42	673	860	30	47	166	2999
Приволжский	2570	83	28	642	1755	34	11	146	5269
Уральский	584	17	12	282	254	23	3	78	1253
Сибирский	834	29	90	557	89	31	90	156	1876
Дальневосточный	317	13	21	409	11	19	10	108	908
Итого	10515	261	262	4180	3038	243	195	1198	19892

* К категории "протестанты" здесь отнесены религиозные объединения всех протестантских деноминаций, вместе взятые, к категории "мусульмане" – организации, входящие во все Духовные управления мусульман.

Ислам немного потеснился, уступив занимавшееся им в прошлом второе место протестантам, но остается мощной и динамично развивающейся силой с большими потенциальными возможностями (учитывая, в частности, более высокую рождаемость среди мусульман и переселение в Россию беженцев из конфликтных зон на Кавказе и в Центральной Азии). Более скромное положение среди наиболее известных и влиятельных религиозных структур занимают католики, последователи иудаизма и буддисты.

Общий же список организаций, прошедших официальную регистрацию и перерегистрацию в соответствии с Федеральным законом 1997 г. "О свободе совести и о религиозных объединениях" (после прохождения государственной религиоведческой экспертизы), насчитывает около 20.000 объединений почти 70 вероисповеданий. Последователи этих религий, в том числе новых религиозных движений, подчеркивают свою законопослушность, призывают к моральному самоусовершенствованию верующих, осуждают насилие и террор.

Некоторые общины верующих (например, Свидетели Иеговы) отвергают возможность участия в политической жизни и отказываются от военной службы, однако эта их позиция не противоречит законодательству России. Действительно, Конституция РФ устанавливает право, но не обязанность граждан участвовать в управлении делами государства (ст. 32) и предоставляет каждому россиянину "в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, <...> право на замену ее альтернативной гражданской службой" (ст. 59).

Религиозная нетерпимость и экстремизм. Конечно, внутри любой религиозной организации, будь то маргинальной или самой влиятельной, могут возникать течения, проповедующие нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим и тяготеющие к экстремизму. Существуют они и в России, причем не только в отдельных новых религиозных движениях (типа Аум Синрике), но и среди последователей таких уважаемых вероисповеданий, как ислам и православие. К их числу можно отнести, с одной стороны, тех мусульманских деятелей, которые, вопреки священным текстам своей религии, допускают и практикуют террор как средство достижения политических целей (беспорочный лидер – Шамиль Басаев), а с другой – невероятно шумливых и агрессивных "спасателей православия" (типичные представители – получивший скандальную известность заведующий кафедрой "сектоведения" Свято-тихоновского института РПЦ Александр Дворкин и руководители движения "Православие или смерть").

Разница между первыми и вторыми заключается в том, что экстремисты-мусульмане организуют и осуществляют террористические акты

якобы "во имя Аллаха", а экстремисты-православные сами формально террористической деятельностью не занимаются. Они "ограничиваются" тем, что разжигают межрелигиозную рознь в публикациях и публичных выступлениях, в которых пропагандируют превосходство одних и неполноценность других граждан по признаку их принадлежности или непринадлежности к РПЦ. После отъезда таких подстрекателей, гастролирующих по всей стране, нередко совершаются противоправные действия, включая поджоги культовых зданий, избиения и даже убийства религиозных деятелей, о чем руководители оказавшихся жертвами общин верующих уже не раз писали в самые разные инстанции.

Религиозные деятели и многие политики отмечают, что сегодня, как никогда, важно обратить внимание на ту питательную среду, в которой произрастает экстремизм. Чем хуже живут люди, чем меньше у них уверенности в завтрашнем дне, тем дешевле ценится человеческая жизнь и проще найти кандидатов на роль карателей, готовых на все во имя внедренной в их сознание политической или религиозной идеи. В том числе и на преступные акции, оплаченные ценой собственной жизни. И никто не может гарантировать, что мы избежим такой вылазки камикадзе, последствия которой окажутся неизмеримо более страшными, чем все, что мы видели до сих пор.

Потребуется систематическая и кропотливая работа по изоляции экстремистов, прежде всего среди их единомышленников, а главное – по созданию политических, экономических и социальных условий, затрудняющих возникновение очагов экстремизма, прикрывающегося религиозной фразеологией. При этом лекарства от этой болезни современного мира не должны быть опаснее самой болезни. Как отмечал в связи с началом войны в Чечне в декабре 1994 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, ставка на насилие как главный метод борьбы с другим насилием бесперспективна, ибо любое насилие порождает ответное насилие.

Консолидация или раскол. Казалось бы, сейчас, как никогда, важно консолидировать усилия всех общин верующих-россиян и государства для совместного противостояния новым вызовам времени. И это понимают как ведущие государственные руководители, так и религиозные лидеры. Свидетельства тому: сохранение В.В.Путиным созданного его предшественником в 1995 г. Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте и продолжающаяся деятельность нескольких межрелигиозных и общественных организаций, таких, в частности, как Российское отделение международной ассоциации религиозной свободы.

На практике, однако, за видимостью взаимодействия нередко просматривается размежевание сил, занимающих диаметрально противоположные позиции в вопросе о роли и месте религии в современном российском обществе. Причем водораздел проходит не между государственным аппаратом, с одной стороны, и религиозными объединениями, с другой, а внутри их. Часть политической элиты и часть православного духовенства не скрывают планов превратить православие в новую государственную идеологию.

Политики сегодняшней России, как правило, имеют лишь весьма приблизительное, чисто внешнее представление о сущности православия, хотя среди них могут встречаться действительно верующие люди. Некоторых политических деятелей привлекает перспектива воссоздать "монолитное единство" российского общества под новым, церковным знаменем. Епископам РПЦ на местах представители этой части политической элиты отводят ту же самую роль охранителей "идеологической чистоты" общества, которую до распада Советского Союза играли партийные комитеты КПСС.

Сторонники клерикализации государства, действующие внутри РПЦ, со своей стороны, рассчитывают решить руками светских властей проблему воцерковления потенциальных верующих. Не будучи готовы к подлинному христианскому миссионерству, они полагают, что смогут достичь своих целей иным путём – через "особые отношения" с государственными органами и – главное – через ограничение свободы поведения других культов.

Совершенно очевидно, что с подобными идеями не могут согласиться те, кто не хочет воссоздания в нашей стране старой русско-православной модели государства.

Это, во-первых, неверующая половина россиян.

Это, во-вторых, представители более ста народов России, не являющихся этническими русскими.

Это, в-третьих, большинство из тех, кто исповедует не православие, а другие религиозные культы.

И это, в-четвертых, достаточно большое число членов самой РПЦ, не забывших о гонениях на веру в советский период и не желающих из гонимых в прошлом превращаться в гонителей нового времени.

"Свои" и "чужие" россияне. Наиболее типичными проблемами, которые возникли там, где государственные структуры пытались по совету представителей РПЦ или по собственной инициативе ограничить права неправославных религиозных объединений, как якобы «чужих», стали:

- принятие на местах нормативных актов дискриминационного характера, противоречащих Конституции и законодательству РФ, в том числе закону 1997 г. "О свободе совести и о религиозных объединениях",
- отказы в регистрации или перерегистрации "чужих", по мнению чиновников, религиозных организаций по сугубо формальным основаниям (особенно часто к ним прибегают городские юридические структуры Москвы),
- попытки воспрепятствовать нормальной деятельности неправославных религиозных объединений, в том числе с помощью запретов на пребывание в нашей стране приглашенных в установленном законом порядке иностранных священнослужителей, чаще всего христиан – католиков и протестантов,
- прокатившаяся по всей стране волна отказов в продлении сроков аренды принадлежащих государству помещений, где лишившиеся в годы атеизма и не имеющие собственных культовых зданий конфессии проводили до начала нынешней "антикультистской" кампании свои молитвенные собрания,
- использование современных информационных технологий для создания образа врага путем распространения недостоверных и даже заведомо ложных сведений о вероучении и повседневной деятельности "нетрадиционных", по определению некоторых должностных лиц, общин верующих.

Своего рода итог нынешней кампании по разделению религиозных общин России на "свои" и "чужие" подвел разработанный в недрах властных структур документ, который бросает тень на чуть ли не все религиозные объединения страны, за исключением православных (а также буддистов и иудеев, чьи общины составляют лишь 2,2% от общего числа официально признанных религиозных объединений). Речь идет о проекте доклада рабочей группы президиума Государственного совета РФ по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в РФ от 30 октября 2002 г.

В этом документе уже сам факт увеличения числа зарегистрированных в России за последнее десятилетие конфессиональных направлений с 20 почти до 70 рассматривается как сугубо негативный. По словам составителей документа, создавшееся положение, обусловленное, в частности, "ростом религиозной экспансии со стороны других государств" (!), "нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс". Если верить авторам, России угрожают (в порядке упоминания) католики, протестанты, "Свидетели Иеговы", "Церковь объединения Муна", "Церковь саентологии" и "некоторые исламские религиозные объединения".

Составители текста настолько увлеклись поиском врагов, что зачислили в "тоталитарные" не только многие вероисповедания, получившие официальное признание после проведения государственной религиозно-ведческой экспертизы под эгидой Министерства юстиции РФ, но и организации, руководители которых введены – по решению главы государства – в Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России.

В списке конкретных предложений значатся, среди других, разработка "карт религий и народов федеральных округов", реализация комплекса мер "по государственной поддержке традиционных религиозных организаций" (поименно, правда, не названных) и дополнительное включение в "список уполномоченных государственных органов, занимающихся контролем и регламентацией деятельности религиозных организаций" (как следует из этой формулировки, такой список уже существует), еще одного подобного органа – "межведомственного экспертного совета".

Публикация документа рабочей группы Государственного совета сначала в кратком изложении на страницах печати, а затем, уже в полном виде, на одном из сайтов Интернета, произвела эффект разорвавшейся бомбы и вызвала публичные протесты лидеров религиозных общин, почувствовавших, что под предлогом борьбы с "религиозным экстремизмом" кому-то не терпится покончить в России со свободой совести и вернуться к тысячелетней традиции официального единомыслия.

Разногласия внутри российского ислама. Практически полностью солидаризируется с любыми решениями РПЦ лидер части мусульманских общин Т.Таджуддин, который добивается передачи ему духовной власти над всеми последователями ислама в России. В обозримом будущем, однако, исполнение его желания исключено: Правительство вряд ли пойдет на неизбежную в этом случае конфронтацию с Конституционным Судом и с большинством не зависящих одно от другого духовных управлений мусульман, которые не признают Т. Таджуддина своим верховным муфтием.

Тем временем созданный в 1996 г. Совет муфтиев России во главе с шейхом Р. Гайнутдином подверг критике фактическую передачу права решать судьбу инаковерующих во многих субъектах Федерации православному духовенству. "Мусульмане России с искренним уважением относятся к Русской православной церкви, – указывалось в их письме руководителям государства. – Но мы не можем и по закону не должны каждый случай появления новой общины, строительства мечети согласовывать с деятелями РПЦ".

Приведя ряд конкретных примеров того, как мусульманам отказывали в регистрации их общин и препятствовали строительству мечетей под тем предлогом, что речь идет об "исконно русских территориях", авторы письма предупреждали, что подобная практика может привести к ответным действиям со стороны тех, кто живет на "исконно татарских, башкирских, балкарских, узбекских, азербайджанских, дагестанских и т.д. землях".

Особенно негативную реакцию мусульман вызвала начавшаяся несколько лет назад "православизация" силовых структур государства. "Нас всерьез беспокоит, что некоторые руководители Министерства обороны своими односторонними и непродуманными действиями расшатывают армию, ведут ее к расколу по национальному и религиозному признакам, противопоставлению православия всем другим религиям", – так откликнулся на практически эксклюзивное сотрудничество РПЦ с "силовиками" Совет муфтиев.

В разработанном недавно документе о социальной доктрине мусульман подчеркивается, что последователи ислама ожидают от государства создания таких условий, при которых каждый чувствовал бы себя полноправным российским гражданином, чтобы, защищая интересы государства, понимать, что он защищает собственные интересы: свою семью, землю, города и села, свою веру и обычаи. А газета Совета муфтиев "Все об исламе" предостерегает "и без того урезанную Россию" против повторения судьбы Российской империи, рухнувшей, среди прочего, из-за "национализма и религиозной нетерпимости".

Сегодня уже не может быть сомнений в том, что гражданский мир в России напрямую зависит от того, сложится ли у нас новая многонациональная и многорелигиозная российская идентичность (как складывается сейчас европейская) или дело сведется к заведомо тщетным попыткам адаптировать к условиям XXI в. прежнюю русско-православную идентичность, делая вид, что эти два понятия совпадают. Как представляется, события в дальнейшем могут развиваться по одному из двух вариантов.

Вариант первый. Государственные органы будут соблюдать не только на словах, но и на деле Конституцию, законодательство и международные обязательства Российской Федерации. В этом случае:

– государство остается светским, никакая религия и никакая идеология не устанавливаются в качестве государственной, религиозным объединениям обеспечивается действительное равенство перед законом (ст. 13 и 14 Конституции);

– государство гарантирует реальное равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от отношения к религии, и запрещает любые

формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ст. 19 Конституции);

– каждому гарантируется право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения (с. 28 Конституции).

– Русская православная церковь, в свою очередь, будет соблюдать (тоже не только на словах, но и на деле) принятые ее Архиерейским собором в августе 2000 г. положения "Основ социальной концепции", согласном которым:

– Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству ("Основы". III.3);

– существуют области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним, это: а) политическая борьба, б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны, в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладах церковному Священноначалию ("Основы". III.8);

– каноны возбраняют клирикам брать на себя участие в делах государственного управления ("Основы". III.9).

Казалось бы, речь идет об аксиомах. Однако им следует сегодня далеко не каждый представитель государства и далеко не каждый руководящий деятель РПЦ. Приведение в соответствие слов и дел представителей государства, с одной стороны, и самой крупной религиозной организации России, с другой, означало бы в действительности поворот на 180 градусов от курса, реально проводимого сейчас весьма влиятельной частью политической элиты страны и не менее влиятельной частью православных архиереев.

Вариант второй. Все остается без изменений. Конституция, законы и международные обязательства Российской Федерации нарушаются, как это систематически делалось до сих пор. Определения Архиерейского собора РПЦ забываются, как если бы они никогда не принимались. И, как неизбежный результат, *продолжается постепенное сползание к конфронтации двух вступающих в конфликт идентичностей: многонациональной и многорелигиозной российской, с одной стороны, и русско-православной, ориентированной на опыт средневековой Москвы, – с другой* (последние тому примеры – требование РПЦ о смещении нынешнего руководителя российских католиков митрополита Кондрусевича, споры вокруг преподавания религиозно ориентированных про-

грамм в светской школе и решение депутатов об обязательном использовании кириллицы в письменности всех народов России).

После того, как разрыв между этими двумя идентичностями достигнет критической точки, Российская Федерация окажется перед достаточно реальной угрозой распада по этнорелигиозному признаку. И распад этот будет облегчен другими факторами, действующими одновременно с религиозным. Среди них – корыстные интересы местных элит, криминализация экономики, кризис силовых структур, прежде всего армии и милиции, нерешенность социальных проблем постсоветского общества, огромные различия в плотности населения в европейской и азиатской частях страны на фоне перенаселенности наших восточных соседей. На распад будет "работать" и тот факт, что Дальний Восток и Сибирь как при царях, так и при советской власти широко использовались для выселения туда осужденных уголовников и тех, кого правительство считало своими политическими противниками (в том числе по религиозным мотивам).

Государственные интересы России диктуют необходимость избежать подобного развития событий. Для этого потребуется направить его по пути, намеченному Конституцией РФ, законодательством и международными обязательствами нашей страны. Русская православная церковь, со своей стороны, может внести неоценимый вклад в формирование новой общероссийской культурной идентичности, ни в чем не поступаясь постулатами православия, если она будет последовательно проводить в жизнь упомянутые выше положения собственной социальной концепции.

РАЗДЕЛ IV

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ВСЕОБЩЕЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ**

PART IV

**HISTORIOGRAPHY
OF WORLD AND RUSSIAN
HISTORIES**

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.И. ВЕНЮКОВА

А.В. Кузнецова
Филиал Иркутского госпедуниверситета
г. Усть-Илимск

Российской исторической наукой уже в XIX в. была разработана теория о способе национального существования России как процесса ее непрерывного расширения вовне. Исходя из убежденности в том, что существует прямая зависимость между территорией, на которой расположено государство, и его историей, основоположники российской геополитической науки приходили к выводу, что история Российской империи как великой державы связана с экспансией, распространением русского государства, причем распространение это жестко определено особенностями географического положения и направлено, как правило, с запада на восток.

В работах российских ученых географический аспект и политика часто выступали понятиями взаимосвязанными: политическое развитие отдельного национального государства, империи как сплошного многонационального образования зависело и обуславливалось географическими особенностями территории, на которой проживало население страны. У основ российской геополитической мысли стояли не только кабинетные ученые, но и люди, совмещавшие разнообразные (в том числе военные и разведывательные) практические занятия с концептуализацией завоевательной политики империи. Первыми над вопросами политической географии стали задумываться представители военного сообщества, разведывательная деятельность которых в Центральной Азии и на Дальнем Востоке носила не только военно-политический характер, но научно-исследовательский. Экспедиции, осуществлявшиеся по заданию Генерального штаба, в обязательном порядке вели и сбор статистических, этнографических, топографических и иных данных. Полученную информацию офицеры Генштаба сопровождали аналитическими записками, содержащими теоретические разработки по вопросам внешнеполитической деятельности России на Востоке.

Свою деятельность они рассматривали как «служение Отечеству» и отстаивали точку зрения, согласно которой активная внешняя политика,

предполагающая, помимо прочего, присоединение территорий, населенных нерусскими народами, отражает исконные национально-государственные интересы России. При этом внимание акцентировалось на «мирном» характере восточной российской политики, который противопоставлялся насильственным методам присоединения колоний западными державами. Обосновывая экспансионистскую политику России на Востоке, имперские идеологи апеллировали к невыгодным географическим условиям, оставлявшим российские западные и восточные границы открытыми для нападения извне.

Одним из ключевых направлений российской экспансии во второй половине XIX в. стала Центральная Азия. Поражение в Крымской войне вынудило русских военных теоретиков искать территории, где, как им казалось, Россия могла бы «компенсировать» свои внешнеполитические неудачи на европейском направлении, добиться военно-политического реванша, наиболее существенным выражением которого стало бы «сдерживание» ее главного соперника – Великобритании. Михаил Иванович Венюков (1832–1901) был горячим сторонником этой линии. Его взгляды относительно перспектив России в Центральной Азии (как в целом в системе международных отношений) отразили общие тенденции развития государственной внешнеполитической доктрины, оказали влияние на формирование концепции российского поступательного движения в Центральную Азию и на Дальний Восток. М.И. Венюков внес личный вклад в события, непосредственным участником которых, как военный чиновник, являлся по должности.

М.И. Венюков – выдающийся российский ученый, путешественник, офицер Генерального штаба, военный разведчик, политический аналитик, колониальный теоретик и практик, один из основоположников отечественной геополитики, создатель оригинальной концепции международных отношений и внешней политики России. Его многогранная и противоречивая личность совместила в себе качества исследователя-эмпирика и высокопрофессионального военного теоретика, специалиста в области стратегического анализа.

Имперскую политику России М.И. Венюков рассматривал в аспекте традиционной в русской истории проблемы колонизации, обстоятельно разработанной С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. Классики русской исторической науки в своих наблюдениях над характером и развитием русской колонизации пришли к выводу о нарастании в историческом времени азиатской тенденции, сделавшей Россию, по словам В.О. Ключевского, переходной страной, посредницей между Европой и Азией¹. Однако в отличие от В.О. Ключевского, подчеркивавшего, что движение России к Азии было исторически вынужденным,

М.И. Венюков считал его естественным и необходимым, учитывая географические особенности России. Исходя из этого, имперская миссия России, по мнению российского офицера, состояла в расширении границ на Востоке, включении народов Центральной Азии и Дальнего Востока в состав «сильного», цивилизованного государства. При этом подчеркивалась миротворческая миссия России, которая выступала в качестве «арбитра», «цивилизатора», «старшего брата» и т.п.

Данная тенденция – обоснование экспансии государства его географическими параметрами – была глубоко проработана в геополитических концепциях европейских ученых XIX – начала XX в. Взгляды М.И. Венюкова в контексте колониального мышления и европоцентристского мировоззрения по многим позициям смыкались с идеями «отца немецкой геополитики» Ф. Ратцеля. И потому вряд ли случаен интерес немецкого геополитика к трудам и публикациям М.И. Венюкова, на которого он ссылался в своей «Политической географии»² – книге, получившей общеевропейскую, а затем и мировую известность. И россиянин М.И. Венюков, и немец Ф. Ратцель в сходных для своего времени категориях, подчеркивали нерасторжимость связи между географическим фактором и политикой государств. Они рассматривали географическое положение государств как одну из определяющих предпосылок для направленности и характера внешнеполитической деятельности, а также связывали с ней компоненты, составлявшие ландшафт (море, реки, горы и т.д.). Закономерность движения «сильных» (М.И. Венюков), «культурных» (Ф. Ратцель) народов вовне для распространения «цивилизации» трактовалась как способ государственного существования. Оба ученых полагали, что внешняя экспансия как Германии, так и России детерминирована Природой. Общие мировоззренческие принципы западного мышления этически обосновывали и одновременно оправдывали колониальные политики. Изменение демографической ситуации (рост народонаселения метрополий) являлось, по мнению Ф. Ратцеля и М.И. Венюкова, основой того, что оба называли «историческим движением».

В то же время, взгляды М.И. Венюкова и Ф. Ратцеля совпадали не по всем позициям, что определялось экономическими и социально-политическими особенностями регионов, где развертывалась экспансия. Рассматривая Россию как «старшего брата», М.И. Венюков называл Афганистан, Персию и другие азиатские страны государствами – «младшими братьями». Он практически не использовал понятие «колония» применительно к России, а только по отношению к заморским владениям Англии, Франции, Германии, США. Ф. Ратцель же свободно оперировал терминами «колониальная политика», «колонии». Кроме

того, если Ф. Ратцель допускал военно-политическое насилие в «историческом движении» Германии, то М.И. Венюков полагал возможным действие «мирными» средствами, хотя практическая его деятельность, например на Кавказе, убедительно опровергала эту возможность.

Теоретические разработки М.И. Венюкова, в которых он обосновывал территориальную экспансию России в Центральной Азии, по основным своим позициям совпадала также и с мнением шведского ученого Р. Челлена³, который считал, что в силу природы великие державы неизбежно должны проводить экспансионистский курс в своей внешней политике. Именно природа, по его мнению, побудила их стараться достигнуть как можно большей свободы действия по отношению к окружающему миру, и это желание стимулировало их распространение к своим «естественным» границам – часто в виде гор и морей.

В данном контексте взгляды Р. Челлена дополняли теоретические конструкции М.И. Венюкова, который на российском материале оправдывал право «сильной» цивилизованной нации по отношению к «слабым» и «нецивилизованным». М.И. Венюков так же, как и впоследствии Р. Челлен, считал расширение территории в Азии национальной задачей России⁴. Другой национальной задачей, по мнению М.И. Венюкова, являлось создание прочного в политическом плане, многонационального государства, способного выступить противовесом Западу. В этом отношении он разделял точку зрения своего современника П.Н. Подмигайлова, который, как типичный сторонник имперской идеи, считал одной из главных задач России «достижение полного политического могущества»⁵. Понятие границ и используемых при этом средств (дипломатических, политических, военных...) приобретало второстепенное значение.

М.И. Венюков был убежден в объективности и необходимости противостояния России Западу с помощью объединения и сплочения вокруг России небольших государств-соседей. Ученый выражал солидарность с Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым в том, что Россия должна встать во главе близких ей государств. Но, если Н.Я. Данилевский считал, что этот союз должен состоять из славянских стран, а, по мнению К.Н. Леонтьева, зарубежные славяне являлись ненадежными союзниками (им предлагался союз с восточными славянами – «славяно-азиатская» цивилизация), то М.И. Венюков полагал, что Россия должна включить в свой состав государства Центральной Азии. Он подчеркивал, что географические и этнографические условия «прямо указывают, что Россия должна подчинить себе всех туркмен, узбеков и таджиков, «живущих в Арало-Каспийской низменности»⁶. Российский офицер также предлагал усилить влияние России на персов, курдов, монголов и

афганцев. При этом он выделял два «главных народа» – персов и афганцев, которые «всегда могут быть сделаны «младшими братьями» России. При этом М.И. Венюков подчеркивал, что поддержание дружественных отношений с Россией соответствует национальным интересам Персии и Афганистана. В свою очередь, укрепление позиций России в странах Центральной Азии могло способствовать противодействию усилению влияния Великобритании в регионе. М.И. Венюков отводил России роль некоего миротворца, деятельность которого направлялась на поддержание национальной самобытности центрально-азиатских государств. «России нет никакого интереса нарушать целостность и независимость Персии и Афганистана, которые будут прилежать к ней с юга». Акцентируя внимание на мирном характере отношения России к Персии и Афганистану, М.И. Венюков противопоставлял им захватническую политику Великобритании в Средней и Центральной Азии. Указывая, что реальной целью официального Лондона являлось расширение военно-политического присутствия Англии в Персии и Афганистане, необходимое для обеспечения безопасности подступов к Индии, М.И. Венюков подчеркивал, что возможные завоевания в этом направлении для России не актуальны, и даже политически опасны. Их возможный и предсказуемый результат М.И. Венюков видел в обострении межэтнических конфликтов на окраинах империи: «а чего стоит стирание подобной розни мы знаем по примеру Кавказа и Туркестана».

Таким образом, по мнению М.И. Венюкова, вхождение в состав России неславянских этносов имело для них позитивные последствия. Во-первых, обеспечивалась надежная защита внешних рубежей и сохранение национальной самостоятельности под административным контролем России. При этом М.И. Венюков отнюдь не видел явного противоречия между «сохранением национальной самостоятельности» и «административным контролем» России. Аналогично игнорировался факт российской экспансии, как предпосылки предоставляемой Россией и россиянами «безопасности». Экспансия Запада противопоставлялась «мирной» и «цивилизаторской» миссии России.

В культурном отношении Россия, по мнению М.И. Венюкова, являлась для жителей окраин «цивилизатором», приобщающим местное население к культуре высокоразвитого христианско-православного государства посредством распространения конфессионально-культурных, научно-технических достижений цивилизованного мира.

М.И. Венюков, в отличие от Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, не предполагал использовать идею «Москва-Третий Рим», которая, в известной мере, трактовалась как государственная идеология, оправдывавшая территориальный рост России, за счет христианизации и кон-

фессиональной экспансии. Идея православного царства, наполненная харизматическим смыслом, которую большинство современников М.И. Венюкова рассматривали в качестве ценностной максимы Российской империи, вызвала у прагматика М.И. Венюкова однозначно негативное отношение.

Задачей православных миссий М.И. Венюков считал привнесение русской культуры и образования коренному населению окраин. При этом он полагал, что русские православные миссионеры могли и должны были совмещать со своими непосредственными обязанностями также функции разведчиков-первопроходцев, как это практиковалось западными государствами, в частности Англией. Доставляя ценные сведения о новых территориях, которые в дальнейшем могли быть учтены при планировании военных и политических акций российского правительства, православные миссионеры могли принести реальную государственную пользу. В этом плане распространение русских православных миссий как в присоединенных территориях, так и в соседних азиатских странах (Китай, Япония, Персия, Афганистан и др.) рассматривалось М.И. Венюковым как метод внедрения и колонизации. Со свойственным ему прагматизмом в оценке внешнеполитического курса России, он подчеркивал приоритеты политических и стратегических целей в ходе присоединения и хозяйственного освоения территорий Центральной Азии над целями конфессионально-культурного плана. Они являлись для него скорее средством реализации военно-политических целей.

М.И. Венюков был убежден в позитивном воздействии Российской империи на развитие присоединенных народов. Как и Н.Я. Данилевский, по мнению которого образование славянской федерации должно было благотворно сказываться на развитии всех, без исключения, ее членов, М.И. Венюков считал, что народы, входящие в состав империи, получают заметные преимущества в политическом и культурном отношении, становясь частью «макрোগосударства». Россия же, расширяя свои границы, укрепляла позиции на международной арене, увеличивала свой политический и экономический потенциал.

Большое внимание в своих теоретических конструкциях М.И. Венюков уделял проблеме политического единства народов, входивших в состав многонациональной Российской империи. Выступая против курса на русификацию, М.И. Венюков, как и Н.Я. Данилевский, которому было чуждо стремление «обрусить» другие народы, считал необходимым сохранить органы национального управления. Под словом «объединение» М.И. Венюков понимал не русификацию, «а только более или менее полную политическую связь, в поддержании которой есть интерес и для исконной России, и для страны, приобретенной ею извне».

Для достижения прочного политического единства окраинных земель с центром для «сохранения за русским народом его современной государственной области» М.И. Венюков предлагал создать общее для всех провинций представительство «со значительным перевесом в нем собственно русского населения». В данном контексте его взгляды полностью соответствовали концепциям Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, отводившим именно русскому народу ведущую роль в объединении и сплочении других народов, русский язык при этом являлся единым средством коммуникации. По мнению М.И. Венюкова, единство языка необходимо было для обеспечения процесса общения между народами. Следовательно, преобладание в парламенте представителей России над инородцами виделось М.И. Венюкову способом обеспечения успеха «всяких мер, полезных для экономического, общественного и умственного развития окраин». Россия у М.И. Венюкова, таким образом, выступала некой мессией для «слабых» наций, которые должны были ощутить в принадлежности к сильному государству высшее благо.

Идея мессианства и миссионерства России красной нитью проходит через все историко-политологические труды М.И. Венюкова. В качестве обоснования этой идеи ученый приводил аргументы политического и культурного плана.

Россия, по мнению М.И. Венюкова, являлась сильным политическим государством, национальной задачей которого было расширение территориальных границ и достижение «естественных рубежей»: в Средней Азии – до Гиндукуша и Балха, в Центральной Азии – до Илийской области включительно, западные границы, по его мнению, уже достигли своих «естественных пределов». При этом национальными интересами «рас низшего развития» по необходимости допускалось пренебрегать, если того требовали интересы «большинства образованного человечества», в данном случае – Российской империи. Тем самым М.И. Венюков оправдывал экспансионистские устремления России ее принадлежностью к «сильным» государствам, что давало России моральное право включать в свой состав «слабые» государства и народы. Неоднократно подчеркивая наличие неблагоприятных в географическом отношении линий государственной границы России, М.И. Венюков призывал к захвату «рубежей, наиболее соответствующих ее мировому значению и национальным потребностям». Под национальными интересами, в данном контексте, М.И. Венюков подразумевал имперские интересы России, основанные на территориальной экспансии государства для достижения «естественных» границ Российской империи. Таким образом, по мнению российского офицера, расширение государственных границ на

Восток – есть естественный процесс и одна из главных национальных задач России.

Усиление влияния России в Средней и Центральной Азии, на Дальнем Востоке; присоединение и освоение новых территорий виделось М.И. Венюкову одним из путей решения наиболее острого во второй половине XIX в. в мировой политике Восточного вопроса. Данная связь была очевидна для М.И. Венюкова. Он предлагал активизировать восточный вектор внешней политики России, подчеркивая связь между политикой в Средней Азии и Балканской политикой. Это представлялось М.И. Венюкову следующим образом: противостояние России и Англии в Средней и Центральной Азии способствовало ослаблению позиций Англии в Европе, что могло быть использовано Россией в своих целях. Если формула решения Восточного вопроса у Н.Я. Данилевского заключалась в словах «независимость и единство славянства»⁷, то М.И. Венюков выдвигал иной тезис – «активная политика в Средней и Центральной Азии и ослабление Англии»⁸.

Следует отметить, что геополитическая концепция М.И. Венюкова неизбежно заключала в себе элемент принуждения, военно-политического насилия. И хотя, например, Н.Я. Данилевский подчеркивал, что национальные цели России не могли угрожать какому-либо народу, он тем не менее открыто призывал к разрушению Османской империи и Австро-Венгрии. Кроме того, он полагал, что такие неславянские народы, как греки, румыны и венгры, должны «волею или неволею» войти в состав Всеславянской федерации. Аналогичной точки зрения придерживался К.Н. Леонтьев. В общественно-политических кругах России подобное мнение являлось традиционным.

М.И. Венюков, оправдывая применение силовых методов при защите национальных интересов Российской империи, допускал их использование по отношению к народам «низкого уровня развития». При этом ученый подчеркивал, что «не всегда для народа-завоевателя выгодно подчинение дикарей..., владычество над которыми ничего, кроме забот и убытков, не приносит...»⁹, однако соображения политического и стратегического характера требовали, по его мнению, дальнейшего расширения территориальных границ России. Таким образом, речь шла об использовании тех же средств, которые применительно к Западу М.И. Венюков называл «экспансией», «агрессией» и т.д.

Выступая в качестве одного из основоположников российской геополитической науки, М.И. Венюков разработал схему будущего мирового устройства, в котором ведущую роль он отводил Западной Европе, России и Америке. В сферу западноевропейского влияния ученый включал Австралию, Южную Азию, Африку, в сферу влияния США – Северную и

Южную Америку, в сферу влияния России – Среднюю и Центральную Азию, Дальний Восток, Магриб. М.И. Венюков настаивал на укреплении пограничных рубежей России и территориальных приращениях, на упрочении завоеваний на Кавказе и в Средней Азии, на обеспечении контроля над стратегически важными районами Дальнего Востока.

Безусловно, М.И. Венюков сыграл важную роль в формировании российской геополитической науки. Его работы содержали не только описания военно-стратегического характера, но и геополитические конструкции, в которых ключевое место занимал Центральноазиатский регион. Именно это направление М.И. Венюков определял как наиболее перспективное в военно-политическом и стратегическом отношениях.

---

¹ *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1987. Т. 1. С. 65.

² *Ratzel F.* Anthropogeographie. Teil. II. Stuttgart, 1891. S. 316.

³ *Озельус Г., Чуканов М.Ю.* Отец геополитики о России как великой державе // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 148.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ *Подмигailов П.Н.* Национальные задачи России и меры к их осуществлению. СПб., 1888. С. 11.

⁶ *Венюков М.И.* Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией. СПб., 1878. С. 21.

⁷ *Птицын А.Н.* Концепция «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.

⁸ *Венюков М.И.* Рукописи научных работ. Исторические очерки России со времен Крымской войны. Отношения к иностранным государствам, войны, мирные договоры. ОР РГБ. Ф. 363. К. 5. Ед. хр. 7. Л. 8.

⁹ *Венюков М.И.* Указ соч. С. 3.

CENTRAL ASIAN REGION IN THE GEOPOLITICAL CONCEPTION BY M.I. VENUKOV

A. V. Kuznetsova

The branch of Irkutsk State Pedagogical University
Ust-Ilimsk

The questions connected with the forming of the Russian geopolitical science are considered in this article. In their theoretical constructions its founders paid special attention to the Central Asian region. The problems of the annexion and exploration of the new territories were thoroughly analyzed in geopolitical conception by Venukov M.I., the officer of the General Staff, specialist in the sphere of strategical analysis, prominent scientist and public figure.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

О.А. Аршинцева
Алтайский госуниверситет

Окончание «холодной войны» и крушение биполярного миропорядка вызвали в 90-е гг. значительную трансформацию международной системы. Однако по прошествии десятилетия так до конца и не ясны перспективы этого процесса. На фоне многочисленных, подчас противоречивых тенденций мирового развития особую популярность у международных и политологов приобрели разные варианты теории многополярности. Даже в официальных концепциях внешней политики и национальной безопасности страны в качестве одной из целей названо «формирование многополярной системы международных отношений»¹. Сторонники этого тезиса из числа официальных практиков и полуофициальных теоретиков воспринимают его как аксиому, не требующую доказательств из-за своей видимой обоснованности и практической полезности. Подобная позиция весьма уязвима для критики уже потому, что она не различает внутривнутриполитический и международный аспекты проблемы, хотя в конкретных условиях нашей страны первый имеет преимущественно идеологическую природу, а второй носит сугубо прагматический характер.

Очевидно, что в период становления самостоятельной российской внешней политики с начала 90-х гг. шел сложный поиск новой международной идентичности, поэтому концепция многополярности позволяла постепенно пережить утрату великодержавного статуса и одновременно консолидировать политическую элиту на основе общности внешнеполитических воззрений тех ее групп, которые расходились по другим вопросам. Однако, как справедливо указывают критики многополярности, она исчерпала свою психотерапевтическую функцию и внутривнутриполитические задачи. При этом, не выполнив их до конца, она не создала и почву для перехода российской внешней политики на более реалистичные позиции. Напротив, под прикрытием многополярности происходит утверждение геополитического детерминизма². Практический смысл концепции многополярности, таким образом, состоит в восста-

новлении баланса сил. Уязвимость этого традиционного постулата заключается в том, что геополитическая картина современного мира не охватывает всех тенденций эволюции международной системы и, следовательно, представляет ее перспективы в искаженном виде.

Еще одним популярным тезисом концепции многополярности является то, что эта система якобы оправдала себя исторически. Однако, с точки зрения специалиста-историка, этот тезис выглядит излишне категоричным, поскольку современные сторонники этой концепции, если и обращаются за аргументами в прошлое, то склонны преувеличивать позитивные моменты в истории многополярной международной системы. Исторический опыт ее существования, даже с позиций главного ее творца, идеолога и опоры – Великобритании, не выглядит столь однозначным. Это еще более верно в отношении России, великодержавный статус которой заметно трансформировался на рубеже XIX–XX вв.

Известно, что в современном виде многополярная система начала складываться в Европе еще в XVII–XVIII вв. и просуществовала, меняясь по форме и масштабам, вплоть до Второй мировой войны. Изначально в качестве важнейшей системной характеристики она имела состояние равновесия, которое, сначала эмпирически, а затем и политически осмысленно, воспринималось международными акторами как предпосылка сохранения мира и предотвращения конфликтов между странами. В европоцентристском мире Нового времени первостепенное значение имело поддержание баланса сил на континенте, но и это состояние, как известно, не давало полной гарантии против войн, так как на практике не удавалось сохранять долговременное и даже относительно устойчивое равновесие. В XIX в. Великобритания больше, чем другие страны, была заинтересована в поддержании баланса сил в Европе. Являясь единственной в то время мировой (хоть и с известными оговорками) державой, она считала европейское равновесие важнейшим условием безопасности Британской империи в целом. Структурный кризис международной системы, спровоцированный во многом германской угрозой имперской безопасности и англо-германским антагонизмом, привел к Первой мировой войне. Кстати, именно участие России в блоке Антанты, созданном по инициативе и под эгидой Великобритании, уже тогда свидетельствовало о некотором ослаблении ее великодержавного статуса. В современной литературе военный период в истории международных отношений справедливо характеризуется как кризис традиционной многополярности с присущими ей механизмами поддержания равновесия. Именно заботой о восстановлении баланса сил в Европе были пронизаны британские проекты мирного урегулирования, составленные на заключительном этапе войны.

В основу большинства этих проектов, начиная с раннего – октябрьского (1916 г.) меморандума Бальфура, были положены такие принципы национально-территориального переустройства Европы, при осуществлении которых уменьшились бы территориальные и людские ресурсы для агрессии со стороны центральных держав и одновременно к странам Восточной и Юго-Восточной Европы были бы присоединены этнически соответствующие территории. Именно эти положения, включая еще принцип освобождения оккупированных территорий и возвращения Эльзас-Лотарингии Франции, легли в основу европейского раздела британской программы мирного урегулирования. При относительной новизне этих идей, в частности принципа национального самоопределения зависимых народов, внешнеполитическая концепция в целом сохранила традиционные контуры. Так, в ней, как и прежде, разделялись имперские и европейские проблемы (правда, в несколько ином соотношении приоритетов, чем до войны), а значит, даже столь популярный применительно к Европе баланс сил не предполагал мировых масштабов, и, наконец, уступки вильсонизму, идеям Лиги Наций и коллективной безопасности носили чисто прагматический характер, что придавало британской позиции весьма противоречивый характер. Таким образом, британский пример с очевидностью свидетельствует, что попытку воссоздания многополярной системы вряд ли можно считать полностью удавшейся. Главным подтверждением этого вывода является сам факт начала Второй мировой войны, что показывает неоднозначный характер исторического опыта поддержания международно-й системы равновесия сил.

Таким образом, оценивая современные российские попытки реанимировать концепцию и практику многополярности, следует подчеркнуть несостоятельность выдвигаемых в ее защиту исторических аргументов и очевидную слабость ее прагматических начал. Указанная концепция, по сути, ориентирует внешнеполитическую стратегию России на установление определенной формы миропорядка, а не на обеспечение собственных национальных интересов страны.

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (2000 г.), раздел II

² Тренин Д.В. Неудачная стратегия // Pro et Contra. Т.6, № 1–2. С. 52–53.

MULTIPOLARITY: A HISTORICAL CRITICS

O.A. Arshintseva
Altay State University

The concept of multipolarity has become a widespread one in Russian foreign policy thinking and making. The article attempts to criticize this concept from historical point of view. As the author concludes it is analytically flawed counterproductive in practice since channels Russian foreign policy to rebuild some kind of the world order rather than toward pursuing Russia' national interests.

АМЕРИКАНСКИЕ АВТОРЫ О ПОЛИТИКЕ НЕЙТРАЛИТЕТА ПРАВИТЕЛЬСТВА Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т.Т. Бурова
Томский госуниверситет

Предыстория Второй мировой войны продолжает оставаться одной из актуальных проблем исторических исследований. Это закономерно. Изучение этой проблемы имеет значение не только для всестороннего выяснения причин и обстоятельств, сделавших неизбежной эту войну, но, что самое главное, для извлечения из опыта прошлого определенных уроков для настоящего и будущего.

В этом плане немаловажный интерес представляет изучение некоторых аспектов предвоенной внешней политики отечественными и зарубежными исследователями. Идентичность во взглядах на данную проблему отечественных и отдельных американских исследователей, государственных деятелей, прессы Соединенных Штатов заключается в том, что они признавали принципы ненасилия, осуждали агрессивные действия Германии, Италии, Японии, понимали, к чему ведет политика нейтралитета. Схожесть в оценке событий предвоенного времени определялась реальными факторами и противоречивостью интересов определенных групп стран.

Война Италии против Эфиопии в 1935–1936 гг. и гражданская война в Испании в 1936–1939 гг. некоторыми американскими авторами, дипломатами и представителями отечественной историографии оцениваются одинаково.

Накануне войны Германия, Япония и Италия стали осуществлять захватнические акты, которые привели ко Второй мировой войне. За развязывание этой войны несут ответственность все ведущие государства, в том числе и Соединенные Штаты Америки. Накануне итало-эфиопской войны, 31 августа 1935 г. в США вступил в силу закон о нейтралитете, который в равной мере относился как к государствам-агрессорам, так и к жертвам агрессии.

Бывший экономический советник государственного департамента Г. Фейс в книге «Три международных эпизода» отмечает, что «экспорт

нефти, железа, руды, стали, меди, машин увеличился из США в Итальянскую Африку в несколько раз... Это явилось одной из неудач экономических санкций Лиги Наций»¹. Политика нейтралитета не мешала американским компаниям расширять американо-итальянскую торговлю. Процент нефти, ввозимой из США в Италию, составлял в 1931–1934 гг. 14,9%, бензина – 9,4%, смазочных нефтепродуктов – 48,3%. Во второй половине 1935 г. поставки нефтепродуктов значительно возросли. Среднемесячная стоимость американского экспорта нефтепродуктов в Италию и Итальянскую Африку в течение 1932–1934 гг. оценивалась в 480 тыс. дол. В октябре 1935 г. экспорт нефти из США в Италию оценивался в 1 081 тыс. дол., в ноябре 1935 г. – в 1 684 тыс. дол., в декабре 1935 г. – 2 671 тыс. дол.²

Монополии Соединенных Штатов снабжали итальянскую армию всем необходимым и даже шли на прямое нарушение закона о нейтралитете. В. Додд, посол США в Германии, сообщал в государственный департамент о незаконной сделке промышленника Дитса, который заключил соглашение с немецкой фирмой о передаче ей американских авиационных патентов с тем, что бы эта фирма могла изготовить и продать Италии сотню самолетов и поделиться прибылями с американской стороной³.

Исследователь Р. Дивайн в книге «Иллюзия нейтралитета» пишет, что «в итало-эфиопской войне США фактически поддерживали агрессора, лишив Эфиопию права закупать оружие»⁴. В работе американского автора В. Харриса «Соединенные Штаты и итало-эфиопский кризис» приводятся откровения итальянского диктатора Муссолини: «Если бы в период итало-эфиопской войны были распространены экономические санкции на нефть, я не смог бы пробыть в Эфиопии и недели»⁵.

Позиция США не только содействовала агрессии фашистской Италии против эфиопского народа, но и укрепляла положение Германии и Италии в Европе. Ведущие американские газеты и журналы оценивали внешнеполитический курс США негативно. Журнал «Нэйшн» в статье «Проблема нейтралитета», подвергая сомнению идею нейтралитета, отмечал, что «подлинной гарантией мира для США является не нейтралитет, а борьба за мир»⁶. Газета «Нью-Йорк Таймс» охарактеризовала закон о нейтралитете как закон, который «будет великолепно служить, если его никогда не придется приводить в действие»⁷.

Соединенные Штаты дважды вносили дополнения в закон о нейтралитете – 8 января и 1 мая 1937 г. в связи с событиями в Испании. Политика нейтралитета подвергалась острой критике не только журналистами, исследователями, но и государственными деятелями, особенно в годы гражданской войны и германо-итальянской интервенции

в Испании 1936–1939 гг. Г. Стимсон, занимавший пост государственного секретаря при президенте Г. Гувере в 1929–1933 гг., видел в политике нейтралитета ослабление позиций Соединенных Штатов и усиление стран-агрессоров: Германии, Италии и Японии. Г. Стимсон высказывался за сотрудничество с другими странами⁸. Выступая на страницах газеты Нью-Йорк Таймс, Г. Стимсон заявил: «Республиканское правительство признано нашим государством как законное правительство Испании. Оно имеет полное право покупать оружие для своей защиты в странах, находящихся с ней в дружественных отношениях. Отмена эмбарго на экспорт оружия для республиканской Испании была бы практической основой для признания международного законодательства»⁹.

Министр внутренних дел в правительстве Ф. Рузвельта Г. Икес в своем «Секретном дневнике» по поводу эмбарго на экспорт оружия законному правительству Испании 23 апреля 1938 г. записал: «Я думаю, что это одна из черных страниц в истории Америки». В политике нейтралитета Г. Икес видел «не только нарушение международного права, но и прямую помощь Германии и Италии»¹⁰.

Перу профессора истории Техасского университета Р. Дивайна принадлежит книга «Иллюзия нейтралитета». Уже само название книги говорит о замыслах автора. Исследователь, несмотря на его противоречивые взгляды, делает вывод о том, что «подлинного нейтралитета Соединенные Штаты в европейских и азиатских делах не проводили»¹¹.

Автор книги «Соединенные Штаты и гражданская война в Испании» Ф. Тейлор рассматривает внешнеполитический курс своего правительства с позиции школы реальной политики. Он пришел к выводу, что гражданская война в Испании явилась генеральной репетицией Второй мировой войны. «Мы теперь знаем, что Вторая мировая война началась не в Польше, она началась в Испании в 1936 г.»¹².

В дипломатических кругах Соединенных Штатов высказывалось несогласие с политикой нейтралитета. Посол США в Испании Баурс отмечал, что применение закона о нейтралитете по отношению к Испанской республике – «начало измены демократии» и «содействие триумфу стран оси»¹³. Баурс был не согласен с проводимой правящими кругами США политикой попустительства агрессорам. Наиболее определенно эту мысль выразил работник госдепартамента Миссершмидт в записке, поданной государственному секретарю К. Хеллу 11 октября 1937 г., замечая, что главную роль в Испанском конфликте играет Германия, которая имеет своей целью ослабление Англии в Европе и угрожает интересам Соединенных Штатов. Миссершмидт

сделал вывод, что политика нейтралитета, которую проводят Соединенные Штаты якобы в целях сохранения мира, не способствует предотвращению войны¹⁴.

---

¹ *Feis H.* Three International Episodes. N.Y., 1947. P. 298–299.

² *Ibid.* P. 306–307.

³ *Ambassador Dodd's Diary 1933–1938.* N.Y., 1941. P. 283.

⁴ *Divine R.* The Illusion of Neutrality. Chicago, 1962. P. 198–199.

⁵ *Harris B.* The United States and the Italy-Ethiopian Crisis. Stanford, 1964. P. 103.

⁶ *The Nation.* 1935. April 7. P. 404.

⁷ *The New York Times.* 1935. May 10.

⁸ *Stimson H., Bundy M.* An Active Service and Peace and War. N.Y., 1954. P. 309–310.

⁹ *The New York Times.* 1939. January 24.

¹⁰ *The Secret Diary of Harold Ickes 1936–1939.* Vol. 2. N.Y., 1954. P. 378.

¹¹ *Divine R.* Op. cit. P. 198–199.

¹² *Taylor F.* The United States and Spanish Civil War. N.Y., 1956. P. 7–8.

¹³ *Bowers C.* My Mission to Spain. N.Y., 1954. P. 282, 412.

¹⁴ *Foreign Relations of the United States.* Vol. 1. 1937. p. 140–145.

**AMERICAN AUTHORS
ABOUT F.D. ROOSEVELT ADMINISTRATION POLICY
OF NEUTRALITY**

T.T. Burova
Tomsk State University

The Second World War beginning is still subject of discussion among American historians. This article describes the different approach in American society to politics of neutrality.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА США В XX в	7
<i>Романов В.В.</i> На пути к «Атлантическому союзу»: проблема американско-английской идентичности в период Первой мировой войны.....	9
<i>Пелипась М.Я.</i> Проблема сохранения «особых» американско-британских отношений в условиях осложнения после окончания Второй мировой войны международной ситуации в восточном Средиземноморье.....	19
<i>Мальцева Н.С.</i> Госсекретарь США Д. Ачесон и идея европейской интеграции: эволюция представлений в 1948 – начале 1950 г.....	60
<i>Лекаренко О.Г.</i> Роль европейского оборонительного сообщества в американских военно-стратегических планах (1950–1952 гг.).....	67
<i>Проден Е.Ю.</i> Провал ратификации договора о создании Европейского оборонительного сообщества во французском Национальном собрании в августе 1954 г.....	86
<i>Румянцев В.П.</i> Провозглашение «доктрины Эйзенхауэра» и американско-британские отношения на Ближнем и Среднем Востоке (ноябрь 1956 – март 1957 г.).....	100
<i>Кузнецов Е.Л.</i> Политика администрации Л. Джонсона в отношении Западной Германии в связи с обсуждением проекта создания многосторонних ядерных сил.....	120
<i>Бланк М.В.</i> «Холодная война» как фактор развития американской компьютерной индустрии.....	130
<i>Аюшиева И.Г.</i> Роль малого женского бизнеса в экономике США в 1980–1990-е гг.....	135
РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: АВТОР В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ	145
<i>Рыбальченко Т.Л.</i> Образ Америки в поэзии И. Бродского.....	147
<i>Николаенко Н.А.</i> К проблеме цветомузыкальной синестезии в символистском контексте русской и американской литератур (Н. Готори – А. Грин).....	164
<i>Бахтина О.Н.</i> Проблема идентичности и полемическая старообрядческая литература XVIII–XX вв.....	173

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ..... 187

<i>Бетмакаев А.М.</i> На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949–1964 гг.	189
<i>Мотрич Е.Л.</i> Китайские мигранты на Дальнем Востоке России	208
<i>Бычкова Т.А.</i> Национальная идентичность китайцев и японцев в контексте глобализации.....	225
<i>Шафт А.А.</i> Кризис самоидентификации: этническое сознание и самосознание депортированных народов (1940 – 1950 гг.).....	232
<i>Шпагин С. А.</i> Проблемы идентичности в постсоветской России	246
<i>Красиков А.А.</i> Религии в России – фактор укрепления или распада государства?.....	258

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 270

<i>Кузнецова А.В.</i> Центрально-азиатский регион в геополитической концепции М.И. Венюкова	272
<i>Аршинцева О.А.</i> Многополярность: проблема исторической критики	281
<i>Бурова Т.Т.</i> Американские авторы о политике нейтралитета правительства Ф.Д. Рузвельта накануне Второй мировой войны.....	285

CONTENS

INTRODUCTION	5
PART I. INTERNATIONAL RELATIONS, INTERNAL AND FOREIGN POLICIES OF THE UNITED STATES IN XX CENTURY	8
<i>Romanov V.V.</i> On the way to «the Atlantic Union»: Problem of the American-English Identity During the First World War	9
<i>Pelipas M.Y.</i> «Special» Anglo-American Relations in the Eastern Mediterranean After the End of the World War II	19
<i>Malysheva N.S.</i> The Secretary of State Dean Acheson and an Idea of European Integration. The Evolution of a Concept in 1948 – early 1950 r.	60
<i>Lekarenko O.G.</i> The European Defense Community Project's Role in the U.S. Military Strategy (1950–1952)	67
<i>Proden E.Y.</i> The Failure of the European Defense Community Project in August 1954 in the French National Assembly	86
<i>Rumyantsev V.P.</i> Proclamation of Eisenhower Doctrine and American-British Relations in the Middle East (November 1956 – March 1957)	100
<i>Kuznetsov E.L.</i> The Policy of the Lyndon Johnson Administration towards West Germany in Case of the Multilateral Force Debates	120
<i>Blank M.V.</i> The Cold War as an Accelerator of the Development of American Computer Industry	130
<i>Ayushieva I.G.</i> The Role of Women's Small Business in the USA Economy in 1980–90s	135
PART II. HISTORY OF LITERATURE'S PROBLEMS: AUTHOR IN SEARCH OF IDENTITY	146
<i>Rybalchenko T.L.</i> The Image of America in the Poetry by J. Brodsky	147
<i>Nikolayenko N.A.</i> On the Problem of Light and Colour Synaesthesia in the Symbolic Context of the Russian and American Literatures (N. Hawthorne – A. Grin)	164
<i>Bahitina O.N.</i> The Problems of Identity and Polemic Works of Old Believers of the XVIII – XX Centuries	173

PART III. CONTEMPORARY PROBLEMS OF WORLD AND RUSSIAN HISTORIES: SOCIETIES IN SEARCH OF IDENTITY	188
<i>Betmakaev A.M.</i> On a Way to the Eastern German Identity:Walter Ulbricht and the Relations Between the GDR and the USSR in 1949–1964.....	189
<i>Motrich E.L.</i> The Chinese Migrants on the Russian Far East.....	208
<i>Bichkova T.A.</i> The National Identity of the Chinese and Japanese in the context of globalization.....	225
<i>Schadt A.A.</i> Die Krise der Selbstidentifizierung: das Ethnische Bewusstsein und das Selbstbewusstsein der Deportierten Völker (1940 – 1950).....	232
<i>Shpagin S.A.</i> Problems of Identity in Post-Soviet Russia.....	246
<i>Krasikov A.A.</i> Religions in Russia – Factor of Stabilization or Demolition of the State.....	258
PART IV. HISTORIOGRAPHY OF WORLD AND RUSSIAN HISTORIES	271
<i>Kuznetsova A.V.</i> Central Asian Region in the Geopolitical Conception by M.I. Venukov.....	272
<i>Arshintseva O.A.</i> Multipolarity: A Historical Critics.....	281
<i>Burova T.T.</i> American Authors about F.D. Roosevelt Administration Policy of Neutrality.....	285

Научное издание

Американские исследования в Сибири

Вып. 7

Редактор *В.С. Сумарокова*
Компьютерная верстка: *Д.М. Кижнер*

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.01 г. Подписано в печать 20.01.04.

Формат 60x 84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Печ. л. 18,3; усл. печ. л. 17,0; уч.-изд. 17,8. Тираж 500. Заказ № 100

ФГУП «Издательство ТГУ», 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1

